

РСТ

РСТ

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

РУССКАЯ
ГЕРМАНИСТИКА

ЕЖЕГОДНИК
РОССИЙСКОГО СОЮЗА
ГЕРМАНИСТОВ

XIV

ТОМ XIV

РОССИЙСКИЙ
СОЮЗ ГЕРМАНИСТОВ

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

ЕЖЕГОДНИК
РОССИЙСКОГО СОЮЗА
ГЕРМАНИСТОВ

ТОМ XIV

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК
В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ГЕРМАНИСТИКИ

XIV СЪЕЗД РОССИЙСКОГО СОЮЗА ГЕРМАНИСТОВ
КОЛОМНА, 24—26 НОЯБРЯ 2016 ГОДА

Организаторы:

*Государственный социально-гуманитарный университет (Коломна)
Московский педагогический государственный университет*

Издательский Дом ЯСК
Москва 2017

УДК 821.112.2.0

ББК 80

Р 88

Р е д к о л л е г и я:

Н. С. Бабенко (ответственный редактор),
С. И. Дубинин, Л. А. Нефедова, Н. Н. Трошина

Р е ц е н з е н т ы:

д. ф. н. *А. В. Аверина* (Московский государственный
областной университет)

к. ф. н. *В. И. Карпов* (Институт языкознания РАН)

Р 88 Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 14. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. — 312 с.

ISBN 978-5-9500885-3-7

В настоящий ежегодник включены тексты докладов четырнадцатого съезда Российского союза германистов «Немецкий язык в контексте процессов глобализации: актуальные проблемы отечественной германистики», на котором были представлены исследования отечественных и зарубежных специалистов в области лингвистической германистики. Ежегодник продолжает издание публикаций по материалам съездов, проводимых в рамках РСГ.

Включенные в сборник статьи, выполненные на материале немецкого языка, отражают проблематику, связанную с активными процессами глобализации и их влиянием на развитие немецкого языка. Материалы сборника дают представление о современных подходах к изучению проблем взаимодействия факторов внешней среды и языковой материи.

УДК 821.112.2.0

ББК 80

ISBN 978-5-9500885-3-7

9 785950 088537 >

© Авторы, 2017

© Издательский Дом ЯСК, 2017

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7

Немецкий язык в контексте процессов глобализации: общие проблемы

<i>Н. Н. Трошина.</i> Языковые вызовы глобализации и проблемы отечественной германистики	9
<i>S. Katajewa.</i> Die globale Kommunikation setzt eine einheitliche Sprache voraus — Englisch. Wohin mit Deutsch?	20
<i>Т. В. Клюева.</i> Национальные особенности глобализации в немецком литературном языке Люксембурга	30
<i>Н. А. Голубева.</i> Метаязыковые аспекты глобализации: между языковой критикой и языковой рефлексией	38
<i>К. А. Филиппов.</i> Немецкая лингвистическая терминология в контексте процессов глобализации (на примере некоторых понятий лингвистики текста)	45
<i>Ж. В. Никонова.</i> Развитие терминосистемы лингвистической прагматики в условиях глобализации	55

Развитие дискурсов под влиянием процессов глобализации

<i>О. А. Кострова.</i> Динамика художественного текста в эпоху Интернета	65
<i>Л. И. Гришаева.</i> Агенда как фактор гибридизации художественного текста	76
<i>В. Б. Меркурьева.</i> Юмор как популяризатор немецкого языка и его диалектов в Интернете	85
<i>Т. В. Гречушникова.</i> Языковой эксперимент на стыке культур: лингвистические стратегии авторов-мигрантов	95
<i>А. И. Едличко.</i> Имя собственное в протестном политическом дискурсе	106
<i>Е. В. Беспалова.</i> Вербализация концептосферы WALD в немецком дискурсе об экологии	117

Лексико-семантические инновации и трансформации в немецком языке в условиях глобализации

<i>Н. Д. Матарыкина.</i> Неологизмы как лакмусовая бумага глобализации	127
<i>О. И. Быкова.</i> Новообразования в зеркале глобализации: референциальная соотнесенность, коннотативная дивергенция	135
<i>И. В. Иванова.</i> Языковые следствия глобализации: англицизмы в немецком языке	145
<i>Е. О. Туманова.</i> Явления заимствований в политической афористике	150
<i>С. И. Дубинин, Л. А. Митрофанова.</i> Итальянизмы в немецкоязычном рекламном дискурсе ФРГ	162
<i>В. А. Ямшанова.</i> Культурно-специфическое слово „Angst“	178

Языковые процессы в аспекте глобализации: исторические проекции

- Н. С. Бабенко.* О процессах «глобализации» в немецкой письменной культуре XVI столетия 189
- Б. А. Дюбо.* Интернациональный характер визуальных опор в грамматических сочинениях Барокко 197
- А. М. Поликарпов.* Жаргон странствующих немецких подмастерьев и тенденции глобализации в культурно-историческом развитии Европы 208

Проблемы двуязычной немецко-русской лексикографии

- Е. А. Кондакова, Е. В. Морозова.* На пути к академическому немецко-русскому словарю: в поисках инструментов преодоления словарной инертности 221
- A. Šarandin.* Beschreibungsverfahren von Austriazismen in einem zweisprachigen Wörterbuch 238
- И. С. Парфина.* Фразеожесты и кинеграммы: проблемы лексикографического описания 249
- А. С. Полевщикова.* Безэквивалентная и полиэквивалентная лексика: проблемы двуязычной лексикографии 260

Статьи аспирантов

- Е. Н. Блохина.* Регионы Германии и Австрии как объекты лингвокультурологического анализа (на примере Верхней Баварии и Тироля) 265
- И. В. Голубкова.* Техники управления впечатлением в справочно-консультационном дискурсе (на материале справочников для подачи заявлений) 275

Рецензии

- Л. И. Гришаева.* В фокусе обсуждения — периферийные (?) вопросы. Рец. на: *В. Д. Девкин.* Очерки по лексикологии / отв. ред. И. П. Амзаракова, С. В. Буренкова; под общ. ред. И. П. Амзараковой. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2015. — 192 с. 287
- Н. И. Рахманова.* Рец. на: *Dmitrij Dobrovolskij.* Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik. Studien zum Thesaurus deutscher Idiome. 2., aktualisierte und erweiterte Auflage. Tübingen: Stauffenburg Verlag GmbH, 2016. — 399 S. 296
- Р. И. Бабаева.* Модальные частицы и иллокутивная самостоятельность придаточного предложения. Рец. на: *Anna Averina.* Partikeln im komplexen Satz: Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätze und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen. Kontrastive Untersuchung am Beispiel der Partikeln ja, doch und denn im Deutschen und ведь /ved'/, же /že/ und вот /vot/ im Russischen. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2015. — 244 S. 303

ОТ РЕДАКЦИИ

14-й съезд Российского союза германистов, посвященный теме «Немецкий язык в контексте процессов глобализации: актуальные проблемы отечественной германистики», состоялся 24—28 ноября 2016 г. в городе Коломна. В работе съезда приняли участие около 70 докладчиков из разных городов России, а также коллеги из Германии, Франции и Бельгии. Пленарные и секционные заседания проходили в Государственном социально-гуманитарном университете. Президиум РСГ благодарен сотрудникам университета, взявшим на себя труд по организации и проведению съезда.

Данный съезд, как и 11-й съезд РСГ 2011 года, проходил с преимущественным участием лингвистов.

Большая часть докладов, прозвучавших на съезде, публикуются в предлагаемом Вашему вниманию тринадцатом томе «Ежегодника РСГ». На сайте РСГ будут представлены данные обо всех опубликованных работах.

В центре внимания участников съезда стояли проблемы, связанные с процессами глобализации в современном мире и их влиянием на развитие немецкого языка в разных сферах его использования. Германистика как одна из частных филологий непосредственно сталкивается с вызовами глобализации, а немецкий язык как один из мощнейших языков мира испытывает влияние глобализации, которое обнаруживается на разных уровнях и в разнообразных формах. Данная проблематика занимает в отечественной германистике очень важное место, и исследования в этой области, выполненные из перспективы традиций, знаний и опыта русской германистики, расширяют представления о сложившейся языковой ситуации, о положительных и отрицательных последствиях влияния на нее и на немецкий язык в целом разнообразных факторов глобализации.

Статьи участников съезда сгруппированы по темам, которые активно обсуждаются в отечественной германистике. Таких тем шесть.

Общие проблемы процессов глобализации и их влияния на немецкий язык обсуждаются в разных аспектах: с точки зрения состояния и функционирования немецкого языка в условиях глобализации (Н. Н. Трошина), в плане претензий английского языка на коммуникативное доминирование (С. Г. Катаева), с учетом национальных особенностей глобализации в немецком литературном языке Люксембурга (Т. В. Клюева), в аспекте влияния глобализации на развитие терминологических систем (К. А. Филиппов, Ж. В. Никонова) и изменений в метаязыковой сфере (Н. А. Голубева).

Проблемы развития дискурсов различных типов под влиянием глобализации представлены в статьях, выполненных на материале

современных художественных текстов (О. А. Кострова, Л. И. Гришавина), политических текстов (А. И. Едличко), в текстах об экологии (Е. В. Беспалова). В поле зрения авторов оказываются вопросы популяризации немецкого языка и его диалектов в интернете (В. Б. Меркурьева), а также лингвистические стратегии авторов-мигрантов, экспериментирующих на стыке культур (Т. В. Гречушникова).

Еще одной темой, вызывающей интерес, являются лексико-семантические инновации и трансформации в немецком языке в условиях глобализации: неологизмы как лакмусовая бумага глобализации (Н. Д. Матарыкина), новообразования в зеркале глобализации (О. И. Быкова), функционирование англицизмов в немецком языке (И. В. Иванова), заимствования в политической афористике (Е. О. Туманова), итальянизмы в немецкоязычном рекламном дискурсе ФРГ (С. И. Дубинин/Л. А. Митрофанов), культурная специфика существительного „Angst“ (В. А. Ямшанова).

В ряде статей представлены материалы о языковых процессах глобализации в исторической проекции. Фактам «глобализации» в немецкой письменной культуре в XVI веке посвящена статья Н. С. Бабенко, интернациональный характер опор в грамматических сочинениях Барокко рассматривается в статье Б. А. Дюбо, жаргон странствующих немецких подмастерьев в аспекте глобализации культурно-исторического развития Европы находится в центре внимания статьи А. М. Поликарпова.

Традиционным стало представление на съездах РСГ проблем двуязычной лексикографии. Проект «Академического немецко-русского словаря» в аспекте разработки инструментов преодоления словарной инертности представлен в статье Е. А. Кондаковой и Е. В. Морозовой. Проблемы отражения в двуязычном словаре австрицизмов анализируется в статье А. Шарандин. Фразеожестам и кинеграммам в аспекте проблем лексикографического описания посвящена статья И. С. Париной. Вопросы отражения безэквивалентной и полиэквивалентной лексики в немецко-русском словаре рассматриваются в статье А. С. Полевщиковой.

В Ежегодник включены две статьи аспирантов. Е. Н. Блохина рассматривает некоторые региональные явления на территориях распространения немецкого языка (Верхняя Бавария и Тироль). И. В. Голубкова обсуждает в своей статье техники управления впечатлением, рекомендуемые справочниками для подачи заявлений.

В Ежегоднике представлены рецензии на публикации последних лет в области лингвистической германистики. Они посвящены новым работам современных отечественных германистов (Д. О. Добровольского и А. В. Авериной), а также изданию трудов выдающегося германиста В. Д. Девкина.

Президиум РСГ благодарит за поддержку Немецкую службу академических обменов (DAAD, Бонн) и Австрийский культурный форум при Посольстве Австрии (Москва).

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Н. Н. ТРОШИНА

(Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук)

ЯЗЫКОВЫЕ ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГЕРМАНИСТИКИ

Сегодняшняя языковая ситуация в европейских странах, в том числе и в России, и в Германии характеризуется прежде всего тем, что она складывается в условиях *современной* глобализации. *Современной* — потому что языковые проявления интеграции человеческого сообщества, направляемой экономическими, политическими, идеологическими и прочими факторами, имели место и в прежние эпохи. Вспомним, например, об эллинизации, латинизации и арабизации большого культурного и языкового ареала в Древности и в Средневековье [Штайнке 2006: 252]. Однако в те времена коммуникативный статус языков, их функциональный потенциал был несравненно скромнее современных языков, в значительной степени влияющих на всю социокультурную сферу народов, говорящих на этих языках. Сегодня же речь идет о конкуренции коммуникативно мощных языков (в том числе и немецкого) прежде всего с английским языком. Эта конкуренция проявляется во всех сферах: в экономической (следовательно, и на рынке труда), политической, культурной, образовательной, научной.

В какой же мере германистика как одна из частных филологий озабочена теми вызовами глобализации, с которыми столкнулся немецкий язык — один из мощнейших языков мира?

Под коммуникативно мощным языком понимается «разработанный язык с высоким коммуникативным рангом и значительным числом говорящих, имеющий давнюю письменную традицию и функционирующий в экономически и культурно развитых европейских странах» [Кирилина 2015: 77].

Для профессиональных германистов особенный интерес представляют следующие аспекты состояния и функционирования немецкого языка:

1) отношение германистов к инновациям в системе немецкого языка и в речевых практиках его использования на фоне усиления позиций английского языка в немецкоязычных странах;

2) востребованность немецкого языка в сфере образования и науки;

3) востребованность немецкого языка на международном и внутрироссийском рынке труда.

Существуют и другие проблемы (например, связанные с языковой рефлексией носителей немецкого языка), но первоочередными являются именно вышеперечисленные.

Относительно первого пункта в этом перечне следует сказать, что профессиональная (т. е. с позиций германистики) трактовка современной языковой ситуации в Германии находится под сильным влиянием позиции, которую занимает по этому вопросу политическая, экономическая и культурная элита ФРГ. По свидетельству Хайнца-Гюнтера Шмитца [Schmitz 2004], немецкая элита придает английскому языку исключительно важное значение, оценивая его явно выше, чем родной немецкий, и способствует не адаптации англоязычных заимствований в немецком языке, а наоборот, сохранению их в исконном виде. Английский язык воспринимается как средство подчеркивания собственного престижа. Справедливости ради необходимо отметить, что постепенно во властных структурах все же усиливается понимание того, насколько важен язык и сохранение его функций для международного престижа страны. Так, например, Германия и Австрия протестуют против вытеснения немецкого языка как рабочего из использования в ЕС. Согласно распоряжению правительства ФРГ от 1984 г., немецкие официальные лица могут принимать участие в мероприятиях и встречах в институтах ЕС только в том случае, если на них предусмотрен устный перевод на немецкий язык [Ammon 2002; Schreiner 2006]¹.

Проблема коммуникативного престижа немецкого языка волнует сегодня не только филологов-германистов, но и юристов. Проблема осложняется тем, что в Основном Законе ФРГ (в Конституции ФРГ) ничего не говорится о статусе немецкого языка. Большинство юристов исходят из того, что немецкий язык де-факто уже обладает конституционным статусом. Однако все больше голосов раздается в пользу того, чтобы статус немецкого языка как национального был зафиксирован в Основном Законе страны. Эта точка зрения опирается на следующие аргументы, которые приводит Дж. Люди в своей статье «Угрожает ли английский язык как *lingua franca* немецкому и другим национальным языкам?» [Lüdi 2013: 276]:

1) язык — базис культурной идентичности;

2) язык — элемент, объединяющий все слои немецкого общества;

¹ Подробнее об этом см.: [Трошина 2015].

3) юридическое урегулирование статуса немецкого языка может быть воспринято в обществе как подтверждение важности сохранения немецкого языка и необходимости противостоять «медленной утрате его значимости» (schleichende Bedeutungsverlust der deutschen Sprache) [Там же];

4) упоминание немецкого языка в Основном Законе укрепило бы позиции немецкого языка в Европейском Союзе и «сделало бы его действительно равноправным с английским и французским языками» [Там же].

Эта юридическая мера была бы полезна для защиты немецкого языка как национального на трех уровнях, считает Дж. Люди: 1) на формальном, способствуя сохранению его чистоты и препятствуя его порче (Verfall der Qualität) [Там же]; 2) на национальном, используя его как инструмент для создания единого экономического и коммуникативного пространства; 3) на международном, т. е. противодействуя уменьшению привлекательности немецкого языка как иностранного.

Германисты внимательно следят за лингвокультурной ситуацией, которая складывается в немецких и австрийских университетах, где английский язык все более активно используется в качестве языка обучения, чтобы привлечь студентов и ведущих специалистов из разных стран мира. В связи с этим О. Рёш, профессор Высшей технической школы в Вильдау (Германия) ставит вопрос о том, как это сказывается на вербальном общении в академической сфере. При этом англоязычные учебные курсы квалифицируются как «маркетинговый инструмент» [Rösch 2015: 20], применяемый в университетской практике с 90-х гг. XX в., что свидетельствует о наличии развитого международного общения в данной сфере. Германия занимает в этом отношении второе место после Нидерландов, хотя процент иностранных студентов в немецких университетах снизился с 9 % в 2000 г. до 7 % в 2009 г. Результаты опроса 2009 г. о причинах выбора иностранными студентами немецкого университета свидетельствуют о том, что наличие программ на английском языке называется в предпоследнюю очередь, что противоречит логике международного общения в высшей школе. Только высокое качество образования и хорошие условия для учебы и занятий научными исследованиями, равно как и политика, направленная на укрепление престижа немецкого языка как языка высшего образования, действительно привлекают иностранных студентов в немецкие вузы. Согласно данным Немецкой службы академических обменов (Deutscher akademischer Austauschdienst, DAAD)², в Москве по заявкам на последипломное обучение в Германии готовность проходить обучение в вузах Германии на английском языке выразили 50 % зая-

² Автор настоящей статьи благодарит О. Л. Нуждину за предоставление этих данных. — Н. Т.

вителей, на немецком — 25 %, на немецком и на английском — 25 %. Таким образом, выпускники российских университетов также активно ориентируются на возможность обучения в Германии *не* на немецком языке.

Вытеснение немецкого языка из учебного процесса в высшей школе Германии — это факт, на который невозможно закрывать глаза. В связи с этим в 2009 г. была принята совместная декларация президентов Фонда Александра фон Гумбольдта, Немецкой службы академических обменов, Гёте-Института и Конференции ректоров высшей школы «О немецком языке как языке науки», в которой подчеркивалось, что английский и немецкий языки должны не конкурировать в учебном процессе, а дополнять друг друга. Это же акцентировалось и в «Меморандуме Немецкой службы академических обменов» 2010 г. В 2011 г. Конференция ректоров высшей школы разработала рекомендации по языковой политике для немецкой высшей школы, указывая на ряд негативных последствий «вынужденного использования английского языка» [Rösch 2013: 71]. В этих учебных заведениях наблюдается:

1) снижение эффективности и результативности научной коммуникации в результате отказа от использования в ней родного языка;

2) смещение акцентов при оценке результатов конкурсов (Wettbewerbsverzerrungen) из-за того, что мало учитываются публикации не на английском языке;

3) недостаточный уровень знания английского языка как у студентов, так и у преподавателей, что снижает языковой и культурный уровень научных дискуссий и ограничивает познавательные возможности участников;

4) осложнение интеграции иностранных исследователей и студентов в культуру принимающей страны.

В дискуссии о снижении роли немецкого языка в академической сфере подчеркивается, что эта ситуация подрывает основы немецкой языковой и культурной идентичности, создает «научно-языковую безъязыкость» (wissenschaftliche Sprachlosigkeit) и «безъязыкое монопольное» (sprachlose Einsprachigkeit) [Rösch 2013: 71—72]. Признавая, что лидирующая роль английского языка в мире — это свершившийся и необратимый факт, О. Рёш считает, что следует признать также и то, что это — проблема не столько прагматическая, сколько культурная: вытеснение родного языка из сферы высшего образования означает обеднение национальных культурных традиций. Сложившаяся ситуация квалифицируется как незаметно совершившийся культурный перелом, который может привести к снижению престижа науки в немецком обществе и к усилению социальных противоречий в нем.

Эта тенденция может иметь негативные последствия для развития самого немецкого языка, считает К. Фибих: «Немецкий язык остановился бы в своем развитии, если бы отпала необходимость

формулировать на нем результаты исследований. Разговорный немецкий язык и язык науки тесно связаны, так что отказ от немецкого языка в научной сфере ограничил бы и возможности разговорного языка» [Fiebach 2010 — цит. по: Lüdi 2013: 278].

Проведение в Германии семинаров и конференций на немецком языке оказывает негативное влияние на языковое сознание носителей немецкого языка, считает Ральф Моцикат: «На многих семинарах и конференциях можно наблюдать, как снижается у присутствующих готовность участвовать в дискуссии даже в том случае, если они прекрасно владеют английским языком. Это связано с тем, что язык выполняет не только коммуникативную функцию, но и когнитивную. Наши модели мышления, формирования гипотез, цепочек приводимых аргументов, в том числе и в естественных науках, неотделимы от нашего сознания, которое основано на родном языке. Научные теории всегда используют слова, образы, метафоры, заимствованные из разговорного языка» [Mocikat 2006 — цит. по: Lüdi 2013: 279].

Состояние языкового сознания определяет уровень коммуникативной компетенции, помогающий преодолеть языковой барьер в научной устной и письменной коммуникации. Этот барьер оказался гораздо выше в гуманитарной сфере, чем в сфере естественных наук с их развернутым аппаратом формул. Гуманитарные науки предъявляют высокие требования к стилистическому уровню владения языком; публикации в них ориентированы не столько на международную научную общественность, сколько на ученых-носителей того языка, на котором эти публикации написаны (*Ausrichtung auf die eigenen Sprachgenossen*) [Ammon 2015: 589].

У. Аммон использует в своей монографии «Место немецкого языка в современном мире» [Ammon 2015] введенное в 1986 г. Х. Вайнрихом понятие «ниши, в которых немецкий язык используется как язык международного научного общения» (*Nischen für Deutsch als internationale Wissenschaftssprache*) [Ammon 2015: 603], и относит к этим нишам следующие области гуманитарных исследований: историю, философию, германистику, музыковедение, теологию, правоведение, антиковедение, историю Древнего мира и Средневековья, общее языкознание, классическую филологию, археологию, искусствоведение, литературоведение, социологию, герменевтику, культурологию, частные филологии, политологию, театроведение, терминоведение [Ammon 2015: 605]. Был проведен также опрос среди немецких ученых-гуманитариев по теме: на каких иностранных языках они чаще всего читают свою специальную литературу? Все участники опроса (100 %) читают на немецком языке, 97 % — на английском языке, 65 % — на французском, 32 % — на итальянском, 17 % — на испанском и 14 % — на нидерландском [Behrens, Fischer, Minks, Rösler 2010: 32].

Однако немецкий как естественный язык для германистических публикаций не гарантирован от ослабления своих позиций даже

в германистике, т.к. постоянно растет число публикаций по германистике на английском языке. Этот процесс начался с середины 90-х гг. XX в.: процент публикаций по германистике на английском языке составлял тогда 12,8 %, т. е. больше, чем публикаций на всех остальных (кроме немецкого) языках вместе взятых: на французском было опубликовано 3,3 %, на итальянском — 1 %, на русском — 1 %, т.е. всего 7,2 % [Collins, Rutledge 1996 — цит. по: Ammon 2015: 608].

Часто утверждается, что корреляция «германистика — немецкий язык» есть нечто естественное и что поэтому нет оснований беспокоиться о судьбе немецкого языка в германистических исследованиях. Однако, как указывает У. Аммон, существует различие между языком объекта исследования и метаязыком: языком исследуемого объекта может быть немецкий язык, а само исследование написано на английском. При этом знание языка объекта исследования является обязательным [Ammon 2015: 621].

Острота этой проблемы осознается научной общественностью Германии: предпринимаются значительные организационные и финансовые усилия по укреплению этих научных ниш. Так, с 2008 г. осуществляется грандиозный проект «Перевод на английский язык выдающихся научных публикаций в области гуманитарных и социальных наук» (*Übersetzung herausragender geistes- und sozialwissenschaftlicher Werke in die englische Sprache*), финансируемый: 1) Фондом Фритца Тиссена VG Wort (*Verwertungsgesellschaft Wort*); 2) Биржевым союзом немецких книготорговцев (*Börsenverein des Deutschen Buchhandels*); 3) Министерством иностранных дел ФРГ. Ежегодная финансовая поддержка составляет 600 000 евро. Однако возникает вопрос, пишет У. Аммон, побудит ли иноязычных специалистов знакомство с этими переведенными произведениями к изучению немецкого языка, чтобы всё же прочитать в оригинале и те не менее интересные тексты, которые пока не переведены на английский язык? [Ammon 2015: 620]

Результаты внимательного наблюдения за тематикой немецкоязычной литературы по лингвистике свидетельствуют о том, что большинство публикаций посвящено проблемам прагмалингвистики, лингвистики текста и дискурс-анализу немецких текстов разных жанров, т.е. активно исследуются особенности и тенденции в современной немецкоязычной речевой практике. Можно предположить, что акцент на этих вопросах обусловлен не только модными темами современной лингвистики, но и спецификой и направленностью применения германистических знаний профессиональными германистами. Сегодня они находят себе работу чаще всего как преподаватели немецкого языка как второго иностранного для специалистов в других областях знания и в других частных филологиях. Параллельно приобретает актуальность вопрос о соотношении в вузах студентов-германистов и студентов, обучающихся по другим филологическим направлениям (специальностям).

У. Аммон констатирует в цитируемой монографии, что число студентов, изучающих немецкий язык как второй иностранный, растет: если в 1995 г. это соотношение составляло 1 : 2,88, то в 2005 г. уже 1 : 11,2 [Ammon 2015: 967]. По данным Института им. Гёте, на которые ссылается У. Аммон, число студентов-германистов сократилось на 20 % [Ammon 2015: 964].

Следует, однако, учесть, что сегодня сложилась ситуация, в которой профессиональные германисты получают дополнительный шанс трудоустройства, что связано с резким усилением миграционного потока в Европу (прежде всего в Германию) и с кризисом в странах Южной Европы, который также заставляет многих граждан этих стран искать работу в Германии. По свидетельству ДААД, эти люди (в том числе и профессионально хорошо образованные, например, врачи и инженеры) переполнили курсы немецкого языка настолько, что квалифицированных преподавателей не хватает. Пресс-секретарь Института им. Гёте в Мюнхене Кристоф Мюхер констатирует: „Wir geraten langsam an unsere Grenzen — räumlich wie personell. Der Markt an guten Lehrern ist leer gefegt“ [Deutsch als Fremdsprache mit besten Aussichten: Ausverkaufte Sprachkurse]. Это мнение разделяет Клаус-Дитер Леманн — президент Института Гёте: „Die jungen Leute kommen nicht, weil sie Goethe und Schiller im Original lesen möchten, sondern weil sie im Beruf weiterkommen möchten“.

Насколько же востребован немецкий язык в сегодняшней России?

По информации ДААД, позиции немецкого языка были стабильны в 2013—2015 гг.: 8—9 % всех российских школьников учили немецкий язык. Однако по сравнению с 2010 г. их число сократилось с 2,3 млн до 1,5 млн чел. При этом немецкий язык лидирует среди преподаваемых в школах вторых иностранных языков (38 %), хотя преподавание второго иностранного языка является не обязательным, а рекомендуемым [Deutsch als Fremdsprache weltweit].

Университеты так же, как и школы, переживают сегодня сложный этап реформирования (объединения / закрытия), что сказывается, прежде всего, на гуманитарных факультетах и кафедрах, в том числе на факультетах немецкого языка и кафедрах германистики. В этих условиях немецкий язык как второй иностранный занимает ведущие позиции [Трошина 2014; Troshina 2013].

Сегодня немецкий язык преподается в 653 лингвистических и других университетах России, сообщают С. С. Соловьев и Н. В. Минакова в исследовании «Основные тенденции рынка переводческих услуг в современной России: Социологический анализ» [Соловьев, Минакова 2012]. Почти треть из них являются партнерами немецких университетов, с которыми осуществляется обмен преподавателями, аспирантами и студентами. Наиболее активно в этом обмене участвуют университеты Поволжья и Сибири, так как в этих регионах охотно принимают на работу людей со знанием немецкого

языка. «Это объясняется тем, что деловые партнеры местных фирм крупного и среднего масштаба из Германии, Австрии и Швейцарии смогли реализовать себя не на московском или петербургском рынке, а на региональном, где во многом проще отношения, легче найти инвесторов, выше обязательность партнеров и менее конкурентный рынок» [Соловьев, Минакова 2010: 20].

Согласно результатам проведенного названными авторами социологического исследования, «немецким языком в 2011 г. владели 48,9 % выпускников вузов России, получивших диплом переводчика или специалиста со знанием иностранных языков, что почти в два раза меньше по сравнению с тем же показателем для английского языка (96,8 %)» [Соловьев, Минакова 2010: 20]. При этом свободно (на уровне устного синхронного перевода) владеют английским языком 57,1 %, немецким — 21,7 %; уверенно (на уровне устного последовательного перевода) английским языком владеют 36 %, немецким — 23,4 %; только читают и переводят тексты с английского языка 6,6 %, с немецкого — 54,5 %. Приведенные результаты показывают, что почти все выпускники лингвистических вузов владеют английским языком, немецкий при этом занимает прочное второе место.

Интересно посмотреть соотношение студентов-германистов, для которых немецкий язык — это их будущая специальность, и студентов, обучающихся по другим филологическим специальностям.

Согласно статистике филологического факультета МГУ за 2013—2016 гг.³, ситуация выглядит следующим образом:

Период	Германисты	Не-германисты ⁴
2013—2014	62	236
2014—2015	70	249
2015—2016 ⁵	66	222

В целом на протяжении последних трех лет сохраняется довольно стабильная ситуация, что подтверждается устойчивым соотношением германистов и не-германистов. В 2013—2014 гг. оно составляло 1 : 3,8; в 2014—2015 — 1 : 3,5; в 2015—2016 — 1 : 3,4.

³ Автор настоящей статьи выражает большую благодарность А. С. Полевщиковой за предоставленную ценную статистическую информацию. — Н. Т.

⁴ Статистические данные отражают число студентов, обучающихся по следующим не-германистическим направлениям: «русский язык и литература», «современные западноевропейские языки и литературы», «классическая филология», «византийская и новогреческая филология», «славянская филология», «фундаментальная и прикладная лингвистика», «филологическое обеспечение связей с общественностью», «филологическое обеспечение средств массовой информации».

⁵ Без учета 5-го курса.

Предоставленная статистика говорит также и о том, что немецкий язык в качестве второго иностранного чаще всего выбирают студенты по направлениям «филологическое обеспечение связей с общественностью» и «филологическое обеспечение средств массовой информации» (по 25—29 чел. на курсе). Это свидетельствует о том, что немецкий язык сохраняет свою актуальность как средство живого общения в публичной сфере. На втором месте находятся студенты по направлению «современные западноевропейские языки и литературы» (в среднем по 18 чел. на курсе). Совсем не выбирают немецкий язык в качестве второго иностранного студенты, специализирующиеся по фундаментальной и прикладной лингвистике, которая ориентирована преимущественно на использование английского языка в компьютерных базах данных.

Сегодня остро стоит вопрос о сохранении позиций немецкого языка как второго иностранного, для чего преподаватели школ, лицеев и гимназий прилагают немалые усилия и готовят своих учеников к участию во всероссийских олимпиадах по немецкому языку. Так, в 2015 г. Московский государственный лингвистический университет провел олимпиаду, в которой участвовали школьники 5—11-х классов. На региональном уровне на начальном этапе были зарегистрированы 116 000 чел., на окончательном — 5000 чел. (охвачены 85 регионов Российской Федерации). Эти школьники и составляют тот человеческий ресурс, который помогает немецкому языку сохранить свои позиции в мире.

Литература

- Кирилина 2015 — *Кирилина А. В.* Сходства в развитии коммуникативно мощных европейских языков в эпоху глобализации // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2. С. 77—89.
- Соловьев, Минакова 2012 — *Соловьев С. С., Минакова Н. В.* Состояние и основные тенденции рынка переводческих услуг в современной России : Социологический анализ. М., 2012.
- Трошина 2015 — *Трошина Н. Н.* Немецкий язык в современной Европе // Языковая ситуация в Европе начала XXI века. М., 2015. С. 102—121.
- Трошина 2014 — *Трошина Н. Н.* Востребованность немецкого языка в академической сфере // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: Теория и практика обучения и перевода: Материалы III Междунар. науч.-метод. конф. Уфа, 2014. С. 216—225.
- Штайнке 2006 — *Штайнке К.* Глобализация — регионализация и лингвистика / пер. с нем. // Глобализация — этнизация: этнокультурные и языковые процессы. М., 2006. Кн. 1. С. 249—258.
- Ammon 2015 — *Ammon U.* Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt. Berlin; München; Boston, 2015. XVII, 1295 S.

- Behrens, Fischer, Minks, Rösler 2010 — *Behrens J., Fischer L, Minks K.-H., Rösler L.* Die internationale Positionierung der Geisteswissenschaften in Deutschland: Eine empirische Untersuchung. Hannover: HIS: Hochschulinformationssystemю // URL: [http:// www.his.de/publikationen/bericht](http://www.his.de/publikationen/bericht)
- Collins, Rutledge 1996 — *Collins J. W., Rutledge J. B.* Kötzelwelsch on the Cutting Board: Analysing the Literature of Germanistik. *Collection Management*, № 20 (3/4). S. 73—84.
- Deutsch als Fremdsprache mit besten Aussichten — Förderprogramme des DAAD helfen bei der Karriere // URL: <http://www.alumniportal-deutschland.org/studium-weiterbildung-foerderprogramme-artikel-deutsch-als-fremdsprache-daf.html>
- Deutsch als Fremdsprache weltweit // URL: https://www.daad.de/medien/der-daad/unsere-aufgaben/deutsche-sprache/pdfs/daad_germanistik_netzwerk_deutsch_datenerhebung_2015.pdf
- Fiebach 2010 — *Fiebach C.* Deutsch als Wissenschaftssprache — deutsche Sprache, *quo vadis?* // Internetdossier „Deutsch als Wissenschaftssprache“ // URL: [http:// www.goethe.de/Thr/prj/diw/dos/de-index.htm](http://www.goethe.de/Thr/prj/diw/dos/de-index.htm)
- Lüdi 2013 — *Lüdi G.* Ist Englisch als *lingua franca* eine Bedrohung für Deutsch und andere Nationalsprachen? // *Vielfalt, Variation und Stellung der deutschen Sprache*. Berlin; Boston, 2013. S. 275—292.
- Mocikat 2006 — *Mocikat R.* Die Anglisierung der Wissenschaftssprache am Beispiel der Biomedizin — eine kritische Stellungnahme // URL: <http://www.adawis.de/admin/upload/navigation/data/Spr-M2.pdf>
- Rösch 2013 — *Rösch O.* Internationalisierung der Hochschulbildung — und was ist mit Kultur? // *Die neue Hochschule*. Bonn, 2013. S. 70—74.
- Rösch 2015 — *Rösch O.* Internationalisierung der Hochschulbildung — was sind *unsere* Ziele? // *Die neue Hochschule*. Bonn, 2015. S. 18—24.
- Schmidt M. — *Schmidt M.* Ausverkaufte Sprachkurse: Deutsch als Fremdsprache wieder populär // URL: <http://www.ftd.de/karriere/karriere/:ausverkaufte-sprachkurse-deutsch-als-fremdsprache-wieder-populaer/70115992.html>
- Schmitz 2004 — *Schmitz H.-G.* Anglizismen in der deutschen Gegenwartsprache, in der deutschen Sprachwissenschaft und im Deutschunterricht // *Germ. Studien*. Tbilissi, 2004. S. 82—84.
- Schreiner 2006 — *Schreiner P.* Deutsch im Konzert europäischer Sprachen: Über die Sprachpolitik der EU und die Situation der deutschen Sprache auf europäischer Ebene // *Der Sprachdienst*. Wiesbaden, 2006. H. 4, 5. S. 41—51.
- Troshina 2013 — *Troshina N.* Nachfrage nach Deutschkenntnissen im heutigen Russland // *Vielfalt, Variation und Stellung der deutschen Sprache*. Berlin; Boston, 2013. S. 477—488.

ZUSAMMENFASSUNG**Sprachliche Herausforderungen der Globalisierung
und Probleme der russischen Germanistik**

Deutsch — eine der kommunikativ mächtigsten Sprachen der Welt — wird in der Zeit der modernen Globalisierung aktiv durch die englische Sprache aus dem internationalen Verkehr verdrängt, vor allem aus dem wissenschaftlichen und geschäftlichen Bereich. Dabei bleibt Deutsch in diesen Bereichen und in der Hochschullehre fest zweitplaziert. In dieser Situation gewinnt die Frage nach dem Verhältnis der Germanistikstudenten und der Studenten in anderen philologischen Fächern an den russischen Hochschulen und folglich die Frage nach den Berufsperspektiven für Germanisten an Bedeutung.

S. KATAJEWÄ

(Lipetsker Staatliche Pädagogische Universität)

**DIE GLOBALE KOMMUNIKATION SETZT EINE
EINHEITLICHE SPRACHE VORAUS — ENGLISCH.
WOHIN MIT DEUTSCH?**

Allgemeines zum Begriff „Globalisierung“

Der Begriff *Globalisierung* im heutigen Verständnis ist eines der zentralen Schlagwörter der Gegenwart, das auch als „Weltschlagwort“ [Wengeler 1996: 302] genannt wird. Er gehört zweifelsohne zu den wichtigsten politischen Schlüsselwörtern des 21. Jahrhunderts. Nicht umsonst nennt man die moderne Zeit als „Zeitalter“ oder „Ära“ der Globalisierung. Dieses politische Schlagwort, wie es Fritz Hermanns charakterisiert, kann im öffentlichen Sprachgebrauch sowohl ein Fahnen- als auch ein Stigmawort, vor allem aber ein „Totalitätsbegriff“ sein und das „sowohl ein Begriff der Gegenwartsbeschreibung und –auslegung als auch ein Erwartungsbegriff“ sein [Hermanns 2003: 419, 411]. Darauf weist auch Armin Burkhardt hin, indem er schreibt, dass der Begriff *Globalisierung* selbst sehr verschwommen ist, und „seine Benutzer denotieren und konnotieren sehr Unterschiedliches damit“ [Burkhardt 2016: VIII]:

Für die einen ist es ein Zauberwort, das der Menschheit durch stetig zunehmende internationale Beziehungen und Kooperationen eine gedeihliche ökonomische, kulturelle und soziale Zukunft verheißt. Für die anderen ist es mit Ängsten behaftet und verbindet sich mit Sorgen über verschärfte Konkurrenz auf den Arbeits- und Produktenmärkten, sowie der Furcht vor Klimawandel, vor einem sich ausdehnenden Kampf um knapper werdende Rohstoffe, vor der globalen Ausbeutung von Menschen und Natur, vor Verbreitung (Ubiquität) kriegerischer Konflikte und einer befürchteten Bedrohung durch anschwellende Flüchtlingsströme aus vielen Teilen der Welt.

Die seit Mitte der 90er Jahre des 20. Jahrhunderts in Gebrauch gekommene und zum Begriff gewordene Neubedeutung *Globalisierung* bedeutete „im ausgehenden 20. Jahrhundert die einsetzende globale Verflechtung der Wirtschaft, die zur Herausbildung eines weltumfassenden

Marktes führen soll“.¹ Der zunächst betriebswirtschaftlich gemeinte Begriff bekam die facettenreiche Semantik und wurde zum Inbegriff der „schleichenden Ausbreitung neoliberaler Gesinnung“ [Burkhardt 2016: VIII]. Der deutsche Soziologe Ulrich Beck nennt in seinem 1997 erschienenen Buch „Was ist Globalisierung? Irrtümer des Globalismus — Antworten auf Globalisierung“ die entstehende globale „Weltgesellschaft“ auch als „Weltrisikogesellschaft“ [Beck 1997/2007]. Die Schaffung der „Weltgesellschaft“ mit der totalen Globalisierung aller Bereiche des Lebens (Wirtschaft, Politik, Kultur, Bildung, Alltag u.a.) gehört zu einem der modernen und wichtigsten Trends, die die ganze facettenreiche Welt auf einen Nenner zu bringen versucht. Das findet seinen Niederschlag in weiteren Neologismen (Neubildungen) wie *Globalisierungsfalle*, *Globalisierungsdruck*, *Globalvillage*, *das globale Dorf* u. a. [Herberg / Kinne / Steffens 2004: 142—146].

Die Einstellung zur *Globalisierung*, wie es schon erwähnt wurde, ist und war von Anfang an ambivalent, weil man dieses Phänomen aus verschiedenen Blickwinkeln betrachten kann. Neben positiven Auswirkungen und Vorteilen der Globalisierung (weltweiten Personen- und Warenverkehr, Arbeits- und Absatzmärkten, transnationaler Wissensgesellschaft, globaler Informations- und Medienlandschaft) hat sie aus globalisierungskritischer Sicht auch ihre negative Kehrseite, ihre weltumspannenden negativen Auswirkungen: man empfindet Globalisierung als Bedrohung der Existenz der sich unter dem „Globalisierungsdruck“ befindenden Gesellschaften und Menschen, man fürchtet vor dem verschärften internationalen Konkurrenzkampf auf dem globalen Arbeitsmarkt und dem Wegfall vieler Arbeitsplätze, vor unkontrollierbarer Umweltzerstörung, vor dem globalen Missbrauch digitaler Daten und davor, dass globale Informationstechnologien die globalisierte Welt zu einem „digitalen Dorf“ [Dittrich van Weringh 2003: 64] zusammenschrumpfen lassen. Man hat Angst vor Armut, Krieg, Terrorismus sowie vor weltweiter, internationalisierter Migration, die zur „Überfremdung“, zum „Verlust von Heimat“ und eigener Identität führen können. Darüber schreibt Wolfgang Kessler folgenderweise: „Für viele Menschen bedeutet die schleichende Auflösung der Traditionen und althergebrachten Lebenszusammenhänge eine Entwurzelung“ [Kessler 2003: 30]. Solche Schutz- und Abwehrhaltungen entstehen aus Angst, dass durch globale Importe, darunter auch Kulturimporte, im Zuge der kulturellen Globalisierung vieles Vertraute vereinheitlicht, verwestlicht, amerikanisiert wird.

Kulturelle Dimensionen der Globalisierung. Globalisierung und die Sprache

Bei der Verbreitung globaler Kultur kommt der Sprache eine besondere Rolle zu. Wie 2004 Kellner und Soeffner in ihrem Artikel „Kultu-

¹ Sieh „Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen“ [Herberg / Kinne / Steffens 2004: 143].

relle Globalisierung in Deutschland“ schreiben, „es gibt für die kulturelle Globalisierung nichts Wichtigeres als die Sprache“, sie spielt die Rolle eines Hauptfaktors [Kellner / Soeffner 2002: 147]. Nach der Meinung von Soziologen ist *Globalisierung* ein Synonym zu *Amerikanisierung*.² Wie Peter Berger schreibt, wird kulturelle Globalisierung oft darum mit der „Amerikanisierung“ gleichgesetzt, weil sie ihrer Herkunft und ihrem Wesen nach vor allem amerikanisch ist und in verschiedenen Ländern oft negativ als „McDonaldisierung der Kultur“, „amerikanischer kultureller Imperialismus“, das „kulturelle Tschernobyl“ u. ä. genannt wird [vgl. Berger 2004: 9–14].

Eine einheitliche globalisierte Welt braucht eine einheitliche Sprache. Das wäre eine Welt, die nach Weiler / Burkhardt nicht nur „überall gleich schmeckt und aussieht“ [Weiler 2003: 179; Burkhardt 2016: VII], sondern auch die, in der man überall gleich spricht. Der Politolinguist Reinhard Hopfer, der Globalisierung und Neoliberalismus in Bezug auf ihren Niederschlag in der deutschen Sprache untersucht, gibt eine politolinguistische Begründung des weltumfassenden Gebrauchs der englischen Sprache in seinem sprachkritischen Artikel „Globalisierung und die neoliberale Sprach-Concierge“ [2016]. Er erklärt die Dominanz der englischen Sprache unter anderem dadurch, dass man für alle rund um den Globus aufgeteilte Produktionsprozesse, für das internationale Management „im Wesentlichen nur die englische Sprache benutzen werden durfte“, um das „Eindringen der neoliberalen Begriffe und Denkmuster in die Sprachen der EU“ und weltweit zu gewähren. Man benutzt sie unter anderem, so Hopfer, als Kommunikationsstrategie der „offiziellen neoliberalen Concierge“, die „an der Tür der öffentlichen Meinung sitzt und kontrolliert, wie über Wirtschaft, Politik und Gesellschaft gedacht und gesprochen werden soll“ [vgl. Hopfer 2016: 63, 74]. Sie verschafft „eine neue Brille der sozialen Wahrnehmung“ [ebd.: 63].

Somit ist die amerikanische Variante des Englischen zum wichtigsten Medium der globalen Kommunikation geworden, und man spricht heutzutage von einer neuzeitlichen „Koine“, von einem „Franglais“ in Frankreich und einem „Denglisch“ in Deutschland, einem globalen, vereinfachten Englisch, einem Gemisch von Englisch und Deutsch und anderen Sprachen. In diesem Zusammenhang entstehen schon oftmals ausgesprochene Befürchtungen, dass die Vielfalt der Welt- und Europasprachen künftig nur auf eine „*lingua franca*-Vision des Englischen“ reduziert wird und die heutigen Muttersprachen vieler Europäer unter diesen Umständen zu ihrer ersten Fremdsprache degradiert werden können. Das betrifft in besonderem Maße die deutsche Sprache, da Deutschland, wie Berger feststellt, „unter anderen europäischen Ländern am meisten amerikanisiert ist“ [Berger 2004: 19]. Man erklärt dies durch eine übersensible Einstellung der Deutschen nach dem Zusammenbruch des Dritten

² Sieh darüber Kellner/Soeffner [2002: 147]; Berger [2002: 9–10]; Hanter/Yates [2002: 342]; Dittrich van Weringh K. [2003: 64].

Reiches zu *allem*, was den geringsten Anlass geben könnte, so Berger, wieder bezichtigt zu werden, „nationalistisch“ zu sein, was die Positionen der deutschen Kultur und der deutschen Sprache besonders im Vergleich zu Frankreich sehr schwächt [ebd.: 19].

Dabei sprechen tatsächlich viele Gründe für das Lernen des Deutschen als Fremdsprache, darunter auch die Tatsache, dass:

...wer Deutsch spricht, kann problemlos mit rund 100 Millionen Europäern in ihrer Muttersprache kommunizieren. Wer Deutsch spricht, verbessert auch seine Handelsbeziehungen zu Partnern im drittgrößten Industrieland und einem der wichtigsten Exportländer der Erde und auch seine Chancen auf dem Arbeitsmarkt [Frey 2000: 37].

Als „Karriereplus“ bewertet die Beherrschung des Deutschen auch Theodor Berchem [Berchem 2003:7]. Man ist heutzutage zu der Einsicht gekommen, dass man ohne Kenntnis der anderen Sprachen in der Welt isoliert bleibt. Der moderne Mensch ohne Fremdsprachenkenntnisse wird heute allmählich zum Anachronismus. Das internationale Kommunikationsverlangen ist auch damit verbunden, sich in immer komplexerer Welt zurechtfinden zu können. Es geht jedoch beim Lernen der deutschen Sprache nicht nur um Marketing und Verkauf, d.h. um die „Sprache der Kunden“, sondern auch um den Austausch von Ideen, Erfahrungen, Werthaltungen, der erst die Basis für eine vertrauensvolle internationale Zusammenarbeit unter den Völkern schafft [vgl. Bliesener 1998: 4].

Das unterstreicht auch die DAAD-Präsidentin Margret Wintermantel, als sie über den Sinn der „Transnationalen Bildung“ (Partnerschaft und Koproduktion von Wissen) als Prinzip des DAAD spricht:

Wie wichtig es Deutschland ist, als interkulturell sensibler Partner zu agieren. <...> Es geht uns nicht um profitorientierte Geschäftsbeziehungen, wie wir sie etwa von angelsächsisch geprägten Projekten kennen, und auch nicht darum, unsere Vorstellungen paternalistisch zu predigen [Wintermantel 2016: 25].

Mit und durch die deutsche Sprache erschließt man gleichzeitig den Zugang zu Europa und bekommt man ein objektives Deutschland- und Europabild.³

Globalisierung der Sprache und wachsende Risiken für DaF im Ausland

Die deutsche Sprache in Russland hatte eine lange Tradition. Die kulturellen und wissenschaftlichen Beziehungen zwischen Deutschland und Russland reichen bis in die Zeit Peters des Großen zurück: nur um eini-

³ Sieh darüber entsprechende fremdsprachendidaktische Überlegungen im Themenheft „Europa erleben“ in der Zeitschrift *Fremdsprache Deutsch*, Heft 28, 2003.

ge wenige weltbekannte Namen zu nennen: Gottfried Wilhelm Leibniz, Werner von Siemens, Ernst Moritz Arndt in Sankt-Petersburg; Lomonosow in Marburg, Tütschew in Berlin u.a.m.

Aber seit der politischen Wende Ende der 80er Jahre hat in Osteuropa die Nachfrage nach Englisch stürmisch zugenommen. Von diesem verspäteten Siegeszug des Englischen in Osteuropa ist auch Russland nicht verschont geblieben. Das Deutsche wurde vielerorts (in Schulen und Hochschulen) vom Englischen überrundet. Das Problem der „Anglisierung“ gilt (mit Ausnahme der wenigen Gymnasien mit erweitertem Deutschunterricht) für die meisten Schulen in Russland, an denen Deutsch traditionell und jahrhundertlang bevorzugte Fremdsprache war. Zur Zeit konkurriert Deutsch oft als zweite Fremdsprache mit Französisch. Diesen Trend kann man am Beispiel des Lipetsker Gebietes veranschaulichen, in dem Englisch als Schulfach die anderen Sprachen an den Rand gedrängt hat, vor allem aber Deutsch, welches früher die meist verbreitete Sprache im Gebiet war. Dies zeigt die folgende Tabelle:

Verteilung der Fremdsprachen in den Schulen des Lipetsker Gebietes (1985—2015)

Fremdsprachen	<i>Anzahl der Schüler</i>					
	1985		2005		2015	
	allgemein	%	allgemein	%	allgemein	%
DEUTSCH	47 497	53,6 %	30 156	30,4 %	14 351	14,94 %
ENGLISCH	35 116	39,6 %	64 231	64,8 %	80 379	82,64 %
FRANZÖSISCH	6 005	6,8 %	4 754	4,8 %	2 205	2,26 %
andere Sprachen						0,16 %
Insgesamt	88 618	100 %	99 141	100 %	97 257	100 %

Dieser Statistik zufolge erlernten 1985 **53,6 %** der Schüler des Lipetsker Gebietes Deutsch, 39,6 % Englisch und 6,8 % Französisch. Nach 20 Jahren hat sich die Sprachsituation jedoch radikal verändert: Im Jahre 2005 lernen nur noch **30,4 %** der Schüler des Lipetsker Gebietes Deutsch, Englisch hingegen 64,8 %, Französisch 4,8 %. Nach 30 Jahren, im Jahre 2015 beträgt die Zahl der Deutschlernenden nur rund **15 %** aller Schüler des Gebiets, d.h. mehr als um das Dreifache hat sich die Zahl verringert (in 3,6 Mal), indem sich der Englischunterricht verdoppelt hat. Aus der Tabelle ist es ersichtlich, dass Deutsch in den letzten 30 Jahren seine Spitzenposition in einem Gebiet unwiederbringlich verloren hat. Diese Tendenz ist leider auch für andere Regionen Russlands typisch. Entsprechend dieser Sprachenpolitik sind auch die DaF-Fachrichtungen an Pädagogischen Universitäten dem Rotstift zu Opfer gefallen. So z.B. wurde schon im Laufe von 3 Jahren keine Studentengruppe mehr für die DaF-Ausbildung an der PU Lipetsk aufgenommen.

Das liegt einerseits am demographischen Rückgang der Schüler und an der so genannten „Optimierung“ des Schul- und Hochschulwesens — einer neuartigen Bildungsreform in Russland, die die Schließung mehrerer Schulen (besonders auf dem Lande) und Fachrichtungen an den Universitäten zur Folge hat (eine Art „Abwicklung“ auf russische Weise).

Andererseits liegt es an dem obengenannten Siegeszug der globalen englischen Sprache, die sich bald zur Monopolsprache verwandelt hat. Meist wählen die leistungsfähigeren Schüler (oder vielmehr ihre Eltern) Englisch, was übrig bleibt, wird Deutsch oder Französisch zuteil. In dieser Situation bieten die Deutschlehrer ihr ganzes Wissen und Können auf, um ihre Schüler mit allen möglichen Mitteln für das Deutsche zu interessieren. Dass es ungeachtet aller objektiven und subjektiven Schwierigkeiten nach wie vor ein Interesse an der deutschen Sprache in Russland gibt, ist das Verdienst der engagierten russischen Germanisten.

Somit kann man feststellen, dass Deutschlehrende auf allen Bildungsebenen von den globalen Tendenzen der letzten Zeit — der kulturellen und sprachlichen Globalisierung — direkt betroffen sind. Man streicht die Stellen, man wird arbeitslos.

Was wird in dieser Situation in Europa getan?

Was müssen in dieser Situation die Inland- und Auslandsgermanisten, die DaF-Lehrer und Hochschullehrer tun, um diesen sprachlichen angloamerikanischen Trends Einhalt zu gebieten oder wenigstens sie zu bremsen? Müssen Deutschlehrende auf allen Bildungsebenen Englisch als Konkurrenzsprache bekämpfen? Hans-Jürgen Krumm antwortet auf diese Fragen wie folgt: „Englisch ist keine Killersprache für Deutsch“; die deutsche Sprache kann von ihrer Verwandtschaft mit seiner „Schwestersprache“ nur profitieren, denn „wer schon Deutsch kann, lernt leichter und besser Englisch <...>; Deutsch vor Englisch kann eine sinnvolle Sprachenfolge sein“ [Krumm 2014: 12]. Eine vernünftige Einstellung zum globalen Englisch finden wir auch in den „Tutzingen Thesen zur Sprachenpolitik in Europa“, die unter anderem bestimmen, dass dem Englischen als *lingua franca* Grenzen gesetzt werden sollten: „Die Verwendung der *lingua franca* sollte als Verständigungsmittel hilfreich sein, nicht aber die Sprachlandschaften flächendeckend überbetonieren“ [Tutzingen Thesen 1999: 176].

Den Optimismus flößt die Tatsache ein, so Dieter Wolf, dass die erneute Auseinandersetzung mit dem Englischen als *lingua franca* und die neue Sprachenpolitik der EU dazu beigetragen haben, dass sich ein neues Verständnis für Mehrsprachigkeit zu entwickeln beginnt, er schreibt:

„Die Zeiten, in welchen man kampflos und resignierend dem Englischen das Feld überließ <...>; scheinen überall in Europa vorbei zu sein. Die Auseinandersetzung mit dem Englischen als internationaler Verkehrssprache in den letzten Jahrzehnten hat letztendlich zu der durchaus

positiven Konsequenz geführt, dass man sich in Europa wieder auf die Bedeutung der Mehrsprachigkeit besonnen ist“ [Wolf 2008: 169].

Davon zeugt der 2001 angenommene Gemeinsame Europäische Referenzrahmen für Sprachen, der unter anderem „das sprachpolitische Ziel einer Förderung von Mehrsprachigkeit und individueller Vielsprachigkeit“ verfolgt. Von da ab betrachtet man in der EU die Einsprachigkeit als Ausnahme und die Mehrsprachigkeit dagegen als Regel. Das wurde in Deutschland sprachpolitisch und -didaktisch intensiv unterstützt und in der Zeitschrift für Praxis des Deutschunterrichts „Fremdsprache Deutsch“ thematisiert.⁴ Und obwohl „das neue Verständnis von Mehrsprachigkeit noch ein zartes Pflänzchen ist, das gehegt und gepflegt werden muss“, wird sie zum „kulturpolitischen Konzept“ im Bildungsbereich der EU [vgl. Wolf 2008: 169—170]. Dadurch wird die Monopolstellung des Englischen in Europa gebrochen.

Wie steht es damit in Russland? Wie sind seine sprachpolitischen Dimensionen?

Wenn sich in Europa das Konzept der Mehrsprachigkeit schon durchgesetzt hat und zur Regel geworden ist, sieht es damit in Russland anders aus: die Mehrsprachigkeit ist hier eher eine Ausnahme, z.B. in der Provinz taucht sie nur in einigen wenigen Gymnasien mit erweitertem Deutschunterricht auf. Dabei muss der Tatsache Rechnung getragen werden, dass die Fremdsprache Deutsch immer „Teil individueller oder gesellschaftlicher Mehrsprachigkeit ist“ [Hufeisen/Thonhauser 2014: 3]. Die angestrebte Mehrsprachigkeit für alle Schulen Russlands und nicht nur für einzelne Gymnasien, darunter auch das im Dezember 2016 auf der Gesamtrussischen Bildungskonferenz angenommene Konzept „DEUTSCH — DIE ERSTE ZWEITE“, wäre gerade in der Situation des radikalen Rückganges des Deutschunterrichts in Russland ein Ausweg und eine Rettung für die Deutschlehrer, Hochschullehrer, für Bildungseinrichtungen, wo das Deutsche als fremde Sprache gelehrt und gelernt wird. Aber die vom Bildungsministerium versprochene Einführung der obligatorischen zweiten Fremdsprache in den Schulen ab September 2016 ist schon an einen bestimmten Widerstand einiger Schulleiter und Politiker gestoßen. Das geschieht unter verschiedenen Vorwänden, wie „Mangel an Ressourcen“ (gemeint sind Finanzen, entsprechende Lehrkräfte), „Vergrößerung der Schülerbelastung“, und auch fortdauernde Einführung von neuen Fächern in der Schule wie Astronomie (auf Kosten der zweiten Fremdsprache) bis zu einer absurden Annahme „die Einführung der zweiten Fremdsprache sei „eine Bedrohung der nationalen Traditionen“, sie sei „gegen staatliche Bildungspolitik gerichtet“. Auch die geplante obligatorische staatliche Abschlussprüfung in der Fremdsprache

⁴ Sieh Themenhefte der Zeitschrift „Fremdsprache Deutsch“: Heft 31 „Sprachenvielfalt im Klassenzimmer“ [2004]; Heft 50 „Mehrsprachigkeit“ [2014].

wird von den Abgeordneten in Frage gestellt [vgl. Jarowaja 30.01.2015]. Davon ausgehend kann man schließen, dass die Perspektiven der deutschen Sprache als erster oder zweiter Fremdsprache und damit der Vielfalt der Sprachen in Russland nicht besonders erfreulich sind. Es bleibt nur eine globale Sprache — die Monosprache Englisch.

Wie kann man diesen globalen Tendenzen, die den faktischen Schwund des Deutschen aus der Fremdsprachenlandschaft in Russland verursachen, entgegenwirken?

Um neuen Herausforderungen gewachsen zu sein, ist es vonnöten, stetig nach neuen Wegen zu suchen und die vorhandenen Unterrichtsmethoden neu nach- und umzudenken. Dazu wurde z.B. an der PU Ljpetsk ein sprachenübergreifendes, plurilinguales Lernangebot „Übersetzen/Dolmetschen“, in sprachlich heterogenen Gruppen entwickelt, das parallel zur Deutschlehrausbildung läuft.

Dort, wo es unterschiedliche Daseinsformen von Deutsch noch existieren (Erstsprache Deutsch/Zweitsprache Deutsch), wurde nach anderen Sprachkombinationen und Mischkonstellationen gesucht. Sie können vielfältig sein: sprachlich heterogene Gruppen aus Abiturienten mit unterschiedlichem sprachlichem Hintergrund (Englisch, Deutsch als Erst- und Zweitsprache) im DaF-Studium; die noch übrig gebliebenen Deutschstudenten der höheren Studienjahre mit Englischstudenten im 3-semesterigen Aufbaustudium (Übersetzen/Dolmetschen) unterrichten, um auf solche Weise ihre Deutschkenntnisse zu erweitern und zu vertiefen. Außerdem kann man auch eine Deutschgruppe in der Fachrichtung DaF aus den Abiturienten nur mit dem schulischen Englisch, d.h. mit Null-Deutschkenntnissen bilden.

Auf solchen „Umwegen“ kann wenigstens die minimale sprachliche Vielfalt erzielt werden. Es bleibt nichts anderes, als neue Brücken zwischen den Einzelsprachen zu bilden und nach verschiedenen Mischformen zu suchen, z.B. „von Deutsch zu Englisch“ und „von Englisch zu Deutsch“, und dementsprechend in sprachlich heterogenen Gruppen neue sprachenübergreifende und -verbindende (plurilinguale) Kompetenzen anzustreben (entwickeln). Aus dieser sprachlichen Durchmischung der DaF-Studenten ergibt sich die Notwendigkeit einer neuen integrierten Sprachendidaktik, einer Mehrsprachigkeitsdidaktik und eines gesamtsprachlichen Curriculums.

Ausblick

Ungeachtet dieser für die deutsche Sprache schwerwiegenden geopolitischen, weltweiten sprachenspolitischen Entwicklungen gibt es keinen Anlass, bezüglich der Zukunftschancen des Deutschen als Fremdsprache in Russland ausschließlich schwarz zu sehen.

Die Mehrsprachigkeit bedeutet für Russland die Erhaltung des Deutschen als erster Fremdsprache und die Einführung der zweiten Fremdsprache in allen Schulen, was bedauerlicherweise in der letzten Zeit wie-

der in Frage gestellt wird. Nur die Vielfalt der Sprachen, die gleichwertige Mehrsprachigkeit, könnte die Monopolstellung des globalen Englischen brechen und nur dann könnte man behaupten, dass sich am Ende des Tunnels auch ein wenig Licht zeigt.

Dass Deutsch auf dem „Sprachenmarkt“ konkurrenzfähig in Russland ist und bleibt, muss dafür nicht nur der zähe Kampf der Deutschlehrer in Russland um den Erhalt der deutschen Sprache als erster oder zweiter Sprache sorgen, sondern auch der der deutschen Politiker und Inlandgermanisten, die oft ihre Muttersprache zu Gunsten des Englischen vernachlässigen.

Literatur

- Berger 2004 — *Berger П. Л.* Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация / под ред. П. Л. Бергера и С. П. Хантингтона. М., 2004. С. 8—24.
- Berchem 2003 — *Berchem von Th.* „Glenglisch“ als akademische Weltsprache: Risiken und Chancen // DAAD-Letter. № 2 (2003).
- Beck 1997 — *Beck U.* Was ist Globalisierung? Irrtümer des Globalismus — Antworten auf Globalisierung. Frankfurt am Main, 1997.
- Beck 2007 — *Beck U.* Weltrisikogesellschaft- Auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit. Frankfurt am Main, 2007.
- Bliesener 1998 — *Bliesener U.* Fremdsprachenunterricht in Deutschland // Bildung und Wissenschaft. № 4 (1998).
- Burkhardt/Polmann 2016 — *Burkhardt A., Polmann C. (Hrsg.)*. Globalisierung. Sprache — Medien — Politik. Bremen, 2016.
- Dittrich van Weringh 2003 — *Dittrich van Weringh K.* Kulturen zwischen Globalisierung und Regionalisierung // Globalisierung. In: Informationen zur politischen Bildung 280. 3. Quartal (2003). S. 63—65.
- Wintermantel 2016 — Drei Fragen an DAAD-Präsidentin Margaret Wintermantel. Zur Tagung „Transnationale Bildung made in Germany — Chancen und Perspektiven“ in Berlin 30.11.2016 // LETTER. № 2 (2016).
- Frey 2000 — *Frey E.* Das Zertifikat Deutsch // Willkommen. Das Magazin der Goethe-Institute.
- Hanter / Yates 2004 — *Hanter J., Yates Y.* Die Welt amerikanischer Globalisatoren // Many Globalizations. Übersetzung. Moskau, 2004. S. 341—377.
- Herberg / Kinne / Steffen 2004 — *Herberg D., Kinne M., Steffens D.* Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen. Berlin; New York, 2004.
- Hermanns 2003 — *Hermanns F.* Die Globalisierung. Versuch der Darstellung Bedeutungsspektrums der Bezeichnung // Deutsche Sprachgeschichte nach 1945. Diskurs- und kulturwissenschaftliche Per-

- spektiven / M. Wengeler (Hrsg.). Hildesheim; Zürich; New York, 2003. S. 409—438.
- Hopfer 2016 — *Hopfer R.* Globalisierung und die neoliberale Sprach-Concierge // Globalisierung. Sprache — Medien — Politik. Bremen, 2016.
- Hufeisen / Thonhauser 2004 — *Hufeisen B., Thonhauser I.* Die „fremde“ Sprache Deutsch in mehrsprachigen Lehr- und Lernkontexten // Fremdsprache Deutsch. № 50 (2004). S. 3—9.
- Kellner/Soeffner 2004 — *Kellner H., Soeffner H.-G.* (2002): Kulturelle Globalisierung in Deutschland // Many Globalizations. Übersetzung. M., 2004. S. 131—158.
- Kessler 2003 — *Kessler W.* Gesellschaften unter Globalisierungsdruck // Globalisierung. In: Informationen zur politischen Bildung 280. 3. Quartal (2003). S. 27—33.
- Krumm 2004 — *Krumm H. J.* Weshalb Deutsch? // Fremdsprache Deutsch. № 50 (2004). S. 10—16.
- Tutzinger Thesen 1999 — Tutzinger Thesen zur Sprachenpolitik in Europa // Zielsprache Deutsch. № 4 (1999). S. 176—178.
- Weiler 2003 — *Weiler J.* Maria, ihm schmeckt's nicht. Geschichten von meiner italienischen Sippe. Berlin, 2003.
- Wolf 2008 — *Wolf D.* Mit Sprachen leben — Sprache als soziale Kompetenz // Interkulturell, eigenständig, handlungsorientiert — neue Tendenzen der Fremdsprachendidaktik / A. Burhardt u.a. (Hrsg.). Aachen, 2008. S. 169—185.

Т. В. КЛЮЕВА

(Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В НЕМЕЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ЛЮКСЕМБУРГА

В Люксембурге, расположенном в центре Европы, на границе германского и романского языковых миров, глобализация затрагивает все стороны жизни: экономику, политику, язык, культуру. Даже чисто внешне заметны изменения, произошедшие за последние десятилетия. Существенно возросло население страны: с 365 500 в 1982 г. до 576 000 в настоящее время. Количество иностранцев в стране составляет 43 % (216 000 человек в 2010 г.). Население Люксембурга растет не за счет рождаемости, одной из самых низких в Европе, а за счет иммигрантов. Правда, в Люксембурге долгое время преобладали иммигранты из европейских стран — итальянцы, затем португальцы, романоязычные католики, близкие местным жителям по языку, культуре и религии. Теперь ситуация изменилась: здесь можно увидеть и выходцев из африканских стран.

Как известно, немецкий — один из трех официальных языков страны. По закону о языках 1984 г. все языки равноправны (**kodomi-ant**), но на практике дело обстоит не так. Летцебургшиш преобладает в устном общении, а на письме используется довольно редко. Немецкий язык утратил часть сферы своего применения, не используется в парламенте и в живом устном общении люксембуржцев после Второй мировой войны и фашистской оккупации. Он употребляется преимущественно в письменном виде, а устно — только в определенных областях: в преподавании в младших и средних классах школы, в церкви, отчасти в армии, полиции, суде и других учреждениях, в общении с немецкоязычными иностранцами. Читают люксембуржцы больше и охотнее по-немецки, чем по-французски, так как летцебургшиш по происхождению является западномозельско-франкским (средне немецким) диалектом немецкого языка.

Французский язык — язык парламента, внешней политики и управления — занимает самые сильные позиции, является языком науки, высшего образования, признаком высокого общественного статуса.

Судить о люксембургском немецком можно прежде всего по немецкоязычным СМИ и художественной литературе. Немецкий язык в Люксембурге не имеет национальной нормы. Хотя в школах преподается литературный язык, притом нередко носителями языка, люксембуржцы следуют своим национальным привычкам, сложившимся в неписаную норму, узус, как отмечал А. И. Домашнев [Домашнев 1983: 212]. Исходя из полицентричности [Kloss 1978] и поливариантности современного немецкого языка, его статус в Люксембурге можно охарактеризовать как узусный национальный вариант (*Usus-Varietät*), в отличие от Германии, Австрии, Швейцарии, где существуют нормативные национальные варианты (*Kode-Varietäten*) — ср. с терминами *nationale Halbzentren* и *nationale Vollzentren*, употребляемыми авторами словаря *Variante Wörterbuch* [Variantenwörterbuch 2004: XXXI—XXXII].

Люксембургский немецкий выступает как **язык-реципиент** по отношению к английскому и французскому языкам. Англо-американизмы стали активно использоваться в люксембургской прессе и (в меньшей мере) в художественной литературе после 1945 г., когда страна была освобождена американскими войсками. В художественной литературе количество англицизмов сравнительно невелико. Они касаются моды и жизни молодежи (напр., *Jazz*, *Beatles*, *Jeans*, *Fan*, *Girl* и т. п.). В СМИ и на страничках Интернета англицизмов немало, прежде всего в публикациях по проблемам международной политики и экономики, в рекламе товаров, в новостных материалах, в спортивных колонках и культурных обзорах. Например: **экономика**: *boomen* ‘быстро расти’, *Deal*, m ‘дело, бизнес’, *Ingeneering*, n ‘инжиниринг’, *Management*, n ‘управление’, *chartern* ‘фрахтовать, заказывать’, *Parking*, n ‘многоэтажный гараж’, *Self-Service*, f ‘самообслуживание’, *Teamwork*, n ‘коллективный труд’; **политика**: *Hardliner*, m ‘жесткий политик’, *Leader*, m ‘руководитель’; **спорт**: *Coach*, m ‘тренер, инструктор’; *covern* ‘пройти дистанцию’, *Dopingtest*, m ‘допинг-контроль’, *Footballer*, m ‘футболист’, *Freaks*, pl ‘фанаты, болельщики’, *Matchwinner*, m ‘победитель матча’, *Overtime* ‘дополнительное время’, *Promotion*, f ‘переход в следующий спортивный разряд’, *Trainer*, m ‘тренер’; **культура**: *live* ‘непосредственно в эфир’, *Newsletter*, f ‘газета новостей’, *Performance*, f *meatp.* ‘перформанс’, *Pop*, m ‘популярная музыка’, *Song*, m ‘зонг’, *Songwriting*, n ‘сочинение зонгов’, *Thriller*, m ‘фильм ужасов’, *Topstar*, m ‘суперзвезда’; **общеупотребительная лексика**: *canceln* ‘отказывать’, *Handy*, n ‘мобильный телефон’, *Image*, n ‘образ, впечатление’, *Dandy*, m ‘щеголь’, *Jeans*, pl ‘джинсы’, *clever* ‘хитрый’, *low* ‘низкий, недостаточный’, *pinnen* ‘прикреплять’, *sich outen* ‘проявлять себя’, *Team*, n ‘коллектив’, *testen* ‘проверять, экзаменовать’.

Как видно из перечисления, все слова давно укоренились в немецком языке. Многие из них есть и в русском языке. Будучи по сути своей интернационализмами, они почти не освоены немецким язы-

ком орфографически и орфоэпически, т.е. выглядят как **варваризмы**. Правда, существительные имеют определенный род, обычно совпадающий с родом немецкого синонимичного слова, и относятся преимущественно к сильному склонению. Все глаголы спрягаются по слабому типу. Что касается словообразования, то здесь имеется три основные словообразовательные модели существительных: наименования лиц на **-er**: (Footballer, Hardliner, Leader, Manager, Trainer), а также наименования действий на **-ment** (Management) и **-ing** (Ingeneering, Shopping, Writing).

Так как в Люксембурге отсутствуют свои словари немецкого языка и иностранных слов, судить о семантике заимствований приходится по контексту и словарям, изданным в Германии. Кроме того, здесь нередко имеют место перепечатки из немецких газет.

Иное дело — французский язык, использовавшийся в Люксембурге как язык управления еще в XII—XIII вв. Здесь многие заимствования прочно вошли в быт. Первые газеты на французском языке появились в Люксембурге в XVIII в., а непрерывное использование немецкого языка начинается лишь в 1825 г. Только в XIX—XX вв. немецкий и французский литературные языки начали интенсивно взаимодействовать между собой на люксембургской земле. При этом французский постоянно выступает как **язык-донор**. В люксембургском немецком есть французские слова, не типичные для собственно немецкого варианта. Здесь можно выделить следующие группы языковых единиц: 1) слова, не характерные для собственно немецкого; 2) слова, ставшие в Binnendeutsch устаревшими или малоупотребительными; 3) слова, развившие в люксембургском узусе новые значения; 4) кальки с французского.

1. Среди слов, не характерных для немецкой нормы, абсолютно преобладают существительные; есть также глаголы и прилагательные: Abbé, m 'аббат', Adulte, m, f 'взрослый спортсмен', Altesse, f 'высочество', Analyst, m 'аналитик', Aumônier, m 'духовник, исповедник', Bourdon, m 'главный колокол', Cadet, m 'член детской спортивной команды', Chorale, f 'церковный хор', defizitär 'затратный, убыточный', Diszernement 'различение, распознавание', editieren 'издавать', Enregistreur, m 'сборщик налогов', enregistrieren 'вносить в списки', Epicier, m 'бакалейщик', fervent 'ревностный', Fillette, f 'девочка' (спорт.), Gilet, n 'жилет', Greffier, m 'протоколист', Klassement, n 'классификация, распределение' (спорт.); Komplizität, f 'соучастие', Lotissement, n 'парцелляция' (земледелие), Lubie, f 'причуда, прихоть', Mediateur, m 'посредник', Metallurgist, m 'металлург', metikulös 'кропотливый, педантичный', Maîtrise, f 'церковный хор, певчие', Obituar, n 'церковная книга записи умерших', Pédagogie, f 'педагогика', ponderiert 'уравновешенный', Pupille, m, f 'школьник/школьница' (о спортсменах), recycleren 'перерабатывать вторично', select 'избранный', Stage, m, f 'стажировка, практика', Stagiär, m, f/-in, f, Stagiaire, m, f 'практикант/-ка', Tripartite, f 'участник трехсторонних пе-

реговоров', Moniteur, m/-trice, f 'преподаватель/преподавательница физкультуры'.

2. Многие французские слова, часто употребляемые люксембуржцами, в собственном немецком варианте вышли из активного употребления либо стали архаизмами. Например: Brevet, n 'диплом', brevetiert 'дипломированный', Coiffeur, m 'парикмахер', Gérant, m 'управляющий, заведующий', Notabilität, f 'знаменитость', Demission, f 'отставка', Metier, n 'профессия', Noblesse, f 'благородство', Salaire, n 'плата, жалованье', Morgue, f 'морг, мертвецкая'.

3. Обширную группу французских заимствований составляют слова, имеющиеся как в Binnendeutsch, так и в люксембургском узусе, но в последнем развившие новые значения. Такие слова обычно именуют **семантическими дивергентами**. Применительно к Люксембургу их также можно назвать **семантическими люксембургизмами** (по аналогии с австрицизмами и гельвецизмами): arrangieren *нем.* 'устроить, подготовить' — *люкс.* 'довольствоваться чем-л.'; Bijouterie, f *нем.* 'украшение' — *люкс.* 'магазин, где торгуют бижутерией'; Communiqué, f *нем.* 'служебное объявление' — *люкс.* 'сообщение в прессе'; Dossier, n *нем.* 'дело, досье' — *люкс.* 'судебное дело'; Entente, f *нем.* 'союз государств' — *люкс.* 'союз ассоциаций, кружков'; Equipe, f *нем.* 'спортивная команда' — *люкс.* 'группа, коллектив деятелей искусства'; Vernissage, f *нем.* 'прижизненная выставка художника' — *люкс.* 'открытие выставки'; Visite, f *нем.* 'обход врача, посещение врачом больного' — *люкс.* 'государственный визит'; Billet, n *нем.* 'билет, записка' — *люкс.* 'проездной билет, удостоверение'; Akteur, m *нем.* 'действующее лицо' — *люкс.* 'артист'; intrigieren *нем.* 'устанавливать интриги' — *люкс.* 'интересовать, увлекать'; klassieren *нем.* 'классифицировать' — *люкс.* 'распределять по разрядам, занимать место'; progressiv *нем.* 'передовой' — *люкс.* 'постепенно, шаг за шагом'; Projektion, f *нем.* 'проекция' — *люкс.* 'проект'; Redaktion, f *нем.* 'редакция, редактирование' — *люкс.* 'написание сочинения'.

4. И в немецком языке Люксембурга, и в летцебургш достаточно много калек с французского языка. В ряде слов, являющихся люксембургски маркированными, дополнительная семантика развилась под влиянием французского языка, напр.: Agent, m — это не только 'представитель, уполномоченный', 'диверсант' (как в собственно немецком), но и 'полицейский' (*франц.* **agent** de police); Harmonie, f 'духовой оркестр'; Fanfare, f 'духовой оркестр'; Kondukteur, m — *франц.* conducteur de travaux 'прораб' — *люкс.* 'градостроитель'; Konferenz, f *франц.* 'публичная лекция, доклад, беседа' — *люкс.* 'доклад'; Konsultation, f *франц.* 'опрос' — *люкс.* 'поиск информации, опрос'; Promotion, f *франц.* 1) 'повышение, выдвижение, пост', 2) 'выпуск учащихся' — *люкс.* 'выпуск учащихся'.

Семантическое влияние французского языка испытали и некоторые немецкие слова. Так, у слова begreifen 'понимать, схватывать' под воздействием французского comprendre развилось значе-

ние ‘замечать, содержать, схватывать’. Некоторые сложные слова являются кальками французских словосочетаний: Stadthaus, n ‘ра-туша’ из французского словосочетания maison de ville (ср. с нем. Rathaus); Ertragshaus, n ‘доходный дом’ из maison de rapport (ср. с нем. Mietshaus). На это указывала, в частности, Д. Магенау [Magenau 1964: 34].

В отличие от англо-американизмов, где наблюдаются три типа производных существительных и слабые глаголы, образованные по конверсии (типа killen, managen), французские заимствования более глубоко связаны с морфологической и словообразовательной системой немецкого языка в Люксембурге. Здесь широко представлены разнообразные словообразовательные модели, напр., слабые глаголы с суффиксом **-ier-** (brevetieren, intrigieren, klassieren, parlieren ‘быстро говорить’, artangieren ‘довольствоваться’, gefraichieren ‘терять блеск’ и др.); слова интернациональных словообразовательных типов с суффиксами **-ist**, **-ent/-ant** (Garagist ‘владелец гаража’, Metallurgist, Gérant, Agent, Militant ‘активист, борец’); слова с суффиксами **-eur/-euse** (Akteur ‘артист’, Rapporteur ‘докладчик’, Chauffeur ‘водитель грузовика’, Tailleur ‘портной’, Mediateur ‘посредник’, Serveuse ‘официантка’, Balletteuse ‘балерина’); слова на **-ier/-ien** (Douanier ‘таможенник’, Pompier ‘пожарный’, Mechanicien ‘механик’); слова с суффиксами **-ar/-är/-aire** (Stagiar, Stagiaire).

Среди имен действия представлены существительные на **-(e)ment** (Enregistrement, Groupement ‘группировка’, Lotissement); слова на **-(a)tion** (Akklamation ‘аплодисменты’, Evakuatien ‘эвакуация’, Libération ‘освобождение’); слова на **-erie**, среди которых есть имена действия (Kauserie ‘легкая беседа, болтовня’, Braderie ‘распродажа’) и локальные наименования (Boucherie ‘мясная лавка’, Boulangerie ‘булочная’, Brasserie ‘пивная’, Papeterie ‘магазин канцтоваров’). Слова с суффиксом **-(i)at** являются собирательными существительными: Aktionariat ‘акционеры’, Partenariat ‘партнеры’, Patronat ‘работодатели’.

Среди прилагательных есть немало дериватов, заимствованных из французского языка с такими суффиксами: **-iv** (exhaustiv ‘истощенный’), **-an** (partisan ‘предвзятый’), **-är** (budgetär ‘бюджетный’, prioritär ‘первостепенный’), **-al** (artisanal ‘ремесленный’, elektoral ‘избирательный’, sculptural ‘скульптурный’), **-el/-ell** (notabel ‘благородный’, sectoriell ‘отраслевой’), **-ös** (metikulös ‘педантичный’), **-ent** (dement ‘безумный’).

В люксембургском узусе, в отличие от собственно немецкого, под влиянием французского языка широко употребляются причастия I и II в роли определения — значительно чаще, чем в собственно немецком: **boomende** Industrie ‘бурно развивающаяся промышленность’, **blasiertes** Lehrpersonal ‘высокомерный преподавательский персонал’, **plebiszierte** Dynastie ‘династия, пришедшая к власти в результате плебисцита’, „ein Acker, **gelegen** in Gostingen“ (LW, 16.05.97) — ‘поле, расположенное в Гостингене’, „Gutachten,

beruhend auf Umfragen und Beobachtung“ (LJ, 22.02.2006) — ‘заключение, основанное на вопросах и наблюдениях’.

Французское влияние ощущается и в порядке слов в предложении. Так, наречные частицы стоят не в конце предложения, а либо сразу после глагола, либо близко к нему: „Es **holte** niemand sie **ab** beim Portal“ (У.-М.Фриш-Урбаны).

Род существительных во французских заимствованиях нередко соответствует их роду в языке-доноре: **die** Pedale (*нем.* **das** Pedal), **der** Tour ‘поездка’ (*нем.* **die** Tour), **die** Renommée (*нем.* **das** Renommée). Иногда существительные сохраняют французские формы множественного числа: Jure, f ‘юбка’ — Jupes; Car, m ‘автобус’ — Cars; Gerbe, f ‘сноп’ — Gerbes и Gerben (по аналогии с немецким Garbe, f -Garben).

Многие французские слова орфографически и орфоэпически не освоены, сохраняют чуждое немецкому языку написание и произношение: Dossier, Bijouterie, Communiqué, Entente, Rentrée ‘возобновление работ’, Equipe, Gérant, Greffier, Chanoine ‘каноник’, rafraîchieren, Forfait ‘неустойка’. Довольно часто возникают слова-гибриды, содержащие французские основы: Volkssouverän, Hofaumônier, **Tripartite**-Sitzung, Vereinsentente, **Stagiarmitglieder**, **Lotissements**projekt, **Schlussklassement**.

Следует упомянуть, что в люксембургской прессе активно используются как английские, так и французские **слова-цитаты** вроде merci, au revoir, good by и т. п., а также иноязычные вкрапления, ставшие очень частотными: Shopping Center *англ.* ‘торговый центр’, Lowest-Budget-Produktion *англ.* ‘продукция с самой низкой себестоимостью’, Learning by doing *англ.* ‘практическое обучение’, Cercle Historique *франц.* ‘исторический кружок’. В Люксембурге нет вывесок на немецком языке, они могут быть только французскими и люксембургскими. То же касается микролокальных реалий: Institut Grand-Ducal ‘Институт Великого герцогства’, Ministère des Affaires Culturelles ‘министерство культуры’, Corniche — Корниш, букв. ‘карниз’, Place d’Armes ‘Парадная площадь’, Cercle municipal — ‘городской клуб’.

Глобальное влияние английского языка в Люксембурге не столь велико, как воздействие французского: благодаря последнему страна принадлежит к франкоязычному миру, а культура страны имеет как германские, так и романские черты.

Немецкий язык взаимодействует и с летцебургиш, выступая отчасти как **язык-реципиент**: это ощущается в словоупотреблении, в особой люксембургской интонации (Schaukelmelodie), в использовании краткой формы прилагательного в атрибутивной функции (kein fertig Lied, ihr wunderlich Gebaren (M.-L.Tidik-Ulveling)), в стилистически несколько сниженной окраске диалогов в немецкоязычной прозе Люксембурга.

Но все же по отношению к летцебургиш немецкий чаще выступает как **язык-донор**. Люксембургский германист Ф. Хоффманн [Hoff-

mann 1984: 1251] считал это влияние вредным, полагая, что близкородственные немецкие лексемы вытесняют автохтонную лексику. Г. Берг [Berg 1993: 148] отмечал, что новые немецкие заимствования почти не ассимилируются. Люксембургский язык заимствует в немецком прежде всего названия технических новинок (Fernseh 'телевизор', Schrauweschlüssel 'гаечный ключ', Staubsauger 'пылесос'). То же касается абстрактных понятий, недостающих молодому языку: Stromverbrauch 'расход электроэнергии', Onofheghegkeit 'независимость', Verdedegong 'защита', Schadstoff 'вредное вещество', Loftverschmutzung 'загрязнение воздуха' и т. п.

Литература

- Домашнев 1983 — *Домашнев А. И.* Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Л., 1983.
- Berg 1993 — *Berg G.* 'Mir wölle bleiwe, wat mir sin'. Soziolinguistische und sprachtypologische Betrachtungen zur luxemburgischen Mehrsprachigkeit. Tübingen, 1993.
- Kloss 1978 — *Kloss H.* Die Entwicklung neuer germanischer Kultursprachen seit 1800. Düsseldorf, 1978.
- Magenau 1964 — *Magenau D.* Die Besonderheiten der deutschen Schriftsprache in Luxemburg und in den deutschsprachigen Teilen Belgiens. Mannheim, 1964.
- Rinnen, Reuland 1986 — *Rinnen H., Reuland W.* Kleines Deutsch-Luxemburgisches Wörterbuch. Luxemburg, 1986.
- Variantenwörterbuch des Deutschen. Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol / U. Ammon, H. Bickel, J. Ebner u. a. Berlin; New York, 2004.
- Hoffmann 1984 — *Hoffmann F.* Nationalsprache und was jetzt? // Galerie. Revue culturell, 2. № 5. 1983—1984.

Источники примеров

- Frisch-Urbany 1967 — *Frisch-Urbany Y.-M.* Katzbalgerei. Luxemburg, 1967.
- Tidick-Ulveling 1974 — *Tidick-Ulveling M.-L.* Gesänge des Lebens. Luxemburg, 1974.
- LJ — Luxemburger Journal: 22.02.2006.
- LW — Luxemburger Wort: 16.05.1997; 10.05.1998; 6.09.1998; 4.11.1998; 10.06.2000; 7.10.2000; 9.10.2000; 18.05.2002.

ZUSAMMENFASSUNG**Nationale Besonderheiten der Globalisierung im
Luxemburger Deutsch**

Neben der Entlehnung von englisch-amerikanischen Lexemen wird Luxemburger Deutsch von zwei anderen Amtssprachen, dem Französischen und Luxemburgischen, beeinflusst. Der französische Einfluss besteht seit langem und zeigt sich auf verschiedenen Sprachebenen: in der Lexik (zahlreiche französische Vokabeln), in der Semantik (Lehnübersetzungen, Lehnbedeutungen), in der Wortbildung (reihenbildende Ableitungen, hybride Zusammensetzungen), in der Grammatik (häufiger Gebrauch der Partizipien, besondere Pluralformen der Substantive). Vom Luxemburgischen werden Satzintonation und Wortwahl beeinflusst. Als Spender (Quelle der neuen Termini und Abstrakta) dient Deutsch für die luxemburgische Sprache.

Н. А. ГОЛУБЕВА

(Нижний Новгород

Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова)

**МЕТАЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
МЕЖДУ ЯЗЫКОВОЙ КРИТИКОЙ
И ЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИЕЙ**

В статье рассматриваются несколько методологических версий исследования проблемы глобализации в языке, одна из которых базируется на фундаментальном положении о существовании языковых универсалий и четкой тенденции современной лингвистики «к укрупнению языковых единиц для их изучения» (Г. А. Золотова), к переходу соответственно «от меньшего знания к большому» (Ж. Пиаже).

Тема настоящей статьи продиктована задачей автора представить процесс глобализации в нескольких методологических версиях. Феномен глобализации стал в последние десятилетия в России и за рубежом предметом оживленных научных дискуссий во многих смежных с лингвистикой областях: литературоведении, культурологии, информатике, социологии, политологии. По существующим ныне методологическим версиям изучения проблемы глобализации в языке можно проследить этапы становления современного информационного состояния человечества. Ср.: *мессидж, онлайн, омбудсмен* и мн. др.

Под *глобализацией* в традиционном смысле понимается распространение информационных материалов, связей, средств и систем в планетарном масштабе, в результате чего мир становится интернационализированным, более связанным и более зависимым от всех его субъектов. Отсюда слова, словосочетания, выражения, которые связаны с этими процессами, называют *глобализмами* [Денисова 2004]. Специфика данных языковых единиц такова, что они известны широкому кругу социально активных, высокообразованных людей, владеющих несколькими языками, например, *боулинг, брексит, саммит* и др.

Процесс глобализации в лингвистике, по образному замечанию Р. Гарвега, включает «две стороны языковой сцены» [Harweg 2014],

которые вызывают у пользователей языка разное отношение. Первая сторона этого процесса раскрывается в ситуации, когда глобализованный мир, объединенный в рамках его технического оснащения, международных связей, моды и других, активно задействованных сфер жизни современного общества, тяготеет к распространению одного используемого во всем мире языка общения.

Истоки глобализации в языке, как мы знаем, лежат за пределами ее современного периода. Для этого достаточно вспомнить о латинизации такой сферы, как медицина, или о роли французского языка в сфере почты и других областях. Да и для широкого распространения английского языка условия благоприятствования возникли еще с расцветом британского колониального мирового господства, задолго до сегодняшнего дня. Вместе с тем нельзя не заметить, что на пути к достижению своего главенствующего положения английский язык как международный язык общения получил сегодня очередной толчок. Это связано с тем, что утратившее свое значение прошлое британское господство сменили устремления США к безраздельному всемирному влиянию.

Сложившуюся в мире моноязычную (читай: англоязычную) политику, фаворизацию одного единственного языка с его глобализмами можно рассматривать как *лексическую интервенцию*, которая вызывает у представителей малых языковых меньшинств сопротивление этому языковому процессу. Прогноз языковой политики в мире на обозримое будущее может быть малоутешителен, так как напрямую связан со стремительным экономическим ростом Китая, который из прагматических соображений пока еще признает стратегическую роль английского языка на международной арене. Однако языковой сценарий может измениться, если не забывать о том, что китайский язык является родным языком для самого большого количества его носителей на нашей планете и может стать серьезным конкурентом английскому.

Однако это есть всего лишь, как сказано выше, прогноз относительно одной и той же стороны языковой сцены, которая, как любая «медаль», онтологически обуславливает существование стороны другой. Общеизвестно из опыта мировосприятия и его осмысления, что другая, «обратная», сторона несет ожидаемо новую информацию о предмете речи. Другая сторона языковой сцены глобализованного мира обусловлена стремлением говорящих к сохранению многоязычия, своих языковых кодов и сохранению, таким образом, национальной идентичности.

Из истории лексикографии известно, что становление единых национальных лексических норм происходило путем активного участия общественных деятелей, школы, писателей, членов языковых обществ. Поэтому, например, уже в XVII в. усилия просвещенной части населения Германии были устремлены на избавление немецкого языка от процветания французской иноязычной лексики. «Пу-

ристы» немецкого языка пошли по пути замены модных слов немецкими, напр., *esprit libre* ← *Freigeist*; *passion* ← *Leidenschaft*; *avant-garde* ← *Vorhut*. Да и латинизмам была объявлена война [Голубева 2014].

Сегодня всем понятно, что сохранение малых национальных языков дается тяжело, при условии, что в экономике, например, да и в других областях это почти безнадежно. Тем не менее, такую возможность каждому конкретному языку предлагает всемирная электронная сеть *Интернет*, а также одна из притязательных компаний *Викимедия* с ее товарным лицом — компанией *Википедия*. Последняя занимается обработкой и распространением лексикографических данных энциклопедического назначения, ее неопределимое преимущество — множество языков, на которых она работает. И хотя операциональная часть общения в этих электронных сетях рядится в англицизмы, способ работы с основной информацией предлагает тем самым до этого не познанные возможности для сохранения мало распространенных языков.

На наш взгляд, существует еще одна сторона глобализации языковой сцены. В отличие от *глобализации* как процесса распространения информационных материалов, связей, средств и систем в транснациональных масштабах *глобализация* в нашем случае понимается как *всеобъемлемость, масштабность* представления лингвистических сущностей. Это свойство всеобщности связано как с расширением предметов, подлежащих концептуальному моделированию, так и их межъязыковой универсальности.

В лингвистике XX и начала XXI в. наблюдается тенденция к структурно-семантическому объединению единиц в их исследовании: от фонемы к слову, словосочетанию, предложению, синтагме или синтаксеме, высказыванию, абзацу, прозаической строфе, сверхфразовому единству, тексту, наконец, сверх- или гипертексту. То есть в этой тенденции отражено стремление лингвистов «к укрупнению языковых единиц для их изучения», как замечает Г. А. Золотова, и логичному переходу при этом от «меньшего знания к большему», по мысли Ж. Пиаже. Эта тенденция порождает движение, устремленное к наиболее абстрактным, глобальным смыслам в системной организации языка и неизбежно имеет выход на концептуальное моделирование укрупненных языковых структур.

Мы полагаем, что процесс глобализации в языке можно проследить на примере прецедентных феноменов, которые можно привести к общему знаменателю в языке в целом, то есть в его внутренней (на уровне одного конкретного языка), а также внешней (надъязыковой) перспективе. При глобализации под этим углом зрения речь идет об универсальном характере производных языковых феноменов.

Сделаем небольшой экскурс в историко-лингвистический опыт. Он свидетельствует о постоянном интересе к языковым преобразованиям (П. Адамец, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, З. Харрис,

Н. Хомский). Результаты этих преобразований несут в себе, по нашему убеждению, когнитивно-семантический признак «прецедентность», то есть «было». Этот семиотический признак приобретает языковая единица путем «отсылки» к языковому прецеденту и уходит корнями в традиционной лингвистике в отношении производности, зависимости, вторичности языкового знака. Языковые единицы, наделенные этим когнитивно-семантическим признаком, считаются прецедентными.

Термин «прецедент» в науке не нов. Со своей логической составляющей он вышел за рамки юриспруденции и широко фигурирует сегодня в филологии и лингвокультурологии. В немецкой германистике этот термин закрепился в понятии „Präzedenzbeziehung“ — «прецедентное отношение». Под ним лингвисты подразумевают, как правило, отношения зависимости в синтаксисе, а также в грамматике в целом и теории динамического развития языка [Kanngießer 2006].

Прецедентное отношение, в частности, дискутируется в свете «проектируемости синтаксической структуры» как одна из когнитивно-грамматических оппозиций в предложении: «отношение прямого доминирования — отношение линейного прецедента» (Г. Мюллер, В. Тюммель); при анализе порядка слов и структурных правил фразообразования (Д. Гиббон, Г. Кентнер); при рассмотрении союзов с точки зрения расположения связываемых ими конъюнктов (М. Веселовский), а также при освещении синтаксической многозначности придаточных предложений (Д. Клемент).

Прецедентное отношение рассматривается на примере кореферентных и анафорических отношений в рамках теории связывания Ноама Хомского [Von Stechov, Sternefeld 1998]. Согласно концепции моделирования систем знания Н. Хомского, структурное знание (знание универсальной грамматики) имплицитно подразумевает постоянное возвращение к грамматическим синонимам. Этот лингвистический постулат имеет свое продолжение в главном тезисе функциональной лингвистики, по которому грамматика находится на службе коммуникативных и когнитивных процессов. Эти теоретические положения можно считать методологическим основанием для выделения грамматического вида прецедентности [Голубева 2010].

В России к проблеме прецедентности не ослабевает научный интерес в течение трех последних десятилетий (Д. Н. Гудков, М. Я. Дымарский, Л. И. Гришаева, И. В. Захаренко, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, В. В. Красных, Н. М. Орлова, Г. Г. Слышкин). Он сформировался на описании прецедентных феноменов — прецедентного текста (*Библия*), прецедентного имени (*Красная Шапочка*), прецедентной ситуации (*Всемирный потоп*), прецедентного высказывания (*Каждому свое!*), прецедентной модели (*Сосюровский постулат*), прецедентного факта (*эксперимент с чашками Лабова в лингвистике в 1973 году*). При этом немецкий язык тоже изобилует подобными пре-

цедентными феноменами, на что указывают соответствующие лексические эквиваленты: *die Bibel, Rotkäppchen, die Sintflut, Jedem das Seine! das de Saussuresche Postulat, das Tassen-Experiment von Labov 1973*.

Вместе с тем в новейших публикациях в России наметился явный отход от традиционного понимания прецедентности языкового знака. Так, систему прецедентных феноменов в экономическом дискурсе английского языка расширили «прецедентная модель» и «прецедентный факт» [Тимофеева 2008]. Интересный ракурс описания прецедентности получили номинации, репрезентирующие «лексикализованные» и «нелексикализованные» концепты гиперонимов и гипонимов, обозначающих фрукты в английском языке [Гольдберг 2004], образные сравнения в английском языке [Степанова 2006], протопрецедентные имена-наречия, образованные от имен собственных, типа по-машкиному, по-есенински [Савёлова 2008].

В формате прецедентного текста и прецедентного высказывания подлежат трактовке паремиологические единицы (поговорки, крылатые выражения) и их перифразы, т. н. «метафраземы», выражающие разного рода «перекрученные мудрости», интертексты, былички (В. Дубичинский, Л. В. Лаенко, А. Мелерович, А. Пстыга, В. Хлебда). В лингвистике рассматривается метафора как прецедентная единица [Нуждина 2013].

Процессы осмысления прецедентности языкового знака обусловлены выделением вторичных функций (У.-Г. Васнер, Е. А. Туницкая, В. И. Чуглов); вторичной категоризации (Т. В. Белошапкина, Н. Н. Болдырев, Л. М. Борисенкова); вторичных концептов (Л. В. Бабина, Л. М. Нюбина); вторичных фреймовых структур (Е. А. Огнева); метаконцептов (Т. А. Клепикова, А. Г. Лошаков); вторичных текстов (Н. Д. Голев, С. В. Ионова); вторичных речевых актов и вторичных пропозиций (У. Браусе, З. Вендлер, И. М. Кобозева); другими словами, ретрансляцией и адаптацией смыслов, вторичной коммуникацией, фактами вторичного письма. (О. А. Лентович, М. М. Филиппова).

Когнитивно-дискурсивный подход к исследованию проблемы прецедентности в лингвистике раздвинул ее границы, а именно, расширение предметов исследования через моделирование в рамках концепта «прецедент» позволило выделить три вида прецедентности: грамматический, лексический и эпистемический [Голубева 2010].

Следует заметить, что одним из результатов явлений глобализации в языке является упрощение метаязыка из-за его перегруженности терминами и понятиями, излишне конкретизированными или же, наоборот, предельно размытыми. То есть речь идет об избавлении от множественности смыслов в лингвистике, которая порождает терминологическую неопределенность. В этом смысле в рамках лексического вида прецедентности стал возможным процесс «взаимопоглощения» терминов «производная», «вторичная» и «повторная» номинация в едином понятии «прецедентная номина-

ция». Это позволило более четко разграничить самые известные понятия в теории номинации и вместе с тем выявить их взаимосвязь. Таким образом, сделан шаг к упорядочению метаязыка, что является существенным методологическим моментом для современного языкознания.

Подведем итоги. Новое осмысление когнитивно-семантического признака прецедентности позволяет говорить о глобализации проблемы прецедентности в двух ракурсах: 1) экспансии этого когнитивно-семантического признака в пределах лингвистического знака (за счет расширения классификации прецедентных языковых единиц); 2) становления межъязыковой универсальности этого когнитивно-семантического признака.

Литература

- Голубева 2010 — *Голубева Н. А.* Грамматические прецедентные единицы в современном немецком языке: Дис. ... докт. филол. наук. Нижний Новгород, 2010.
- Голубева 2015 — *Голубева Н. А.* Новые слова от Людовика XIV до Ангелы Меркель // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Вып. 32. Нижний Новгород, 2015. С. 187—198.
- Гольдберг 2004 — *Гольдберг В. Б.* Гиперонимы и гипонимы как прецедентные феномены // Феномен прецедентности и преемственность культур / общ. ред. Л. И. Гришаева, М. К. Попова, В. Т. Титов. Вып. 8. Воронеж, 2004. (Сер. «Монографии»). С. 114—119.
- Денисова 2004 — *Денисова С. П.* Русский язык: исторические судьбы и современность // Глобализмы в языке массовой коммуникации. М., 2004. С. 429—430.
- Нуждина 2013 — *Нуждина А. В.* Метафорическая номинация как прецедентная единица // Когнитивные исследования языка. Вып. XIV. Тамбов, 2013. С. 992—995.
- Савёлова 2008 — *Савёлова Л. А.* Концептуальная значимость наречий, образованных от антропонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 3 (16). С. 95—99.
- Степанова 2006 — *Степанова А. В.* Интертекстуальная природа образа и образности (на материале образных сравнительных конструкций английской и американской литературы XIX и XX вв.): Дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006.
- Тимофеева 2008 — *Тимофеева Т. Н.* Прецедентные феномены в англоязычных научных текстах экономической тематики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2008.
- Harweg 2014 — *Harweg R.* Die andere Seite der Sprachenszene in der globalisierten Welt // Alltags- und Fachkommunikation in der

- globalisierten Welt. Eine Annäherung / A. Burkhardt, J. Zhao, J. Zhu (Hrsg.). Frankfurt am Main, 2014. S. 19—29.
- Kanngießler 2006 — *Kanngießler S., Maas U., Bulk A.* Alternativräume der Sprachdynamik: Versuch über die Determination der grammatischen Kontingenz / U. Maas (Hrsg.). Osnabrück, 2006.
- Von Stechov 1998 — *Von Stechov A., Sternefeld W.* Bausteine syntaktischen Wissens. Ein Lehrbuch der generativen Grammatik. Opladen, 1998.

ZUSAMMENFASSUNG

Metasprachliche Aspekte der Globalisierung: zwischen Sprachkritik und Sprachreflexion

Die eine Seite der Sprachenszene in der globalisierten Welt ist die, dass die globalisierte Welt zu einer weltweit benutzbaren Verkehrssprache drängt. Die andere Seite ist also diejenige, dass sich die Globalisierung in Gestalt des weltweiten elektronischen Netzes ankleidet, wie etwa Wikipedia, und dadurch früher nicht gekannte Möglichkeiten zur Pflege der wenig verbreiteten Sprachen bietet.

Es gibt aber noch eine Seite, die Globalisierung in der Sprache behandeln zu können. Die ist aktuell am Beispiel von Grammatikalisierungsprozessen, die sich auf einen Nenner bringen lassen in der Sprache allgemein, d. h. in ihrer inneren sowie äußeren (übereinzelsprachlichen) Perspektive. Bei der Globalisierung unter diesem Blickwinkel muss die Rede von der Topologisierung von sprachlichen Phänomenen mit ihrem universalen Präzedenzcharakter gehen.

К. А. ФИЛИППОВ

(Санкт-Петербургский государственный университет)

**НЕМЕЦКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ
В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ НЕКОТОРЫХ ПОНЯТИЙ
ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА)**

В конце XVIII в. произошел сдвиг исследовательского интереса в сторону анализа устной речи, обозначивший, по меткому выражению известных немецких лингвистов Г. Шанка и И. Швиталлы, «переход от предложения к тексту и, наконец, к диалогу» („den Übergang vom Satz zum Text und schließlich zum Dialog“) [Schank, Schwitalla 1980: 313] в качестве объектов лингвистического исследования. В начале нового тысячелетия некоторые авторы считают, что «текст сегодня должен анализироваться — и анализируется! — вместе со следующей за ним единицей коммуникативной иерархии — дискурсом» [Чернявская 2008: 227]. Таким образом, появление на современном лингвистическом горизонте дискурса как новой «единицы коммуникативной иерархии» превращает триаду „Satz — Text — Dialog“ в гипотетическую тетраду „Satz — Text — Dialog — Diskurs“. Такая точка зрения предполагает очередное изменение лингвистической парадигмы в поступательном развитии науки о языке.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы дать краткую характеристику процесса изменения современной научной парадигмы применительно к основным понятиям лингвистического анализа текста. В своем подходе к интерпретации представленных концепций автор руководствуется тезисом известного петербургского ученого-лексикографа А. С. Герда, согласно которому «содержание современного научного знания в целом едино для специалистов из разных стран, и в этом отношении глубоко справедливо мнение о том, что наука как знание неделима по государствам и народам» [Герд 1996: 81].

Важное значение предложения как одной из операционных единиц современного лингвистического анализа текста не подвергается сомнению современными теоретиками лингвистики. В настоящей статье нет необходимости давать подробную характеристику предложения и той роли, которую предложение играет в формировании

структуры речевого высказывания. Для целей нашего исследования достаточно упомянуть авторитетное мнение российского лингвиста В. Г. Адмони, считающего, что «структурной основой речевой коммуникации является предложение» [Адмони 1994: 51]. Со своей стороны, немецкий ученый Х. Ю. Херингер подчеркивает решающее значение предложения в качестве отправной точки современного лингвистического анализа текста: „Ein Text ist eine kommunikative Einheit. Sie folgt in der Hierarchie linguistischer Einheiten dem Satz. Daher rührt auch der Slogan aus den Anfangszeiten: Hinaus über den Satz!“ [Heringer 2015: 11].

При этом прочные позиции текста среди главных объектов современной лингвистики остаются непоколебимыми на протяжении более полувека. Не случайно именно текст признается основной единицей речевой коммуникации. Так, М. Хайнеманн и В. Хайнеманн прямо называют текст «основной единицей речевой коммуникации» („Texte sind Grundeinheiten der sprachlichen Kommunikation“) [Heinemann M., Heinemann W. 2002: 112] (подробнее о центральном месте текста в современной лингвистике см. [Филиппов 2016]).

В современной лингвистической теории практически все авторы обращают внимание на два главных параметра (признака, критерия) текста, а именно на цельность и связность. Так, В. Б. Касевич считает, что именно цельность и связность представляют собой системные свойства речевых произведений, лежащие в основе выделения лингвистики текста в самостоятельную научную дисциплину [Касевич 1988: 50]. В новейшей немецкой лингвистике среди основных признаков текста ученые также упоминают равнозначные цельности и связности параметры; ср.: а) принадлежность к какому-либо типу текста („Texte sind selbstreferenziell, d.h. sie signalisieren ihre eigene Textsorte“); б) наличие темы как содержательной рамки („Texte haben ein Thema, das eine übergeordnete inhaltliche Klammer bildet“); в) когерентность как содержательная связность частей текста („Texte zeigen Kohärenz, d.h. die Teile eines Textes beziehen sich inhaltlich aufeinander“); г) когезия как структурные средства связи элементов текста („Texte enthalten strukturelle Mittel der Kohäsion, mit denen textinterne Bezüge explizit gemacht werden“) [Hilpert 2013: 190].

На примере диалога — следующего звена в приведенном выше перечне объектов лингвистического анализа — можно проследить развитие некоторых тенденций в немецкой германистике. Такой экскурс в историю развития современной теории диалога представляется необходимым в свете того, что еще совсем недавно, в середине 70-х гг. прошлого века, Х. Штегер и его сотрудники из Фрайбургской исследовательской группы (Freiburger Forschungsstelle Dialogstrukturen) увлеченно занимались построением «лингвистики диалога» на основе типологии речевых констелляций (см.: [Projekt Dialogstrukturen 1976]) и термин диалог выходил на передовые позиции в европейской лингвистике.

Известный немецкий литературовед Р. Клёпфер, вдохновленный идеями М. М. Бахтина в области теории диалога, расширяет рамки данного понятия. Диалогическим принципом (применительно к обиходной разговорной речи и литературе) он называет такой принцип построения коммуникации, при котором диалог вынужден постоянно увеличивать свои параметры („jenes Prinzip, das den Dialog stets zu einem Mehr treibt“) [Kloepfer 1981: 328]. Диалогический принцип позволяет вовлечь в рассмотрение все больше параметров: он включает в характеристику говорящих субъектов их социальных предшественников, он раскрывает актуальные ситуации через посредство минувших, похожих, аналогичных, примысливаемых обстоятельств; он расширяет содержание благодаря конфронтации и воссозданию слепка фрагмента действительности; он не редуцирует, а создает «языки» [Ibid.].

На особом месте диалога в описании грамматических явлений современного немецкого языка настаивает Х. Вайнрих, формируя методологию своего подхода в работе над «Текстовой грамматикой немецкого языка» (Textgrammatik der deutschen Sprache): „Die Linguistik, die dieser Grammatik zugrunde liegt, nimmt ihr Maß vom DIALOG. Nicht die monologischen Äußerungen eines einsam vorgestellten Sprachbenutzers also, sondern das gemeinsame SPRACHSPIEL von (mindestens) zwei Dialogpartnern dient hier als grammatisches Denkmodell. Grundeinheit der linguistischen Beschreibung ist daher die KOMMUNIKATIVE DYADE, bestehend aus einem Sprecher und einem Hörer, die im Gespräch miteinander ständig ihre Rollen tauschen. Auch der schriftliche Sprachverkehr, der sich zwischen einem Schreiber (Autor) und einem Leser abspielt, soll dialogisch verstanden werden. In diesem Sinne ist die Textgrammatik gleichzeitig eine DIALOGGRAMMATIK“ [Weinrich 2003: 17—18].

В приведенной выше цитате Х. Вайнриха обращает на себя внимание не только то, что он фактически приравнивает грамматику текста (Textgrammatik) грамматике диалога (Dialoggrammatik), но и фиксирует наличие двух похожих понятий, относящихся к диалогической коммуникации, а именно понятий «диалог» (Dialog) и «разговор» (Gespräch). К тому же необходимо заметить, что разграничение данных понятий в немецкой лингвистике можно считать свершившимся фактом.

В этой связи уместно вспомнить Р. Гирцеля, настаивавшего (еще в конце XIX в.!) на различении диалога (Dialog) как речевого жанра, специально приспособленного для обсуждения значимых тем (mit einer Erörterung verbunden), и разговора (Conversation, Gespräch), в ходе которого собеседники всего лишь обмениваются всевозможными новостями (ein Austausch von allerlei Nachrichten). Диалог, по выразительным словам Р. Гирцеля, — это не просто «пестрый обмен более или менее богатыми смыслом высказываниями» („der bunte Wechsel mehr oder minder geistreicher Bemerkungen“) [Hirzel 1895: 4],

диалог отличается от разговора тем, что он «погружен в размышления о предметах и поэтому не может подобно мотыльку порхать с одного [предмета] на другой» („da dieser sich erörternd in die Gegenstände versenkt und deshalb nicht wie ein Schmetterling von einem zum anderen flattern kann“) [Ibid.: 5].

Подтверждение такой оценке многогранной природы диалога можно найти в современной немецкой лингвистической литературе. Известные исследователи устной речи Г. Хенне и Г. Ребокк, отталкиваясь от приведенной выше точки зрения Р. Гирцеля, развивают и дополняют его идею, правда, в несколько ином направлении. Если позицию Р. Гирцеля отличает явное предпочтение диалога обиходному разговору, то Г. Хенне и Г. Ребокк решительно ставят на первое место разговорную коммуникацию, неоднократно подчеркивая на страницах своей книги ее значимость в истории человеческой цивилизации. Ср.: „Wenn der Mensch durch seine Sprachfähigkeit erst zum Menschen wird, dann bedeutet diese Sprachfähigkeit zu gleich, daß der Mensch mit anderen Menschen in ein Gemeinsames und das heißt: in ein Gespräch eintreten kann. Die Kategorie Gespräch muß somit als grundlegend für jede Form menschlicher Gesellschaft angesehen werden“ [Henne, Rehbock 2001: 1].

В дальнейшем краткие, но емкие определения подкрепляют и развивают эту мысль немецких авторов: „Das Gespräch ist eine Grundeinheit menschlicher Rede“ [Henne, Rehbock 2001: 6] и „Die Grundeinheit sprachlicher Kommunikation ist das Gespräch“ [Ibid.: 12]. Соответственно диалогу отводится роль «специфической формы разговорной коммуникации, которая дает возможность участника обсудить какую-либо значимую тему» („eine spezifische Gesprächsform, die den Teilnehmern die Gelegenheit gibt, ein bedeutsames Thema zu erörtern“) [Ibid.: 3].

Сложнее всего определить место дискурса в приведенном перечне объектов современной лингвистики. Трудность решения этого вопроса заключается не только в сложном характере данного понятия, применяемого в самых разных сферах человеческого общения. Любое необычное проявление, казалось бы, хорошо изученных свойств языковых единиц приписывается гипотетическому дискурсивному воздействию.

Необходимо заметить, что термин дискурс (Diskurs) не является чем-то новым в европейской науке. Так, в названиях целого ряда научных исследований XVII—XVIII вв. можно встретить слово дискурс (discours), например, „Astronomischer Discours von den Sonnenfinsternissen“ (Kaspar Marche, 1654), „Die Discourse der Mahlern“ (Johann Jacob Bodmer, Johann Jacob Breitingер und andere, 1721—1724), „Discours sur la metaphysique“ (Jean Bernard Merian, 1765) и т. д. В качестве еще одного известного всем германистам примера использования термина discours в вышеуказанном значении (речь, выступление, рассуждение) можно привести название лекции, с которой

в 1687 г. перед студентами Лейпцигского университета выступил Христиан Томазий, ср.: „Discours Welcher Gestalt man denen Frantzosen in gemeinem Leben und Wandel nachahmen solle?“ (см. [Christian Thomas 1687]). Именно это выступление Хр. Томазия знаменует начало практического использования немецкого языка (вместо латыни) в науке и образовании Германии.

В авторитетном четырехтомном «Грамматическом словаре немецкого языка» (Grammatisches Wörterbuch der deutschen Sprache), начатом Карлом Филиппом Моритцем в 1793 г. и законченном его последователями в 1800 г., содержатся три слова с корневым компонентом *discurs*: „DISCURIREN: sprechen, reden, sich unterhalten; DISCURS: Gespräch; DISCURSIVE: Gesprächsweise“ [Grammatisches Wörterbuch 1794: 75]. Кстати сказать, трактовка термина *Diskurs* как произведения разговорной речи сохраняется в немецкой лексикографии вплоть до настоящего времени. Так, «Словарь немецкого языка» (Deutsches Wörterbuch, 1999) определяет слово дискурс как «публичный обмен мнениями» (öffentliche Debatte), «оживленную беседу» (lebhaft Unterhaltung) [Deutsches Wörterbuch 1999: 165], и в этой дефиниции понятие дискурса синонимично слову диалог.

Своим выдвиганием на передовые позиции в современном языкознании термин *discourse*, на мой взгляд, обязан американскому ученому З. Харрису, опубликовавшему в 1952 г. работу „Discourse Analysis“ (см. [Harris 1952]), которую теоретики современной лингвистики считают программным трудом, открывшим новые перспективы в лингвистическом анализе целых речевых произведений (текстов). И хотя методика анализа речевой цепи (дискурса) З. Харриса не получила своего дальнейшего развития, его подход позволил ученым выйти за границы грамматики предложения на новый уровень — уровень лингвистического анализа текста.

В современной научной литературе можно встретить самые разные, значительно отличающиеся друг от друга трактовки понятия «дискурс». Так, интерпретация дискурса М. Фуко «как совокупности высказываний, подчиняющихся одной и той же системе формирования» [Фуко 2004: 210] кардинально отличается от точки зрения Ю. Хабермаса, считающего дискурс одной из форм метакommunikации, направленной на решение значимых проблем, возникающих при обсуждении норм и правил человеческого общения (см. [Ulrich 2002: 67]). Показательно, что сам М. Фуко давал весьма нелестную оценку своим попыткам уточнения термина дискурс: «Вместо того чтобы понемногу сужать столь расплывчатое значение слова «дискурс», я только умножал его смыслы» [Фуко 2004: 160].

Специалисты в области семиотики также признают наличие множества трактовок термина дискурс, обращая особое внимание на тенденцию к постоянному расширению его значения. А. Ж. Греймас и Ж. Курте видят в таком расширении опасность не только для лингвистики, но даже для самой семиотики. После обстоятельного

изучения различных трактовок дискурса они приходят к неутешительному выводу: «Поскольку термин “дискурс” неуклонно стремится отождествиться с термином “семиотический процесс” и даже стать метонимическим обозначением той или иной частной семиотики в целом (и как процесса, и как системы), то заново встанет проблема определения **семиотики** (как объекта познания и как предмета науки, конструируемого описанием» [Греймас, Курте 1983: 491].

При рассмотрении дискурса как заключительного звена в перечне объектов лингвистического анализа «Satz — Text — Dialog — Diskurs» целесообразно максимально сузить значение этого многозначного, но тем не менее весьма привлекательного для многих исследователей слова. Именно так поступает В. Хайнеманн, и его позиция заслуживает пристального внимания и безусловного одобрения.

После подробного анализа концепции дискурса М. Фуко немецкий теоретик лингвистики текста приходит к заключению: „Daraus ergibt sich, dass auch die Texte aufs engste miteinander verbunden sind, dass eine bestimmte Menge solcher Texte in einem bestimmten gesellschaftlichen Umfeld auf der Basis eines gemeinsamen Text-Themas enger zusammengehört und damit ein Textverband oder Diskurs — also als transtextuelle Einheit — verstanden werden kann. Und das impliziert wiederum, dass die Einzeltexte — wie auch bei Foucault die Aussagen — ihre eigentliche Bedeutung und ihre Funktion letztlich erst vor dem Hintergrund des Ganzen, also des Diskurses erhalten“ [Heinemann 2006: 40].

Таким образом, наиболее логичной и подходящей для признания дискурса завершающим звеном в заявленном выше перечне объектов лингвистического анализа представляется его трактовка как своеобразного «транстекстового единства» (*transtextuelle Einheit*), как совокупности текстов, соотносенных друг с другом на основе общих семантико-тематических, прагматических и когнитивных отношений. Интересно, что похожим образом задолго до возникновения лингвистики текста простой немецкий учитель Генрих Август Шётензак (Heinrich August Schötensack) применял термин «союз предложений» (Satzverein) для объяснения речевых фактов, не укладывающихся в привычные представления о предложении и периоде [Schötensack 1856: 798—806].

При определении горизонтов научной парадигмы в лингвистике не следует упускать также из поля зрения хорошо известную, но нередко отодвигаемую на задний план лингвистическую единицу — слово. О слове прекрасно выразился замечательный петербургский ученый Лев Рафаилович Зиндер: «Слово» — это не просто минимальная самостоятельная единица языка (в общем значении этого слова, а не в специальном лингвистическом), а единственная для всех языков (независимо от их стоя) единица, без которой не может существовать человеческий язык. Более того, я сказал бы, что **слово уже и есть язык**» [Зиндер 1997: 5] (выделено мной. — К. Ф.). Слово

занимает самое важное место в любой лингвистической парадигме, потому что без него не может существовать язык.

В качестве примера того, как одно слово может стать квинтэссенцией смысла всего текста, рассмотрим миниатюрный латинский текст небольшой эпиграммы немецкого писателя-гуманиста XVI в. Эврикия Кордуса (Euricius Cordus) в переводе Г. Шнура (Hargy C. Schnur). De Vigesia. „Iam, scio, mentiur Vigesia.“ „Qui potes illud scire absens?“ „Video.“ „Quid?“ „Quoniam loquitur.“ Euricius Cordus [Galle und Honig 1984: 58]. Необходимость обращения к немецкому варианту эпиграммы объясняется не только тем, что этот перевод приведен в книге рядом с латинским вариантом, но и возможностью наглядного представления диалогических отношений между текстами разных эпох.

Auf Vigesia

„Vigesia dort drüben — sie lügt; siehst du es nicht?“

„Woher willst du das wissen?“

„Nun schau doch hin: sie spricht.“

[Galle und Honig 1984: 59]

Данный текст представляет собой бытовой разговор двух знакомых, обсуждающих знакомую персону на улице. Текст имитирует ситуацию непосредственного общения, о чем свидетельствуют обмен репликами, а также наличие многочисленных сигналов, характерных для разговорной коммуникации (dort drüben, siehst du es nicht, schau doch hin).

Смысл этой эпиграммы заключается в глубоком убеждении инициатора диалога в том, что даже если он не слышит, о чём говорит Вигезия, то весь опыт общения с данной персоной подсказывает ему, что она может только лгать. Глагол *lügen* (лгать) содержит в себе сему говорения, поэтому партнер сразу соотносит глагол *sprechen* (говорить) с глаголом *lügen*. В результате манипуляции двумя словами возникает наглядная иллюстрация своеобразной оценки человеческого поведения.

Наш анализ будет неполным, если не упомянуть еще об одном обстоятельстве, связанном с данным текстом. В свое время эпиграмма Э. Кордуса заинтересовала Г. Э. Лессинга, который написал следующий стихотворный текст:

Auf den Ley

Der gute Mann, den Ley zur Seite dort gezogen!

Was Ley ihm sagt, das ist erlogen.

Wie weißt du das? — Ich hör! ihn freilich nicht:

Allein ich seh doch, daß er spricht.

(цит. по: [Galle und Honig 1984: 177])

Замена одного личного имени (*Vigesia*) на другое (*Ley*) полностью переворачивает смысл текста: вместо живой женщины в центре внимания оказывается мужчина-лжец с говорящим именем (английский глагол *lie* обозначает «лгать»). В данном случае мы наблюдаем, как происходит, если воспользоваться выразительными словами Б. Парти, «передача лексической единицы сквозь меняющиеся состояния языка, от одного говорящего к другому, от одной эпохи к другой» [Парти 1983: 297].

Таким образом, при соотнесении латинского текста Эврикия Кордуса со стихотворной миниатюрой Готфрида Лессинга возникает своеобразная словесная переключка между представителями двух текстовых формаций — европейского художественно-гуманистического дискурса XV—XVI вв. и немецкого художественно-просветительского дискурса XVIII в. Именно такие случаи имел в виду М. М. Бахтин, представляя свое видение диалогических отношений: «Но диалогические отношения, конечно, отнюдь не совпадают с отношениями между репликами отдельного диалога — они гораздо шире, разнообразнее и сложнее. Два высказывания, отделенные друг от друга и во времени и в пространстве, ничего не знаящие друг о друге, при смысловом сопоставлении обнаруживают диалогические отношения, если между ними есть хоть какая-нибудь смысловая конвергенция (хотя бы частичная общность темы, точки зрения и т. п.)» [Бахтин 1986: 496].

Итак, современная лингвистика предполагает описание текста во взаимосвязи с культурными, историческими, социальными и иными обстоятельствами его возникновения. При лингвистическом анализе речевых фактов приходится учитывать самые разные смысловые нюансы, которые могут найти свое воплощение в любой из строевых единиц человеческой коммуникации. Главным звеном в вынесенном в заглавие статьи перечне объектов современной лингвистики остается текст как целое речевое произведение, аккумулирующее в себе все оттенки смысла.

Литература

- Адмони 1994 — Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. СПб., 1994.
- Бахтин 1986 — Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / сост. С. Бочаров и В. Кожин. М., 1986. С. 473—500.
- Герд 1996 — Герд А. С. Специальный текст как предмет прикладного языкознания // Прикладное языкознание: учебник / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Г. Я. Мартыненко и др.; отв. ред. А. С. Герд. СПб., 1996. С. 68—90.

- Греймас, Курте 1983— *Греймас А. Ж., Курте Ж.* Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М., 1983. С. 483—550.
- Зиндер 1997 — *Зиндер Л. Р. Л. В.* Щерба и школа Щербы наших дней // Экспериментально-фонетический анализ речи: Проблемы и методы: межвузовский сб. / отв. ред. Л. В. Бондарко. СПб., 1997. С. 3—12.
- Касевич 1988 — *Касевич В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
- Парти 1983 — *Парти Б. Х.* Грамматика Монтегио, мысленные представления и реальность // Семиотика / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М., 1983. С. 285—305.
- Филиппов 2016 — *Филиппов К. А.* Лингвистика текста и современный анализ устной речи: учеб. пособие. СПб., 2016.
- Фуко 2004 — *Фуко М.* Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб., 2004.
- Чернявская 2008 — *Чернявская В. Е.* Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М., 2008.
- Christian Thomas 1687 — Christian Thomas eröffnet Der Studirenden Jugend zu Leipzig in einem Discours Welcher Gestalt man denen Frantzosen in gemeinem Leben und Wandel nachahmen sollte? ein Collegium über des Gratians Grund-Reguln/ Vernünfftig/ klug und artig zu leben. Leipzig, 1687.
- Deutsches Wörterbuch 1999 — Deutsches Wörterbuch. Eltville, 1999.
- Galle und Honig 1984 — Galle und Honig. Humanistenepigramme: lateinisch und deutsch / Hrsg. von Harry C. Schnur und Rainer Kößling. Leipzig, 1984.
- Grammatisches Wörterbuch 1794 — Des H. Hofr. Moritz Grammatisches Wörterbuch der deutschen Sprache, fortgesetzt vom Prediger Johann Ernst Stutz. 2. Band. Berlin, 1794.
- Harris 1952 — *Harris Z. S.* Discourse Analysis // Language. 1952. Vol. 28. P. 1—30.
- Heinemann 2006 — *Heinemann W.* Diskurse als Gegenstand des Deutschunterrichts? // Angewandte Textlinguistik. Perspektiven für den Deutsch- und Fremdsprachenunterricht / Maximilian Scherner, Arne Ziegler (Hrsg.). Tübingen, 2006. S. 37—46.
- Heinemann M., Heinemann W. 2002 — *Heinemann M., Heinemann W.* Grundlagen der Textlinguistik: Interaktion — Text — Diskurs. Tübingen, 2002.
- Henne, Rehbock 2001 — *Henne H., Rehbock H.* Einführung in die Gesprächsanalyse. 4. Aufl. Berlin; New York, 2001.
- Heringer 2015 — *Heringer H. J.* Linguistische Texttheorie. Eine Einführung. Tübingen, 2015.

- Hilpert 2013 — *Hilpert M.* Satz und Text // Sprachwissenschaft. Grammatik — Interaktion — Kognition / Hrsg. von Peter Auer. Stuttgart; Weimar, 2013. S. 187—216.
- Hirzel 1895 — *Hirzel R.* Der Dialog. Ein literarhistorischer Versuch. 1. Theil. Leipzig, 1895.
- Kloepfer 1981 — *Kloepfer R.* Das Dialogische in Alltagssprache und Literatur // Dialogforschung. Jb.1980 des Instituts für deutsche Sprache / Hrsg. von P. Schröder, H. Steger. Düsseldorf, 1981. S. 314—333.
- Projekt Dialogstrukturen 1976 — Projekt Dialogstrukturen. Ein Arbeitsbericht / F.-J. Berens, K.-H. Jäger, G. Schank, J. Schwitalla; mit der Einleitung von H. Steger. München, 1976.
- Schank, Schwitalla 1980 — *Schank G., Schwitalla J.* Gesprochene Sprache und Gesprächsanalyse // Lexikon der Germanistischen Linguistik / Hrsg. von H.-P. Althaus, H. Henne, H. E. Wiegand. 2. Aufl. Tübingen, 1980. S. 313—322.
- Schötensack 1856 — *Schötensack H. A.* Grammatik der neuhochdeutschen Sprache mit besonderer Berücksichtigung ihrer historische Entwicklung. Erlangen, 1856.
- Ulrich 2002 — *Ulrich W.* Wörterbuch Linguistische Grundbegriffe. 5. Aufl. Berlin; Stuttgart, 2002.
- Weinrich 2003 — *Weinrich H.* Textgrammatik der deutschen Sprache. 2. Aufl. Zürich; New York, 2003.

ZUSAMMENFASSUNG

Deutsche sprachwissenschaftliche Terminologie im Kontext der Globalisierung (unter besonderer Berücksichtigung einiger textlinguistischen Begriffe)

Moderne Sprachwissenschaft sieht eine Textbeschreibung im Zusammenhang mit geschichtlichen, sozialen, kulturellen und übrigen Umständen jeweiliger Epoche voraus. Eine linguistische Textanalyse muss unterschiedliche Sinnnuancen in Betracht ziehen, die im Text latent vorhanden sind und ihre inhaltliche Realisation in den lexikalischen und grammatischen Baueinheiten sprachlicher Kommunikation finden. Das Hauptobjekt textlinguistischer Forschung bleibt nach wie vor der Text als Gesamtedewerk, das alle Schattierungen des Kommunikationsinhalts in sich akkumuliert.

Ж. В. НИКОНОВА

(Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова)

РАЗВИТИЕ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В условиях глобализации современная наука находится в постоянном развитии. Междисциплинарный характер многих исследований определяет высокий уровень динамики всех отраслей знания, включая лингвистику. Процессы интеграции затрагивают не только отдельные явления, рассматриваемые на пересечении различных теорий языка, но и терминосистемы многих концептуальных областей лингвистического знания в целом. Особенно это характерно для молодых и активно развивающихся наук, к которым, без сомнения, можно отнести лингвистическую прагматику.

Многие ключевые понятия и термины, формирующие понятийно-категориальный аппарат современной лингвистической прагматики, остаются до настоящего времени не до конца определенными в силу того, что их семантический объем подвергается изменениям ввиду различных глобализационных процессов.

Рассмотрим это на примере понятийной категории «иллокуция», которая является основополагающей для центральной теории лингвистической прагматики — теории речевых актов.

Общеизвестно, что теория речевых актов оформилась в отдельное направление прагмалингвистических исследований в середине XX в. Понятия «иллокуция», «иллокутивный» с самого начала становления лингвистической прагматики четко указывали на их отношение к данной теории в рамках постулатов о внутренней структуре речевого акта, включающей в себя иллокутивный, перлокутивный и локутивный (пропозициональный) акты.

Термин «иллокуция» (от *lat. il- 'в', loqui 'говорить'*, т. е. 'действие, совершаемое посредством говорения') ввел в практику исследований языка Дж. Остин, обращая внимание на центральную роль иллокутивной составляющей в общей структуре речевого акта и противопоставляя его актам референции и предикации. Впоследствии Дж. Сёрль писал, что основанием для такого разграничения служит

тот факт, что одно и то же пропозициональное содержание, являющееся результатом соответствующих актов референции и предикации, может быть выражено посредством различных по своему значению речевых актов [Searle 1969: 39]. В отличие от локутивного акта, в результате которого формируется пропозициональное содержание речевого акта, и перлокутивного акта, ориентированного на результаты речевого взаимодействия коммуникантов, иллокутивный акт заключается в осуществлении говорящим действия посредством речи (Дж. Остин, Дж. Сёрль, Д. Вандервекен, П. Грайс, А. Вежбицка и др.).

Данное понимание иллокуции лежит в основе классического толкования данного понятия, фиксируемого научными терминологическими словарями конца XX — начала XXI в. Подобный пример находим, в частности, в немецкоязычных лексикографических изданиях того времени: „*Illokution (Sprechakttheorie): der Vollzug einer Sprechhandlung bestimmten Typs durch Äußerung eines Satzes*“ [Conrad 1988: 96].

Однако в последующем в лингвистической литературе наблюдается расширение понятийной сферы данного термина, обусловленное развитием деятельностного подхода в лингвистике и появлением многих общих и частных исследований зарубежных и отечественных исследователей иллокутивной составляющей речевого акта.

Деятельностный подход при рассмотрении фактов функционирования языка предполагает обращение к различным внешним и внутренним условиям акта коммуникации, влияющим на выбор говорящим языковых средств при реализации им речевого акта. Поэтому определяющей для вербальной репрезентации высказывания или (фрагмента) дискурса, выступающего вербальным коррелятом речевого акта, признается иллокутивная функция. Постулируется, что иллокуция является неотъемлемой частью любого речевого акта, определяя способ вербального воплощения (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Т. Баллмер, В. Бреннестуль, М. Бирвиш, В. В. Богданов, Д. Вандервекен, А. Вежбицка, З. Вендлер, Дж. Версурен, Т. ванн Дейк, Ф. Кифер, И. М. Кобозева, В. Мотч, Дж. Остин, Г. Г. Почепцов, Дж. Сёрль, Ф. Реканати, Ю. С. Степанов, Ж. Фоконье и др.).

В современной лингвистической литературе иллокуция как составляющая речевого акта наряду с его локуцией и перлокуцией (Дж. Остин, Дж. Сёрль и др.) обнаруживает широкий репрезентативный аспект. Она есть коммуникативная интенция речевого акта, отражающая интенциональное состояние говорящего (И. М. Кобозева, И. П. Сусов, В. Н. Василина и др.), иллокутивная функция, лежащая в основе формирования речевого акта и предстающая как использование высказывания для достижения определенной иллокутивной цели (Д. Вандервекен, Дж. Остин, Дж. Сёрль, Г. Г. Почепцов и др.), а также интенсивность проявления иллокутивной силы, которая обнаруживается в категоричности высказывания и в эмоциональной экспрессии и оценочности речевого акта (А. С. Стаценко,

В. А. Гамура, С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривоносова, Т. Е. Янко и др.). Разноуровневые языковые средства, формирующие иллокутивное значение речевого акта, рассматриваются лингвистами в зависимости от их иллокутивной маркированности в речевом акте в рамках дихотомии «иллокутивная нейтральность» — «иллокутивность (иллокутивная маркированность)» (З. Ведлер, Дж. Версунен, В. Мотч, А. А. Романов и др.).

Таким образом, в семантический объем термина «иллокуция» языковедами включаются на современном этапе наряду с дифференциальным признаком «совершение речевого действия определенного типа посредством высказывания» и другие признаки, указывающие на обозначение различных аспектов иллокутивной семантики речевого произведения, выступающего вербальным коррелятом речевого акта. Однако наряду с термином «иллокуция» для их номинации учеными используются также термины «иллокутивный акт», «иллокутивная функция», «иллокутивная сила», «иллокутивная составляющая речевого акта».

Особого внимания в данной связи заслуживают исследования, в которых приводится детальный анализ понятийной сферы смежных терминов.

Например, по мнению А. Линке, терминологические единицы «иллокутивный акт», «иллокуция» и «иллокутивная функция» соотносятся с разными феноменами, имеющими место в процессе осуществления речевого акта. Их описание по Дж. Сёрлю дается исследователем в работе [Linke 2004: 213]:

	РЕЧЕВОЙ АКТ			
(Под)акты	Акт произнесения	Пропозиционный акт	Иллокутивный акт	Перлокутивный акт
Результат (под)акта	Высказывание	Пропозиция	Иллокуция	Перлокуция
Чем представлено	Звуки Слова Предложение	Суждение о мире	Функция	Цель/ целенаправленная реакция слушающего
Критерии описания	Грамматическая оформленность/ грамматическая неформленность	Истинно/ Ложно	Осуществлена/ не осуществлена	Успешность/ неуспешность

В данной таблице наглядно представлено различие между понятиями «иллокутивный акт» и «иллокуция», которые соотносятся друг с другом как процесс и результат процесса осуществления речевого

действия с определенной иллокутивной силой и придания речевому произведению функциональной направленности. Иллокуция, будучи представленной как результат иллокутивного акта в иллокутивной функции речевого акта, включает и другие семантические компоненты, указывающие на различные аспекты иллокутивной силы, помимо иллокутивной цели, — интенсивность, искренность и пр. Термин «иллокутивная составляющая РА» оказывается в данной связи максимально емким по отношению ко всем приведенным понятиям. Семантическая сфера данной терминологической единицы включает компоненты, обозначающие как процесс формирования иллокутивного содержания речевого акта, так и результат его вербального выражения.

Особый взгляд на природу иллокуции развивается в последние десятилетия в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике, позволяющей по-новому взглянуть на язык в его деятельности и вскрыть функциональный потенциал единиц языка, репрезентирующих различные аспекты иллокутивной составляющей речевого акта.

Многими современными учеными подчеркивается, что иллокуция онтологически связана с когницией. Она является результатом иллокутивного акта в сознании говорящего, обеспечивающимся языковым фактором взаимодействия разноуровневых вербальных средств на функциональном уровне (М. Ариэль, А. Буркхардт, Р. Гётц, Дж. Грубер, Т. ванн Дейк, Й. Дёллинг, Н. Ден, Ф. Дёрге, Ф. Кифер, Л. Коэн, А. Кэшер, С. Крэмер, С. Левинсон, Ф. Лидтке, В. Мотч, Ф. Реканати, Дж. Фодор, Р. Хадсон, Г. Харрас и др.). Данный факт полностью согласуется с результатами исследований проблем порождения речи в психолингвистике (Н. Д. Арутюнова, Т. В. Ахутина, Л. С. Выготский, Н. И. Жинкин, А. А. Залевская, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия и др.) и проблем языковых категорий как особого формата знания и их роли в организации и функционировании языка, концептуализации и категоризации окружающего мира и языковых единиц в когнитивной лингвистике (Н. Ден, Ч. Филлмор, Дж. Фодор, Дж. Грубер, Р. Лангакер, Дж. Лакофф, Н. Н. Болдырев, С. Д. Кацнельсон, Н. А. Кобрина, Г. В. Колшанский, Е. С. Кубрякова и др.).

Выход в концептуальную сферу носителей языка при выявлении и описании значения речевого акта является закономерным, поскольку традиционные лингвистические методы не дают ответа на вопросы о закономерностях языкового выражения акторечевого значения. Исследования в рамках теории речевых актов показали, что фактически мало оснований «отождествлять осмысленность языкового выражения с правильностью его употребления, понимание смысла — со знанием правил его употребления. Такая редукция делает необъяснимым как усвоение языка, так и его использование для обретения новой информации, возможность осмысленного

использования одних и тех же языковых средств в разных (новых) ситуациях и контекстах для выражения разных, в том числе несовместимых, представлений носителей языка о мире» [Павиленис 1986: 387]. Сначала при анализе речевого акта лингвистами обнаружилась необходимость выхода в контекст употребления языкового выражения (вербальный, физический, социальный, культурный, исторический и пр.), а затем, начиная с работ Дж. Сёрля, для основных типов РА были выявлены подготовительные условия ситуации взаимодействия, связанные с возможным намерением говорящего и способствующие распознаванию такого намерения. Чем дальше продвигался прагматический анализ языковых выражений, представляющий, казалось бы, прежде всего, интерес для лингвистики, тем очевиднее становилась неполнота такого анализа, вынуждавшая включать в процедуру анализа новые сферы. «К факторам, обуславливающим актуальный смысл высказывания (= иллокутивная функция + пропозициональное содержание), добавляются два чрезвычайно важных — знания коммуникантов о принципах общения и их «энциклопедические» знания» [Кобозева 1986: 19—20]. В этой связи современные лингвисты, как было показано выше, обращаются к понятию иллокутивных знаний.

Исследователями отмечается, что «наша вербальная способность базируется на способности восприятия — идентификации и различения объектов и состояний мира. <...> Язык может использоваться и используется для социализации «картин мира», содержащихся в индивидуальных концептуальных системах, для приближения их к «картине», разделяемой членами языкового сообщества и отвечающей их ориентационным и экзистенциальным (физическим, духовным, технологическим, этическим, эстетическим и др.) потребностям в мире. Благодаря этой, предоставляемой языком возможности перехода от индивидуального, субъективного, к intersубъективному и в этом смысле объективному (то есть к intersубъективно проводимым различиям, артикуляциям мира посредством общего кода) можно рассматривать усвоение правильного употребления языковых выражений как усвоение соответствующих различий (классификаций) в мире — как предпосылку социальной коммуникации носителей языка» [Павиленис 1986: 383—386].

В современной лингвистической прагматике при описании речевого акта во внимание принимаются «не только типичные схемы практической и коммуникативной деятельности, но и типичные схемы организации внутреннего мира говорящего. Мыслительные действия ведут к получению нового знания, тогда как речевая задача состоит в адекватном выражении способов, при помощи которых это новое знание получается. Если выявить элементы текста, коррелятивные мыслительным действиям говорящего, то можно получить специфическую порождающую модель текста, в основе которой будет лежать коммуникативно-когнитивное намерение автора [По-

ляк 1998: 40]. Устройство многообразных когнитивных структур и когнитивных процессов, как и других психологических механизмов человека, находит свое прямое отражение в иллокутивном аспекте речи, неотделимом от прагматических факторов.

Многими исследователями отмечается, что процесс формирования иллокутивной семантики речевого акта является ведущим в общем процессе речемыслительной деятельности человека. Особая роль отводится вербальной репрезентации речевого акта как конкретного акта субъективно-индивидуальной концептуализации особым концептуальным категориям в системе языка — категориям модусного типа [Болдырев 2005а; 2005б]. Как таковая речевая ситуация осознается субъектом речевого акта на основе имеющихся у него на данный момент энциклопедических и фоновых знаний, языковых и коммуникативных компетенций, мировоззренческих и личностных установок, психического и физического состояния. Это значит, что в сознании говорящего формируется когнитивная доминанта, представляющая собой совокупность концептуальных признаков отражаемой ситуации реальной действительности, вызывающих в памяти субъекта речевого акта соответствующий концепт типовой ситуации речевого общения. С точки зрения алгоритма их дискурсивной реализации, подобные концепты описываются лингвистами как культурные (этикетные) скрипты — кванты знания о нормативных предписаниях, определяющие выбор коммуникативного поведения в рамках определенной лингвокультуры и воплощенные в речевых формулах (А. Вежбицкая, В. И. Карасик и др.). Совершенно очевидно, что речевая ситуация, предполагающая, например, осуществление говорящим речевого акта приказа, имеет разные когнитивные признаки и предполагает разные нормы речевого поведения для представителей разных лингвокультур. Например, в то время как носитель русского языка чувствует себя вправе осуществить акт речи с иллокутивной функцией приказа в ситуациях довольно широкого спектра социально-статусных взаимоотношений коммуникантов, то для носителей немецкого языка спектр подобных ситуаций ограничен в основном социальным правом субъекта речевого акта. Нормы речевого поведения в ситуациях указания типа для японцев еще жестче — приказывающий должен обладать, как правило, не только социальным, но и моральным правом для реализации речевого акта со значением приказа.

В свете последних достижений когнитивной прагматики формирование концепта речевого акта представляется как когнитивное событие, возможное при совпадении в сознании говорящего концептуальных признаков отражаемой речевой ситуации и активируемого в памяти образа типовой ситуации общения. При этом образ отражаемой ситуации сопоставляется говорящим с имеющимися в его памяти образами типичных ситуаций общения. Основные когнитивные признаки этих ситуаций, описанные в теории Дж. Сёрля как

конститутивные правила речевого акта и воспринимаемые субъектом речевой деятельности в совокупности с фоновыми знаниями об условиях их осуществления, «примеряются» им к условиям текущей коммуникативной ситуации. Их совпадение означает для говорящего возможность воспринимать отражаемую ситуацию как речевую, соотносимую с определенным спектром иллокуций. Такой вид знаний получил в современной лингвистике название «иллокутивных» (В. З. Демьянков, А. А. Романов и др.), находящихся в определенной взаимосвязи с другими разновидностями знаний.

Иллокутивные знания представляют собой такой вид информации о речевых произведениях, который указывает на знания о целях, достигаемых определенными речевыми и иллокутивными действиями, на знания о коммуникативно-социальных последствиях, связанных с реализацией речевых и иллокутивных действий, на знания, положенные в основу образования иллокутивных комплексов в тексте и формирования в нем иллокутивной доминанты [Романов 1986: 12—14]. Иллокутивные знания актуализируют языковые и энциклопедические знания в рамках той (глобальной или же типовой для конкретного акта общения) цели, которую собеседник стремится достичь при помощи своей коммуникативной деятельности. Поэтому можно считать, что каждая из составляющих комплекса интерактивных знаний реализуется (оформляется и конституируется) на фоне других разновидностей знаний. Причем любая из указанных разновидностей знания манифестируется определенным образом в структуре самого текста, построенного в результате коммуникативной деятельности собеседников для достижения глобальной цели. Единицей представления иллокутивных знаний в системе комплекса интерактивных знаний является иллокутивное действие, раскрывающее способ реализации коммуникативного намерения (способ воздействия) участника общения в конкретном речевом действии и реализующееся через его языковую сущность [Романов 2006].

Некоторые ученые считают, что знания об иллокутивных типах речевых актов и правилах их осуществления хранятся в языковом сознании носителей языка в виде «фреймов» (типовых ситуаций) или «сценариев» (делающих акцент на развитие ситуаций), которые позволяют адекватно использовать языковые средства для достижения типовых иллокутивных целей и правильно интерпретировать поведение, в том числе и речевое, других людей.

По Т. А. ван Дейку, производство и понимание речевого акта определенного иллокутивного типа возможно в том случае, если в сознании говорящего субъекта хранится соответствующая ситуационная (или эпизодическая — термин Т. А. ван Дейка) модель, опираясь на которую он строит свой словарь речевого акта данного иллокутивного типа [Дейк ван 1989]. Данная модель отражает в статичном представлении типовую ситуацию общения в определенной связной последовательности речевых действий коммуникантов,

направленных на достижение глобальной и частных иллокутивных целей.

Однако вопросы актуализации иллокутивных знаний в дискурсе и формирования коммуникативного смысла речевого акта остаются до настоящего времени открытыми.

В частности, Т. А. ван Дейк, представляя результаты когнитивного анализа семантики дискурса в виде иерархически организованной системы пропозиций, в которой сверху располагаются макропропозиции, оставляет открытым вопрос о том, как могла бы быть представлена репрезентация прагматического и интеракционального компонентов дискурса и какова их связь с пропозициями. Он считает, что здесь можно предполагать как существование комплексной репрезентации речевых действий, производимых говорящим, в которую включаются пропозиции высказываний, так и существование отдельных репрезентаций, системно связанных друг с другом в отдельных точках [Dijk 1984].

Следует подчеркнуть, что поиск адекватных методов для выявления и описания значений иллокуций микро- и макроречевых актов остается до настоящего времени одной из актуальных проблем лингвистической прагматики и когнитивной прагматики. Это неудивительно, поскольку формирование и вербализация коммуникативного смысла речевого акта характеризуются большим разнообразием механизмов когнитивной деятельности говорящего, что требует рассмотрения РА как вербального воплощения результата интегративной когнитивной деятельности говорящего на пересечении координат внешней и внутренней структуры акта коммуникации.

Осмысляя имеющийся в научной литературе опыт исследования онтологической природы иллокуции, обратим внимание на несколько основных моментов.

Во-первых, согласно конвенциональной природе речевого акта иллокутивная цель всегда открыта к распознаванию. По мнению З. Вендлера, иллокутивная цель речевого акта представляет собой ментальный акт, совершения которого добивается от слушающего говорящий [Вендлер 1985: 243]. Следовательно, для любого иллокутивного акта, независимо от его иллокутивной цели, истинными являются следующие прагматические правила:

— {Говорящий уверен, что иллокутивная цель его речевого акта открыта к распознаванию слушающим};

— {Говорящий уверен, что слушающий способен адекватно декодировать иллокутивную цель его речевого акта}.

Во-вторых, каждый иллокутивный акт характеризуется целевой установкой в соответствии с типом реализуемой в речевом акте иллокутивной силы (сил). В смысловой структуре речевого акта всегда присутствуют компоненты, которые указывают на вид/тип и характеристики реализуемой говорящим иллокутивной силы.

Вербальная репрезентация иллокутивной силы по отношению к некоторому пропозициональному содержанию осуществляется в речевом акте с опорой на иллокутивные знания коммуникантов и обеспечивается социокультурными, языковыми и речевыми конвенциями, действующими в той или иной лингвокультуре.

В-третьих, конвенциональность иллокутивного акта предполагает актуализацию иллокутивных знаний в языковом сознании коммуникантов в соответствии с тем или иным конвенциональным сценарием речевого общения, однако не отрицает индивидуального характера вербальной репрезентации иллокуции говорящим.

Однако, как следует из вышеизложенного, понятийная сфера ключевого для лингвистической прагматики термина «иллокуция» остается открытой для включения новых дифференциальных признаков, характеризующих онтологическую природу иллокутивной составляющей речевого акта.

Литература

- Болдырев 2005а — *Болдырев Н. Н.* Категории как форма репрезентации знаний в языке // *Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр.* Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 16—39.
- Болдырев 2005б — *Болдырев Н. Н.* Модусные категории в языке // *Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Ч. 1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения: сб. статей к юбилею проф. Н. А. Кобриной.* СПб.: Тригон, 2005. С. 31—46.
- Вендлер 1986 — *Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика.* М.: Прогресс, 1985. С. 238—250.
- Дейк ван 1989 — *Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
- Кобозева 1986 — *Кобозева И. М.* «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов.* М.: Прогресс, 1986. С. 7—21.
- Павиленис 1986 — *Павиленис Р. И.* Понимание речи и философия языка // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов.* М.: Прогресс, 1986. С. 380—388.
- Поляк 1998 — *Поляк О. Е.* Когнитивная модель иллокутивной составляющей дискурсной аргументативной единицы: на материале рус. полит. дискурса: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.
- Романов 2006 — *Романов А. А.* Лингвистическая мозаика: Избранное. М.: ИЯ РАН: ТьГУ: ТГСХА: Агросфера, 2006. (Сер. «Динамическая модель диалога»).

- Conrad 1988 — *Conrad R.* Lexikon sprachwissenschaftlicher Termini. 2., unveränd. Aufl. Leipzig: Bibliogr. Inst., 1988.
- Dijk van 1984 — *Dijk T. A. van.* Prejudice in Discourse. Amsterdam: John Benjamins, 1984.
- Linke 2004 — *Linke A., Nussbaumer M., Portmann P.* Studienbuch Linguistik. 5., erw. Aufl. Tübingen, 2004.
- Searle 1969 — *Searle John R.* Speech acts: An essay in the philosophy of language. Cambridge, 1969.

ZUSAMMENFASSUNG

Entwicklung des terminologischen Systems der linguistischen Pragmatik im Rahmen der Globalisierung

Im Beitrag wird gezeigt, wie sich das terminologische System der linguistischen Pragmatik im Laufe der Zeit unter den Bedingungen der Globalisierung entwickelt. Am Beispiel des Terminus „Illokution“ werden Prozesse veranschaulicht, die die Bedeutungserweiterung und Bedeutungsveränderung der Schlüsselbegriffe der linguistischen Pragmatik verursachen.

РАЗВИТИЕ ДИСКУРСОВ ПОД ВЛИЯНИЕМ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

О. А. КОСТРОВА

(Самарский государственный социально-педагогический
университет)

ДИНАМИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТА

К постановке проблемы

Влияние интернет-коммуникации на сознание современного человека и на язык в разных сферах его функционирования неоспоримо. Художественная литература, представленная в виде отдельных текстов художественного дискурса, тоже восприняла новые формы, в частности, уже есть целые романы, написанные как обмен СМС-сообщениями [Glattauer 2008]. Возникают новые жанры типа «литературная публицистика»; к такому жанру отнесен, например, роман Г. Канта „Escape. Ein WORD-Spiel“, в котором автор экспериментирует с немецким языком, используя компьютерную программу переработки текста и получая от этого неопишное удовольствие [Liebsch 2004: 153]. Автор выносит в название книги компьютерный термин *Escape*, приобретающий символический смысл отказа от прежней жизни периода существования ГДР. Знаменательным представляется сам факт появления такого произведения, эксплицирующего влияние компьютерной эры на художественное творчество.

Обращаясь непосредственно к нашей теме, заметим, что степень этого влияния на язык и стиль художественной литературы подлежит детальному изучению. В лингвистической литературе как в зарубежной, так и в отечественной, представлены исследования языка в новых специфических интернет-жанрах: чатах, блогах, форумах, электронных письмах [ср. Weiswenger 2001; Luckhardt 2009; Weiswenger/Storrer 2013]. Функционирование языка в Интернете признается особой сферой, в которой обнаруживаются особенности структурирования информации. Языковую специфику этой сферы характеризует ее промежуточное положение между письменным и устным языком [Горошко 2007; Клочкова 2006; Schmitz 2004; Schlo-

binski 2008; Weingarten 1997]. Обеспокоенность лингвистов по поводу отрицательного влияния интернет-коммуникации на развитие языка, в частности немецкого, по мнению А. Шторрер, не имеет под собой оснований, поскольку «ухудшение» касается только жанров, ориентированных на устную форму. Письменные тексты, напротив, благодаря новым интерактивным технологиям письма вовлекаются в процесс развития, отвечая на новые вызовы времени [ср. Storrer 2013: 22]. Признавая позицию А. Шторрер убедительной, выдвигаем гипотезу, согласно которой роман Д. Кельмана под названием „F“ отражает «культурную расшифровку» изменения сознания в эпоху Интернета.

Культурный сдвиг в сторону виртуальной реальности

Интернет как новое средство массовой коммуникации открыл новую культурную эру, во многом изменившую сознание и стиль жизни человека, включая его язык. В философском осмыслении влияния Интернета на изменение сознания отмечается, что «мировая паутина» есть частный случай *виртуальной реальности*, то есть искусственной, порожденной человеком среды, имеющей вариабельный ирреальный характер. Виртуальный мир существовал и до Интернета, но был тогда уделом преимущественно художественной литературы. С распространением Интернета сознание реального человека получило виртуальные черты [Катречко 2004]. Примечателен в связи с этим тезис о «*распределенности сознания виртуальной личности*, поскольку, благодаря анонимности, появляется возможность одновременного занятия разных виртуально личностных позиций, т. е. приходится одновременно участвовать в разных ветвях форума (разных форумах), порой отстаивая разные тезисы. Крайним выражением этого эффекта является «расщепление» виртуальной личности, т. к. Инет дает возможность одновременного участия в обсуждении под разными именами» [Катречко 2004: 63—64]. Это не могло не отразиться на художественной литературе, в которую переключались характерные черты общения посредством глобальной сети, такие как анонимность, лаконичность, склонность к телеграфному стилю.

Тексты, ввиду того что мы можем их непосредственно наблюдать, относятся к «артефактам» ментальной культуры; к этой же культуре причисляются и другие феномены, не наблюдаемые непосредственно, но так или иначе проявляющиеся в текстах. Это так называемые «ментефакты»: мнения, убеждения, нормы, которые представляют единицы содержания сознания [Красных 2012: 1]. По характеристике В. В. Красных, один из классов ментефактов образуют понятия, которые складываются как результат рационально-логического осмысления прижизненного опыта, являясь «общим компонентом сознания». Ментефакты лишены эмотивности и оценочности. Как таковые они «*культурунезависимы; культурой обуславливается только сам*

факт наличия/отсутствия определенного понятия в культуре» [Красных 2012: 12]. В новой коммуникативной среде эпохи Интернета сформировались новые ментефакты, обусловленные глобальными характером, анонимностью и практически не ограниченной свободой коммуникации. К таким ментефактам мы относим *транспарентность* и *иллюзорность*, ставшие неотъемлемыми компонентами сознания пользователей глобальной сети, *виртуальную зависимость*, превратившуюся в норму поведения, а также отмеченную философами *распределенность сознания*.

Новые ментефакты

Герои романа Д. Кельмана „F“ воспринимают эпоху Интернета как особое время, которое все делает прозрачным, транспарентным. Этот ментефакт выражается в романе «от противного»:

„...aber es war **die Zeit vor dem Internet**, man konnte Dinge schwer überprüfen“ (F: 260).

Анализ транспарентности представлен нами ранее на материале романа К. Крахта „Faserland“ [Kostrova 2016]. В романе „F“ более ярко выражены другие ментефакты интернет-эпохи, а именно *иллюзорность*, *расщепленность сознания* и *виртуальная зависимость*.

Ментефакт иллюзорности заключен уже в самом названии романа, состоящем из одной буквы, что символизирует либо анонимность, либо многозначность, столь типичные для коммуникации в сети. За этим символом может скрываться фамилия главного героя *Friedland*, символ может обозначать и всех его сыновей или всю семью *Familie*. Последним словом называется одна из частей романа. В критической литературе обращается внимание на то, что в романе есть намеки и на другие расшифровки, а именно *F* как *Fatum* (судьба), *Fake*, *Fälschung* (ложь, обман, иллюзия) [Wunderlich 2014; Soboczynski 2013]. Встречается и расшифровка *F* как *Firlefan* [Hammelehle 2013], то есть: 1) ‘дурачество, глупость, ребячество’ или 2) ‘мишура’. Эта последняя трактовка подкрепляется, на наш взгляд, сильной позицией романа — его заголовком. Заголовок концептуализирует содержание текста, представляя его идею. Одна буква в функции заголовка не может выполнять этой функции, поскольку она бессодержательна; «без слова и имени нет вообще разумного бытия» [Лосев 1927: 627]. Представляется, что автор, давая такое название роману, подобно пользователю Интернета, снимает с себя ответственность за его идейное содержание, чем и наталкивает читателя на мысль о ребячестве.

Иллюзорность создается многочисленными аллюзиями как на литературные прецеденты, так и на факты современной реальной жизни. Д. Вундерлих так пишет об ассоциациях, возникающих при чтении романа у современных западных читателей [Wunderlich 2014]:

Die Namen Arthur, Eric und Iwan assoziieren wir mit König Artus und seiner Tafelrunde, zu denen die Ritter Erec und Iwein gehören. Mit dem «großen Lindemann», einem Hypnotiseur, spielt Daniel Kehlmann auf die Erzählung «Mario und der Zauberer. Ein tragisches Reiseerlebnis» von Thomas Mann an. Und bei Iwan Friedland denken wir an den am 27. Oktober 2011 verurteilten Kunstfälscher Wolfgang Beltracchi (bürgerlich: Fischer), aber auch an Dominik Brunner, der am 12. September 2009 einen Übergriff von zwei jungen Männern auf Schüler verhindern wollte und am S-Bahnhof in München-Solln totgeschlagen und -getreten wurde.

(Имена Артур, Эрик и Иван мы ассоциируем с королем Артуром и его круглым столом, к которому относятся рыцари Эрек и Ивейн. Фигурой «великого Линдемана», гипнотизера, Даниэль Кельман намекает на новеллу Томаса Манна «Марио и волшебник». А Иван Фридланд заставляет нас думать о художнике-фальсификаторе Вольфганге Бельтракки (гражданское имя Фишер), осужденном 27 октября 2011 г., или о Доминике Бруннере, который 12 сентября 2009 г. хотел предотвратить нападение двух молодых людей на школьников и был до смерти забит на вокзале Мюнхена (перевод наш. — О. К.).)

Подобная аллюзивная ассоциативность создает *расщепленность образов*, в которой отражается *расщепленность личности* как новый ментефакт, столь типичный для пользователя Инета. Расщепленность личности проходит красной нитью сквозь каждый образ романа. Роман начинается с описания сеанса гипноза, на который едут отец с сыновьями и который становится для всей семьи поворотным моментом. Для старшего сына Мартина раздвоение личности начинается уже с поездки, когда он, заждавшись отца, стремглав бросается ему навстречу и чуть не попадает под машину. Очувтившись потом, не понимая как, рядом с отцом в его машине, где сзади сидели его сводные братья-близнецы, он долго не мог избавиться от ужасного представления о том, что могло бы с ним быть. В тексте нами выделены языковые средства, передающие состояние иллюзорной раздвоенности: глагол *sich spalten*, конъюнктив II в придаточном нереального сравнения, выражающем нереальность представления, глаголы, обозначающие разные состояния в один и тот же момент времени (*sitzen vs. liegen*), и разные обстоятельства, обозначающие местонахождение в тот самый момент (*hier vs auf dem Asphalt*), существительное *Zwilling*, передающее раздвоенное представление о себе. Ср.:

Martin war es, als hätte sein Dasein sich gespalten. Er saß hier, aber zugleich lag er auf dem Asphalt, reglos und verdreht. Ihm schien sein Schicksal noch nicht ganz entschieden, beides war noch möglich, und für einen Moment hatte auch er einen Zwilling — einen, der dort draußen nach und nach verblasste (F: 9).

Каждый герой проживает свою иллюзорную жизнь. Братья-близнецы находятся в плену загадки своего «удвоения». При взгляде на них у Мартина возникает впечатление оптического обмана (*eine op-*

tische Täuschung). Они постоянно ощущают свою потерянную и чувствуют, что они проживают не свою жизнь:

<...> sie waren ganz konzentriert auf sich selbst, gefangen im Rätsel ihrer Verdoppelung (F: 14).

Danach sollte sie immer das Gefühl überkommen, dass sie sich einmal verloren hatten und seither jeder das Leben des anderen führte (F: 11).

Отец семейства Артур исчезает из семьи, превращаясь в иллюзорную личность. Его роман, принесший ему известность, выходит под названием „Mein Name sei Niemand“, что символично в двух отношениях. Название задает прямую аллюзию на роман М. Фриша „Mein Name sei Gantenbein“, основная идея которого — поиск героем собственной идентичности. Аллюзия на литературный прецедент усиливает намек на иллюзорность существования автора-протагониста, наделившего своего героя автобиографическими чертами. Имя главного героя в романе „Mein Name sei Niemand“ тоже обозначается только начальной буквой *F*. Размышляя над романом, старший сын Артура Мартин задается вопросом:

Ist Mein Name sei Niemand ein fröhliches Experiment und damit das zweckfreie Produkt eines spielenden Geistes oder ist es ein böswilliger Angriff auf die Seele jedes Menschen, der es liest? (F: 85).

Герой без имени, в котором дети узнают собственного отца, предстает на последних страницах как человек, которого тошнит от самого себя, который не видит смысла в своем существовании:

F tritt wieder auf, und es geschieht auf wenigen Seiten die Zergliederung eines Menschen (F: 88);

<...> ein schwacher, unehrlicher, überflüssiger Mensch, talentiert nur für leere Gedankenspiele, für Scheinkunst ohne Substanz und für das lautlose Entkommen aus jeder unangenehmen Situation, hat endlich den Punkt erreicht, an dem er aus reinem Überdruß am eigenen Selbst behaupten muss, niemand habe ein Selbst und jedes Ich sei eine Täuschung (F: 89).

Не удивительно, что прочтение этого романа вызывает серию самоубийств «расчлененных» людей, потерявших свое ‘я’ и узнающих себя в герое романа, для которого жизнь состоит в пустой игре мысли, беспредметном искусстве и лавировании между неприятными ситуациями.

Повзрослевший Мартин, не верующий в Бога, становится священником. Он сам осознает свое лицемерие, что эксплицитно проявляется в сцене беседы с аббатом. Аббат приглашает его утром после вечерней молитвы, когда Мартин тщетно обращался к Всевышнему, прося у Него знака, свидетельствующего о Его существовании, или хотя бы просто веры. Ничего не дождавшись, он раньше других монахов поднялся с колен, что не осталось незамеченным. Однако аб-

бат истолковал это движение Мартина как проявление воодушевления. В ответ на одобрительные слова аббата Мартин не раскаялся, а скромно улыбнулся, подумав при этом:

Ein Heuchler, dachte ich verblüfft. Nie hatte ich es geplant, nie mich darauf vorbereitet, aber offenbar war ich ein Heuchler! (F: 106 f.).

Образ священника граничит с карикатурным изображением [Wunderlich 2014]. Его приоритеты — кубик-рубик (он принимает участие в соревнованиях на скорость собирания кубика), комфорт и еда. Раздвоенность его образа передают, например, такие мысли:

Dank sei Gott, den es nicht gibt, zum Beispiel für Restaurants und Klimaanlage (F: 119).

Братья-близнецы Эрик и Иван не могут найти свою идентичность якобы из-за своей внешней схожести. Каждый живет в своем иллюзорном мире. Бизнесмен Эрик давно потерял состояние и живет в постоянном страхе быть разоблаченным, что вынуждает его постоянно лгать, ср.:

Ich...setze mich und schaffe es wohl, so auszusehen, als wäre alles in Ordnung. Darin bin ich ja Spezialist (F: 218).

Ложь становится настолько органичным для него состоянием, что окружающие не воспринимают его, когда он говорит правду. Это проявляется и в общении с женой, которой он изменяет и которая чувствует его постоянную неискренность. Эрик привык к этому, мысленно объясняя поведение жены с известной долей цинизма:

Vielleicht erfindet sie es auch, so wie ich fast alles erfinde, was ich erzähle (F: 172);

Aber weil es die Wahrheit war, hält sie es für eine Lüge (F: 173).

Брат-близнец Иван становится фальсификатором, подписывая собственные картины именем известного художника. «Удвоение» в утробе матери перетекает в болезненное принятие чужого имени, фиксирующего раздвоение его личности. Его иллюзорная деятельность доходит до того, что он заносит в каталоги несуществующие картины.

Примечательно, что главы, в которых братья рассказывают о себе, имеют двусмысленные заголовки, придающие повествованию сатирический подтекст, который высвечивает иллюзорность их жизни. Глава о неверующем священнике называется „Das Leben der Heiligen“; при этом существительное «святой» употребляется во множественном числе, что подразумевает типичность описываемой жизни одного священника. Рассказ о разорившемся бизнесмене озаглавлен словом, несущим в себе негативную коннотацию — „Geschäft-

те“ (ср. выражение „Geschäfte machen“). Жизнь и деятельность художника-фальсификатора описана в главе под названием „Von der Schönheit“. При этом Иван не чувствует себя способным создавать настоящую красоту:

*Aus mir würde also **kein Maler**, das wusste ich jetzt. Ich arbeitete wie zuvor, aber es hatte **keinen Sinn** mehr. Ich malte Häuser, ich malte Wiesen, ich malte Berge, ich malte Porträts, sie sahen nicht schlecht aus, sie waren gekonnt, aber wozu? (F: 272).*

Приведенные примеры позволяют сделать вывод о том, что ментефакты иллюзорности и расщепления личности приобретают в романе когнитивную выделенность.

Новые артефакты

В роман проникают и новые *артефакты*, отражающие новые формы общения. Символом виртуальной коммуникации становится *мобильный телефон*, общение по которому происходит в письменной форме. Эта форма создает временную дистанцию, требуемую для печатания текста, предельно сокращает этот текст, придавая ему оттенок устности, но одновременно лишая коммуникантов возможности слышать интонацию. Автор многократно включает электронные письма в текст романа, моделируя поведение своих героев, для которых этот виртуальный способ общения вытесняет общение реальное. Возникающая новая интердискурсивность характеризует интернет-эпоху.

Электронные письма — неотъемлемая часть как делового, так и личного общения. У бизнесмена Эрика в телефоне тысячи писем, многие из которых не прочитаны. Мэйлы, неслышимые для окружающих и в этом смысле анонимные, могут реализовать приватный диалог даже в присутствии клиента. Ср. характерный электронный диалог — договор о встрече, — приводимый в тексте курсивом на фоне лапидарных фраз авторской речи:

Das **Telefon** vibriert. *Gut, komm!*

Wann?

Nach drei Sekunden die Antwort: *Jetzt.*

*Kann nicht, **tippe** ich. Wichtiger Klient (F: 181).*

Эрик ведет этот письменный разговор сидя за столом напротив своего брата и не слышит, что говорит последний, обращаясь к нему, поскольку он ждет ответа на свое сообщение. Его брат Мартин понимает, что Эрик скорее отреагирует на электронный сигнал, чем на его слова, и пишет ему в свою очередь электронное письмо, приводя его в замешательство: Эрик начинает сомневаться, действительно ли его брат Мартин сидит здесь. Этот эпизод ярко характеризует «виртуальный сдвиг», происходящий в сознании героя под влиянием Интернет-коммуникации. Ср. следующий отрывок из текста романа:

Kaum habe ich die Sendetaste gedrückt, vibriert das Telefon schon wieder. *Wie geht es dir, ruf mich doch an, wenn du mal Zeit hast! Martin.*

Gut. Ganz ruhig. Immer mit der Ruhe. Ich blicke aufs Telefon, die Nachricht steht noch da. Ich blicke in sein Gesicht. Ich blicke aufs Telefon. Ist es doch Einbildung? **Sitze ich allein hier?** Sein Teller ist leer, meiner ist voll, das spricht dagegen (F: 200).

Типичность поведения человека, который не мыслит жизни без мобильного телефона, проявляется в последней главе романа. Артур встречается со своей внучкой Марией, ведет ее на ярмарку, покупает ей билет в лабиринт. Мария сразу сообщает об этом через телефон своим друзьям, они отвечают ей online. Этот эпизод — еще один пример, иллюстрирующий одновременно расщепление личности, виртуальную зависимость и потребность в транспарентности: Мария на ярмарке, но она не упускает из виду друзей, информируя их о каждом своем шаге. Кельман приводит дословные СМС-сообщения, которые она получает и которые показывают языковые изменения в этом стиле общения. В мэйлах не ставятся запятые, вместо умлаута пишутся двойные гласные, существительные могут писаться с маленькой буквы, немецкие слова перемешиваются с английскими. Здесь и новые нормы поведения (быстрота реакции, пренебрежение традициями), и новые артефакты, формирующие стиль художественного текста, ср.:

What the hell Jahrmarkt?, fragte Georg.

Sag mir wo ich komm auch, schrieb Jo.

Gar nicht, antwortete Jo, *ich mag jahmaerkte waere wirklich gern dabei* ð (F: 351).

Прямые включения электронных сообщений — не единственный прием, используемый Кельманом под влиянием интернет-эпохи. Другие приемы имеют опосредованный характер, но, тем не менее, являют собой несомненные знаки этой эпохи. Это, например, использование графических возможностей компьютерного набора, позволяющих легко изменять шрифт, выделяя определенные части текста. Кельман использует этот прием, приводя в другом типографском оформлении отрывок из текста пьесы, которую заучивает актриса, мать Марии (F: 337 f.). Графическая обособленность этого текста подчеркивает дистанцию между матерью и дочерью, отражая в известной степени разобщенность людей интернет-эпохи, их обособление в своем фиктивном мире.

Упомянем еще прием опрокинутой пирамиды, активно используемый журналистами, в том числе и в Интернете. Кельман использует его в главе, повествующей об истории семьи. Как веб-страницы обычно содержат отсылки, следуя которым, пользователь углубляется в предлагаемое содержание, так Кельман начинает историю с

последних представителей семьи, постепенно продвигаясь к ее истокам. Лейтмотивом при этом может служить предложение, в котором утверждается отсутствие исторической памяти:

Was war, wird vergessen, und was vergessen ist, kommt nicht zurück (F: 139).

Рассказывая истории своих прародителей, герой Кельмана многократно повторяет, что они, уходя из земной жизни, не возвращались (F: 141, 144, 145, 147, 148, 149, 151, 154), подобно тому как порой исчезает информация после ошибочно нажатой кнопки клавиатуры компьютера. В этом можно видеть еще одно свидетельство иллюзорности существования.

Выводы

Перечисленные концептуальные и семантико-стилистические особенности романа Д. Кельмана нельзя назвать абсолютно новыми, скорее они продолжают известные литературные традиции, отражая при этом психологические, поведенческие и языковые признаки личности Интернет-эпохи [ср. Кострова 2016]. Плотность проявления и роль в наррации описанных стилевых приемов, с помощью которых создаются ментефакты иллюзорности, расщепления личности и виртуальной зависимости, отражающие новые нормы общественной жизни, свидетельствует, на наш взгляд, о когнитивной выделенности этих ментефактов на фоне литературной традиции, показывая культурный сдвиг переживаемой нами Интернет-эпохи. Аллюзивная насыщенность передает интеллектуальную игру автора с читателем, своего рода «игру в бисер», что, с одной стороны, подолжает традицию интертекстуальных включений в литературе постмодерна, а с другой стороны, требует от читателя привлечения знаний из разных областей, знаний, которые он может получить из всемирной паутины, так как автор не дает никаких комментариев. Ментефакты иллюзорности и расщепленности личности вычитываются из концептуального заглавия романа и двусмысленных названий глав, из концепта сюжета в целом и описаний поведения персонажей в отдельных эпизодах. Кроме того, прямые включения в текст романа новых артефактов — электронных писем, а также использование стилевых приемов, типичных для Интернет-коммуникации, можно рассматривать как знаки современной эпохи. Вбирая подобные знаки, художественный текст становится социокультурным явлением.

Литература

Горошко 2007 — *Горошко Е. И.* Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе*. Вып. 5. Орел: Картуш, 2007. URL:

- www.Текстология.RU [форум] <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=76> (Дата обращения: 5.02.2014).
- Клочкова 2009 — *Клочкова Е. С.* Лингвопрагматические особенности электронного гипертекста на немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009.
- Катречко 2004 — *Катречко С. А.* Интернет и сознание: к концепции виртуального человека // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. М., 2004. С. 57—72.
- Кострова 2016 — *Кострова О. А.* Языковые признаки личности Интернет-эпохи в романе К. Крахта „Faserland“ // Эволюция и трансформация дискурсов / отв. ред. С. И. Дубинин, В. Д. Шевченко. Вып. 1. Самара, 2016. С. 320—326.
- Красных 2012 — *Красных В. В.* Когнитивная подсистема лингвокультуры: возможные пути исследования // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Вып. 45. М., 2012. С. 1—35.
- Лосев 1927 — *Лосев А. Ф.* Философия имени (1927) // *Лосев А. Ф.* Бытие. Имя. Космос. М., 1993. С. 613—880.
- Beisswenger 2001 — *Beisswenger M. (Hrsg.)*. Chat-Kommunikation. Sprache, Interaktion, Sozialität & Identität in synchroner computervermittelter Kommunikation. Perspektiven für ein interdisziplinäres Forschungsfeld. Stuttgart, 2001.
- Beisswenger/Storrer 2012 — *Beisswenger M., Storrer A.* Interaktionsorientiertes Schreiben und interaktive Lesespiele in der Chat-Kommunikation // *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*. 2012. 168. S. 92—124.
- Glattauer 2008 — *Glattauer D.* Gut gegen Nordwind: Roman. Goldmann, 2008.
- Hammelehle 2013 — *Hammelehle S.* Neuer Roman von Daniel Kehlmann F wie Firlefanz // Spiegel online. 2013. URL: <http://www.spiegel.de/kultur/literatur/daniel-kehlmann-neuer-roman-f-a-918780.html>
- Kostrova 2016 — *Kostrova O. A.* Stütze der Internetepoche in der modernen deutschen Prosa // *Colloquia Germanica Stetinensia*. 2016. № 25. S. 190—205.
- Liebsch 2004 — *Liebsch H. H.* Hermann Kants Buch „Escape. Ein WORD-Spiel“. Bemerkungen zur Rezipierbarkeit des Textes // Ahmed Rafik Trad. Aspekte der Landeskunde Deutsch. Eine Skizze und drei Aufsätze. Krakau: Kłobuck, 2004. S. 151—159.
- Luckhardt 2009 — *Luckhardt K.* Stilanalysen zur Chat-Kommunikation. Eine korpusgestützte Untersuchung am Beispiel eines medialen Chats: Dissertation. TU Dortmund, 2009. URL: <http://hdl.handle.net/2003/26055>
- Schlobinski 2008 — *Schlobinski P.* Sprache und computervermittelte Kommunikation // *Estudios Filológicos Alemanes / F. Latas Magallanes (Hrsg.)*. Vol. 15. Sevilla, 2008. S. 65—77.

- Schmitz 2004 — *Schmitz U.* Sprache in modernen Medien: Einführung in Tatsachen und Theorien, Themen und Thesen. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2004.
- Soboczynski 2013 — *Soboczynski A.* Daniel Kehlmann. Spiel der Dämonen // *Zeit online*, 2013. URL: <http://www.zeit.de/2013/35/literatur-daniel-kehlmann-roman-f/seite-2>
- Storrer 2013 — *Storrer A.* Sprachstil und Sprachvariation in sozialen Netzwerken // *Frank- Die Dynamik sozialer und sprachlicher Netzwerke. Konzepte, Methoden und empirische Untersuchungen an Beispielen des WWW / B. Job, A. Mehler, T. Sutter (Hrsg.)*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2013. S. 331—366. (PDF-Preprint)
- Weingarten 1997 — *Weingarten R.* Einleitung // *Sprachwandel durch Computer / R. Weingarten (Hrsg.)*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997. S. 7—20.
- Wunderlich 2014 — *Wunderlich D.* Daniel Kehlmann: F. Buchbesprechung, 2014. URL: <http://www.dieterwunderlich.de/Kehlmann-f.htm>

ZUSAMMENFASSUNG

Dynamik des künstlerischen Textes in der Internetzeit

In dem Artikel wird das von dem Autor in früheren Publikationen aufgearbeitete Problem der sprachlichen Veränderungen in der deutschen Kunstprosa unter dem Einfluss des Internet diskutiert. Am Beispiel des Romans „F“ von D. Kehlmann zeigt der Autor, wie „kulturelle Entzifferung“ der Internetepoche realisiert wird. Es werden kompositorische und rein sprachliche Mittel zur Gestaltung neuer Mente- und Artefakte systematisiert. Zu neuen Mentefakten zählt der Autor die durch den Einfluss des Internet herausgebildeten Normen des öffentlichen Lebens: Transparenz, Täuschung, Zergliederung der Persönlichkeit und virtuelle Abhängigkeit. Diese werden durch das Sujet, die Namengebung, Allusionen und lexikalische Semantik dargestellt. Neue Artefakte erscheinen als E-Mailzitate und stilistische Griffe aus der Internetkommunikation. Die Frequenz der genannten Mittel und ihre Rolle in der Entfaltung der Narration tragen zu ihrer kognitiven Salienz bei, welche künstlerische Präferenzen der dargestellten Zeit abbildet.

Л. И. ГРИШАЕВА

(Воронежский государственный университет)

АГЕНДА КАК ФАКТОР ГИБРИДИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Художественный текст обладает множеством характеристик, которые кардинально отличают его от всех иных типов текста. Среди таких характеристик — способность любого художественного текста, с одной стороны, особым образом рефлексировать действительность, фиксировать разнообразными языковыми средствами волнующие носителей языка и культуры проблемы, а с другой стороны, конструировать языковыми средствами фиктивную реальность, тем самым так или иначе воздействуя на носителей языка и культуры. (См. в этой связи размышления относительно способности языка рефлексировать ценности, установки и действия людей, например, в [Troschina 1995].)

Поэтому не удивительно, что проблематика некоторых актуальных романов немецких авторов созвучна вопросам, остро дискуссионным в немецком обществе и весьма значимым в общеевропейском и глобальном политическом контексте. Особого упоминания в этой связи заслуживает роман Мартина Зутера «Повар» (Martin Suter. Der Koch. Zürich: Diogenes Verlag, 2010. 313 S.) потому, что это художественное произведение обнаруживает ряд особенностей, о которых стоит сказать более определенно. (В качестве заметки на полях необходимо заметить, что в данной статье имеет место сознательное абстрагирование от рассмотрения изучаемого текста с литературоведческих позиций.)

Во-первых, тематика романа не просто актуальна, но и буквально дублирует повестку дня (агенду), актуальную в немецкоязычном, европейском и глобальном культурном пространстве, как таковую, а также ее структуру: проблемы аккультурации мигрантов из Азии и Африки в европейских странах, взаимоотношение носителей разных культур в разных ситуациях, диалектика личностной и коллективной идентичности. Например, персонажи романа — это выходцы из разнообразных культурных пространств — Эфиопии, Северной Америки, Нидерландов, Пакистана, Шри-Ланки и других стран:

Dass sie hier war, hatte sie wieder mal ihrer Eigenschaft zuzuschreiben, sich in das Leben anderer Leute einzumischen. Makeda wollte für sie an einem freien

Abend äthiopisch kochen und hatte beiläufig erwähnt, man könne ja auch Maravan und seine Freundin dazu einladen (S. 245).

Писатель, изображая своих персонажей в разных ситуациях, отмечает и значимость языка, на котором общаются персонажи. Интересно, что, хотя Мараван не изучал на родине немецкий язык, он пользуется им, похоже, без малейших проблем: речь и других персонажей не содержит ни грамматических, ни стилистических ошибок:

Die sri-lankische Diaspora war eine geschlossene Gesellschaft. Darauf bedacht, ihre Kultur zu bewahren und sie von den Einflüssen ihres Asyllandes zu schützen. So gut sich die Tamilen beruflich integrierten, so sehr grenzten sie sich gesellschaftlich ab. Aber Maravan war kein sehr aktives Mitglied dieser Gemeinschaft. Er hatte, abgesehen vom Deutschkurs, von keinem der Angebote für Neuankömmlinge Gebrauch gemacht. Zwar besuchte er den Tempel zu den wichtigsten Feiertagen, aber sonst wahrte er Distanz. Doch jetzt, wo er versuchte, sich als Privatkoch ein Auskommen zu verschaffen, fehlten ihm die Beziehungen zur Diaspora (S. 67).

Автор романа скорее сознательно, чем невольно фокусирует свое внимание и тем самым внимание читателей на признаках, которые, если использовать социокультурную терминологию, входят в структуру идентичности субъектов коммуникации как носителей разных культур — личностной и/или коллективной:

In der Nacht hatte es stark geregnet. Den ganzen Tag lag eine rußgraue Hochnebeldecke über dem Mittelland. Aber es war fast zwanzig Grad warm und trocken. Die Prozession zog singend, trommelnd und händeklatschend hinter dem Wagen mit dem Bildnis von Kali über den aus diesem Anlass geräumten Parkplatz vor dem Industriebau, in dem der Tempel lag. ||| Maravan hatte sich dem Zug angeschlossen. Er trug, im Gegensatz zu vielen anderen Männern, die traditionell gekleidet waren, Anzug, weißes Hemd und Krawatte. Nur das Segenszeichen, das ihm der Priester auf die Stirn gemalt hatte, zeigte, dass er kein unbeteiligter Zuschauer war (S. 130). (Здесь и далее три вертикальные линии маркируют границы абзацев.)

При этом писатель не избегает и того, что противоречия и/или существенные различия между структурами коллективной идентичности у носителей разных культур нередко вынуждают мигрантов действовать вопреки их внутренним убеждениям, например, чтобы спасти своего племянника от верной гибели, Мараван согласился на свое участие в полулегальном бизнесе:

Er war sich zwar nicht sicher, ob Thevaram und Rathinam auf Ulagus Schicksal Einfluss nehmen konnten, aber er wusste, dass der Arm der LTTE lang war. Er hatte von Asylbewerbern gehört, deren Spendebereitschaft von den Befreiungstigern mit kaum verhohlenen Drohungen gegen die zu Hause gebliebenen Angehörigen gefördert wurde. Wenn sie in der Lage waren, über diese Distanz das Leben von Menschen zu bedrohen, lag es vielleicht auch in ihrer Macht, es zu retten. ||| Maravan hatte keine Wahl. Die Chance, und sei sie noch so klein, dass die beiden etwas für Ulagu tun konnten, musste er ergreifen. Und das kostet Geld. Mehr, als er jetzt verdiente (S. 162).

Основу фабулы составляет переплетение двух сюжетных линий: судьба Маравана, выходца из Шри-Ланки, и судьба Далманна, успешного предпринимателя в легальной (консалтинг) и также в нелегальной (торговля оружием в зонах вооруженных конфликтов) сфере. Например, мигранта в инокультурном окружении ожидают различные неожиданности:

„Sie wandte sich vom Fenster ab, baute sich vor Maravan.“ „Steh auf, Maravan.“ Er stand auf und senkte die Lieder. „Sieh mich an.“ „Bei uns ist es unhöflich, jemandem in die Augen zu sehen.“ „Bei uns ist es unhöflich, einer Frau etwas ins Essen zu tun, damit sie mit einem ins Bett geht.“ Er sah ihr in die Augen. „Ich habe dir nichts ins Essen getan“ (S. 76—77).

Вполне уместным в таком контексте предстает и место действия романа — Швейцария, культурное пространство, воспринимаемое давно и устойчиво перекрестком культур, где, конечно же, встречаются не только порядочные люди, но и черные дельцы, зарабатывающие на смерти людей, например:

Auch auf einem anderen Gebiet ließ sich die Vermittlungs- und Beratungstätigkeit erfreulich gut an. Nämlich die für seine thailändischen und pakistanischen Kontakte, Waen und Fajahat. Beide hatten sich mit Carlisle geeinigt, die Produkte waren an die USA verkauft und nach Thailand und Pakistan geliefert worden. Dass sie immer noch dort waren, bezweifelte Dalmann. Die thailändische Lieferung war wohl auf inoffiziellm Weg im Golf von Bengalen auf Schiffe der LTTE umgeladen, die pakistanische wahrscheinlich hochhoffiziell nach Colombo verschifft worden (S. 234).

Во-вторых, публичная, политическая, медийная разновидности агенды становятся стержнем, а нередко и двигателем развития сюжета, основой композиции художественного произведения в целом. Практически все проблемы, так или иначе затрагиваемые в обсуждаемом романе, созвучны актуальным типам агенды. Писатель детально прорисовывает такие ситуации, как организация досуга и рабочего дня, выполнение профессиональных обязанностей (в особенности сотрудников ресторанов), обязанности перед семьей, интересы личности и хобби, способы ведения бизнеса, необходимость соблюдать моральные и этические принципы в разных типах ситуаций, в том числе и в межкультурном общении, соотношение профессионализма и человеческих качеств и др.

Данное обстоятельство легко проследить по регулярным отсылкам к реальным событиям глобального, регионального и локального масштаба (например, мировой финансовый кризис, поездка кандидата в президенты США Обамы в Берлин, выборы президента Обамы и др.), а также по наименованиям 14 из 50 глав именами месяцев в строгом хронологическом порядке (например, *März 2008*, S. 5). В современном мире весьма популярны разнообразные кулинарные шоу, экзотическая кухня, доставка предварительно специально заказанных по определенным поводам блюд на дом и т. д.; а главный персонаж — повар, значительное место в ткани художественного

текста занимают рецепты блюд, а также детальное описание технологии приготовления блюд, которыми наслаждаются персонажи в разных ситуациях.

Детальное описание внешности, действий, намерений вымышленных персонажей причудливо сочетается с характеристикой реальных политиков, банкиров, предпринимателей, а также достоверным описанием действительности:

Barack Obama, der Präsidentschaftskandidat der Demokraten, sprach in Berlin vor zweitausend Menschen und versprach ihnen eine Wende für die ganze Welt. Die brauchte es auch, denn vor wenigen Tagen war die zweitgrößte Hypothekbank der USA zusammengebrochen, und ein paar weitere gerieten immer tiefer in Schwierigkeiten (S. 89).

В-третьих, агенда в целом и ее отдельные компоненты выполняют функции художественной детали, ярко характеризую не только отдельных персонажей, но и определяя параметры фиктивного хронотопа в художественном произведении, а также участвуя в формировании послания автора. Поэтому понятно, почему каждый персонаж описывается также через его кулинарные предпочтения. Например:

„Qualität ist krisenfest“, antwortete Dalmann und hob die Hände, um Platz zu machen für den Teller mit der schweren Cloche, den die Kellnerin brachte. ||| Auch etwas, das er nächstens abschaffen würde, das Theater mit den Cloches, dachte Huwiler, bevor die junge Frau mit jeder Hand einen Messingknopf ergriff und die silbernen Glocken lüftete. ||| „Mariniertes Makrelenfilet auf seinem Fenchelherzbett mit Bärlauchsabayon“, verkündete sie (S. 8).

В-четвертых, художественный текст становится все более неоднородным, сложным образованием, порождаемым на стыке фиктивного, научного, медийного, публицистического дискурса, не теряя, однако, своей цельности. Текст романа насыщен специальными кулинарными терминами, описанием кулинарных технологий, рецептов блюд, богат отсылками к медийным сообщениям. Более того, роман содержит разделы «Рецепты Маравана» (Maravans Rezepte) (с. 293—309), «Источники» (Quellen) (с. 310), «Благодарность» (Dank) (с. 311—312), оформленные в полном соответствии с требованиями к научному тексту (в том числе к тексту в области кулинарии) и к оформлению библиографии. Вкрапления публицистического характера в художественный текст в анализируемом романе мало чем отличаются от медийных текстов, например:

Das Jahr ging zu Ende, schwer zu sagen, was überwog: die Erleichterung darüber oder die Sorge, was das nächste bringen würde. ||| Die internationale Börsenbilanz war verheerend: Die Schweizer Börse schloss ihr schlechtestes Jahr seit 1974 ab, der Dax war um vierzig Prozent eingebrochen, der Dow Jones hatte über ein Drittel verloren, der Nikkei verzeichnete ähnliche Verluste, die Börse in Shanghai war um fünfundsechzig Prozent abgestürzt, und Russland hatte das alles in den Schatten gestellt mit einem Leitindexeinbruch um zweiundsiebzig Prozent (S. 179).

Тот же эффект имеют и элементы документирования, которые щедро рассыпаны по тексту романа: точные даты, отсылка к актуальным событиям, имена реальных людей, названия реальных международных организаций, названия реальных международных фирм, профиль деятельности которых хорошо известен читателям.

Несмотря на сложность содержательной организации текста — или же, напротив, благодаря ей, — персонажи и стоящие за ними социальные типажи легко и надежно узнаваемы читателями:

Andrea hatte noch nie mit diesem Milieu zu tun gehabt und war fasziniert. Sie kam rasch mit den Frauen ins Gespräch, die meistens vor ihren Kunden eintrafen und sich die Wartezeit im Salon bei einem Drink und ein paar Zigaretten vertrieben. Sie waren schön, trugen Prêt-à-porter und teuren Schmuck und behandelten sie als eine der ihren. Sie unterhielt sich gerne mit ihnen. Sie besaßen Humor und sprachen über ihren Beruf mit einer ironischen Distanz, die Andrea zum Lachen brachte (S. 169).

В обозначенном контексте возникают вопросы, значимые либо с дискурсивной, либо с текстограмматической точек зрения:

— Имеет ли место влияние агенды на содержательную и формальную структуру фиктивного текста?

— Насколько правомерно трактовать изменения в фиктивном дискурсе, наблюдаемые в последнее время, как трансформацию последнего под влиянием фактора «агенда»?

— Являются ли названные процессы фактом только немецкоязычного культурного пространства?

Чтобы ответить на первый вопрос, достаточно обратить внимание на обложку книги:

„Weltweite Finanzkrise, Bürgerkrieg in Sri Lanka und eine Firma, die in aller Verschwiegenheit boomt: Love Food fürs diskrete Tête-à-Tête. ||| Politische Gegenwart, Exotik und Sinnlichkeit — ein Roman, der keinen Wunsch offenlässt.“

Привлекая же отмеченные выше особенности организации анализируемого текста, следует ответить на поставленный вопрос утвердительно, имея в виду, что степень влияния агенды на содержательную структуру и, следовательно, на синтаксическую организацию текста, естественно, в разных произведениях не может не быть разной, поскольку это обусловлено в первую очередь особенностями эстетических и этических задач, которые решает автор в своем произведении.

Таким образом, писатель вольно или невольно сообщает о разных проявлениях отдельных психосоциальных процессов. Разные способы аккультурации демонстрируются прежде всего через судьбу Маравана, Санданы, членов группы, собирающих дань с представителей диаспоры, Македы и др. При этом отмечается, что мигранты вполне осознают, как они должны действовать в инокультурном для них окружении, например:

Kein Zweifel, es war gegen seine Kultur, gegen seine Religion, gegen seine Erziehung und gegen seine Überzeugung. Aber er befand sich nicht in Sri Lanka. Er war im Exil. Da konnte man nicht leben wie zu Hause (S. 163).

Возможность добиться финансового успеха в Европе представителями разных социальных групп иллюстрируется рассказом о деятельности владельца ресторана, отца Санданы, официантов, крупных легальных и нелегальных бизнесменов и др. Разные типы реакции представителей разных социальных групп на финансовый успех и/или крах конкретного человека и/или социальной группы показаны через судьбу владельца ресторана, в котором работал Мараван, через описание полулегальной деятельности фирмы Маравана и Андреа, через судьбу Македы и ее родственников, через судьбу Далманна и его поделщиков из разных стран и т. д.:

Und es war wirklich dringend. Die Pfuscher von der Bundesanwaltschaft hatten einen ganzen Satz Kopien der sogenannten Atomschmuggel-Akten, die der Bundesrat in ausnahmsweise weiser Voraussicht und auf Druck der CIA hatte vernichten lassen, in irgendeinem Archiv rumstehen. Und anstatt diese diskret zu schreddern, wie es jeder halbwegs vernünftige Mensch getan hätte, hängten sie es an die große Glocke. ||| „Weiß man, ob es alle sind? Ich meine, sind sie vollständig? Ach, Quatsch: Kommt die scheiß Palucron vor?“ ||| „Darüber ist mir nichts bekannt. Aber es ist damit zu rechnen. Ich weiß nur, dass Fachleute der Internationalen Atomkommission die Papiere bereits vor Tagen bewertet und das Hochbrisante vom Harmlosen getrennt haben“ (S. 280).

Осмысляя вклад агенды в содержательную и формальную организацию текста, следует вспомнить о том, что медиа, в которых отображается иерархия тем, значимых с точки зрения медиаресурсов / политиков / общества, структурируют реальность в головах публики, а не отражают эту реальность [Merten 2006: 41]. Кроме того, «Вынесение на обсуждение общественности набора проблемных тем не всегда отражает объективную иерархию социальных проблем» [Пастухов 2010: 171], а понятие «агенда» «отражает именно характер внедрения <...> набора (значимых для некоторого отрезка времени проблем) в сознание аудитории» [Пастухов 2010: 173].

В качестве обобщения можно подчеркнуть, что при конструировании фиктивной реальности все большую роль играют социокультурно значимые для общества проблемы, а не проблемы художественного осмысления действительности сами по себе

Функциональный потенциал агенды проявляется в анализируемом художественном тексте через **активизацию** разнообразными способами у читателя знаний об актуальной публичной, медийной, политической агенде, через **конструирование** когнитивного фона, на котором воспринимается когнитивная фигура (судьба конкретных персонажей), через **профилирование** характеристик фиктивного хронотопа, значимых для осмысления послания автора реципиентами художественного текста.

Функциональный потенциал агенды в тексте зависит от того, что читатель выбирает: (1) параметры рамки восприятия извлекаемых из текста сведений, (2) рамки восприятия и интерпретации комплекса сведений о внеязыковой действительности — фиктивной и/

или реальной — «свой ⇔ чужой» или «свой ⇔ другой». Это предопределяет трактовку сюжета и/или способствует адекватной интерпретации послания автора читателем. И в конечном итоге оказывается довольно значимое влияние также на отношение последнего к реальной действительности.

Функции агенды в фиктивном тексте заключаются в том, что агенда — это средство создания художественной детали. Через отношение к агенде писатель характеризует отдельных персонажей. Активизация сведений об агенде способствует деликатному, без явного морализаторства, в гуманистическом ключе, формированию отношения к ряду щекотливых, социокультурно важных вопросов, осознаваемых все большим числом носителей культуры в последние годы как наиболее значимых для коллективного субъекта с конкретной культурной идентичностью.

Говоря о вкладе агенды в фиктивный текст, правомерно описать его как **диалог фиктивной и реальной действительности**, поскольку таким образом реализуется прямая и косвенная апелляция к публичной, политической, медийной агенде. Можно даже сказать, что фиктивная реальность аккуратно вписывается в реальную действительность, что побуждает воспринимать последнюю как своего рода комплекс многих параллельных виртуальных миров, показывая, насколько сложным стал современный мир. В результате в художественном тексте стирается определенность границ между использованием техник конструирования фиктивности/виртуальности и документированием фактов действительности, что более свойственно публицистическим текстам. Другими словами, по современному роману можно проследить важную для генерирования текстов тенденцию — гибридизацию типов текста, поскольку текстограмматически релевантные характеристики одного из них — фиктивного — не исчерпываются набором параметров, свойственных только одному конкретному типу текста.

В качестве контраргумента предложенной трактовке можно возразить — все развитие жанра романа иллюстрирует, насколько сложным в текстограмматическом отношении был и остается этот текст по своей функциональной, содержательной, формальной структуре, это во-первых. Во-вторых, актуальные для общества проблемы практически всегда в той или иной форме присутствовали в художественном произведении. В-третьих, романы, вписанные в разные эстетические традиции, обнаруживают и разную степень связи с общественно значимой проблематикой, и разные способы ее включения в ткань художественного текста.

Однако приведенные контраргументы ни в коей мере не противоречат высказанной точке зрения потому, что в текстах обсуждаемого типа актуальные реальные события изображаются в отличие от классических — в том числе и реалистических — романов не только

как фон, на котором разворачивается судьба конкретного человека, но и как звено/звенья в довольно длинной цепи причин и следствий (целесообразно вспомнить в этой связи метафору о взмахе крыльев бабочки, например), предопределяющих действия персонажа в определенных условиях и в конечном итоге судьбу в целом.

Ответ на второй поставленный выше вопрос может быть только весьма осторожным, поскольку для категоричного суждения относительно влияния агенды на процессы гибридизации в художественном тексте требуется изучение множества разных жанров под обозначенным углом зрения. И хотя автор данной статьи опирается на наблюдения и над другими современными немецкими романами (например, Michael Schindhelm «Roberts Reise», Jens Sparschuh «Der Zimmerspringbrunnen», Eduard Breimann «Das fremde Land» и др.), а также на труды других исследователей, например, [Willms 2014], необходимо, естественно, продолжить соответствующие исследования под обозначенным углом зрения.

На третий вопрос также нет и не может быть пока однозначно ответа, хотя первичные наблюдения (например над последними романами Людмилы Улицкой) позволяют предположить, что соответствующие процессы вписываются в универсальные тенденции. В этой связи можно вспомнить также и творчество Гюнтера Грасса, а также других мастеров художественного слова. Однако нельзя исключить, что обозначенные процессы можно интерпретировать и как идиостилистические проявления конкретных авторов.

В качестве общего вывода следует обратить внимание на любопытную для художественного текста тенденцию — возрастание значимости проблемы идентичности в обществе. Это проявляется в изменении содержательной и формальной структуры современного романа, т.е. в конечном счете в гибридизации форматов дискурса и типов текста, а также жанров художественных произведений.

Литература

- Пастухов 2010 — *Пастухов А. Г.* Agenda setting или установление повестки дня в медиатексте // Медиатекст: стратегии — функции — стиль: коллективная монография / Л. И. Гришаева, А. Г. Пастухов, Т. В. Чернышова (отв. ред.). Орел, 2010. С. 171—185.
- Troschina 1995 — *Troschina N.* Kommunikativer Kontext und stilistische Frames // Totalitäre Sprache — Langue de Bois — Language of dictatorship / Hrsg. von R. Wodak, F. P. Kirsch. Wien: Passagen-Verlag, 1995. S. 93—103.
- Merten 2006 — *Merten K.* Agenda-setting-approach [Thematisierungs-Ansatz] // Das große Lexikon Medien und Kommunikation. Compendium interdisziplinärer Konzepte / L. R. Tsvasman (Hrsg.). Würzburg: Ergon-Verlag, 2006. S. 41—42.

Willms 2014 — *Willms W.* Zum Zusammenhang von Identität und literarischer Form in Texten russisch-deutscher Autorinnen der Gegenwart am Beispiel von Julia Rabinowich und Lena Gorelik // Thomas Klinkert (dir.). *Migration et indentité*. Freiburg i. Br.; Berlin; Wien: Rombach-Verlag, 2014. S. 169—194.

Источник примеров

Suter 2010 — *Suter M.* *Der Koch*. Zürich: Diogenes Verlag, 2010. S. 313.

ZUSAMMENFASSUNG

Agenda als Einflussfaktor bei den Hybridisierungsprozessen im fiktiven Text

Im vorliegenden Beitrag wird die thematische Makrostruktur des Textes von Martin Suter „Der Koch“ analysiert. In den Vordergrund wird dabei die Korrelation zwischen der aktuellen Agenda und der Makrostruktur des Textes gerückt. Besprochen werden die Funktionen der Agenda im fiktiven Text. Die Leistung der Agenda im fiktiven Text wird mit Textausschnitten belegt.

В. Б. МЕРКУРЬЕВА

(Иркутский государственный университет)

ЮМОР КАК ПОПУЛЯРИЗАТОР НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ДИАЛЕКТОВ В ИНТЕРНЕТЕ

Из четырех китов средств массовой информации — прессы, радио, телевидения и Интернета — последний особо привлекает внимание лингвистов в силу еще недостаточной изученности и быстрого развития. В Интернете появляется большое количество видео на диалекте и с включением диалекта, поскольку устная форма реализации является естественной и характерна для этого языкового слоя. Письменные формы с использованием диалекта также имеют место, хотя нормированного правописания ни одного из диалектов, как известно, не существует. Привлекательность для исследователя представляют собой короткие видеоролики, которые, как правило, имеют тему или идею, заслуживающую внимания.

В качестве предпосылки к нашему анализу обратимся к выводам, характеризующим современную языковую ситуацию в ФРГ, к которым приходит профессор из Кёльна — Карл-Хайнц Гёттерт. В своей книге «Alles außer Hochdeutsch. Ein Streifzug durch unsere Dialekte» он замечает, что в стране произошло объединение, но языки не стремятся к единению (Einheit), им нужно разнообразие (Vielfalt). Прочитируем профессора Гёттерта далее дословно: „Im Augenblick merkt man, dass neben Globalisierung Regionalität tritt. *Statt* Globalisierung Regionalität? Natürlich nicht, aber die Mischung ist möglich, auf Mischung kommt es offenbar an. Einheitssprache oder Dialekte? Das war einmal, heute gibt es beides“ [Göttert 2011: 344]. (Сохранен курсив авторского варианта.)

Сегодня наряду с глобализацией, по мнению Гёттерта, присутствует и регионализация. Автор задает вопрос: вместо глобализации регионализация? И отвечает на него негативно: конечно же нет, но смешение возможно. Раньше ставился вопрос достаточно жестко: литературный язык или диалект? Сегодня К-Х. Гёттерт в качестве ответа заявляет, что обе языковые формы имеют право на существование и присутствуют в речи граждан ФРГ.

Еще один из важных выводов книги Гёттерта состоит в том, что диалекты сглаживаются (abschleifen), а нормы литературного языка нарушаются (Risse bekommen) [Göttert 2011: 344].

Мы выбрали для данной статьи ролики в основном комического содержания, так как их количество достаточно велико в Интернете, они вызывают интерес, и проблемы, которые в них ставятся, достаточно серьезны, несмотря на юмористический подход к ним. Наш выбор остановился на видео, ставящих лингвистические проблемы под маской обсуждения областей, далеких от лингвистики.

Обратимся к видеоролику, в котором снималась известная немецкая комедиантка Анке Энгельке. Мы обнаружили, что он существует в двух версиях. Первая под названием „Deutschkurs für Türken — Ladykracher“ (2012) [6 https://www.youtube.com/watch?v=r_Pf7Lycm2E] и вторая — „Der Deutschkurs für unsere türkischen Mitbürger — Ladykracher“ (2013) [5]. Изменение названия связано с более политкорректным обозначением турок как *türkische Mitbürger*, которому еще предшествует притяжательное местоимение *unsere*. Отметим, что канцлер ФРГ А. Меркель в своих новогодних воззваниях также использует перифраз *Mitbürger*, с ее подачи он и вошел в привычный обиход для обозначения бывших граждан Турции. «Сквозной темой всех новогодних обращений является проблема беженцев. В 2006 г. они называются нейтрально иностранцами («у нас живущими иностранцами» — *bei uns lebende Ausländer*). Примечательно, что это словосочетание является частью перечисления о возможностях преобразить любую идею в жизнь. Эти возможности имеет, по мнению А. Меркель, каждый человек в ФРГ: *Das kann jeder von uns — zu Hause, in der Familie, mit Kindern, in der Schule, am Arbeitsplatz, mit Kranken, mit Behinderten, mit bei uns lebenden Ausländern, in Vereinen, in Selbsthilfegruppen, in Bürgerinitiativen, in Kirchen und vielem mehr*. Транслируется мысль, что живущие в стране иностранцы являются ее неотъемлемой составной частью, однако их возможности в ФРГ явно преувеличены. В 2007 г. Ангела Меркель называла переехавших в Германию иностранцев своими согражданами — *für die bei uns lebenden ausländischen Mitbürgerinnen und Mitbürger*» [Меркурьева 2016: 5].

Оба ролика отличаются названиями, но идентичны по содержанию. В них в юмористической форме показано влияние иноязычной речи иммигрантов, молодежного языка и диалектов на современный немецкий язык. Образцовый литературный немецкий язык учительница немецкого языка исправляет на неправильный вариант: правильное предложение *Ich bin der Orhan, ich wohne in Deutschland* учительница исправляет на *Aalder, bin isch Orhan, wohne in Schweinefresserland*. Изменяется порядок слов в предложении, которое начинается вопреки всем правилам грамматики немецкого литературного языка с глагола. Особенно слова *isch* и *Aalder* выдают турецкое произношение. Турки, в свою очередь, копируют произношение немецких граждан, их произношение имеет региональную, диалектную окраску. Произношение — *isch* является смешением турецкого и немецкого обиходно-разговорного языка с вкраплением диалекта.

Перифраза для номинации Германии, имеющая грубую стиливую окраску, Schweinefresserland, обращение Alter (Aalder — в турецком произношении) к старику, обращение к женщине Du Hure и обращение к нескольким людям Ihr, Ottos позаимствованы из молодежного жаргона. Последняя фраза, которую называет преподаватель и которой они будут заниматься на следующем уроке, представляет собой классический пример из Kanak Sprak¹: Gibst du mir Jacke, du Opfer, sonst mach ich dich Messer! С позиции литературной нормы это — грамматически неправильно оформленное повелительное предложение.

В данном эпизоде преподаватель обучает граждан из Турции неверному немецкому языку. Таким образом, в юмористической, скорее даже в гротескной форме изучающие немецкий иностранцы прощаются с преподавателем: Tschüss, du Hure! Преподаватель уже сама якобы не понимает правильный литературный немецкий язык. В данной сцене содержится определенная критика — предостережение по поводу возможной негативной перспективы развития немецкого языка в связи с усилением влияния на него турецкого языка и языков иммигрантов из других стран. Транслируется мысль, что таким будет немецкий язык в скором будущем, т.е. он будет представлять собой смесь молодежного жаргона, диалекта, обиходно-разговорного языка и языка канак-спрак (языка жилых кварталов). Эту смесь Д. Шюмер называет «рудиментарным пиджином» (rudimentäres Pidgin) [Schümer 2016].

В нашем исследовании 2004 г. мы отмечали, что отношения между диалектом и литературным языком нужно рассматривать как динамические и развивающиеся. Долговременного сохранения разных форм проявления языка не может быть без их соприкосновения, а также их определенной дистанцированности друг от друга [Меркурьева 2004: 302].

Диалект, с одной стороны, теряет свои позиции, а с другой стороны, к нему растет интерес. Это определенное противоречие объяснимо тем, что сокращение использования диалекта основывается на коммуникативно-практическом выборе языковых личностей, а диалектные волны — это культурное движение в рамках языковой политики.

До сих пор в современной Германии как минимум 60 % населения говорит на диалекте [Hanke 2010; Bekker 2011]. По результатам нашего анкетирования число респондентов, владеющих только немецким литературным языком, незначительно. Большинство из опрошиваемых знает какой-либо диалект, а если не знает, то обязательно проявляет интерес к диалекту [Меркурьева 2004: 307].

¹ Неформальное обозначение немецкого жаргона, на котором преимущественно говорят выросшие в ситуации двуязычия этнические турки второго или третьего поколения иммигрантов [Kanak Sprak].

Среди лингвистов есть и скептики относительно судьбы диалектов. Так, Шт. Эльспас считает, что диалекты вымирают, но процесс протекает неравномерно в разных регионах, менее всего он касается Швейцарии, более всего — Германии, в Австрии нет ясных тенденций к исчезновению диалектов [Elspass 2015]. Иная позиция у К.-Х. Гёттерта, который полагает, что диалекты в эпоху глобализации становятся «языковой родиной» (*gesprochene Heimat*) (он рассказал об этом в интервью с Габриэлой Шааф) и что они становятся повсеместно «эмоциональной родиной» (*in Zeiten der Globalisierung werden Dialekte weltweit zur emotionalen Heimat*) [Schaaf 2011].

В настоящее время Интернет пестрит статьями, в которых говорится о буме диалектов в Германии (*Der Boom der Dialekte*), о возвращении диалектов (*Der Klang der Heimat — Deutsche Dialekte erleben ein Comeback*). Обращает на себя внимание не совсем уместное использование англицизмов даже в названиях статей, посвященных диалектному слою².

Диалекты представляют собой средство самоидентификации, а литературный язык зачастую простые люди предпочитают потому, что не хотят быть узанными (*Wer Hochdeutsch spricht, will nicht erkannt werden*) [Hanke 2010]. Подобную мысль находим в комментарии молодого человека, публикующегося под ником *btjeanne* 26.04.2015, к статье Эльспаса: „Die Sache mit den Dialekten ist ja die, dass die Jugend (wozu ich mich zähle) nicht unbedingt immer will, dass jeder weiß, woher man kommt“ «Дело с диалектами обстоит таким образом, что молодежь (к числу которой я себя отношу) не обязательно всегда хочет, чтобы каждый знал, откуда ты родом» (перевод наш. — В. Б.) [Elspass 2015].

Люди, которые выбирают диалект, считают, что «диалекты дают чувство опоры в эпоху глобализации» (*Dialekte geben Halt in Zeiten der Globalisierung*), что «диалекты — это бастионы сопротивления» (*Dialekte sind Bastionen des Widerstands*), «диалект — это ответ на глобализацию» (*Dialekt — eine Antwort auf die Globalisierung*) и т. д. (перевод наш. — В. Б.)

В свое время лингвисты и писатели экспериментировали с диалектами, «переводили» на диалекты мировую и немецкую классическую литературу с целью доказать безграничные возможности и высокий творческий потенциал диалектов³. В настоящее время сохраняется эта традиция и вырисовывается еще одна тенденция в ис-

² Ср. также употребление англицизмов и в тексте статьи: «Sie wollen zeigen, dass Dialekte cool sind» [Bekker 2011].

³ См., например:

1. Dudek. Stephan A. „Das verdammte Volkstheater“ in Rüsselsheim spielt „Tartüff auf hessisch“ [Электронный ресурс].
2. Der schwäbische Tartüff — Das Gasperspiel in Asperg eV [Электронный ресурс].
3. Faust auf Bayerisch — Volksschule Nemaу [Электронный ресурс].

пользовании диалектов: сейчас в Интернете появились небольшие фрагменты суперпопулярных фильмов, что также является результатом глобализации, например, «Гарри Поттер», «Властелин колец», «Матрица» и т. д., синхронизированных на различных диалектах. Интерес к этим фильмам известен, у молодежи они пользуются особенно большой популярностью, так что все реплики многие зрители практически знают наизусть. Диалектный текст, как правило, содержит как текстовые, так и сюжетные изменения, хотя линия поведения героев сохраняется. Они напоминают так называемые гоблинские⁴ переводы. Мы выделяем в данном случае развлекательную функцию использования диалекта. То, что Гарри Поттер вдруг говорит на баварском, швабском или кёльнском диалектах, уже вызывает улыбку, создается эффект неожиданности. Создатели ролика о Гарри Поттере на баварском диалекте вставляют в текст незначительный эпизод — заглядывающая в купе поезда работница вагона-ресторана с тележкой продуктов говорит: „Gonz (ganz) füle (viele) Leckereien aus der bayrischen Küche. Häts ihr au was davon“ [4]. Möchtet ihr auch etwas davon haben («Огромное количество вкусностей баварской кухни, не хотите ли вы чего-нибудь из ассортимента?» — перевод наш. — В. М.). Рон отвечает, что у него с собой eine Leberkas-semmel (Leberkäse-Brötchen) (булочка с Leberkäse⁵). Происходит скрытая реклама типично баварского продукта питания, а Гарри Поттер заказывает себе еще один популярнейший в Баварии напиток — светлое пиво (Weissbier). Заметим, что в ролике «Властелин колец» на баварском диалекте также содержится скрытая реклама этого напитка: волшебник Гэндальф при встрече с хоббитом Бильбо Бэггинсом просит у него этот же сорт баварского пива.

Создатели видеоролика о Гарри Поттере на швабском диалекте выбирают тот же самый эпизод, только несколько длиннее по объему [7]. Примечательно, что женщина с тележкой, наполненной про-

4. Mank D. Lesung „Schäksbier uff hessisch“ von Dr. Dieter Mank [Электронный ресурс].

⁴ Озвучка фильма, сделанная Дмитрием Пучковым, известным под псевдонимом «Гоблин». Переводы Гоблина, по его собственной классификации, делятся на две группы: «смешные переводы» и «правильные переводы». «Правильные переводы» выходят под маркой студии «Полный Пэ» и, помимо озвучки, являются непосредственно переводами фильмов. «Смешные переводы» выходят под маркой студии «Божья Искра» и обычно представляют собой пародийные дубляжи, сделанные посредством иронического переосмысления исходного сюжета [Перевод Гоблина].

⁵ Leberkäse был изобретен в 1776 г. поваром Карлом Теодором. Название „Leberkäse“ буквально переводится как «печень-сыр», хотя в Баварии блюдо традиционно не содержит ни печени, ни сыра. Название происходит от старонемецких лексических основ «лаб», что значит буханка, и «каси», что значит густая, плотная масса. Как правило, подается с süßem Senf (баварской сладкой горчицей) и мягкими кренделями или Kartoffelsalat (картофельный салат) [Баварский Leberkäse].

дуктами, также предлагает главным героям сладости на швабском диалекте: „Wollet Ihr Gutzle (Gu-e-tzle) hawwe?“⁶ («Хотите ли купить сладости?» — перевод наш. — В. М.) Носитель швабского диалекта Петра Эверке уточняет, что в швабском диалекте слово Gutzle образуется от gut schmecken⁷ «быть вкусным».

Новые интернет-технологии делают возможным участие, по сути, в языковом эксперименте с непривычным (экзотическим) использованием диалекта. В описанных примерах происходит наполнение знакомой формы (суперпопулярного фильма) новым содержанием (диалектом).

В проанализированных видеороликах мы наблюдали скрытую рекламу региональных и национальных продуктов. Приведем примеры открытой рекламы с использованием немецкого диалекта в необычном окружении.

Реклама немецких кондиционеров на фоне индийского фильма решена на швабском диалекте, вложенном в уста индусов [9]. Стереотипный мелодраматический сюжет индийского фильма, в котором героиня говорит со слезами на глазах, прерывающимся голосом, изображая трагедийную ситуацию, а герой пребывает в ужасе от того, что потерял любовь навсегда, как позже выясняется, — из-за поломки кондиционера. Юмористическое впечатление возникает в результате пародирования жанра индийских мелодраматических фильмов, от эффекта неожиданности, что героини-индусы говорят на швабском диалекте, и от незначительного предмета разговора — Klimaanlage (кондиционер), способного привести к трагедии влюбленных.

Аналогичным образом построены Schwäbisch für Chinesen Teil 1, Teil 2. [9, 10]. Это — видео, посвященные той же теме кондиционеров и снятые в жанре пародии на гангстерский фильм и мелодраму. Персонажи (китайцы) говорят на швабском диалекте, имеют немецкие имена и критикуют Chinadreck (грубое выражение, обозначающее китайский некачественный товар) и предпочитают немецкие (швабские) кондиционеры.

Обратимся к пародии на диалектные курсы *Altbairisch für Anfänger* «Древнебаварский для начинающих». Название комично вследствие своей абсурдности: напрашивается вопрос, зачем изучать именно старобаварский. Здесь высмеивается восприятие некоторыми людьми баварского диалекта как несовременного, крестьянского и грубого языкового слоя. В видеоролике широко используется метод перевода на литературный язык, эвфемизмы, заменяющие грубо звучащие диалектные предложения. Театрализованные сценки, в которых заняты знаменитые актеры и комики, вызывают, безус-

⁶ См. книгу Б. Босси: *Guetzle mit Betty Bossi jahraus jahrein 118 Rezepte süsse, pikante, einfache, schnelle, raffinierte, sogar Lebkuchen, Pralinés und Nidelzältli — Kleine Bäckschule der Guetzlibäckere.*

⁷ Из личной переписки автора статьи с Петрой Эверке (письмо от 11.04.2013).

ловно, большой интерес, о чем свидетельствует 188 комментариев к данному видео.

Фантазия создателей театрализованных сенок на диалекте не знает границ — высмеивается проникновение английского языка в диалект, неуклюжее его влечение в диалектный дискурс: курс называется *Altbairisch für Anfänger, Lektion 2022: Englisch im Dialekt*; *Altbairisch für Anfänger, Lektion 500001* и т. д. Обратим внимание на гиперболизированное число серий (*Lektion 2022* и даже *Lektion 500001*) так называемых курсов старобаварского. Имплицировано создатели роликов транслируют мысль, пусть и сохраняя при этом юмористический модус, что таких уроков изучения баварского диалекта существует бесконечно много, то есть потенциал его огромен, а интерес посетителей курсов неиссякаем. Творческие находки энтузиастов (количество их все же ограничено), создателей новых диалектных ресурсов, театрализованных ситуаций, скетчей, пародий служат любителям диалектов, самим диалектоносителям. Замечание И. М. Некипеловой о том, что язык используют большинство, а развивает его меньшинство, справедливо и для дискурса на диалекте [Некипелова 2015: 357].

Небольшой экскурс по теме «распространение диалекта в Интернете» свидетельствует о росте популяризации диалекта среди населения. Слова К.-Х. Гёттерта о «языковой родине» (*gesprochene Heimat*) оказываются очень точными. Носители диалекта, его любители могут на просторах Интернета наслаждаться звучанием диалекта, просвещаться, открывать новое, смеяться, развлекаться, скрываться от стрессов, связанных с глобализацией, окунаться в эту сокровищницу национального своеобразия. Распространение диалекта носит отчасти искусственный характер, так как: 1) заинтересованные языковые личности осознанно работают над распространением диалекта и его популяризацией; 2) предпочтение отдается малым формам и жанрам, пародиям, хотя существуют и художественные фильмы на диалекте, и телесериалы. Диалект в Интернете, как представляется нам, выполняет не только роль «красной книги» (хотя и эта функция сохранения диалектов налицо), но диалект — это живой организм, который соотносится с динамикой современной жизни, тенденциям, ее модным направлениям, в чем он демонстрирует свое развитие. Приложение усилий носителей диалекта к его распространению не умаляет значения диалекта, позволяя ему сохраняться и радовать людей. Использование диалекта в юмористических контекстах сопряжено с усилением развлекательной функции диалекта.

Юмор — это традиционная (но не единственная) сфера распространения диалекта. В эпоху глобализации меняются формы: это не только театральные комедии, смешные песни с использованием диалекта, но и реклама, переделанные речи политиков, необычная синхронизация знаменитых фильмов и т. д. Поиск немецкой, швейцарской, австрийской идентичности в эпоху глобализации без обра-

щения к диалекту, его неожиданного использования, вызывающего улыбку или саркастический смех, невозможен.

Литература

- Баварский Leberkäse — Баварский Leberkäse. URL: <http://www.edimdoma.ru/retsepty/79242-bavarskiy-leberkeze-bayerischer-leberk-se> (Дата обращения: 06.06.2016).
- Меркурьева 2004 — Меркурьева В. Б. Диалект и литературный язык в немецкоязычных драмах (отношения комплементарности и изоморфизма). Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2004.
- Меркурьева 2016 — Меркурьева В. Б. Идиостиль канцлера ФРГ Ангелы Меркель (на материале новогодних обращений) // Международный информационно-аналитический журнал «Crede Exerto: транспорт, общество, образование, язык». № 1 (08). URL: <http://ce.if-mstusa.ru>
- Некипелова 2015 — Некипелова И. М. Глобализация языка: неизбежность или необходимость? Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), Modern Research of Social Problems. № 3 (47). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-yazyka-neizbezhnost-ili-neobhodimost> (Дата обращения: 03.07.2016).
- Перевод Гоблина — Перевод Гоблина // URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Перевод_Гоблина (Дата обращения: 07.07.2016).
- Bekker 2011 — Bekker M. Der Klang der Heimat — Deutsche Dialekte erleben ein Comeback. Dezember, 2011. URL: <http://www.alumniportal-deutschland.org/deutschland/land-leute/das-comeback-der-deutschen-dialekte/> (Дата обращения: 03.07.2016).
- Bossi 1979 — Bossi B. Guetzle mit Betty Bossi jahraus jahrein 118 Rezepte süsse, pikante, einfache, schnelle, raffinierte, sogar Lebkuchen, Pralinés und Nidelzältli — Kleine Backschule der Guetzlibäckere. Ringeinband. 1979. URL: <https://www.amazon.de/einfache-schnelle-raffinierte-Lebkuchen-Nidelz%C3%A4tli/dp/B0031ZSJZO> (Дата обращения: 03.07.2016).
- Der schwäbische Tartüff 2013 — Der schwäbische Tartüff — Das Glasperlenspiel in Asperg eV. // URL: <https://www.glasperlenspiel.de/der-schwaebische-tartueff> (Дата обращения: 19.03.2017).
- Dudek 2015 — Dudek S. A. „Das verdammte Volkstheater“ in Rüsselsheim spielt „Tartüff auf hessisch“ // URL: http://www.main-spitze.de/lokales/kultur/lokale-kultur/das-verdammte-volkstheater-in-ruesselsheim-spielt-tartueff-auf-hessisch_15857996.htm (Дата обращения: 19.03.2017).
- Elspass 2015 — Elspass St. „In Deutschland sterben die Dialekte aus“ // Spiegel online. 26 April // URL: <http://www.spiegel.de/wissenschaft/mensch/deutschland-dialekte-sterben-aus-sagt-ein-sprachforscher-a-1030000.html> (Дата обращения: 05.07.2016).

- Faust auf Bayerisch — Faust auf Bayerisch — Volksschule Hemau // URL: <http://www.volksschule-hemau.de/Faust%20Internet%20Seite%20NEW/Bayerisch.htm> (Дата обращения: 18.03.2017).
- Göttert 2011 — *Göttert K.-H.* Alles außer Hochdeutsch. Ein Streifzug durch unsere Dialekte. Berlin, 2011.
- Hanke 2010 — *Hanke K.* Dialekte in der deutschen Kulturszene. 2010 // URL: <http://www.alumniportal-deutschland.org/deutschland/landleute/das-comeback-der-deutschen-dialekte/> (Дата обращения: 03.07.2016).
- Kanak Sprak — Kanak Sprak // URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Kanak_Sprak (Дата обращения: 05.09.2016).
- Mank D. 2016 — *Mank D.* Lesung „Schäksbier uff hessisch“ von Dr. Dieter Mank // URL: <http://www.youtube.com/watch?v=n8s2V3q8o9Q> (Дата обращения: 18.03.2017).
- Schaaf 2011 — *Schaaf G.* Die Wiederkehr der Dialekte. Das Gespräch führte Gabriela Schaaf 12.12.2011 // URL: <http://www.dw.com/de/die-wiederkehr-der-dialekte/a-15581250> (Дата обращения: 05.07.2016).
- Schümer 2016 — *Schümer D.* Neuer Simpelsprech. Wie Flüchtlinge die deutsche Sprache verändern // Welt 11.04.2016. URL: <https://www.welt.de/debatte/kommentare/article154229289/Wie-Fluechtlinge-die-deutsche-Sprache-veraendern.html> (Дата обращения: 05.09.2016).

Использованные видеоролики

- [1] Altbairisch für Anfänger // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0PesI9A2rCI> (Дата обращения: 04.07.2016).
- [2] Altbairisch für Anfänger, Lektion 2022: Englisch im Dialekt // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wo25DG5HZ-I> (Дата обращения: 07.07.2016).
- [3] Altbairisch für Anfänger Lektion 500001 // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ojEgyWRqOik> (Дата обращения: 07.07.2016).
- [4] Da Potter Harri (Harry Potter auf Bayerisch) !! xD // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MGCXZdpdN0Q> (Дата обращения: 06.07.2016).
- [5] Der Deutschkurs für unsere türkischen Mitbürger — Ladykracher // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LXKNVRNzEII> (Дата обращения: 06.07.2016).
- [6] Deutschkurs für Türken — Ladykracher // URL: https://www.youtube.com/watch?v=r_Pf7Lycm2E (Дата обращения: 5.09.2016).
- [7] Harry Potter auf Schwäbisch Teil 2 // URL: <http://www.youtube.com/watch?v=poDx7Cp8v4g> (Дата обращения: 06.07.2016).
- [8] Herr der Ringe auf Bayrisch // URL: http://www.youtube.com/watch?v=NCIVSZbKU_A (Дата обращения: 06.07.2016).
- [9] Schwäbisch für Chinesen Teil 1 // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-ejREclQSc> (Дата обращения: 04.07.2016).

- [10] Schwäbisch für Chinesen Teil 2 // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pPUdXqKwZuM> (Дата обращения: 04.07.2016).
- [11] Schwäbisch für Inder Teil 1 // URL: https://www.youtube.com/watch?v=yj5_pSwJ0Ao (Дата обращения: 04.07.2016).

ZUSAMMENFASSUNG

Humor als Popularisator der deutschen Sprache und ihrer Dialekte im Internet

Humorvolle Videos kleinen Formats ziehen die Aufmerksamkeit auf die Probleme der deutschen Sprache auf sich: Einfluss der Fremdsprachen der Immigranten, der Jugendsprache und der Dialekte. Das Internet hat dank der Globalisierung den ungewöhnlich großen Aufschwung des Dialekts gewährleistet. Reden der Politiker, Parodien auf besonders populäre Filme, Werbung in Dialekt sind infolge der Dialektverwendung mit einem guten Anteil Humors versehen, was zur Popularisierung der deutschen Sprache und der Dialekte beiträgt.

Т. В. ГРЕЧУШНИКОВА

(Тверской государственной университет)

**ЯЗЫКОВОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ НА СТЫКЕ КУЛЬТУР:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ
АВТОРОВ-МИГРАНТОВ**

Художественные тексты немецкоязычных авторов иностранного происхождения довольно долго не находили должного отклика у отечественной читательской аудитории и дидактического сообщества. Скепсисом в отношении их проблематики, сюжетов и языка обусловлены практически единичные включения этих произведений в учебные программы. Однако темпы, с которыми «межкультурная литература» завоевывает немецкий книжный рынок, и уровень ее рецепции носителями языка уже не позволяют игнорировать это культурное явление — как с литературной, так и с языковой точек зрения. Обилие текстового и критического материала дает широкие возможности для исследования не только тематических, но и лингвистических механизмов художественного «переключения кодов» авторами-мигрантами: от ярких окказионализмов до имитации или осознанного объемного использования смешанных говоров, от классического текстопостроения до создания экспериментальных (поэтических) произведений. Более того, становится возможным обобщить эти данные и выявить некие лингвистические тенденции и стратегии.

Следует отметить, что «смешанные чувства» отечественной лингвистики и литературоведения по отношению к литературе «мигрантского происхождения» объясняются и длительной терминологической эмансипацией жанра: „Über die lange Zeit als Stiefkind der Akademie behandelte ‘Gastarbeiterliteratur’ (vgl. [Biondi, Schami 1984]) zur ‘Ausländerliteratur’ (vgl. [Ackermann, Weinrich 1986]), ‘Migrantenliteratur’ und ‘Migrationsliteratur’ (vgl. [Rösch 1992]), hat sich seit den 1990er Jahren der Begriff der ‘interkulturellen’ Literatur eingebürgert, ein Begriffswandel, der auch die sich verändernde Situation von Migranten der ‘ersten’ und ‘zweiten’ Generation reflektiert. Diese interkulturelle Literatur wird mittlerweile akademisch begrüßt als eine Herausforderung an Konzepte homogener nationaler Identitäten, als Form des Schreibens nach der Auflösung von festen nationalen Kulturbegriffen nach dem Ende der ost/westlichen Machtblöcke, als Literatur jenseits

eines bürgerlichen Literaturbegriffs mit seinem Hintergrund in Nationalismus und Imperialismus, als Literatur, die die Gegensätze von 'Fremd' und 'Eigen', Einheimischem und Fremden unterläuft, als eine Literatur der Hybridität und der Patchwork-Identitäten, die sowohl den Gegebenheiten der Globalisierung angemessener sei als auch der multikulturellen Situation in Deutschland selbst. Eine Literatur also, die zum einen die Illusion einer homogenen kulturellen Identität als auch nicht-bipolare und hierarchische Begegnungen mit dem Fremden erfahrbar macht, die Fremdheit artikuliert und die Festschreibung von Fremdheit unterläuft. Eine Literatur, die sich längst von den Ursprüngen in der 'Gastarbeiter-' oder 'Betroffenheits'-Literatur der 1980er Jahre emanzipiert hat und selbstbewusst ihren Platz in der deutschen Gegenwartsliteratur reklamiert" [Schmitz 2009: 7—8].

Казалось бы, становление жанра (а вместе с ним и термина) состоялось. Однако схема „ausländische Literatur, Ausländerliteratur → Gastarbeiterliteratur, Gastliteratur → Migrantenliteratur, Migrationliteratur → interkulturelle Literatur“ в совсем недавнем прошлом была дополнена термином „transkulturelle Literatur“ [Bürger-Koiftis, Winkler 2014]. Очевидно, что терминологическая эволюция неразрывно связана с тематическим развитием жанра: от проблем первичной адаптации трудовых и политических мигрантов авторы переходят к трансляции своего исходного культурного фона, личностным приквелам (от сказок и детских историй до политических и семейных драм); обращаются к проблемам культурной и ментальной интеграции и ее разноплановым (промежуточным) результатам. В свою очередь, транскультурная литература — это современный результат культурного симбиоза, продукт и одновременно способ воспроизведения “symbolic competence” (характеристики, набирающей популярность в антропологии и культурологии и означающей способность индивида ориентироваться в символах разнопланово насыщенных культурных контекстов и облекать их в адекватную и/или наиболее выигрышную языковую форму в процессе коммуникации: “The ability to manipulate the three dimensions of language as symbolic system: symbolic representation, symbolic action, symbolic power” [Kramersch 2017]).

Разным этапам развития жанра соответствуют и разные языковые стратегии авторов: от приспособления до радикального эксперимента. Интересно, что в процессе работы мы столкнулись с необходимостью применять для их обозначения термины из арсенала точных и естественных наук — по очевидной аналогии социальных процессов с процессами биологическими. Так, передать сложности первичной адаптации мигранта к чужеродному этносу, языку и образу жизни и мыслей, а также попытки приспособиться к ним, не выделяться как чужеродное включение, помогает, если угодно, языковая мимикрия — еще несовершенное аграмматичное «приспособление» собственной речи к новому языку. В случае с Фран-

ко Бионди — представителем одной из первых волн послевоенной трудовой миграции, ставшим известным писателем и общественным деятелем — речь идет о намеренной имитации этого раннего периода мигрантского языкового онтогенеза, воспоминании о первичном изменении языковой «окраски», еще наивном и неуклюжем, но приближающем лирическое «я» к статусу «своего»; изменении, полезном в борьбе за существование в новом, зачастую агрессивном окружении. Текст (прим. 1) намеренно (пере)насыщен грубыми ошибками, однако они не препятствуют пониманию, а создают яркий языковой колорит, языковой портрет личности, которая вскоре перестанет наивно маскироваться под новые обстоятельства.

Franco Biondi
Aus „nicht nur gastarbeiterdeutsch“

maine nix gut doitsch.
isch waiss —
isch sprech ja
nur gastarbaiterdoitsch
und immer problema
iberall
doitsch loite nix verstee
was isch sagen
was isch wollen
aber
langsam langsam
geets:
isch jetzz meer verstee
doitsch loite
aber
maine sprache,
nix viil verstee -
gastarbaiterdoitsche sprache
schwere sprache <...> [Biondi 2016].

Пример 1

Так, в текстах Эмине Севги Оздмар (прим. 2) родная речь персонажей уже не маскируется, она диффузно проникает в язык-субстрат, явно присутствует в нем для отражения лакунарных или трудных понятий:

Emine Sevgi Özdamar
Aus „Berlin, Stadt der Vögel“

— Sen krankami çiktin?
— Hayir Doctor Krankschreiben yapmadi, Gesundheitschreiben yapti.

- Sen oglani Berufsschule ye mi yolluyorsun?
- Yok, Arbeitsamt a gidip geliyor
- Urlaub a geliyor musun?
- Kindergeld alirsak Schule per kapaninca [Özdamar 2004: 148].

Пример 2

В явлении диффузии, собственно, нет ничего из ряда вон выходящего, более того — социально она маркирует некий период языковой полуграмотности, как правило, временное состояние, перерастаемое в процессе языковой адаптации. Но, застыв, оно может превратиться и в символ, элемент самоидентификации. Так, в мигрантском немецком, в „kanakisch“ или „Kiezdeutsch“, турецкие рудименты намеренно сохраняются как признаки исходной культурной принадлежности, а социолект в целом культивируется как маркер социальной идентичности молодых людей, намеренно отказывающихся от полноценной интеграции в немецкое общество. Свидетельством тому роман Ф. Займоглу „Kanak Sprak“, написанный на языке немецких турецких улиц, по сути языке устном, полном жаргонизмов, орфографических и грамматических нарушений (прим. 3):

Feridun Zaimoglu
Aus „Kanak Sprak“

Bist du'n lamm, fressen sie dich, bist du'n kleiner fisch, fressen sie dich, bist du ohne kodex, fressen sie dich, und weil die beschissensten tarife gängig sind, weil's heißt: friss oder stirb, weil die allerwenigsten klaren kopf behalten, musst du sagen: hier bei uns, bei den breakern und rappern, bei den brüdern und schwestern, ist schluss mit dem stuss, wir schwimmen nicht mit dem strom, wir machen nen eigenen strickten strom, wo jeder'n fluss is und aufhört 'n gottverschissenes rinnsal zu sein [Zaimoglu 1995: 41—42].

Пример 3

Естественно, языковая неточность не всегда есть политический жест. Пишущая на немецком языке японка Йоко Тавада использует поиск нетипичного исключительно в художественных целях, это стратегия ее творческого поиска и языкового самовыражения: „Ich finde es viel spannender, wenn die Sprache irgendwo kaputt und komisch ist. Oder wenn jemand etwas Unpassendes sagt, dann entsteht eine künstlerische Intensität. Wer von dieser Philosophie überzeugt ist, dem ist es nicht mehr peinlich, etwas Falsches oder Komisches zu sagen. Wenn man als erwachsene Person eine Fremdsprache erlernt, muss man natürlich eine enorme Geduld haben, um *auch erfinderisch und experimentierfreudig zu sein, ohne ständig darauf zu achten, Peinlichkeiten zu vermeiden*. Das ist natürlich eine wichtige Sache für die Kreativität, denn

sonst hätte ich mir auch nicht die Mühe gemacht, die deutsche Sprache zu erlernen“ [Tawada 2008]. Уже по этой причине Й. Тавада сложно отнести к мигрантской литературе в растиражированном социально-политическом смысле. Ее поэтические тексты — не только про культурные отличия:

«„Die zweite Person Ich“:
Als ich dich noch siezte,
sagte ich ich und meinte damit
mich.
Seit gestern duze ich dich,
weiß aber noch nicht,
wie ich mich umbenennen soll.

Dieser Text thematisiert den Unterschied zwischen der deutschen und japanischen Sprache, in der es ein komplexeres Pronominalsystem gibt als im Deutschen. Neben die Pronomina treten Nomen, die ebenfalls als Pronomina fungieren können und eine Reihe von Nebenbedeutungen und Nuancen aufweisen. Zentral sind dabei verschiedene Stilebenen. Aufgrund des umfangreichen versprachlichten Höflichkeitssystems gibt es mehr als fünf verschiedene Formen für „ich“, die die soziale Distanz zwischen den Gesprächspartnern zum Ausdruck bringen. Das Phänomen, das Yoko Tawada in diesem Gedicht evoziert, ist nicht nur sprachlicher Natur, sondern auch ein Beispiel für die Unübersetzbarkeit der Kultur. Auch in zwei weiteren Gedichten — „Die zweite Person“ und „Die dritte Person“ — werden die Unterschiede der Pronomina als grammatikalische Kategorie im Deutschen und Japanischen illustriert» [Blum-Barth 2017]. Эта поэзия — всегда эксперимент с языковым материалом, постоянные «Приключения немецкой грамматики» [Tawada 2010] (прим. 4):

Yoko Tawada
Die Konjugation

er hemt
wenn ich bluse
weiche in den händen der wäscherin am hafен
glänze nicht ohne den gültigen spaß
fiebere nach kunstseide
er hemt den fortschritt
schimpft mit der kunst und dem stoff
er hütet
wenn ich hose
ich hose die schneiderpuppe
ich schneide
du liebste

ich pistole
 du angst
 wir arbeiten an der Änderungs-
 Grammatik

Пример 4

Неслучайно, по признанию переводчиков, «большинство текстов сборника непередадимы, поскольку представляют собой игру с фонетическими, словообразовательными, грамматическими и лексическими особенностями немецкого языка — часто с точки зрения японского языкового мышления, которое позволяет смотреть со стороны на то, что носителем немецкого языка воспринимается (и воспроизводится) автоматически, без метаязыкового анализа. Среди стихотворений также присутствуют макаронические тексты, состоящие из разнообразных комбинаций немецких слов и японских иероглифов» [Евграфкина 2017].

В конце XX в. отклик в работах авторов-мигрантов находит и графический эксперимент в духе конкретной поэзии (прим. 5):

Pierre Aziz
 Liebe

es gibt keinen platz für dich in meinen traum
 es gibt keinen platz für dich in meinen traum
 es gibt keinen platz für dich
 es gibt kaum platz für dich
 es gibt einen platz für dich
 es gibt nur platz für dich
 es gibt nur dich
 es gibt dich
 gib dich [Aziz 1992: 107].

Пример 5

В любом случае автор безусловно и в полной мере владеет языковой нормой, ведь именно стратегия „Richtiges und gutes Deutsch“ все же одна из самых успешных на литературном рынке. Подтверждением тому служит коммерческий успех фэнтези-детективов Акифа Пиринчи „Felidae“. К качестве примера приведем лишь один синонимический ряд, который протагонист посвящает ... людям: „die Menschen, sie sind so... Sie sind böse, gemein, verschlagen, selbstsüchtig, habgierig, grausam, wahnsinnig, sadistisch, opportunistisch, blutdurstig, schadenfroh, treulos, heuchlerisch, neidisch und — ja, das vor allem — strohdumm!“ [Perincsi 1989: 9]. Отдавая должное языковому дарованию и сюжетному замыслу А. Пиринчи, важно отметить, что коммерчески успешной в конце XX в. становится и другая стратегия: преподносить Европе художественный продукт, замешанный на

корректном, но незамысловатом языке повествования, юморе и доброй доле культурных стереотипов, будь то, к примеру, пьянство русских или их же прекрасные женщины:

Wladimir Kaminer
Aus „Russendisco“

«Wie viele Russen gibt es in Deutschland? Der Chef der größten russischen Zeitung in Berlin sagt, drei Millionen. Und 140 000 allein in Berlin. Er ist aber nie richtig nüchtern, deswegen schenke ich ihm keinen Glauben. Er hat schon vor drei Jahren drei Millionen gesagt. Oder waren es damals vier? Aber es stimmt schon, die Russen sind überall» [Kaminer 2000: 18].

<...> «Wenn es überhaupt ein universales Mittel gibt, das einen Mann voll von seinen Problemen auf einen Schlag erlösen kann, dann ist es eine russische Braut. Kommt dir dein Leben langweilig vor? Bist du arbeitslos? Hast du Minderwertigkeitskomplexe oder Pickel? Beschaff dir eine russische Braut und bald wirst du dich selbst nicht mehr wieder erkennen» [Там же: 62].

Данная стратегия типична для мигрантов конца 90-х гг. XX в., когда Германия с энтузиазмом открывает для себя «других» на волне идеологии мультикультурализма. Однако юмор, китч и стереотипы безотказно эксплуатируются и давно ассимилированными в языковом плане авторами турецкого происхождения, активно осваивающими оригинальный жанр и юмористическую литературную сцену (прим. 6):

Osman Engin
Aus: „Osmanografie“

„1983 sagte meine Frau, die zweitgrößte Nervensäge des Mittleren Orients: „Osman, das bisschen Geld von Halle 4 reicht hinten und vorne nicht. Deshalb habe ich dir einen 1-Mark-Job besorgt. Ab sofort wirst du Schriftsteller! Dafür hast du alle Qualifikationen: Du kannst nicht lesen, du kannst nicht schreiben und du hast null Fantasie. Aber dumm rumschwätzen, das konntest du schon immer gut!“ [Engin 2009]

Пример 6

Объектом сатирического описания становятся не только расхожие стереотипы, но и процесс реальной межкультурной коммуникации (прим. 7):

Osman Engin
Aus „Ausländer-Mitbenutzungszentrale“

„Hier, Herr Engin. Ich habe wieder echte türkische Köfte gebraten, probieren Sie mal“, ruft Oma Fischkopf.

„Vielen Dank, Frau Fischkopf, wir haben gerade gefrühstückt.“ <...>
 „Herr Engin, tun Sie mir doch den Gefallen. Ich kenne sonst keine Ausländer“, sagt sie und stopft meiner Tochter die Frikadellen in den Mund.

„Iiiiiii!! Pappi, Pappi, ich kriege diese ekelhaften Dinger nicht runter“, schreit Hatice auf Türkisch.

„Hatice, mein Kind, sei tapfer! Die Situation ist von nationaler Bedeutung. Du darfst das Mitleid der Deutschen nicht enttäuschen. Iss es um Himmels willen, iss es.“ <...>

„Aber, Herr Engin, Sie wollen doch sicher irgendwann sowieso in Ihre Heimat zurück, oder?“

„Mein Sohn Mehmet ist der einzige, der wieder zurück in seine Heimat will.“

„Und, wird die Familie ihm folgen?“

„Nein, unsere Wohnung wird nicht frei! Mein Sohn ist alt genug; wenn er unbedingt weg will, dann kann er auch alleine in Hamburg wohnen.“

„Wieso Hamburg?“

„Weil Mehmet in Hamburg geboren wurde, will er unbedingt dorthin zurück. Er sagt, Bremen sei ein Dorf dagegen.“

Пример 7

Однако имидж добродушного богемного сатирика становится явно тесноват молодой литературе «транскультурного» периода. Ее авторы уверенно выходят на современную сцену литературного (поэтического) слэма, где залогом успеха служат яркий текст (его тема, язык, стиль) и не менее яркая декламация. Нередко это глубокие «трудные» сочинения малого формата. Таков, например, культовый текст Юлии Энгельманн «Однажды мы состаримся» (прим. 8):

Julia Engelmann

Aus „Eines Tages, baby, werden wir alt sein“

„Eines Tages, baby, werden wir alt sein. Oh baby, werden wir alt sein.
 Und an all die Geschichten denken, die wir hätten erzählen können“ <...>

„Und ich denke zu viel nach.

Ich warte zu viel ab.

Ich nehm mir zu viel vor —
 und ich mach davon zu wenig.

Ich halt mich zu oft zurück —
 ich zweifel alles an,

ich wäre gerne klug,
 allein das ist ziemlich dämlich.

Ich würde gern so vieles sagen
 aber bleibe meistens still,

weil, wenn ich das alles sagen würde,
 wär das viel zu viel“ <...> [Engelmann 2016]

Пример 8

Интересно и, на наш взгляд, симптоматично, что именно этот текст вызвал творческую «Реакцию» молодого гражданина Германии корейского происхождения Мартина Хёна — и этот полноформатный продукт творческой репродукции имеет полярную эмоциональную интенцию и, если угодно — энергетический заряд: автор-мигрант вступает в равноправный (в том числе и с языковой точки зрения) интенсивный творческий диалог, полемизирует, критикует:

Martin Huyn

Aus „Eine Reaktion auf Julia Engelmanns Poetry Slam“

Ich warte nicht ab,
 ich nehme mir viel vor und doch schaffe ich davon alles,
 ich halte mich nicht zurück,
 ich zweifele nichts an,
 ich bin klug,
 allein das ist ziemlich gut <...>
 Und jede Niederlage ist irgendwie doch ein Sieg,
 sie versuchen, meinen Fleiß zu brechen, mich zu demoralisieren,
 in der Hoffnung, dass ich leise werde, von der Bildfläche verschwinde,
 Aber sie vergessen, dass ein Migrant aus einem anderen Holz geschnitzt ist,
 so leicht wird die Flinte nicht ins Korn geworfen. <...>
 Eines Tages werde ich alt sein und ohne Bedauern an all die Geschichten
 zurückblicken,
 die mich stärker gemacht und von meinen tiefen Ängsten befreit haben
 [Huyn 2016]

Данный текст не экспериментален, он имеет явную социальную, общественно-политическую природу. Новый тренд и новая стратегия? Очевидно одно: «транскультурная литература» еще не раз предоставит нам поле для полемики и материал для исследования.

Литература

- Евграшкина 2017 — *Евграшкина Е.* Стихи из книги «Приключения немецкой грамматики» Й. Тавада / пер. с нем. // URL: <http://www.cirkolimp-tv.ru/articles/696/stikhi-iz-knigi-priklyuchenie-nemetskoj-grammatiki> (Дата обращения 24.01.2017).
- Ackermann, Weinrich 1986 — *Ackermann I., Weinrich H. (Hrsg.)* Eine nicht nur deutsche Literatur. Zur Standortbestimmung der „Ausländerliteratur“. München: Piper, 1986.
- Aziz 1992 — *Aziz P.* Liebe // Anspiel: konkrete Poesie im Unterricht Deutsch als Fremdsprache / D. Krusche, R. Kreche (Hrsg.). Bonn, 1992.
- Biondi 2016 — *Biondi F.* nicht nur gastarbeiterdeutsch // URL: <http://www.bosch-stiftung.de/content/language2/html/14982.asp> (Дата обращения 20.10.2016).

- Biondi, Schami 1984 — *Biondi F., Schami R.* Literatur der Betroffenheit. Bemerkungen zur Gastarbeiterliteratur // Zu Hause in der Fremde / Schaffernicht, Ch. (Hrsg.). Fischerhude: Atelier im Bauernhaus 1981 und Reinbek: Rowohlt, 1984. S. 136—150.
- Blum-Barth 2017 — *Blum-Barth N.* „ich pistole/ du angst“. Zu Yoko Tawadas neuem Gedichtband „Abenteuer der deutschen Grammatik“ // URL: <http://literaturkritik.de/id/15401> (Дата обращения 24.01.2017).
- Bürger-Koiftis, Winkler 2014 — *Bürger-Koiftis M., Winkler S. V. und D.* (Hrsg.). Multikulturalität, Interkulturalität und Transkulturalität in Österreich. Wien, 2014.
- Engelmann 2016 — *Engelmann J.* Eines Tages, baby, werden wir alt sein // URL: <http://anti-uni.com/eines-tages-baby-werden-wir-alt-sein> (Дата обращения 12.09.2016).
- Engin 2009 — *Engin O.* Osmanografie // URL: <http://www.osmanengin.de> (Дата обращения 5.05.2009).
- Huyn 2016 — *Huyn M.* Eine Reaktion auf Julia Engelmanns Poetry Slam // URL: <http://www.migazin.de/2014/02/21/eine-reaktion-julia-engelmanns> (Дата обращения: 9.10.2016).
- Kaminer 2000 — *Kaminer W.* Russendisco. München, 2000.
- Kramsch 2017 — *Kramsch Cl.* The symbolic dimensions of the intercultural // URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/language-teaching/article/the-symbolic-dimensions-of-the-intercultural/1030295F9E91FFF8A548FEF491AE944D> (Дата обращения 12.01.2017).
- Özdamar 2004 — *Özdamar E.* S. Berlin, Stadt der Vögel // Zebrastreifen. Neue deutsche Literatur / G. Hasenkamp (Hrsg.). Moskau, 2004. S. 140—153.
- Perinççi 1989 — *Perinççi A.* Felidae. München, 1989.
- Rösch 1992 — *Rösch H.* Migrationsliteratur im interkulturellen Kontext. Frankfurt am Main, 1992.
- Schmitz 2009 — *Schmitz H.* (Hrsg.). Von der nationalen zur internationalen Literatur. Transkulturelle deutschsprachige Literatur und Kultur im Zeitalter globaler Migration. Amsterdam; New York, 2009.
- Tawada 2010 — *Tawada Y.* Abenteuer der deutschen Grammatik. Tübingen, 2010.
- Tawada 2008 — *Tawada Y.* Botschaft aus Japan. Interview mit Yoko Tawada // URL: <http://www.de.embapan.go.jp/naj/NaJ0510/interviewtawada.htm> (Дата обращения 11.12.2008).
- Zaimoglu 1995 — *Zaimoglu F.* Kanak Sprak: 24 Misstöne vom Rande der Gesellschaft. Hamburg, 1995.

ZUSAMMENFASSUNG**Das Sprachexperiment am Treffpunkt der Kulturen:
linguistische Strategien der Autoren/Innen mit
Migrationshintergrund**

Es hat gedauert, bevor Werke der deutschsprachigen Autoren/Innen ausländischer Herkunft sich im russischen Hochschulcurriculum etabliert haben. „Eindimensionale“ (so die damalige Meinung) Problematik, „klischierte“ Sujets und „fade“ Sprache sorgten für didaktische Skepsis. Aber die Schnelle, mit der sich diese Gattung (auch terminologisch) evolutioniert und Problematik, mit der sie sich befasst, sind zum Teil der deutschsprachigen Realität geworden. In der Mehrheit und Vielfältigkeit der Texte und Kritikstimmen lassen sich gewisse linguistische Strategien feststellen und Felder für experimentelles Verfahren nachweisen.

А. И. ЕДЛИЧКО

(Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова)

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В ПРОТЕСТНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В связи с развитием междисциплинарных научных направлений в целом и политической лингвистики в частности особую актуальность приобретает вопрос о функциональной структуре семиотического пространства политического дискурса. События, происходящие в различных социально-политических сферах, повлекли за собой необходимость анализа семантики различных субдискурсов: тоталитарного, идеологического, экстремистского, протестного, митингового, агитационного, или дискурса пропаганды и др.

Ономастическое пространство протестного дискурса формируют различные составляющие. В понимании А. В. Суперанской, ономастическое пространство — это «сумма имен собственных, употребляющихся в языке данного народа для именованя реальных, гипотетических и фантастических объектов. Оно определяется моделью мира, существующей в представлении этого народа в настоящее время, но в ней всегда сохраняются элементы прежних эпох» [Суперанская 2009: 9]. В зависимости от именуемого объекта в ономастическом пространстве протестного дискурса можно выделить следующие категории имен собственных:

- наименования людей (антропонимы);
- наименования географических объектов (топонимы);
- наименования внутригородских топографических объектов (урбанонимы), включающие названия:
 - городских площадей и рынков (агоронимы),
 - улиц (годонимы),
 - отдельных зданий (хоронимы);
- наименования богов и божеств (теонимы);
- отрезки времени, связанные с историческими событиями (хронимы);
- наименования объектов духовной культуры (идеонимы);
- наименования объектов материальной культуры (хрематонимы);
- наименования органов управления и политических организаций (политонимы);

- наименования документов, актов, законов, соглашений (документонимы).

Анализ имен собственных необходимо начать с **антропонимов**, так как они являются наиболее многочисленной группой (около 80 % от всех ономастических единиц, 10 % составляют топонимы, 10 % — остальные наименования). В качестве эмпирического материала мы использовали мультимодальные тексты лозунгов, плакатов и постеров с митингов движения ПЕГИДА (нем. PEGIDA/Pegida) 2014—2017 гг. и партии «Альтернатива для Германии» (АдГ, нем. Alternative für Deutschland, AfD), публикуемые в новостных блоках немецких СМИ (федеральных медиа, региональных изданиях, facebook, видеозаписях митингов), всего около 200 контекстов. Орфография и пунктуация исходных текстов в статье сохранены.

Категория антропонимов в протестном политическом дискурсе включает в основном фамилии ведущих мировых политиков: *Merkel*, *Putin*, *Trump*, *Gabriel* и др. Самый частотный антропоним — фамилия канцлера Германии *Merkel*.

Расширяя предложенную К. Роллник (К. Rollnik) [Rollnik 2014: 239] вариативную классификацию антропонимов, основанную на их структурных особенностях, мы выделяем следующие модели:

- а) фамилия (FamN): *Merkel*, *Schulz*, *Trump* и др.;
- б) должность и фамилия (AmtsT + FamN): *Kanzlerin Merkel*, *Präsident Putin* и др.;
- в) обращение и фамилия (AN + FamN): *Frau Merkel*, *Mensch Kohl*, *Gaspadin Putin* и др.;
- г) имя и фамилия (RufN + FamN): *Angela Merkel*, *Siegmar* (sic!) *Gabriel*, *Donald Trump* и др.;
- д) имя, отчество и фамилия (RufN + VatN + FamN): *Wladimir Wladimirowitsch Putin*;
- е) должность, имя и фамилия (AmtsT + RufN + FamN): *Kanzlerin Angela Merkel* и др.;
- ж) прозвище (SpN): *Mutti*, *Brandstifter* и др.;
- з) диминутив и фамилия (KosN + FamN) или прозвище и фамилия (SpN + FamN): *Mutti Merkel*, *Hippie-Mutti Merkel*, *Mom Merkel*¹.

Как показывает материал, в протестном дискурсе достаточно низкая частотность употребления официальных номинаций канцлера типа *Kanzlerin Angela Merkel* (AmtsT + RufN + FamN), *Kanzlerin Merkel* (AmtsT + FamN), *Frau Merkel* (AN + FamN) или имени и фамилии *Angela Merkel* (RufN + FamN). Наиболее распространены модели FamN (фамилия) либо SpN + FamN (прозвище и фамилия). Различные стратегии (аргументативная, агитационная, стратегия формирования эмоционального настроения адресата) и тактики (призыва, оценок,

¹ Принятые сокращения: AmtsT = Amtstitel, AN = Anredenomen, FamN = Familienname, KosN = Kosename, RufN = Rufname, SpN = Spitzname, VatN = Vatersname.

единения, обращения к эмоциям и др.) [Иссерс 1999; Шейгал 2004], характерные для протестного дискурса, реализуются на вербальном уровне с помощью эмоционально окрашенной лексики или специфического контекстного окружения нейтральных номинаций.

Благодаря дискурсивному окружению антропоним *Merkel* используется, как правило, не для характеристики денотата, а для насмешек (примеры (1), (2)) и/или обвинения (примеры (3), (4), (5)) в нежелательных и опасных для немецкого общества поступках:

(1) *Wer CSU wählt, bekommt Merkel.*

(2) *Merkel Unwort des Jahres.*

(3) *Hippie-Mutti Merkel stößt Deutschland in die Anarchie.*

(4) „Die Flüchtlinge“ wollen nur noch nach Deutschland, zur *Mom Merkel.*

(5) *Gauland: Flüchtlingskanzlerin Merkel hat Deutschland genug geschadet.*

В контекстах также встречаются единичные субстантивные композиты, по структуре представляющие собой сложносинтаксические слова. Принадлежность названных композитообразований к лексической сфере считается небесспорной [Зеленецкий, Новожилова 2003: 241], так как эти наименования представляют собой пограничную категорию между словом и словосочетанием. Таким композитам довольно часто присуща экспрессивность и связь с текстом [Fleischer, Barz 2007: 124]. В качестве примера можно назвать императивный окказионализм *Merkelmussweg* (*Merkel* → *Merkel muss weg* → *Merkelmussweg*), образованный от имени действующего канцлера. В данном примере инвективное обыгрывание имени используется как «средство ответной инструментальной агрессии» [Шейгал 2004: 125] на миграционную политику Ангелы Меркель.

Имя канцлера Германии, как уже было показано, используется в различных контекстах. В качестве еще одного примера можно привести текст постера с демонстрации BAGIDA в Баварии. По структуре и содержанию это креолизованный текст, в котором невербальные символы значительно дополняют и усиливают эффект вербальных. На постере изображена канцлер Германии в хиджабе на черном фоне перед зданием, сочетающим элементы западной архитектуры и мечети. Изображение сопровождается небольшим резюмирующим контекстом:

Mutti Multikulti. Merkels Migrationspolitik.

Взаимодействие вербальных и невербальных знаков (изображение известного политика в нетрадиционной для европейцев одежде, противопоставление архитектурных объектов разных культур) способствует как формированию идеи высмеивания, иронии и неприятия действующего канцлера и проводимых ею реформ, так и установке на создание и подкрепление негативного религиозного стереотипа, отрицание мусульманства. Это отношение вырабатывается благодаря ироничному использованию таких вербальных средств, как диминутив *Mutti*, антропоним *Merkel*, частотные композиты *Migrationspolitik* и *Multikulti*. Уменьшительная форма *Mutti*, как

известно, часто используется как прозвищное именование канцлера. Это можно объяснить тем фактом, что в Восточной Германии, откуда родом А. Меркель, в семье было распространено обращение к матери *Mutti* (в отличие от западногерманского *Mama*). В качестве выразительного средства в тексте постера используется аллитерация (повтор начальных букв) на *m*: *Mutti Multikulti. Merkels Migrationspolitik*. Для привлечения внимания также применяются средства супраграфемыки (контрастное изображение текста, использование разного шрифта букв и т. д.). Важную роль играет и семантика цвета: высказывание *Mutti Multikulti* написано красным цветом на черном фоне. Как известно, красный цвет символизирует в религиозной картине мира христиан земные страдания, а черный — траур.

Номинации типа *Mutti Merkel* можно отнести к категории «говорящее имя», или «имя-характеристика» [Москвин 2007: 205—206], т. е. к группе имен собственных, имеющих характеризующую внутреннюю форму. «Говорящее имя» (нем. *sprechender Name*), как известно, нередко используется в художественной литературе, в кино, в комиксах для создания яркого художественного образа. Носителями «говорящего имени» выступают, как правило, литературные персонажи, например, *Simplicius/Симплициссимус* (от лат. *наипростейший*) — герой романа Я. К. Гриммельсгаузена о простом парне, претерпевающим различные приключения во время Тридцатилетней войны; инженер из романа Макса Фриша *Walter Faber (Вальтер Фабер)*, идеал которого — «*homo faber*» (человек производящий). Также к данной категории наименований могут относиться географические объекты (напр., провинциальный городок *Güllen (Гюлен)* в драме Фридриха Дюрренматта «Визит старой дамы») и другие номинации. По словам В. В. Виноградова, «говорящие имена» всегда «значимы, выразительны и социально характеристичны как прозвища» [цит. по: Москвин 2007: 206].

Если имя канцлера Меркель и ее сторонников обыгрывается только в негативных контекстах с целью дискредитации политика, то антропонимы и антропонимические сочетания, называющие Путина, Трампа и других известных личностей, употреблены, наоборот, в положительном значении:

(7) *Vivat Trump!*

(8) *Putin redet Klartext.*

(9) *Gaspadin Putin! hilf uns, rette uns, vor dem korrupten, volksfeindlichen BRD-Regime sowie vor Amerika + Israel!*

После победы австрийца Томаса Нойвирта (Thomas Neuwirth) на Евровидении в 2014 г. медиаобраз и имя Кончиты Вурст (Conchita Wurst) неоднократно использовались в различных контекстах современных СМИ. Так, изображение поющей Кончиты на фоне убегающих беженцев сопровождается резюмирующим высказыванием:

(10) *Conchita Wurst will für Flüchtlinge singen. Das könnte uns in letzter Minute das Leben retten!*

Внимания заслуживает также такой особый словообразовательный тип, как **контаминация**, или **телескопия / телескопические образования, скрещение** (в немецком языке также наблюдается терминологическая вариативность, ср. нем. *Kontamination, Blending, Kofferwort, Portmanteauwort, Wortkreuzung, Wortmischung, Wortverschmelzung, Zusammenziehung* [Glück 2000]). Под контаминацией понимается «взаимодействие языковых единиц, соприкасающихся либо в ассоциативном, либо в синтагматическом ряду, приводящее к их семантическому или формальному изменению или к образованию новой (третьей) языковой единицы» [Ахманова 2004: 207].

В качестве примеров можно назвать ставшие уже узуальными слова *Ostalgie* (*Ostdeutschland + Nostalgie*), *Denglisch* (*Deutsch + Englisch*), *Brunch* (*breakfast + lunch*) и др., в которых как инициальный, так и финальный компоненты несут смысловую нагрузку. В связи с проводимой политикой Великобритании по выходу из ЕС в немецком языке появились ономастические телескопизмы с локативным отношением, включающие топонимы: *Brexil* (*Britain + exit*), *Grexit* (*Greek + exit*), *Öxit* (*Österreich + exit*) и др.

Евроскептиками из партии тори в 2011 г. в Лондоне была придумана саркастическая антропонимическая номинация *Merkozy* (*Merkel + Sarkozy*), обозначающая тандем президента Франции Николя Саркози и германского канцлера Ангелы Меркель. Предвыборная кампания в феврале 2017 г. в Германии официально еще не началась, но уже выдвинуты кандидатуры на пост канцлера: от ХДС/ХСС — Ангела Меркель, от СДПГ — Мартин Шульц. Незамедлительная реакция протестующих была выражена в телескопической номинации *Margela Schurkel* (*Martin + Angela/Schulz + Merkel*).

В протестном политическом дискурсе появилось новое искусственное слово *Terroresia* (*Terror + T(h)eresia*²), используемое в сочетании *Mutter Terroresia* и называющее канцлера Германии «матерью террора». Функционирование ономастической номинации можно наблюдать в мультимодальных текстах, например, на одном из плакатов Pegida с изображением А. Меркель в мусульманской одежде, содержащем лаконичную надпись *Mutter Terroresia* готическим шрифтом. Помимо этого, телескопическое слово используется в прецедентных высказываниях, ср. приведенное ниже предложение, отсылающее адресата к названию книги Тило Саррацина (Thilo Sarrazin) „Deutschland schafft sich ab“:

(11) *Mutti Asyl Merkel Terroresia schafft Deutschland ab.*

В приведенном примере «инвективное обыгрывание имени» [Шейгал 2004: 125] используется как средство ответной агрессии на миграционную политику канцлера. Уничижительно-иронический

² Финальный компонент *-esia* является составляющей имен как Матери Терезы (*Teresia Goxhe Bojaxhiu — Mutter Teresa*) [Ökumenisches Heiligenlexikon URL], так и императрицы Марии Терезии (*Maria Theresia von Österreich*).

эффект достигается с помощью использования диминутива *Mutti* с антропонимом *Merkel*, существительного с семой «миграция» *Asyl* и телескопического слова *Terroresia*. Однако, несмотря на широкий прагматический потенциал, композиты такого типа не обладают словообразовательными возможностями и не могут служить в качестве словообразовательной модели из-за наличия тесной семантической связи двух компонентов [ср. Вуßmann 2008: 368].

Исследователи отмечают, что определенные манипуляции с именем политика нередко выполняют в политическом дискурсе инвективную (оскорбительную) функцию, и объясняют этот факт историческими предпосылками. Е. И. Шейгал напоминает об отсутствии собственного имени и, соответственно, человеческого статуса у рабов в Древнем Риме. Отголоски этой древней традиции в современном политическом дискурсе реализуются в том, что «говорящий, выражая крайнюю степень презрения, сознательно избегает называть объект нападок по имени» [Шейгал 2004: 124]. В качестве примеров можно привести высказывания, содержащие **субституты**, или замещенные антропонимы, в которых ирония, насмешка или даже агрессия коррелируют с их степенью косвенности. В зависимости от вида адресованности — непосредственно к собеседнику, к третьему лицу, к обобщенному лицу — можно выделить одноименные группы субституций:

а) замена имени собеседника:

(12) *Frau Merkel **sie** haben das falsche Volk zurückgetreten?*

(13) *So, **mein kleiner Brandstifter**.*

В вопросе (12), на наш взгляд, намеренно подчеркивается неуважительное отношение к канцлеру с помощью личного местоимения *sie*, при этом игнорируется написание вежливой формы местоимения 2-го л. ед.ч. с прописной буквы.

Пример (13) взят с плаката, появившегося после инцидента со сбитым турецкими ВВС российским бомбардировщиком в Сирии в ноябре 2015 г. На иллюстрации Ангела Меркель в хиджабе держит на руках Р. Эрдогана. Президент Турции, изображенный маленьким мальчиком с соской во рту, не называется ни по фамилии, ни по имени, что (в сочетании с другими словами) имплицитно ироничное отношение.

б) замена имени третьего лица (варианты контекстных синонимов наиболее многочисленны в данной группе):

(14) ***Sie** sagt „Wir schaffen das“ und meint den Mord an Europa.*

(15) *Ist **diese Frau** Bundeskanzlerin des deutschen Volkes? Nein.*

(16) ***Hippie-Mutti** Merkel stößt Deutschland in die Anarchie.*

с) замена имен группы лиц:

(17) ***Feinde des deutschen Volkes**. Merkel, Gabriel und Helfershelfer <...>.*

В вокабуляре Pegida также употребляется пейоративное существительное *Volksverräter/in*. В качестве объекта референтных отношений при этом выступают либо группа людей (немецкие полити-

ки), либо отдельный субъект (канцлер Меркель). Эксплицитность реализации оппозиции «свой — чужие» наблюдается как в данном слове (*Volk — Verräter/in*), так и в его различных контекстных употреблениях, когда депутаты рассматриваются не как народные представители, а как предатели интересов народа, ср. нередко используемую в плакатах и на интернет-сайтах параномазию: *Volksverräter statt Volksvertreter*.

Замещенное имя политика может представлять собой структурно сложные номинации, не только с пейоративной коннотацией (как в приведенных выше примерах), но и с ироничной, нейтральной или положительной эмоциональной окрашенностью. В примерах (18) и (19) для наименования нового президента США Дональда Трампа используется не антропоним, а название должности и оценочные субстантивы-англицизмы. При этом наблюдается явление аксиологической энантиосемии (19), когда положительное и отрицательное или ироничное переплетаются:

(18) *Pegida <...> gratuliert dem neuen Präsidenten der Vereinigten Staaten von Amerika!*

(19) *Congratulations, Mr. Politically Incorrect!*

Как видно из примеров, в качестве субститутов антропонимов выступают знаменательные слова (существительные, прилагательные, местоимения и наречия). Прагматика высказываний показывает, что субститут всегда привязан к определенному поликодовому контексту и «отсылает» адресата к известному политическому деятелю.

Анализ имен собственных невозможен без упоминания **ЭТНОНИМОВ**, используемых в политическом дискурсе в качестве «политического ярлыка» [Шейгал 2004: 125]. Отсутствие единого мнения по поводу их языкового статуса в ономастической системе привело к тому, что одни авторы относят этнонимы к именам собственным [Никонов 1970], другие — к нарицательным [ср. Суперанская 2012: 207—211]. Третьи рассматривают данную лексическую категорию в качестве периферийных единиц ономастического пространства, т. е. как своеобразное промежуточное звено между именами собственными и нарицательными, указывая на двойственность этнонимов с позиций теории референции [Сироткина 2011: 53—54].

В исследуемом материале названия народов и наций представлены как самонаименованиями (нем. *Selbstbezeichnungen*), или автоэтнонимами [Нерознак 1990: 598; Михальченко 2006: 18], так и аллоэтнонимами (нем. *Fremdbezeichnungen*), т. е. названиями этноса, данными ему другими народами [Нерознак, 1990: 598; Михальченко 2006: 22], что показано соответственно в примерах (20), (21) и (22):

(20) *Kaum zu glauben, die Österreicher sind nach 40 Jahren Roter Diktatur endlich aufgewacht!*

(21) *BKA bestätigt: Flüchtlinge krimineller als Deutsche!*

(22) *He Ami, verpiss dich und nimm deine Vasallen mit!*

Для политического дискурса в целом и для протестного дискурса в частности характерна политизация этничности, т. е. замещение политической оппозиции этнической [ср. Шейгал 2004: 125]: мы (европейцы, немцы, австрийцы и т. д.) — они (неевропейцы, исламисты, сирийцы и т. д.). Признак этничности стирается, вследствие этого этнонимы приобретают аксиологическую коннотацию «чужой», т. е. «не наш», следовательно, враг. В приведенном ниже примере явный и скрытый императив используется для прагматического фокусирования угрозы, исходящей от Америки:

(23) *AMI! Go home! Ende der Besatzung! Raus aus der NATO!*

Дихотомия «свой — чужой» эксплицируется и в названии движения: *Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes*.

В ономастическом пространстве протестного дискурса также можно выделить другие категории имен собственных:

— **топонимы** (*Europa, EU, USA, BRD, Deutschland, Iran, Irak, Israel, Syrien, Türkei, Bayern* и др.):

(24) *Über Afrika lacht die Sonne. Über **Deutschland** die ganze Welt!*

(25) *Frieden mit **Russland!** Nie wieder Krieg in **Europa!***

(26) *Unser Land, unsere Heimat. Du, mein **Thüringen.***

(27) ***Nairobi? Kinshasa? Dakar? Nein. Stockholm.***

Привлекают внимание производные от некоторых географических наименований, например, гибридная номинация *BRDigung*, включающая нейтральный топонимический акроним *BRD* и финальный компонент существительного *-igung*. При произнесении нового существительного (*Beerdigung*) возникают отрицательные ассоциации.

— **урбанонимы** (*Reeperbahn, Johannes-Kepler-Platz, Rathenauplatz* и др.):

(28) *Der Islam gehört zu Deutschland wie die **Reeperbahn** nach Mekka!*

— **теонимы** (*Mohammed, Allah*) и их производные:

(29) ***Mohammed** not welcome.*

(30) *Für ein **christliches** Abendland!*

— **идеонимы** (*Moschee, Minarette*):

(31) ***Keine Moschees!***

— **политонимы** (*PEGIDA, KAGIDA, BärGIDA, Daesh/ISIS, SED, CDU, CSU, Grüne, Linke FDP, SPÖ* и многие др.):

(32) *Raus aus der **Nato!***

(33) ***AfD** du bist der Retter der Nation! Wir zählen auf dich!*

— **документонимы** (*TTIP, CETA, TISA* и др.):

(34) *Stopp **TTIP!***

Проанализировав функционирование ономастических номинаций в протестном политическом дискурсе, мы можем отметить, что имя собственное нередко отличают следующие параметры:

- нарушение речевых нормативных требований;
- аксиологическая наполненность;
- гиперболизация отрицательного оценочного признака;

- умышленность употребления с целью социальной дискредитации объекта (т. е. использование в прагматических целях);
- стилистическая маркированность (эмоциональность, экспрессивность, агрессивность);
- контекстуальность (или ситуативность) употребления;
- социальная дифференцированность.

В заключение отметим, что ономастикон протестного дискурса формируют различные составляющие: наименования людей, географических объектов, городских топографических объектов, богов, объектов духовной культуры, политических организаций, соглашений и др. К одному из показателей смыслового единства протестного дискурса можно отнести рекуррентность, т. е. регулярную повторяемость ключевых слов, среди которых выделяется доминанта ономастического пространства — антропоним. В текстах протестного дискурса употребляются окказиональные, узуальные и нормативные онимы. Имена собственные являются одним из средств манипулирования массовым сознанием, акцентирования внимания и дискредитации деятельности определенных политиков. Толкование и перевод политических контекстов, включающих имена собственные, требуют знания не только реалий, но и современной социально-политической ситуации.

Литература

- Ахманова 2004 — *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 2004.
- Зеленецкий 2003 — *Зеленецкий А. Л., Новожилова О. В.* Теория немецкого языкознания. М., 2003.
- Иссерс 1999 — *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 1999.
- Михальченко 2006 — *Михальченко В. Ю. (ред.)*. Словарь социолингвистических терминов. М., 2006.
- Москвин 2007 — *Москвин В. П.* Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д., 2007.
- Нерознак 1990 — *Нерознак В. П.* Этнонимика // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 598—599.
- Никонов 1970 — *Никонов В. А.* Этнонимия // Этнонимы. М., 1970. С. 3—23.
- Сироткина 2011 — *Сироткина Т. А.* Актуальные проблемы современной этнонимики // Вестник Пермского университета. 2011. № 4. С. 53—59.
- Суперанская 2012 — *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного / отв. ред. А. А. Реформатский. М., 2012.

- Суперанская 2009 — *Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х.* Теория и методика ономастических исследований. М., 2009.
- Шейгал 2004 — *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. М., 2004.
- Bußman 2008 — *Bußmann H.* Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart, 2008.
- Fleischer, Barz 2007 — *Fleischer W., Barz I.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen, 2007.
- Glück 2000 — *Glück H. (Hrsg.)*. Metzler Lexikon Sprache. CD-ROM. Berlin, 2000.
- Ökumenisches Heiligenlexikon // URL: https://www.heiligenlexikon.de/BiographienT/Mutter_Teresa.htm
- Rollnik 2014 — *Rollnik K.* Personennamen in Zeitungstexten. Zum Zusammenhang von Referenzherstellung und Geschlecht // Linguistik der Familiennamen / F. Debus, R. Heuser, D. Nübling (Hrsg.). Hildesheim u. a., 2014. S. 321—344.

Электронные источники практического материала

- Alternative für Deutschland — URL: <https://www.alternativefuer.de/>
- Deutsche Welle — URL: www.dw.de
- Die Presse — URL: <http://diepresse.com/>
- Die Welt — URL: <https://www.welt.de/>
- Dresdner Neueste Nachrichten — URL: <http://www.dnn-online.de/dresden/web/dresden-nachrichten/>
- Epoch times — URL: <http://www.epochtimes.de/>
- Focus Online — URL: <http://www.focus.de/>
- Frankfurter Allgemeine Zeitung — URL: www.faz.de
- Kölnische Rundschau — URL: www.rundschau-online.de
- PEGIDA — URL: https://www.facebook.com/pegidaevdresden?ref=br_rs
- PEGIDA — URL: <https://pegidaoffiziell.wordpress.com/>
- Sächsische Zeitung Online — URL: <http://www.sz-online.de/>
- Spiegel Online — URL: <http://www.spiegel.de/>
- Stern — URL: <http://www.stern.de/>
- Tagesschau — URL: <http://www.tagesschau.de/>
- Wikipedia — URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Pegida>
- Zeit Online — URL: <http://www.zeit.de/index>

ZUSAMMENFASSUNG**Der Eigenname im politischen Protestdiskurs**

Der vorliegende Beitrag widmet sich den im politischen Protestdiskurs vertretenen Eigennamen (Anthroponymen, Toponymen u.a.). Analysiert wird, wie diese Namen in Plakaten- und Losungstexten funktionieren. Wir konzentrierten uns vor allem auf die Herausarbeitung einer synchronen Klassifikation der verbreiteten Eigennamentypen, Anthroponymen, in Hinsicht auf das Verhältnis zwischen nicht-onomastischen (Amtstitel, Anredenomen) und onomastischen (Familien-, Kose-, Ruf-, Spitz- und Vatersname) Elementen. Es finden sich darunter verschiedene Strukturtypen bezogen auf Personen aus dem politischen Bereich.

In den Texten des Protestdiskurses werden okkasionelle, usuelle und normative Eigennamen gebraucht, die als ein Mittel zur Manipulation des öffentlichen Bewusstseins, zur Akzentuierung der Aufmerksamkeit und Diskreditierung der Tätigkeit bestimmter Politiker oder Länder dienen. Infolge der Untersuchung ist festzustellen, dass die nicht kontextuell neutrale Namenverwendungsformen stilistisch markiert sind und im Kontext u.a. Emotionalität, Expressivität und sogar Aggressivität ausdrücken können. Interpretation und Übersetzung von politischen Kontexten mit Eigennamen erfordern besondere Kenntnisse nicht nur von Realien, sondern auch von der aktuellen politischen Situation.

Е. В. БЕСПАЛОВА

(Самарский национальный исследовательский
университет им. акад. С. П. Королёва)

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ WALD В НЕМЕЦКОМ ДИСКУРСЕ ОБ ЭКОЛОГИИ

Современный человек, задумавшись о проблемах экологии и окружающей среды, осознал необходимость внимательного отношения к происходящим в природе изменениям, стал планировать свое будущее, стремясь обеспечить устойчивое, избегающее рисков, развитие основных сфер своей жизни. Произошла так называемая экологизация научного знания, способствующего формированию экологического мышления, сутью которого является сознательная «подстройка» действий человека под законы биосферы [см. Полухин 2009].

В лингвистике экологическое направление исследований предполагает довольно обширный круг проблем. Традиционно выделяют два направления исследований: **экология языка** [см. Naugen 1972; Fill 1993] метафорически переносит на язык экологические понятия, например, *экология, окружение, экосистема* и др., расширяя тем самым метаязык и проблематику исследования лингвистики. В рамках **языковой экологии** [см. Halliday 1991; 2001; Trampe 1991] языки и тексты рассматриваются с точки зрения их «экологичности» для человека и общества, исследуется роль языка в описании проблем окружающего мира, выявляются пути их устранения [см. Ионова 2010]. Нас интересует, в первую очередь, использование языка в рамках дискурса экологической проблематики ФРГ на примере языковых репрезентаций концептосферы WALD.

Следствием глобального процесса экологизации сознания общества, его неотъемлемой частью можно назвать **экологический дискурс**, объединяющий на основании предметной области «Экология и охрана окружающей среды» множество субдискурсов, текстовый материал которых относится к разным функциональным стилям и жанрам. Целями экологического дискурса являются, по мнению А. В. Зайцевой, исследование проблем окружающей среды, воздействие на общественное мнение, регулирование экологического поведения и убеждение в повышении экологического сознания [Зайцева 2013: 245]. Виды и типы экологического дискурса ФРГ А. В. Зайцева анализирует с помощью модели поля, ядром которого

являются научный и юридический субдискурсы, ближнюю окологородную зону образуют некоторые жанры массмедийного субдискурса, а дальнюю окологородную зону — тексты художественного субдискурса; бытовой субдискурс располагается на периферии, являясь в то же время важным показателем сформированности экологического сознания граждан Германии [см. Зайцева 2014: 162]. Политический дискурс также обсуждает проблемы экологии как в глобальном аспекте, так и применительно к ситуации в одной стране. Так, в 1992 г. в Рио-де-Жанейро на Конференции ООН по окружающей среде и развитию была выдвинута **концепция устойчивого развития**, в основе которой лежит тезис о тесной взаимосвязи и необходимости взаимодействия таких составляющих, как социальная ответственность, экономическая эффективность и защита окружающей среды. Так, один из принципов декларации конференции гласит: «Для достижения устойчивого развития защита окружающей среды должна составлять неотъемлемую часть процесса развития и не может рассматриваться в отрыве от него» [Декларация ООН 1972]. В ФРГ в программе партии «зеленых» ставится знак равенства между экологией и устойчивостью: „Ökologie heißt Nachhaltigkeit“ [Grundsatzprogramm von BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN 2002: 3]. Устойчивое развитие, в свою очередь, должно обеспечиваться долговременным гармоничным развитием экологического, социального и экономического секторов: „Nachhaltigkeit bedeutet die zukunftsfähige Verbindung von ökologischer, sozialer und wirtschaftlicher Entwicklung“ [Там же: 10]. Закон об охране природы и ландшафтном планировании выходит в ФРГ в 1976 г. [BNatSchG].

Концептосфера WALD включает связанные с лесом концепты и репрезентируется в языке единицами разных уровней [см. Бутерина 2008]. Анализ текстовых репрезентаций концептосферы показывает, что в текстах разных жанров и типов значимыми могут становиться определенные признаки концепта. Так, языковые репрезентации концептосферы WALD в текстах немецких народных песен часто обнаруживают эмоциональную и оценочную составляющие (положительная оценка леса как места отдыха и охоты), свидетельствующие об антропоцентричности восприятия и важности данной концептосферы для представителей лингвокультурного сообщества [см. Беспалова 2016].

В настоящей статье мы представим результаты анализа репрезентаций концептосферы WALD в текстах экологического дискурса. Цель исследования: показать объединяющий характер идеи устойчивого развития для текстов экологической тематики разных типов на примере концептосферы WALD. Материалом нашего исследования явились тексты научного, правового и медийного экологического дискурса ФРГ. В ходе исследования мы выделили существенные для каждого подвида экологического дискурса концептуальные признаки и проанализировали стратегии формирования мировоз-

зренческих установок современного общества Германии, касающихся леса и его долговременного существования и использования.

В **научном экологическом субдискурсе**, имеющем целью «получение новых знаний в области экологии и привлечение внимания реципиентов к проблемам окружающей среды» [Зайцева 2013: 246], лес выступает как объект познания, использования и сохранения. Важным документом являются научные результаты проводимого регулярно исследования состояния лесов *Bundeswaldinventur* [BWI 2012]. Значимыми концептуальными признаками леса являются его место среди других природных ресурсов (*Bedeutung für den Naturhaushalt, waldökologische Naturräume Deutschlands*), стабильность его биологических систем (*Wälder sind naturnahe und ungestörte Ökosysteme, stabile Waldökosysteme*), близость состава деревьев природному идеалу (*Naturnähe der Baumartenzusammensetzung der Hauptbestockung: sehr naturnah, naturnah, bedingt naturnah, kulturbetont, kulturbestimmt*), возможность его долгосрочного, не наносящего вреда природе использования (*nachhaltige, naturnahe Waldbewirtschaftung*). Учеными ФРГ подробно исследуются виды деревьев, состав и плотность их распределения по федеральным землям и на единицу площади (*Bestockung — auf einer Fläche vorhandener Bestand an Bäumen, Reben; Dominanz von Fichten- und Kiefern(rein)beständen; Die mit Abstand bedeutendste Laubbaumart ist die Buche; nadelholzreiche Laubmischbestände, Einzelbaummessung*), особенности почвы (*der Boden als Waldstandort; Bodenproben gewinnen*), структура, состав и качество кроны (*Bonitierung — Abschätzung, Einstufung des Kronenzustands*), возраст деревьев (*Allersklassenverteilung*) и т. д. Важными концептуальными признаками являются также способность к изменениям (*großflächiger Bestockungswandel — weg von den Nadelholzreinbeständen zu Mischbeständen hin; waldbauliche Anpassungsmaßnahme an den Klimawandel*), подверженность негативным влияниям окружающей среды и человека (*Einträge antropogener Säurebildner; Übernutzungen nach dem 2. Weltkrieg*), возможность предвидения / прогнозирования уменьшения рисков и планирование использования богатств леса на перспективу (*Waldentwicklungs- und Holzaufkommensmodellierung bis 2052*) [Wald- und Rohholzpotenzial 2012].

Частотной концептуальной метафорой является представление леса как сообщества, члены которого способны к приспособлению, конкурентной борьбе и сопротивлению неблагоприятным условиям:

- (1) *Eine Baumart der natürlichen Waldgesellschaft, ob autochthon oder eingebürgert, muss ohne menschliche Hilfe sich spontan verjüngen und sich dauerhaft gegen ihre Konkurrenten (im Mitteleuropa zumeist gegen die Buche) behaupten und dauerhaft gegenüber biotischen und abiotischen Faktoren widerstandsfähig sein* [Kroiher, Schmitz 2015].

В научных текстах реализуются следующие макростратегии: стратегия дискредитирования действий и процессов, наносящих вред

долгосрочному существованию лесов, и стратегия популяризации действий, направленных на бережное отношение к лесу как природному и национальному достоянию. Реализацию первой из них мы видим в следующих примерах:

- (2) *Eine Tiefenversauerung ... der Waldböden, die Freisetzung von wurzeltoxischen Aluminium-Ionen und Magnesiummangelversorgung wurden als erste Gefährdungen für Waldböden und Wälder identifiziert* (z. B. Ulrich 1981, 1986a, Hüttl 1991) [Bolte, Eichhorn, Block 2016].
- (3) *Neben der Bodenversauerung wird die Stickstoffeutrophierung von Wäldern und Waldböden als Hauptverursacher von möglichen Schäden durch Luftverunreinigungen angesehen* [Там же].

Реализация второй стратегии проявляется в контекстах, где сформулированы основные принципы современного лесного хозяйства:

- (4) *Verzicht auf Kahlschläge, Vorzug für einzelbaumorientierte Eingriffe sowie für heimische und standortgemäße Baumarten, Förderung von gemischten und strukturierten Waldbeständen, Nutzung von Naturverjüngung und Integration von ökosystemaren Dienstleistungen* (z. B. Wasserbereitstellung und Erholung) [Bolte 2015].
- (5) *Die Untersuchungen ... haben gezeigt, dass ... weitere Anstrengungen zur Luftreinhaltung, insbesondere bei der Emission von Stickstoffverbindungen, und die konsequente Beibehaltung einer nachhaltigen und bodenschonenden Waldwirtschaft wichtig für die Erhaltung und weitere Entwicklung leistungsfähiger Wälder und fruchtbarer Waldböden sind* [Waldböden in Deutschland 2016].

Целью **эколого-юридического субдискурса** является правовое регулирование поведения людей в обществе при помощи закрепления норм взаимодействия с окружающей средой, в нашем случае с лесом. Анализ текстовых репрезентаций концептосферы WALD показал, что в данном дискурсе лес выступает, в первую очередь, как ценный многофункциональный объект общественного использования и защиты. Важным концептуальным признаком является функциональность леса, так, в § 1 Федерального закона о лесе прописаны его основные общественно-значимые функции, как то: функции использования, защиты и отдыха:

- (6) *Zweck dieses Gesetzes ist insbesondere, 1. den Wald wegen seines wirtschaftlichen Nutzens (Nutzfunktion) und wegen seiner Bedeutung für die Umwelt, insbesondere für die dauernde Leistungsfähigkeit des Naturhaushaltes, das Klima, den Wasserhaushalt, die Reinhaltung der Luft, die Bodenfruchtbarkeit, das Landschaftsbild, die Agrar- und Infrastruktur und die Erholung der Bevölkerung (Schutz- und Erholungsfunktion) zu erhalten, erforderlichenfalls zu mehren und seine ordnungsgemäße Bewirtschaftung nachhaltig zu sichern* [BWaldG 1975].

Закон призван обеспечить долговременное сохранение лесом данных функций, все мероприятия, касающиеся лесного хозяйства, должны ориентироваться на поддержание их стабильности:

- (7) *Die Träger öffentlicher Vorhaben haben bei Planungen und Maßnahmen, die eine Inanspruchnahme von Waldflächen vorsehen oder die in ihren Auswirkungen Waldflächen betreffen können, die Funktionen des Waldes nach § 1 Nr. 1 angemessen zu berücksichtigen* [Там же].

Другими важными признаками можно назвать включенность в отношения собственности (*Staatswald, Körperschaftswald* и *Privatwald*); принадлежность к определенному виду целевого использования (*Schutzwald, Erholungswald*); наличие возможных ограничений в пользовании лесом и его посещении (*Die Länder ... können das Betreten des Waldes aus wichtigem Grund ... einschränken* [Там же]); обязательность проведения регулярных исследований лесных территорий на предмет сохранности (*Zur Erfüllung der Aufgaben dieses Gesetzes ... ist ... alle zehn Jahre eine auf das gesamte Bundesgebiet bezogene forstliche Großrauminventur auf Stichprobenbasis (Bundeswaldinventur) durchzuführen* [Там же]); включённость в систему предписаний, несоблюдение которых ведет к юридической и материальной ответственности (*Die Ordnungswidrigkeit kann mit einer Geldbuße bis zu zehntausend Euro geahndet werden* [Там же]).

Регулятивная функция данного вида дискурса проявляется в формулировке предписаний лесного хозяйствования, в которых говорится, какие действия считаются незаконными (10), что должно непременно соблюдаться (9) с целью приближения состояния леса к естественно-природному (8):

- (8) *Ein wichtiges Ziel ökologischer Waldnutzung ist die kontinuierliche Annäherung des Waldes an die potentielle natürliche Lebensgemeinschaft* [Richtlinien zur ökologischen Waldnutzung 1998].
- (9) *Deshalb ist folgendes zu beachten: Erhalt seltener Baumarten; Erhalt von Sonderbiotopen...; Erhalt von Baumdenkmälern, außergewöhnlich markanten Baumindividuen und kulturhistorischer Stätten im Wald* [Там же].
- (10) *Der Einsatz von Pflanzen oder Pflanzenteilen, die durch gentechnische Eingriffe in ihrer Erbsubstanz verändert wurden, ist verboten* [Там же].

Показательным примером реализации правового дискурса, иллюстрирующим его регулятивную функцию, могут явиться и многочисленные предназначенные широкому кругу пользователей памятки для посетителей леса, в которых подробно перечисляются виды грибов, которые разрешено собирать, оговариваются ограничения в передвижении по лесу, касающиеся транспортных средств, выгула собаки и т. п.:

- (11) *Alle Pilze dürfen nur außerhalb von FFH- und Naturschutzgebieten und nur in einem Umfang von maximal 2 kg pro Person und Tag für den eigenen Bedarf gesammelt werden* [Regelungen für das Sammeln von Pilzen].
- (12) *Was ist verboten? ... Das Fahren im Wald und auf Waldwegen sowie das Abstellen von Kraftfahrzeugen im Wald und auf Waldwegen. ... Das Mitführen unangeleiteter Hunde im Wald außerhalb von Wegen* [Там же].

Тексты **массмедийного экологического субдискурса** имеют цель оказывать воздействие на максимально широкую аудиторию, информируя ее об актуальном состоянии дел, оценивая сообщаемую информацию и агитируя в защиту окружающей среды. В немецкой прессе регулярно можно найти информацию о состоянии лесов в Германии, Европе и мире и анализ прогнозируемых рисков и изменений:

- (13) *Die Wälder wachsen schneller als vor 100 Jahren, weil mehr Stickstoff und Kohlendioxid verfügbar sind und die Temperatur höher ist. Der Klimawandel wird, so der Bericht, einige Arten bevorzugen und andere benachteiligen. Insgesamt werden sich durch die höheren Temperaturen mehr Baumschädlinge verbreiten. Zudem steige das Risiko von Waldbränden, schreiben die EEA-Fachleute* [Focus online].

Лес в массмедийном дискурсе выступает как аксиологический объект. Положительная оценка продолжительного сохранения лесов однозначно преобладает, а оценка фактов гибели / вырубки / уничтожения лесов в результате деятельности человека как в глобальном, так и в местном масштабе получает резко негативные отзывы:

- (14) *Für den WWF stellen Wälder oder die Natur in ihrer unvergleichlicher Schönheit einen unschätzbaren Wert dar* [Umweltmagazin 2011: 64].
- (15) *Die Waldvernichtung hat verheerende Auswirkungen auf das Klima. War es früher das Waldsterben, das die Öffentlichkeit für die Bedeutung dieses Lebensraumes sensibilisierte, so ist es jetzt im UN-Jahr des Waldes vor allem die Rolle als CO₂-Speicher im Kampf gegen die Klimawandel* [Там же].

Важными концептуальными признаками леса в массмедийном дискурсе можно назвать красоту природы, понимание леса как союзника в борьбе с изменениями климата. Кроме того, лес концептуализируется как важнейшая часть национального достояния, источник богатств и объект туризма и рекламы. Относительно концептосферы WALD в текстах массмедийного дискурса ФРГ можно говорить об эффективности этого дискурса в плане формирования общественного мнения относительно леса. Так, в 80-е гг. XX в. в Германии активно дискутировались проблемы лесов и их сохранности, дискуссия была открыта журналом Spiegel в 1981 г. (*Das stille Sterben — Säureregen zerstört den deutschen Wald* (Hefte 47—49)),

а в 1983 г. слово *Waldsterben* становится словом года и пестрит в заголовках многих газет и журналов, после 1985 г. дискуссии утихают [цит. по: Liimatainen 2008: 328]. Сама лексема стала на какое-то время предметом споров: радикальные защитники окружающей среды считали это обозначение слишком слабым и предлагали употреблять слово *Waldmord*, в массмедийных текстах фиксировались единицы, основанные на сходной метафоре: *Baumsterben*, *Baumleichen*, *Waldfriedhof* [Там же]. В официальном дискурсе, однако, слово *Waldsterben* подверглось критике как излишне эмоциональное и терминологически неверное. В материалах правительственного отчета в октябре 1983 г. его предлагается заменить на *neuartige Waldschäden* [Там же]. Позже именно эта единица входит в состав названия отчета о состоянии лесов *Waldschadensbericht*, где она впоследствии заменяется на лексему с нейтральным значением: *Waldzustandsbericht*. Этот пример демонстрирует, на наш взгляд, взаимодействие научного, экономического и политического секторов, с одной стороны, и пример экологичного использования языка — с другой. В глобальном масштабе, однако, единица *Waldsterben* проявила себя достаточно активно, она зафиксирована в словаре DUDEN с 1983 г. со значением „verstärkt auftretendes Absterben von Bäumen in Waldgebieten infolge zunehmender Verschmutzung der Luft“; кроме того, она была заимствована в английский и французский языки. В немецком языке лексема *Baumsterben* явилась родовым понятием для обозначений *Tannen-*, *Fichtensterben* и продуктивной словообразовательной моделью для именования многочисленных природных катастроф, например, *Fischsterben*, *Grünsterben*, *Bergsterben*, *Robbensterben*, *Nordseesterben*, *Schilfsterben* [ср. Jung 1995: 649; Bär 2003: 248].

Туристический сектор провозглашает устойчивое развитие основным принципом деятельности (16). Аксиология леса в туристическом дискурсе устойчиво положительна (17). Для сохранности леса необходимо знакомить пользователей с философией защиты природы и стандартами экологичного природопользования:

- (16) *Der deutsche Tourismusverband bekennt sich ausdrücklich zu einer nachhaltigen Entwicklung in Deutschland im Bereich Tourismus und Umwelt...*
- (17) *Ziel ... ist es, Besuchern der Nationalparkregion durch verlässliche Qualitäts- und Umweltstandards Orientierung zu bieten, ihnen ... umfangreiche Informationen zum Nationalpark, dessen Naturschutzphilosophie sowie Erlebnismöglichkeiten zu vermitteln sowie gleichzeitig die Anbieter im Nationalpark-Tourismus zu vernetzen.*

Привлекательные лесные массивы относятся к несомненным плюсам в аргументации турфирм:

- (18) *Der Bayerische Wald — das grüne Dach Europas — ist ein Paradies für Wanderer! Entdecken Sie die Schönheit der Landschaft, lernen Sie Land und Leute*

kennen und genießen Sie Ihre Wanderungen in der einzigartigen Natur [Der Bayerische Wald].

(19) *Gehen reinigt die Seele. Einfach mal Ruhe in der intakter Natur — der Pfälzerwald zum Ausspannen* [Wanderportal Pfalz].

Обобщая наши наблюдения, можно сделать вывод о том, что концептосфера WALD представлена во всех рассмотренных видах экологического дискурса ФРГ. Идея устойчивого развития лесов имеет объединяющую функцию. Взаимовлияние дискурсов разных типов способствует глубокому проникновению идеи бережного отношения к лесу в сознании представителей немецкой лингвокультуры, которые деятельно способствуют сохранению своего национального достояния, продумывают, планируют и осуществляют экологическое природопользование.

Литература

- Беспалова 2016 — *Беспалова Е. В.* Концепт WALD в дискурсе немецкой народной песни // Эволюция и трансформация дискурсов: сб. науч. статей / отв. ред. С. И. Дубинин, В. С. Шевченко. Самара, 2016. С. 189—198.
- Бутерина 2008 — *Бутерина О. В.* Представление концепта ЛЕС в русских и немецких лингвокультурных источниках: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008.
- Декларация ООН 1972 — Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (Дата обращения: 30.10.2016).
- Зайцева 2013 — *Зайцева А. В.* Коммуникативные стратегии экологического дискурса ФРГ // Вестник ИГЛУ. 2013. № 4 (25). С. 244—250.
- Зайцева 2014 — *Зайцева А. В.* Типология текстов экологического дискурса ФРГ: Дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2014.
- Ионова 2010 — *Ионова С. В.* Основные направления эколлингвистических исследований: зарубежный и отечественный опыт // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2010. № 1 (11). С. 86—93.
- Полухин 2009 — *Полухин А. А.* Современное языкознание и экологическое мышление // Опыты-2008: Сб. науч. работ преподавателей и студентов факультета филологии: Научное издание / сост. Н. М. Димитрова. СПб., 2009. С. 65—73.
- Bär 2003 — *Bär J. A.* Von „aufmüpfig“ bis „Teuro“. Die „Wörter der Jahre“ 1971—2002. Mannheim, 2003.
- Fill 1993 — *Fill A.* Ökolinquistik: eine Einführung. Tübingen, 1993.
- Halliday 1991 — *Halliday M.* Current Ideas in Systemic Practice and Theory. London, 1991.

- Halliday 2001 — *Halliday M. A. K.* New Ways of Meaning: The Challenge to Applied Linguistics // *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment* / Ed. by A. Fill, P. Mühlhäusler. London; New York, 2001. P. 175—202.
- Haugen 1972 — *Haugen E.* The Ecology of language: essays by Einar Haugen / E. Haugen. Standford, 1972. P. 325.
- Jung 1995 — *Jung M.* Umweltstörfälle. Fachsprache und Expertentum in der öffentlichen Diskussion // Stötzel G., Wengeler M. u. a. Kontroverse Begriffe. Geschichte des öffentlichen Sprachgebrauchs in der Bundesrepublik Deutschland. Berlin; New York, 1995. S. 619—678.
- Liimatainen 2008 — *Liimatainen A.* Untersuchungen zur Fachsprache der Ökologie und des Umweltschutzes im Deutschen und Finnischen. Bezeichnungsvarianten unter einem geschichtlichen, lexikografischen, morphologischen und linguistisch-pragmatischen Aspekt. Peter Lang, 2008.
- Trampe 1991 — *Trampe W.* Sprache und ökologische Krise. Aus dem Wörterbuch der industriellen Landwirtschaft // Feldbusch E., Pogarell R., Wie C. Neue Fragen der Linguistik, Akten des 25. Ling. Kolloquiums. Tübingen, 1991. S. 143—149.

Источники примеров

- BNatSchG — Gesetz über Naturschutz und Landschaftspflege (Bundesnaturschutzgesetz — BNatSchG) // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bnatschg_2009/BJNR254210009.html (Дата обращения: 30.10.2016).
- Bolte 2015 — *Bolte A.* Alt- und Totholzkonzepte zeigen Wirkung // URL: https://www.researchgate.net/publication/280731722_Alt-_und_Totholzkonzepte_zeigen_Wirkung (Дата обращения: 30.10.2016).
- Bolte, Eichhorn, Block 2016 — *Bolte A., Eichhorn J., Block J.* Nachhaltige Nutzung und Schutz von Wäldern und Waldböden // URL: http://literatur.thuenen.de/digbib_extern/dn057582.pdf (Дата обращения: 30.10.2016).
- BWaldG 1975 — Gesetz zur Erhaltung des Waldes und zur Förderung der Forstwirtschaft (Bundeswaldgesetz) // URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bwaldg/> (Дата обращения: 30.10.2016).
- BWI 2012 — Der Wald in Deutschland. Ausgewählte Ergebnisse der dritten Bundeswaldinventur // URL: http://www.bundeswaldinventur.de/fileadmin/SITE_MASTER/content/Dokumente/Downloads/BMEL_Wald_Broschuere.pdf (Дата обращения: 30.10.2016).
- Der Bayerische Wald. — Der Bayerische Wald // URL: <https://www.bayerischer-wald.de/Urlaubsthemen/Wandern> (Дата обращения: 30.10.2016).
- Focus online — Focus online. Das Nachrichtenmagazin // URL: http://www.focus.de/wissen/klima/umweltstudie-klimawandel-in-europa_aid_336714.html (Дата обращения: 30.10.2016).

- Grundsatzprogramm von BÜNDNIS 90 / DIE GRÜNEN 2002 — Die Zukunft ist grün. Grundsatzprogramm von BÜNDNIS 90 / DIE GRÜNEN // URL: http://www.gruene.de/fileadmin/user_upload/Dokumente/Grundsatzprogramm-2002.pdf (Дата обращения: 30.10.2016).
- Kroiher, Schmitz 2015 — *Kroiher F., Schmitz F.* Baumartenatlas zur dritten Bundeswaldinventur (BWI 2012) // URL: http://literatur.thuenen.de/digbib_extern/dn055892.pdf (Дата обращения: 30.10.2016).
- Regelungen für das Sammeln von Pilzen — Regelungen für das Sammeln von Pilzen im Wald // URL: http://www.waldbauernverband.de/2010/cms/upload/pdf-dateien/Pilze_Flyer.pdf (Дата обращения: 30.10.2016).
- Richtlinien zur ökologischer Waldnutzung 1998 — Richtlinien zur ökologischer Waldnutzung. Naturland 11/ 1998 // URL: http://franzjosefadrian.com/wp-content/uploads/2013/08/NL-Rili-Wald_11-1998.pdf (Дата обращения: 30.10.2016).
- Umweltmagazin 2011 — Umweltmagazin. Das Entscheider-Magazin für Technik und Management. Juni, 2011.
- Waldböden in Deutschland 2016 — Waldböden in Deutschland. Ausgewählte Ergebnisse der zweiten Bodenzustandserhebung // URL: http://www.bmel.de/SharedDocs/Downloads/Broschueren/Waldboden-Bodenzustandserhebung.pdf?_blob=publicationFile (Дата обращения: 30.10.2016).
- Wald- und Rohholzpotenzial 2012 — Wald- und Rohholzpotenzial der nächsten 40 Jahre. Ausgewählte Ergebnisse der Waldentwicklungs- und Holzaufkommensmodellierung 2013 bis 2052 // URL: http://www.bmel.de/SharedDocs/Downloads/Broschueren/Wald-Rohholzpotential-40Jahre.pdf?_blob=publicationFile (Дата обращения: 30.10.2016).
- Wanderportal Pfalz — Wanderportal Pfalz // URL: <http://www.wanderportal-pfalz.de/ind-StartNatspaz.html> (Дата обращения: 30.10.2016).

ZUSAMMENFASSUNG

Verbalisierungen in der Konzeptosphäre WALD im deutschen Öko-Diskurs

Im Artikel werden Verbalisierungen des Konzepts WALD im ökologischen Diskurs der BRD analysiert. Anhand von wissenschaftlichen, juristischen und journalistischen Texten ökologischer Problematik werden wichtige konzeptuelle Merkmale des Konzepts beschrieben. Die Analyse der von Autoren eingesetzten Strategien zeigt, dass die Idee der nachhaltigen Entwicklung der Wälder für Texte aller analysierten Typen vereinigend wirkt.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Н. Д. МАТАРЫКИНА

(Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского)

НЕОЛОГИЗМЫ КАК ЛАКМУСОВАЯ БУМАГА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Словарь издательства Duden, один из наиболее авторитетных толковых словарей немецкого языка, постоянно актуализируется, что позволяет получить представление о происходящих изменениях словарного состава в процессе неологизации. Обновления находят отражение на сайте словаря в Интернете: www.duden.de. Кроме того, в 2011 г. этим издательством был опубликован словарь „Unsere Wörter des Jahrzehnts 2000—2010“, который можно рассматривать как дополнение к основному словарю и который включает в себя более 500 неологизмов, появившихся в немецком языке в первое десятилетие нового века.

Следует отметить, что некоторые лексические единицы, зафиксированные в словаре неологизмов 2000—2010 гг., возникли ранее: напр., в базе данных dwds.de слово *umweltbewusst* встречается в примерах 1971 г., *Windenergieanlage* — в примерах 1982 г., *Ampelmännchen* — 1989 г., *Funsport* — 1996 г., *Klimawandel* — 1991, *Ostalgie* — 1997 г. (при этом в списке лемм данного словаря они отсутствуют). Это можно, вероятно, объяснить тем, что данные слова не попали в словари более ранних изданий, однако обладают актуальностью и достаточно высокой частотностью. Как отмечал В. Д. Девкин, «не поспевая за жизнью, словарь оказывается «вечно вчерашним», постоянно запаздывающим» [Девкин 2005: 26], т. е. любое слово появляется в речи раньше, чем оно может быть зафиксировано в словаре.

Такие лексические единицы, как *Clownfisch* и *Maschendrahtzaun*, были известны в немецком языке и до 2000 г., но в словарь неологизмов периода 2000—2010 тем не менее вошли. Не претерпев семантической деривации как таковой, их значение получило до-

полнительные ассоциации в связи со всплеском их популярности в массовой культуре. Так, *Clownfisch* — это рыбка из анимационного фильма «В поисках Немо». После его выхода в прокат в 2003 г. рыба-клоун стала популярной во всем мире у взрослой и, прежде всего, детской аудитории, что способствовало росту спроса на нее и даже увеличению потока туристов к местам, упомянутым в мультфильме.

Слово *Maschendrahtzaun*, как отмечается в комментарии, размещенном в словаре, получило статус «культового» в 2000 г. после того, как известный немецкий ведущий Штефан Рааб написал песню „Maschen-Draht-Zaun“. В основу этой песни лег спор между соседями по поводу неухоженного кустарника снежноягодника, который оплел соседский проволочный забор. Спор привел к судебному разбирательству, показанному в шоу „Richterin Barbara Salesch“, где слова истицы „Maschendrahtzaun“ и „Knallerbsenstrauch“ звучали на саксонском диалекте. Эти слова Штефан Рааб включил в оригинальном звучании в припев своей песни, ставшей хитом.

Думается, что актуализация этих лексических единиц, являясь следствием всплеска популярности в массовой культуре, не будет иметь в языке длительный характер.

Неологизмы по способу образования можно подразделить на заимствованные, словообразовательные и семантические [Попова 2005: 49].

Анализ лексического материала словаря показал, что наиболее продуктивным способом пополнения словарного состава неологизмами оказалось **словообразование**: из 507 слов на его долю приходится 296, т. е. 58 %, из которых 20 % сопровождаются также семантической деривацией. Соответственно, заимствования составляют 207 слов, т. е. 41 %.

Интересно, что доля имен (существительных, прилагательных) и глаголов во всех трех группах составляет одинаковую пропорцию:

— среди **словообразовательных конструкций** 89 % приходится на существительные и прилагательные, 10 % занимают глаголы;

— среди **словообразовательных конструкций, сопровождающихся семантической деривацией**, 89 % — существительные и прилагательные, 10 % — глаголы;

— среди **заимствований**, 90 % — существительные и прилагательные, 10 % — глаголы.

Существительные во всех трех группах неологизмов значительно преобладают над другими частями речи (78 %, 86 % и 85 % соответственно).

Словосложение является ведущим способом образования неологизмов, прежде всего существительных. На словосложение приходится 79 %, префиксация составляет 11 %, суффиксация — 6 %, сокращение — 2 %, на остальные способы (префиксация + суффиксация, конверсия, редупликация, универбация, контаминация) приходится приблизительно по 1 %.

В словосложении наиболее часто встречается модель **сущ. + сущ.** (Emissionshandel, Energieausweis, Genmais, Kopftuchverbot, Plasmafernseher u.a.). Встречаются также модели **прил. + сущ.** (Leerstand, Flachbildschirm), **основа глагола + сущ.** (Klapphandy, Klebefleisch), **местоимение + сущ.** (Ich-AG), **прил. + прил.** (neudeutsch, meist abw. minimalinvasiv), **основа гл. + причастие** (kopiergeschützt).

Что касается префиксации, наиболее продуктивной приставкой оказалась *ver-* (verbaseln, verkopft, vermüllen, verorten, verpartnern, verticken, verzocken). Другие употреблявшиеся приставки — *auf-* (aufhübschen), *aus-* (ausgrauen, austillen, austicken), *ent-* (entleeren, entpacken, entschleunigen), *nano-* (Nanotechnik, Nanotechnologie), *ab-* (abfrühstücken), *an-* (angefressen), *durch-* (durchregieren), *ein-* (einpreisen), *hyper-* (hyperaktiv), *inter-* (interkulturell), *pro-* (probiotisch), *über-* (überbuchen).

Обращают на себя внимание приставки греческого происхождения — **hyper-** (hyperaktiv), **nano-** (Nanotechnik, Nanotechnologie), **pro-** (probiotisch). Как и многие элементы греческого и латинского происхождения, они имеют интернациональный характер, ср. рус. гиперактивный, пробиотик, нанотехнологии.

С помощью префиксации образуются преимущественно глаголы, хотя есть также несколько прилагательных.

Суффиксальным способом образуются по большей части прилагательные: *-mäßig* (defaultmäßig), *-isch* (exterminatorisch, ostalgisch), *-ig* (niedrigschwellig, schwurbelig), *-i* (supi); но есть и существительные: *-ung* (Globalisierung), *-thek* (Vinothek); а также глаголы: *-l* (quoteln, schnackseln).

Несколько существительных было образовано путем сокращения: имеются аббревиатуры (DAU „dümmster anzunehmender User“, TAN „Transaktionsnummer“); инициальные слова с суффиксами *-i*, *-o* (depri, Navi, Dispo), синкопа (опускание слога в середине слова) (funzen).

К другим, менее распространенным способам словообразования относятся конверсия (*hirnen*), универбация (*Milchaufschäumer*, *Netzbetreiber*, *Warmduscher*), контаминация (*Tempomat*, *Teuro*), редупликация (*Halligalli*, *ratzfat*, *Wackeldackel*).

В большинстве своем лексические единицы, образованные этими способами, не нейтральны, о чем свидетельствуют стилистические пометы, прежде всего *ugs.* Слово *hirnen* имеет помету *schweiz.*; *quarzen* — *ugs.*, *landsch.*; *latzen* — *salopp*; *prollen* — *salopp*, *abwertend*.

По сравнению с другими способами пополнения словарного состава неологизмами семантическая деривация в проанализированном материале словаря представлена менее широко и практически во всех случаях сопровождается словообразовательными процессами. Среди видов семантической деривации выделяется метафоризация. Имеются метафоры по функции: *abfrühstücken* (*ugs.* *erledigen*), *austicken* (*ugs.* *die Nerven verlieren*), *hochkochen* (*von Emotionen* —

sich mit Heftigkeit entwickeln), по внешнему и внутреннему сходству (Zwergplanet, Schuldenfalle, Verspargelung).

Имеются также примеры метонимии: Brötchentaste (ugs. Taste für kostenloses kurzes Parken), Kopfpauschale (Jarg. von allen Versicherten in gleicher Höhe zu entrichtender Beitrag zur Krankenversicherung).

В сложных словах **семантической деривации** может подвергаться не только основное слово, но и, хотя и реже, определительное (Blutdiamant: Diamant, mit dessen Verkauf bewaffnete Konflikte, Bürgerkriege o. Ä. finanziert werden).

Займствования, как уже отмечалось выше, занимают второе место по значимости среди способов пополнения лексики.

К **займствованиям** были отнесены лишь те лексические единицы, которые можно считать неологизмами, вследствие чего они пока не утратили формальных признаков (фонетических, графических, морфологических), позволяющих распознать их иноязычное происхождение. Слова, которые этимологически являются займствованиями, но которые полностью ассимилировались в немецком языке, в отдельную группу не выносились. Если слово было займствовано достаточно давно, став привычным для употребления в немецком языке, и при этом выступает в качестве компонента словообразовательной конструкции, то оно также отдельно не рассматривалось, поскольку интерес представляли именно неологизмы начала 2000-х гг. (например, слово *Baby*, займствованное в 40-х гг. XIX в., или *Couch* (*Kautsch*), пришедшее в немецкий язык в начале XX в., так же, как и слово *Team*, см. dwds.de). Сложные слова, содержащие компонент *Killer-* (*Killerapplikation*, *Klimakiller*), были отнесены к разным разрядам. Первый пример из компьютерного жаргона является займствованием из английского языка (от *killer application*), в котором этот неологизм является устойчивым выражением и имеет значение «товар или услуга, с появлением которых устанавливаются новые стандарты требований в конкретной области рынка, вытесняются традиционные продукты или услуги» (http://computers_en_ru.enacademic.com/), в то время как *Klimakiller* может рассматриваться как словообразовательный неологизм. Слово *Killer* в данном значении стало употребительным в немецком языке уже в 70-е гг., новизной же обладает именно словообразовательная конструкция с этим компонентом.

Из 207 слов 66 сопровождаются стилистическими пометами, большинство из которых указывают на функциональную сферу употребления того или иного слова (EDV, Film, (bes.) Fernsehen, Wirtschaft, Bankwesen, Börsenwesen, Werbesprache, Hochschulwesen, Politik, Soziologie, Kochkunst, Fußball, Segeln, Telefonie). Кроме того, есть пометы, указывающие на отношение слова к литературной норме (bildungssprachlich, salopp), на место слова в системе форм существования языка (umgangssprachlich, bes. Jug., Fachsprache, Jargon) или национальных вариантов: Drop-out-Rate (bes. österr.), urcool (bes.

österr. Jug.), два слова имеют помету *abwertend* (Schurkenstaat) или *meist abwertend* (Neusprech), относящую их к экспрессивной оценочной пейоративной лексике.

Несколько заимствований являются кальками иноязычных слов:

G-7-Staat (die Großen Sieben, eng. The Grate 7);

Schurkenstaat (engl. rogue state, geprägt Anfang der 1990er-Jahre von amerikanischen Regierungsbeamten);

Neusprech (newspeak, Bezeichnung für die offiziell zu verwendende neue amtliche Sprachregelung im Roman „1984“ des britischen Schriftstellers G. Orwell) (meist abwertend): Neudeutsch.

Roadmap — дорожная карта: Road Map или составление дорожной карты — это процедура, в результате которой мы получаем карту развития отраслевых или мировых трендов.

Тематически заимствования можно распределить по следующим группам:

— **компьютер, Интернет, (мобильная) связь:** App, Blog, bloggen, chatten, Default, Dialer, Digital Native, Disclaimer, Download, Drop-Down-Menü, klicken, Ego-Google, E-Mail-Wurm, Ethernet, faken, FAQ, flashen, Flatrate, googeln, highlighten, Hoax, Hotspot, internetaffin, Internetauktion, Internettelefonie, Killerapplikation, LAN, Log-in, mailen, Memorystick, Nickname, Onlinedurchsuchung, Online-shop, Open-Source-Software, Phishing, Podcast, podcasten, Pull-down-Menü, Roadmap, Roaming, Scan, Scanning, Skimming, Slot, Smiley, Spam, Spamfilter, Tag-Cloud, triggern, trunkieren, twittern, Upgrade, upgraden, USB, USB-Stick, Visit, Voicemail, voipen, Webdesign, Weblog, Website, weltweit, wegeklicken, Wiki, Wikipedia, Zipdatei (66);

— **музыка, кино, телевидение, пресса:** Best-of, Best-of-CD, Biopic, Bollywood, Buzzer, casten, Castingshow, Comedy, Coming-of-Age, Coverband, Gangsta-Rap, HDTV, Headbanging, Late-Night-Show, Making-of, Outtake, performen, Prequel, Publicumsjoker, Singer-Songwriter, Tabloid, Telenovela, Therenin, Trash (24);

— **еда и напитки, гастрономия:** Alcopop, Asant, Bagel, Bruschetta, Caffee Latte, Caterer, Chai Latte, Donut, Eventgastronomie, Falafel, Finger-Food, Latte macchiato, Mojito, Pancetta, Pu-Erh-Tee, Roibuschtee, Romanesco, Shiitake, Surimi, Terroir, Zeste, Zuckerfest (22);

— **экономика, торговля, денежное обращение:** Best Ager, B2B-Geschäft, Cross-Selling, Designer-Outlet, E-Banking, Electronic Banking, Flagship-Store, Fundraising, Hedgefonds, Insiderhandel, Pay-back-Karte, Ratingagentur, traden, Win-win-Situation, Xetra (15);

— **политика:** al-Quaida (El Kaida), Dschihad, EUFOR, Friendly Fire, G-7-Staat, Ground Zero, Kollateralschaden, Schurkenstaat, voten (9);

— **качества:** fluffig, investigative, metrosexuell, suboptimal, uncool, undercover, urcool (7);

— **одежда, мода:** Dresscode, Loafer, Nabelpiercing, Stringtanga, Tankini, Wonderbra, Zungenpiercing (7);

- **спорт**: bladen, Libera, Nordic Walking, Personal Trainer, T-Car, Qualifying, Skatenight (7);
- **электроника, бытовая техника**: E-Book, Eiscrusher, Electronic Book, GPS, MP3-Player, Widescreen (6);
- **свободное время**: After-Show-Party, LAN-Party, Manga, Poetry-Slam, Scoubidou, Sudoku (6);
- **транспорт**: Gigaliner, Minivan, Stretchlimousine, SUV, Yngling (5);
- **трудовая деятельность**: Jobcenter, Mentoring, Networking, Sab-batical, Talentscout (5);
- **стиль / уровень жизни**: Celebrity, downshiften, Drop-out-Rate, It-Girl, Precariat (5);
- **образование**: Creditpoint, E-Learning, Electronic Learning, Post-doc (4);
- **туризм, путешествия**: all-inclusive, Chennai, E-Pass, Tshwane (4);
- **психология, общение, межличностные отношения**: dissen, EQ, Gender-Mainstreaming, Get-together (4);
- **красота и здоровье**: Body-Mass-Index, Botox (2);
- **обозначения лиц**: Muggel, Womanizer (2);
- **космонавтика**: ISS, Taikonaut (2);
- **язык**: Neusprech (1);
- **животный мир**: Koi (1).

Английский язык является главным, но не единственным источником заимствований. Прежде всего, заимствования из других языков встречаются в разделе **еда и напитки, гастрономия**. Из 22 слов англицизмами здесь являются лишь 6 (Alcorop, Bagel, Caterer, Donut, Eventgastronomie, Finger-Food). Остальные попали в немецкий язык из итальянского (Bruschetta, Caffee Latte, Latte macchiato, Chai Latte, Pancetta, Romanesco), французского (Terroir, Zeste), японского (Shiitake, Surimi), арабского (Falafel), испанского (Mojito), китайского (Pu-Erh-Tee), латинского (Asant), африкаанс (Roibuschtee). Имеется также калька с турецкого (Zuckerfest — muslimisches Fest des Fastenbrechens nach dem Fastenmonat; Ramadanfest).

Несмотря на употребительность ряда англицизмов как в немецком, так и в русском языках, степень их ассимиляции может быть разной, напр., USB в немецком языке произносится как [u:es:be], в то время как в русском сохранилось английское произношение.

О незавершенном процессе ассимиляции свидетельствуют также различные варианты написания одного и того же слова: After-Show-Party (Aftershowparty), Creditpoint (Credit-Point), Designeroutlet (Designer-Outlet), Drop-out-Rate (Dropoutrate, Dropout-Rate) и др. В русском языке существуют сходные тенденции (ср. фингерфуд, фингер-фуд).

Приведенные в словаре заимствования присутствуют также в русском языке. Далеко не все они зафиксированы в словарях, однако в текстах русского Интернета с большей или меньшей частотностью они встречаются. В некоторых случаях они имеют разные

значения, ср. *highlighter* — auf einem Bildschirm optisch hervorheben; *хайлайтер* — средство декоративной косметики для создания «скульптурности» лица.

Иногда заимствования в русском языке неожиданно получают иную мотивацию: Friendly Fire — versehentlicher Beschuss durch eigene Gruppen; в русском Интернете был обнаружен пример употребления этого выражения в качестве названия фирмы, изготавливающей печи и камины: «Наша компания называется “Френдли Фаер”, что с английского языка дословно переводится как “Дружеский огонь” или “Огонь для хозяйственно-бытовых нужд”».

Не все заимствования имеют шанс закрепиться в словаре надолго.

Так, слово *Muggel* (*Person, die von bestimmten Dingen keine Ahnung hat*) из серии романов о Гарри Поттере Дж. Роулинг встречается в базе данных словаря *dwds.de* среди примеров из газеты „Die Zeit“ в данном значении с 2000 по 2014 г. 23 раза, отсутствуют примеры за 2015—2016 гг. Можно предположить, что это слово имеет модный характер и вряд ли станет употребительным в немецком языке за пределами круга поклонников романа.

В русском языке слово *магл* также используется в переводах книг Дж. Роулинг, кроме того, в «Википедии» отмечается, что «в переносном смысле “маглом” иногда называют приземленного, прагматичного человека, лишённого фантазии, или просто человека, не принадлежащего к определённому сообществу и не понимающего его реалий», однако широкого употребления оно также не получило.

Некоторые лексические единицы содержат в себе интертекстуальные отсылки к произведениям художественной литературы. Это, например, уже упомянутое слово *Muggel*, а также *Neusprech* (*Newspeak*, „1984“, G. Orwell), *Sommermärchen* (in einem Sommer stattfindendes wunderbares, großartiges Ereignis, z.B. die Fußball-WM 2006 war ein deutsches Sommermärchen), ср. „Deutschland. Ein Wintermärchen“, Н. Heine). Попадая в новый контекст, они подвергаются расширению значения или метафоризации.

Неологизмы выполняют различные функции: они используются в номинативной функции как обозначение новых предметов и явлений (*Digitalfernsehen*), выступают как средство экономии речевых усилий (*depri*, *Ein-Euro-Job*, *Ego-Googeln*), средство придания чему-л. престижности, усиления авторитетности (*Get-together*), средство внесения ясности (напр., когда иноязычные слова заменяются словами родного языка) (*Bildpunkt* — *Pixel*), выполняют эвфемизирующую функцию (*talentfrei*, *faken*), а также стилистическую функцию, например, выражение экспрессивности, какого-л. отношения к называемому объекту (*Gutmensch* — *meist abwertend oder ironisch: naiver Mensch, der sich in einer unkritisch, übertrieben... empfundenen Weise im Sinne der Political Correctness einsetzt*) и др.

Можно ли считать неологизмы лакмусовой бумагой глобализации? Думается, что на этот вопрос можно ответить положительно.

Причем, это касается не только заимствований, но и словообразовательных неологизмов (ср. Plasmafernseher — плазменный телевизор, Flachbildschirm — плоский экран и т. п.). Неологизмы в разных языках появляются как отражение необходимости реагировать на преобразования, происходящие в науке и технике, общественно-политической и культурной жизни, включая бытовую и массовую культуру, в экономике. В настоящее время прежде всего заимствования из английского языка обнаруживают тенденцию к интернационализации, поскольку именно англо-американская культурная среда наиболее активно влияет на разные сферы жизни других стран, определяя их дальнейшее развитие в сторону глобализации. Однако не все лексические единицы имеют равные шансы закрепиться в заимствующих языках на долгое время, т. к. одни из них имеют модный характер, другие обозначают технологии, которые быстро устаревают и требуют обновленных номинаций, третьи не соответствуют в полной мере нормам заимствующего языка. Вместе с тем, нельзя не замечать и тенденций, противоположных глобализации, когда, например, в диалектах создаются локальные обозначения понятий, имеющих уже устоявшиеся эквиваленты-англицизмы (ср. в баварском диалекте — bergradeln вместо более употребительного mountainbiken, Schluchteln вместо Canyoning), что могло бы стать темой отдельного исследования.

Литература

- Девкин 2005 — *Девкин В. Д.* Немецкая лексикография. М., 2005.
Попова 2005 — *Попова Т. В., Рацибурская Д. В., Гугунова Д. В.* Неология и неография современного русского языка. М., 2005.
Duden 2011 — Duden. Unsere Wörter des Jahrzehnts 2000—2010. Mannheim, 2011.

ZUSAMMENFASSUNG

Neologismen als Lackmuspapier der Globalisierung

Der Wortschatz einer Sprache widerspiegelt die Veränderungen der objektiven Realität und nominative sowie kommunikative Bedürfnisse der Gesellschaft, indem Neologismen geschaffen werden. Im vorliegenden Beitrag werden am Material des Wörterbuches „Duden. Unsere Wörter des Jahrzehnts 2000—2010“ verschiedene Arten von Neologismen analysiert, die in der deutschen Sprache in diesem Zeitraum entstanden sind, und die in großem Maße als eine Auswirkung der Globalisierungstendenzen betrachtet werden können.

О. И. БЫКОВА

(Воронежский государственный университет)

НОВООБРАЗОВАНИЯ В ЗЕРКАЛЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: РЕФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ СООТНЕСЕННОСТЬ, КОННОТАТИВНАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ

Инновации в языке на современном этапе глобализации, проявляющейся в интеграции и унификации всех сфер жизни общества, необходимо рассматривать как результат языковой рефлексии представителей конкретной лингвокультурной общности. Возрастает потребность в коммуникативной точности, интерпретативной глубине, ситуативно-культурной обусловленности смысла единиц языка. Появление новообразований во всех лингвокультурах под воздействием изменений в политической, экономической, социальной, культурной сферах в глобальном мировом пространстве связано с интерпретативным характером речевой деятельности говорящего, его языковой рефлексией. Это вызвано возрастающим воздействием новых номинаций и проявляется в подвижности границ между сферами употребления как внутри одного языка, так и проникновением системы одного языка в системы других языков.

В языкознании давно признан теоретический постулат об изменчивости и динамизме языковой системы. Неогенность лексической системы языка, закрепление инноваций в фонде языка обусловлены необходимостью выполнения когнитивно-коммуникативной и экспрессивной функций языка.

Вопрос о статусе новообразования, относительной и исторически обусловленной категории языка, затрагивался многими германистами [Riesel 1975; Heller 1988; Loskant 1998; Schippan 2002; Herberg 2002; Römer 2010; Steffens, Nikitina 2014 и др.]. Понятие «новообразование» на основании важного критерия, времени употребления в языковом сообществе, служит зонтичным термином и включает, по мнению Э. Г. Ризель и Е. И. Шендельс, следующие группы:

- собственно неологизмы (*temporale Neologismen bestimmter Zeitabschnitte*);
- относительные неологизмы (*vorübergehende Neologismen, Modewörter*), утрачивающие со временем новизну;
- окказиональные (*einmalige, okkasionelle Neologismen*), в том числе и авторские неологизмы, которые в качестве потенци-

альных неологизмов (*potentielle Neologismen*) могут служить исходным моментом для образования открытых рядов возникающих по аналогии неологизмов [Riesel 1975: 68—70].

Традиционно толкование понятия «неологизм», обладающего свойством относительности и историчности, опирается на два критерия: по денотативному признаку («как обозначающего новую реалию) или стилистическому (сопровождающемуся эффектом новизны)» [ЛЭС 1990: 331]. Эти критерии в трактовке Курта Хеллера и Дитера Херберга [Heller 1988; Herberg 2002: 195] дополнены следующими моментами:

- появление в определенный период развития языка в коммуникативной общности;
- закрепление в качестве языковой нормы;
- восприятие новизны большинством пользователей языка в данное время.

Рассматриваемые нами новообразования представлены двумя типами: 1) новые слова (*Neulexeme*), в которых новизна формы сочетается с новизной содержания, а также трансноминации, сочетающие новизну формы слова со значением, уже передававшимся ранее в другой форме; 2) новые значения слов (*Neubedeutungen*). Как первые, так и вторые могут быть объектом для рассмотрения их референциальной соотнесенности с определенным обозначаемым денотатом и коннотативной дивергенции¹ при функционировании в конкретном контексте.

Источником эмпирического материала послужили: словарь „Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts“ [URL: <http://www.dwds.de>] и список слов „Wörter der Jahre 2011—2016“, Top-Ten-Liste отобранных компетентным жюри общества немецкого языка (GfDS) в г. Висбаден. Неологизмы немецкого языка за последние пять лет отражают лингвопрагматические особенности функционирования языка: коммуникативную значимость, креативность, изменение коннотативного потенциала, появление коннотации новизны, коннотативную дивергентность, эвфемистичность номинаций.

В статье рассматриваются «собственно неологизмы» (*Neubildungen*), в которых новизна содержания сочетается с новизной формы, в двух аспектах: *интралингвистическом* (*sprachinterner Aspekt*) и *экстралингвистическом* (*sprachexterner Aspekt*). Особое внимание уделяется семантике новообразований: а) в сигнификативном плане (референциальной соотнесенности новых номинант с фактами действительности); б) в коннотативном плане при порождении коннотации новизны в результате контрастного выделения дополни-

¹ Дивергенция от лат. *divergere* ‘расходиться’, отклоняться; нем. *Divergenz, die* — das Auseinanderstreben, Auseinandergehen (von Meinungen, Zielen o.Ä.) [DUW 1996: 352].

тельных ассоциаций, проявлении аксиологической дивергенции номинант.

Интралингвистический аспект

Интралингвистический аспект предполагает изучение механизмов деривационных процессов, лежащих в основе инноваций: *семантической* и *словообразовательной деривации*, учитывая и заимствования из других языков, а также из субкультур внутри того же языка. *Семантическая деривация* указывает на производность образования значения слова, изменения, возникающие в семантической структуре слов. Она может рассматриваться как отправная точка семантики новообразований. *Семантическая* и *словообразовательная деривация* тесно взаимодействуют друг с другом при формировании нового смысла. При словообразовательной деривации происходит соединение корневых и аффиксальных морфем по определенным языковым моделям. Как показали эмпирические данные, немецкие новообразования представлены производными словами, например:

durchwinken „<...> steht für den Vorwurf, dass einige EU-Mitgliedstaaten, unter anderem Österreich, Zehntausende von Flüchtlingen ungedindert und nicht registriert in andere Staaten, vor allem nach Deutschland, weiterreisen lassen“ [Kuntzsch 2016: 6].

Но доминирующее место среди новообразований занимают атрибутивные сложные и сложнопроизводные слова, в основном существительные, например:

Lichtgrenze — Bezeichnung einer Kunstinstallation: „Zum 25. Jahrestag des Mauerfalls wurde der Verlauf der Berliner Mauer durch beleuchtete Ballons nachgezeichnet“ [Frank 2015: 1—2].

В процессе словообразовательной деривации переосмыслению может подвергаться как категоризирующий компонент сложного слова (das Grundwort), так и идентифицирующий (das Bestimmungswort):

Freifunk — „die drahtlose Internetverbindung, frei zugängliches Internet“ [Zeit-Wörter; 4—5/2015: 177—178].

Первый компонент, определяющее слово (das Bestimmungswort) *frei*, претерпевает модификацию значения: „1) Funk wird **kostenlos** zur Verfügung gestellt; 2) **im Freien** benutzt; 3) **unabhängig** von festen Einrichtungen, Gebäuden oder Standort“ [Ebenda].

Для словообразовательных моделей инноваций последних пяти лет наиболее показательны следующие способы образования:

- *контаминация*,
- *аббревиация*.

Контаминация, скрещение (Wortkreuzung), структурный блендинг, телескопия (Kofferwörter oder Portmanteau), была обнаружена при образовании новых сложных слов как результат взаимодействия отдельных компонентов языковых единиц, что приводит к семантическому изменению во вновь образованном слове, например:

Grexit: „Bereits 2012 stand dieses Wort, im Raum, als die griechische Staatsverschuldung das Land vor dem Bankrott stellt. Auch damals wurde darüber diskutiert, ob Griechenland aus dem Euro aussteigen sollte, um die europäische Wirtschaft durch das insolvente Land nicht weiter zu gefährden“ [Zeit-Wörter 1/2015: 48].

В результате слияния заимствованного из английского языка компонента **-exit** (нем. *Ausgang*) и **Gr-** (нем. *Griechenland*) образована новая номинация, референциальная соотнесенность которой прозрачна и связана с намерением конкретной страны выхода из Европейского союза.

Составляющие данной модели структурного блендинга новообразований обнаружили общие компоненты значения: сокращенное обозначение топонима + существительное **exit**. По аналогии образовано:

Brexit (Britain + exit): „<...> mit diesem Ausdruck wird mithinten auf einen möglichen Ausstieg Großbritanniens aus dem Eurobündnis angespielt <...>“ [Ebenda].

Структурная модель новообразований может быть результатом слияния сокращенных основ двух и более компонентов:

Flexitarier „<...> nämlich aus *flexi-* und *Vegetarier*. Gemeint sind Personen, die bewusst wenig Fleisch essen <...>“ [Kuntzsch 2016: 13].

Контаминация может сопровождаться игрой слов, в результате которой возрастает коннотативная потенция новообразований. Для иллюстрации приведем следующие примеры:

bahnsinnig: для обозначения ситуации, вызванной спором о тарифах на железнодорожном транспорте Германии: „Das Gesicht dieses Streiks und der Streiks wurde der Vorsitzende der Lokführergewerkschaft GDL Claus Weselsky. Er wurde als der Hauptverantwortliche für die vielen Zugausfälle wahrgenommen, und je längerer immer wieder Angebote der Deutschen Bahn ablehnte und Warnstreiks ausrief, sank in der Öffentlichkeit das Verständnis für die Anliegen der GDL. Das ging sogar so weit, dass Weselsky **bahnsinnig** genannt wurde“ [Frank 2015: 4]. В данном контексте актуализируется дополнительный ассоциативный компонент неологизма. Значение слова **bahnsinnig** ассоциируется со словом **wahnsinnig**, означающим ‘безумный, сумасшедший’.

Götzeidank: „Das einzige Tor der Partie erzielte Mario Götze in der 113. Minute und ihm bzw. **Götzeidank** wurde Deutschland somit zum vierten Mal Fußballweltmeister“ [Frank 2015: 11]. Коннотативный потенциал инновации возрастает на основании ассоциации с возгласом одобрения: „Gott sei Dank! (ugs. Ausruf der Erleichterung)“ [DUW 1996: 624].

Аббревиация, образование сложносокращенных слов в результате слияния начальных морфем словосочетания, показательна для словообразовательных моделей неологизмов, например:

Pegida: „Abkürzung für die Organisation: Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes. **Fragida** (in Frankfurt), **Legida** (in Leipzig), **Bagida** (in Bayern), **Kögida** (in Köln), **Dügida** (in Dös-

seldorf), *Bärgida* (in Berlin wegen des Berliner Bären)“ [Frank 1/2015: 1—2; Kuntzsch 2016: 4].

В данном случае на основании общности по критерию референциальной соотнесенности проявляется продуктивность инноваций при расширении семантического ряда в лексическом фонде современного немецкого языка.

Проявление тенденции к интеграции слов, связанных с социокультурным контекстом, употребляемых в молодежном жаргоне и становящихся популярными в связи с глобализацией в сфере масс-медиа, обнаруживают *аббревиатуры, акронимы*:

Smombie: „<...> Kofferwort aus *Smartphone* und *Zombie* <...> da es die Generation Smartphone sehr treffend und kritisch beschreibt“ [Jugendwort des Jahres 2015: 210].

Twitteratur, Twittritik: „Besonders zwei Phänomene *Twitteratur* der digitalen Welt haben kürzlich zur Bildung solcher Kontaminationen geführt: *die Twitteratur* und *die Twittritik*. Wie unschwer zu erkennen ist, basieren beide Wörter auf dem Namen des Mitteilungsdienstes *Twitter*: Hier können im Umfang von nur 140 Zeichen Kurzmitteilungen ins Netz gestellt werden, die dann von den Followern, also den Abonnenten dieser Nachrichten, empfangen werden. Bei dem neu gebildeten Wort *Twitteratur* handelt es sich um eine Verschmelzung aus dem Namen *Twitter* und dem Wort *Literatur*: Die *Twitteratur* ist also eine neue Art der Literatur in 140 Zeichen — auf Twitter wurden schon Gedichte, Kurz- bzw. Kürzestgeschichten und Fortsetzungsromane veröffentlicht“. „<...> die *Twittritik*, eine Verschmelzung aus *Twiterr* und *Kritik*. Bezeichnet werden hiermit Diskussionen und Meinungsäußerungen der Nutzer zu verschiedenen Themen — aktuell vermehrt als «Live»-Diskussionen zu parallel im Fernsehen ausgestrahlten Sendungen; beliebtes Objekt dieser Twittritik sind derzeit insbesondere Reality- und Casting-Shows“ [Zeit-Wörter 2/2015: 100].

Особую группу новообразований составляют фразеосочетания:

„**Die schwarze Null** bezeichnet einen Haushaltsentwurf, bei dem zum ersten Mal seit 1965 keine neuen Schulden aufgenommen werden sollen“ [Frank 2015: 3].

Generation Kopf unten: „Erkennbar ist sie an der Körperhaltung. Der Kopf ist ständig nach unten geneigt, um auf das Display des Smartphones schauen zu können. Das hat zum einen Auswirkungen auf das Sozialleben“ [Frank 2015: 8].

Высказывание „**Wir schaffen das!**“ вошло в список „Wörter des Jahres 2015“: „Der Satz des Jahres wurde *Wir schaffen das* (Platz 10). Mit ihm brachte Angela Merkel ihre Überzeugung zum Ausdruck, dass Deutschland die rapide ansteigenden *Flüchtlingszahlen* bewältigen werde. Neben weltweiter Anerkennung und Zustimmung, so wird der Satz als Germanismus in ausländischen Zeitungen und sogar in Lehrmaterialien verwendet, erntete die Bundeskanzlerin im In- und Ausland auch scharfe Kritik, da ihre Aussage als Zusicherung aufgefasst wurde, Deutschland werde das *Asylrecht* großzügig auslegen“ [Kuntzsch 2016: 7].

Коннотативный потенциал неологизмов проявляется в порождении коннотации новизны, выделении дополнительных ассоциаций, которые сопровождают культурно-специфические номинации, являющиеся продуктом исторического движения семантики. Как полагает И. В. Арнольд, любое новое слово обладает временной коннотацией новизны, что является одним из основных качеств неологизма. Коннотация новизны будет существовать до тех пор, пока общество воспринимает это слово как новое [Арнольд 1959].

Динамичностью культурно-маркированных коннотаций новообразований, их направленностью на определенный прагматический эффект высказывания обусловлена амбивалентность оценочной коннотации, что приводит к *коннотативной дивергенции* неологизмов. В современном немецкоязычном политическом дискурсе, текстах массмедиа можно обнаружить амбивалентность оценочной коннотации в зависимости от интенции отправителя информации. Чаще всего наблюдается перекаатегоризация, транспозиция положительной оценки на отрицательную. Для иллюстрации приведем следующие примеры:

Gutmensch: слово включено в список „Unwort des Jahres 2015“: „2015 seien Zeitgenossen als ‚Gutmenschen‘ beschimpft worden, die sich ehrenamtlich in der Flüchtlingshilfe engagiert oder die sich gegen Angriffe auf Flüchtlinge stellten“. <...> Früher habe sich das Wort niemals gegen humanistische Werte gewandt — doch irgendwann sei es „gezielt gekapert worden“ [Sprachdienst Germanistik 2016: 1—2].

Wutbürger: „In manchen Artikeln wurde das Wort **Wutbürger** als positiv besetzt angesehen und die **Wutbürger** selbst als ein Zeichen dafür, dass keine allgemeine Politikverdrossenheit in Deutschland herrscht und die Bürgerinnen und Bürger sehr wohl Interesse haben, welche politischen Entscheidungen auf welche Weise getroffen werden, und welche Möglichkeiten zur Mitbestimmung einfordern. Andere Kommentare sahen Wort und Phänomen des **Wutbürgers** eher negativ, das Gefühl der Wut, von dem die Proteste getragen wurden als nicht konstruktiv und damit die **Wutbürger** als Personen, die sich vor allem gegen etwas wenden, ohne einen positiven Entwurf dageganzusetzen“ [Frank 2011: 1—2].

Willkommenskultur:

- „Der Begriff **Willkommenskultur** bezeichnet erstens eine positive Einstellung von Politikern, Unternehmen, Bildungseinrichtungen, Sportvereinen und anderen Institutionen für Migranten. Zweitens drückt der Begriff den Wunsch aus, dass Migranten allen Menschen, denen sie begegnen, willkommen sein mögen, dass sie insbesondere keinen Diskriminierungen ausgesetzt werden. Drittens bezeichnet das Wort **Willkommenskultur** die Gesamtheit aller Maßnahmen, durch die eine positive Haltung gegenüber Migranten bei anderen gefördert und dem Gefühl von Migranten, willkommen zu sein, eine Grundlage in der Realität gegeben werden

soll“. [Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts. URL: <http://www.dwds.de/>].

- „Stifterisches Engagement ist begründet in dem gesellschaftspolitischen Ziel, Menschen mit Migrationshintergrund die gleichen Chancen in der Bildung zu ermöglichen“ [Rodriguez 2016: 37].
- „<...> ist ein Wort, das von vielen Politikern genutzt wurde, um die Bereitschaft zu beschreiben, Menschen aus anderen Ländern in Deutschland aufzunehmen. Die Rede war 2014 aus gegebenem Anlass vor allem aus Kriegs- und Krisengebieten. Allerdings gibt es auch zahlreiche Beispiele dafür, wie viele Menschen in Deutschland offenbar vielen Bürgern **nicht willkommen** sind“ [Frank 2011: 5].
- „Die schönen Bilder sind verblasst — und auch mit der **Willkommenskultur** ist es nicht mehr weit her. Vor zwei Jahren sah es noch eine Mehrheit positiv, dass sich Flüchtlinge in Deutschland heimisch fühlen. Inzwischen überwiegt die Ablehnung dessen“ [Sommer 2016].

Перекатегоризация аксиологического признака наблюдается и при словообразовании неологизмов. В процессе образования префиксальных неологизмов, производных от глагольных основ, префикс **ent-** придает глаголам значение «лишение, снятие ч.-л.» и предполагает сочетаемость с основой, обозначающей предмет, явление, которое может быть снято, устранено. В результате нарушения внутренней валентности при сочетаемости данного префикса с глагольной основой, не содержащей признака, подвергаемого устранению и маркированного положительной оценкой, в следующих новообразованных глаголах осуществляется транспозиция положительной оценки на отрицательную:

entfreunden „<...> wir *entfreunden*, die wir nicht mehr in unserer Kontaktliste wissen möchten <...>“ [Zeit-Wörter 2/2015: 101].

entfolgen: „<...> wir *entfolgen* einen Nutzer (oder sogar einem Nutzer — Dativ?), dessen Beiträge wir nicht mehr lesen möchten“ [Ebenda].

Экстралингвистический аспект

Денотативный статус новообразований, содержание смысловых компонентов классифицирующего характера, связан с проявлением языковой рефлексии коммуникантов, динамичным процессом категоризации объектов и событий окружающего мира. Мысленное соотнесение новообразований с определенной категорией, их отнесенность к фактам действительности (референтам, денотатам), *референциальная соотнесенность*, приводит на уровне языка к выделению семантических блоков, наиболее востребованных тематико-понятийных сфер функционирования новообразований.

По критерию продуктивности употребления новообразований в немецком языке за последние пять лет выявлены следующие смысловые блоки:

- **ПОЛИТИКА** (внешняя и внутренняя): Lichtgrenze, bahnsinnig, Wutbürger, Gutmensch, Willkommenskultur, durchwinken, Selektionsliste, Pegida, Fragida, Legida, Bagida, Kögida, Dügida, Bär-gida, Terror-Tourismus, Selektionsliste, Grexit, Brexit, Euro-Maidan, Gaststreit, Putinverstehier, Russlandverstehier; „Wir schaffen das!“;
- **МАССМЕДИА**: Freifunk; Show-Rooming: „Es bezeichnet den Trend, dass Kunden sich zunächst in einem Verkaufszentrum (Show-Room) beraten lassen, danach aber von zu Hause aus im Internet kaufen, um das günstigste Angebot zu ergattern“ [Frank 2015: 9]; Anstupsen, Anstupserei: „<...> es bezeichnet eine Verhaltenslenkung der Nutzer“ [Frank: 8—9]; Twitteratur, Twittritik, entfrenden, entfolgen, liken: „<...> wir drücken den *Gefällt-mir-Knopf*, wenn es uns ein ins Netz gestellter Inhalt gefällt <...>“ [Zeit-Wörter: 1/2015: 101]; Smombie;
- **НАУКА И ТЕХНИКА**: Selfie-Stab: „<...> eine Art Stativarm, mit dem das Smartphone beim Anfertigen von Selbstporträts (*Selfies*) im größerem Abstand gehalten, das Motiv somit nicht verzerrt und der Hintergrund umfassender abgebildet werden kann“ [Kuntzsch 2016: 10]; Helfie: „<...> ein Foto von eigenen Haaren, Drelfie, ein Selfie im betrunkenen Zustand, Belfie: ein Foto vom eigenen Hinterteil“; Smart-Watch, „<...> eine (intelligente) Uhr mit Computerfunktionalität“; Friedensdrohne, Arznei-Drohne, Pizza-Drohne, Facebook-Drohne, Foto-Drohne, Fensterputz-Drohne; Mogel-Motor: „<...> ist ein Teil und Symbol des *VW-Skandals* (*Abgasskandal*, *Diesel-Affäre*)“ [Kuntzsch 2016: 10—12];
- **ЭКОНОМИКА**: schwarze Null; Zinsschmelze, Minus-Zins: „Es lohnt sich wegen der europäischen Geldpolitik für Privatleute immer weniger, Geld anzusparen. Diese Entwicklung hat sich 2014 noch weiter verschärft. Statt von niedrigen Zinsen, die zum Teil nicht einmal die Inflationsrate auszugleichen, war nun die Rede von *Minus-Zins*, *negativem Zins* <...>“ [Frank 2015: 5];
- **СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ**: Social Freezing: „<...> bezeichnet die Möglichkeit unbefruchtete weibliche Eizellen einzufrieren und für eine spätere Befruchtung zu konservieren“ [Frank 2015: 9]; Flexit-Rente, Generation Kopf unten;
- **СПОРТ**: Götzseidank; Freistoßspray: „Das so benannte Produkt <...> soll dem Schiedsrichter ermöglichen, den vorgeschriebenen Abstand zwischen einem Freistoßschützer und den gegnerischen Verteidigern zu markieren“ [Frank 2015: 11]; Schummel-WM: „<...> steht es im Zusammenhang mit dem weltweit populärsten Sport: mit dem Korruptionsskandal beim Weltfußballverband Fifa (*Fifa-Affäre*, *WM-Affäre*)“ [Kuntzsch 2016: 13]; Vuvuzella: „Die in Südafrika traditionell von Fußballfans benutzte Plastiktröte wurde anlässlich des Turniers auch in Deutschland verkauft“ [Frank 2011: 7].

- **здоровье:** Flexitarier; SMS-Daumen: „So erfuhren wir vor einigen Jahren bereits von einer Krankheit namens *SMS-Daumen*. Durch das stetige Schreiben von SMS wurde der Finger überstrapaziert“ [Frank 2015: 8]; Handy-Akne: „So gibt es auch das Phänomen der *Handy-Akne*, einen Ausschlag im Gesicht, der dadurch bedingt ist, dass ein hygienisch nicht einwandfreies Mobiltelefon über längere Zeit an die Wange gehalten wird“ [Ebenda].
- **экология:** Aschenwolke: „In viel konkreter Weise waren zahlreich Menschen von einem Naturereignis betroffen, der *Aschenwolke*. Im Frühjahr 2010 brach auf Island Eyafjallajökull aus und überzog Europa mit besagter Aschenwolke, die den Flugverkehr zeitweilig zum Erliegen brachte“ [Frank 2011: 6];

Весьма перспективное исследование динамичных процессов неологии на различных уровнях функционирования немецкого языка представляет особую значимость для лингвокультурологии, лексикографии, лингводидактики и транслатографии.

Литература

- Арнольд 1959 — *Арнольд И. В.* Лексикология современного английского языка. М., 1959.
- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. 2-е изд. М., 1990.
- Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts // URL: <http://www.dwds.de/>
- DUW 1996 — Duden Deutsches Universalwörterbuch. — 3. völlig neu bearb. und erweit. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl., 1996.
- Frank 2011 — *Frank N.* Wutbürger, Mitbürger, Gutbürger und Vuvuzela // Der Sprachdienst. H. 1 (2011). S. 1—8.
- Frank 2015 — *Frank N.* Lichtgrenze einen Kick vor dem WM-Titel // Der Sprachdienst. H. 1 (2015). S. 1—12.
- Heller 1988 — *Heller K.* Theoretische und praktische Probleme der Neologismen-lexikographie. Überlegungen und Materialien der in der Allgemeinsprache der DDR gebräuchlichen Neologismen. Leipzig, 1988.
- Herberg 2002 — *Herberg D.* Neologismen in der deutschen Gegenwartssprache. Probleme ihrer Erfassung und Beschreibung // DaF. H. 4 (2002). S. 195—200.
- Jugendwort des Jahres 2015 — Smombie // Der Sprachdienst. H. 6 (2015). S. 208—210.
- Kuntzsch 2016 — *Kuntzsch L.* Flüchtlinge, Je suis Charlie, Grexit // Der Sprachdienst. H. 1 (2016). S. 1—15.
- Loskant 1998 — *Loskant S.* Das neue Trendwörter-Lexikon. Das Buch der neuen Wörter. Gütersloh; München, 1998.

- Riesel 1975 — *Riesel E., Schendels E.* Deutsche Stilistik. M., 1975.
- Rodriguez 2016 — *Rodriguez I.* Die richtige Willkommenskultur // Die Zeit. № 14. 23. März (2016). S. 37.
- Römer 2010 — *Römer Ch., Matzke B.* Der deutsche Wortschatz. Tübingen, 2010. S. 80—83.
- Schippan 2002 — *Schippan Th.* Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen, 2002.
- Sommer 2016 — Wo stehen die Deutschen heute? // URL: www.spiegel.de/politik/deutschland/Fluechtlinge
- Steffens 2014 — *Steffens D., Nikitina O.* Deutsch-russisches Neologismenwörterbuch. Neuer Wortschatz im Deutschen 1991—2010. 2 Bde. Mannheim, 2014. / URL: <http://pub.ids-mannheim.de/laufend/eigenverlag/eigen33.html>
- Sprachdienst Germanistik — Sprachdienst Germanistik H. 2 (2016). S. 1—3.
- Zeit-Wörter — Der Sprachdienst. H. 1 (2015). S. 47—49.
- Zeit-Wörter — Der Sprachdienst. H. 2 (2015). S. 100—101.
- Zeit-Wörter — Der Sprachdienst. H. 4—5 (2015). S. 177—178.

ZUSAMMENFASSUNG

Neubildungen im Spiegel der Globalisierung: Referenzbezug, konnotative Divergenz

Innovative Tendenzen im Wortbestand des Deutschen werden als Resultat sprachlicher Reflexion der Sprachgemeinschaft, ihres Bedürfnisses nach kommunikativer Prägnanz, bedingt durch dynamische Veränderungen im Zeitalter der Globalisierung in allen Sphären des menschlichen Zusammenlebens betrachtet. Im intralinguistischen Aspekt wird auf semantische und wortbildende Derivationsprozesse, Referenzbezug, konnotative Divergenz und axiologische Ambivalenz von Neubildungen eingegangen. Im extralinguistischen Aspekt wird die Relevanz einzelner Gebrauchssphären von Neologismen festgestellt.

И. В. ИВАНОВА

(Российский университет дружбы народов)

ЯЗЫКОВЫЕ СЛЕДСТВИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: АНГЛИЦИЗМЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Культурный и языковой обмен между Британией и Германией осуществлялся в течение многих веков. Английский и немецкий языки относятся к германской группе индоевропейских языков, в ходе исторического развития они испытывали взаимное влияние. Однако количество заимствований из одного языка в другой в пропорциональном отношении неравномерно. Число германизмов в английском бытовом языке по сравнению с англицизмами в немецком незначительно, особенно это воздействие снизилось во второй половине XX в.

С другой стороны, влияние английского языка на немецкий постепенно росло и в новое и новейшее время стало наиболее явным. В средние века доля английских заимствований в немецком языке была небольшой, в основном в церковном языке и языке мореплавателей (ср. *heilago geist* (*Heiliger Geist*), *Dock*¹). С середины XVII в. некоторое количество англицизмов появилось в немецком политическом языке, но все же основное влияние на европейские языки в этот период оказывали латынь и французский. В XVIII в. в результате тесных культурных контактов Англия стала популярной в Европе в первую очередь благодаря появившимся литературным переводам. С начала XIX в. английский язык превратился в язык образования (*Bildungssprache*) в Германии. В течение всего XIX в. в ходе индустриальной революции число английских заимствований в немецком языке значительно увеличилось преимущественно в сферах промышленности и модных видах спорта того времени (ср. *Lokomotive*).

В XX в. в процессе глобализации английский язык в его англо-американском варианте оказывает наибольшее воздействие на немецкий язык, особенно в компьютерной терминологии, лексике из областей интернет-общения, поп-культуры (с продвижением англоязычной музыки и фильмов по радио и частным телеканалам (с 1984 г.)). До 1970-х гг. английские реалии чаще калькируются, нежели заимствуются (ср. *Kalter Krieg* < engl. *Cold war*; *Gehirnwäsche* < engl. *Brainwashing*).

¹ Английское происхождение этого слова не доказано. Возможно, оно восходит к нидерландскому (см.: *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen* 2000).

Общепотребительная лексика литературного языка и лексика профессиональных и специальных языков (языков для специальных целей) отличаются друг от друга некоторыми особенностями. Лексика этих специальных областей ограничивается употреблением в определенной среде: профессионализмы используются в соответствующем профессиональном кругу, жаргонизмы — в группах людей, связанных образом жизни, общими непрофессиональными интересами [Словарь социолингвистических терминов 2006] или возрастными особенностями.

Английский язык оказывает значительное воздействие на немецкие профессиональные языки, что вызвано в первую очередь инновациями в сфере техники и в естественных науках, в которых Соединенные Штаты играют в настоящее время ведущую роль. Кроме того, всеобщая интернационализация профессиональной лексики приводит к терминологической унификации. Особенно глубоко влияние английского языка в современном немецком профессиональном языке электротехники и компьютерных технологий, а также в языке средств массовой информации

В контексте нашей работы мы хотели бы подробнее остановиться на специальном языке немецкой рекламы. Исследователи называют язык рекламы, воротами, через которые англицизмы врываются в немецкий язык.

В 2003 г. в журнале *Der Spiegel* отмечалось, что английский язык стал самым популярным в среде немецких специалистов в области рекламы, и за последние годы это явление только усиливается и воспринимается некоторыми критиками как излишнее (см. *Verein Deutsche Sprache*).

Реклама — это особая форма коммуникации, в которой язык используется и обрабатывается самыми разнообразными способами.

Коммуникация осуществляется различными путями: с применением музыки, статичных или движущихся картинок, разговорным или письменным языком в комбинации друг с другом или по отдельности — все это служит для увеличения продаж. Но именно язык оказывается особенно важным в этом контексте — трудно представить себе рекламу, где бы ни использовался языковой знак — буквы, логogramмы или цифры.

Язык рекламы — это язык для специальных целей, обладающий дополнительной аттрактивной или рекламной функцией, в котором, помимо языковых ресурсов, употребляются невербальные и неязыковые средства, что облегчает использование рекламы на фоне глобализационных процессов.

Англицизмы применяются в индустрии рекламы с целью влияния на покупателей и обращения покупки и продажи в свою пользу. Язык рекламы неоднократно анализировался немецкими лингвистами: Römer (1980), Gawlitta (2001), Janich (2001), Kick (2004), Androutsopoulos et al. (2004).

Обращалось внимание на то, что с англицизмами связываются положительные ассоциации. Устанавливалась зависимость англицизмов и понятий прогресса, инноваций, открытости миру [Androutsopoulos et al. 2004], а также гедонистических ценностей, таких как индивидуальность, успех, наслаждение свободным временем, стиль жизни, трендовость.

Таким образом, иноязычная реклама направлена на определенные группы реципиентов — на «людей мира», образованных, ориентированных на успех, будущее и развлечения. В связи с этим на немецком рынке стала появляться реклама полностью или частично на английском языке, предлагаемая не только зарубежными, но и немецкими фирмами.

В рекламе находят применение средства общеупотребительного, повседневного языка, что позволяет максимально приблизиться к адресату. Под повседневным языком понимается бытовой язык, содержащий зачастую элементы вариативности, отражающие социальный статус, возраст, региональную принадлежность говорящего. Для каждой целевой аудитории используются дополнительные элементы, заимствуемые, например, из языка молодежи или профессиональных языков. Сознательное употребление англицизмов связано с рядом причин. Во-первых, многие компании пользуются интернационализмами для продвижения товаров на мировом рынке, поскольку английский язык позволяет применить игру слов. Например, швейцарский энергетический концерн получил признание в мире под названием *Alpig* ('*Alp*' — начальный элемент слова Альпы, '*pic*' — напоминает английское *peak* — 'вершина'; '*iq*' — *IQ*, образ интеллектуальных решений в области энергетики); японская фирма «Нинтендо» выпустила в продажу портативное игровое устройство *GAMEBOY* (*game* — англ. 'игра', *boy* — англ. 'мастер, молодец'); во многих странах известен немецкий интернет-портал знакомств *Partship* (*Partner* — 'партнер', *ship* — англ. 'экипаж, команда'); сеть ресторанов Макдональдс призывает в своей рекламе: *Kau, boy* (по аналогии с *cowboy* — англ. 'ковбой', *kau* — нем. 'жуй', *boy* — англ. 'парень').

Во-вторых, коммуникант прибегает к престижной англоязычной лексике, чтобы подтвердить свой уровень образования. Англицизмы нередко звучат как научные термины, и их понимание прибавляет людям чувство превосходства над другими. Даже если англоязычные слоганы не совсем понятны, они придают рекламируемой продукции эксклюзивную окраску: *Altana: Mobility with Altana*; *DHL: Excellence. Simply delivered*; *FedEx: Connect your business to a changing world*; *Ferrero: Learn. Act. Grow*; *Henkel: Excellence is our passion*; *Mido: A mark of true design*; *Renault: Drive the change*.

Основной целью употребления англицизмов можно считать стремление оказать определенное воздействие на покупателя. Слоганы должны легко запоминаться и узнаваться, в то время как заголовки служат целям представления информации, содержащейся

в основном тексте рекламного объявления [Androutsopoulos et al. 2004]. Для того чтобы слоганы (в языке немецких специалистов в области рекламы английские обозначения *Slogans, Claims*) пробуждали интерес покупателей, рекламные фирмы не только используют уже существующие в языке слова, но и разрабатывают новые, для чего привлекаются целые организации. Самый высокий процент псевдоанглицизмов (66,4 %) содержится именно в языке рекламы, например: *Handy* (мобильный телефон) < от англ. *handy* = удобный (для пользования), полезный, практичный; *Oldtimer* (старая модель (автомобиля, парохода, самолета и т. п.)) < англ. старожил, ветеран; *Pullunder* (вязаная безрукавка) < образовано по аналогии с *Pull-over* из англ. *to pull* = тащить, *under* = под (пиджаком); блеск для губ *Colorshow Lipgloss* Maybelline < engl. *Color* = цвет, *show* = шоу, *lip gloss* = блеск для губ; молочко для тела *Cremepflaster Bodyrepair* (Garnier) < engl. *body* = тело, *to repair* = восстанавливать; лосьон *Pure Fect Skin Lotion* (Biotherm) < engl. *pure* = безупречный, чистейший, *effect* = эффект, *skin* = кожа.

Англоязычные слоганы связаны с определенными товарными группами — областями, в которых англицизмы используются особенно широко. К таким областям традиционно относятся компьютерные, интернет- и телекоммуникационные технологии, изделия вкусовой промышленности (например, табак), модные товары (одежда), машины. Анализ сайта *slogans.de*, проведенный немецкими исследователями в 2004 г., подтвердил значительный процент содержания англоязычных слов в этих сферах [Androutsopoulos et al. 2004]. В то же время такие отрасли, как продукты питания, лекарственные средства и политическая реклама, пользуются преимущественно немецкими слоганами. С немецким языком связываются понятия «национальный», «традиционный», «хорошо знакомый». Выбор немецкого языка для политических слоганов направлен на такие аспекты, как ощущение себя гражданином государства, для слоганов фарминдустрии — на основную человеческую потребность в укреплении здоровья и т. д. [Ibid.: 24].

Приведем несколько рекламных слоганов из разных областей на немецком и английском языках.

Продукты питания: *Badischer Wein: von der Sonne verwöhnt; Meggle, Rustikal Baguette: Dunkel, körning, lieb 'ich!; Mineralwasser Gerosteimer: Das Wasser mit Stern; Müller. Reine Butter Milch: Gewohnt rein. Unge-
wohnt praktisch; Ritter Sport: Quadratisch. Praktisch. Gut.*

Фарминдустрия. Фармакологические концерны: *Schwabe: Mit der Natur. Für die Menschen; Kneipp: Wirkt. Natürlich. Лекарственные средства: Die Kraft der zwei Herzen; Hexal: Arzneimittel Ihres Vertrauens; Tomapyrin: Auf den Punkt gegen Kopfschmerzen.*

Политические лозунги (звучавшие в 2013 г. на выборах в Бундестаг): *CDU/CSU: Gemeinsam erfolgreich für Deutschland; SPD: Das Wir entscheidet; FDP: Nur mit uns; Die Linke: 100 % sozial.*

Литература

- Словарь социолингвистических терминов 2006 — Словарь социолингвистических терминов 2006. М.: Институт русского языка РАН, 2006.
- Androusoopoulos et al. 2004 — *Androusoopoulos J., Bozkurt N., Brennick S., Kreyer C.* Sprachwahl im Werbeslogan. Zeitliche Entwicklung und branchenspezifische Verteilung englischer Slogans in der Datenbank von slogans.de. № 41. (NET.WORX). 2004.
- Gawlitta 2001 — *Gawlitta L.* Akzeptanz englischsprachiger Werbeslogans: Let's Make Things Better. Paderborn: IFB Verlag, 2001.
- Janich 2001 — *Janich N.* Werbesprache. Ein Arbeitsbuch. Tübingen: Narr, 2001.
- Kick 2004 — *Kick I.* Die Wirkung von Anglizismen auf die Werbung. „Just do it“ oder lieber doch nicht. Paderborn: IFB Verlag, 2004.
- Roemer 1980 — *Roemer R.* Die Sprache der Anzeigenwerbung, Sprache der Gegenwart. Duesseldorf : Schwann, 1980.

Электронные источники

- Beck's — URL: <http://www.becks.de/>
- C&A in Deutschland — URL: <http://www.cunda.de/>
- C&A in Österreich, am 01.05.09 gesehen — URL: <http://www.cunda.at/>
- Deutschlandradio; Graf, Heinz-Jörg (2007): Das „Denglisch“ — Problem — URL: <http://www.dradio.de/dlf/sendungen/hiwi/651152/>
- Douglas in Deutschland — URL: <http://www.douglas.de/douKlas/>
- Douglas in den Niederlanden — www.douglas.nl
- Kundenoffensive: Es war einmal... Die Geschichte der Werbung — URL: <http://www.kundenoffensive.de/es-war-einmal-die-geschichte-der-werbung/>
- Denglisch // Verein Deutsche Sprache — URL: <http://vds-ev.de/denglisch/index.php>
- Slogans.de. Die Datenbank der Werbung — URL: <http://www.slogans.de/>

ZUSAMMENFASSUNG

Sprachliche Folgen der Globalisierung: Anglizismen im Deutschen

In diesem Beitrag wird die Rolle von Anglizismen in der modernen deutschen Sprache, und insbesondere in der Sprache der Werbung, betrachtet. Die Werbung und ihre Slogans sind in Deutschland in grossem Maße von den Anglizismen beeinflusst. Wir haben versucht, zu erforschen, wie, die Deutschen diesen Einfluss beurteilen.

Е. О. ТУМАНОВА

(Московский городской университет управления
Правительства Москвы)

ЯВЛЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ АФОРИСТИКЕ

Политическая сфера является неотъемлемой частью национальной культуры. В индивидуальном и коллективном сознании носителей языка существует целостная совокупность образов окружающего мира, которая в лингвистике обозначается как «языковая картина мира». Многокомпонентное объединение ментальных единиц в сознании носителей языка, относящихся к сфере политической коммуникации, обозначается как «языковая картина политического мира» [Чудинов 2006: 43]. К ментальным единицам, существующим в сознании, относятся концепты, стереотипы, ценности и многое другое, что зафиксировано в языке при помощи слов, выражений, афоризмов, фразеологизмов, которые формируют у человека как носителя культуры (в том числе и политической культуры) определенное представление о мире, его категориях и оценке происходящего.

Каждый политический текст следует рассматривать только в контексте той политической ситуации, в которой он был создан, т. е. следует учитывать совокупность всех текстов и исторических реалий, относящихся к конкретному историческому и политическому событию. А. П. Чудинов отмечает, что следует обязательно учитывать ту «роль, которую этот текст может играть в системе политических текстов, и шире — в политической жизни страны» [Чудинов 2006: 8].

По мнению Е. И. Шейгал, афористике в политическом дискурсе отведена значительная роль благодаря тому, что в семантике афористических изречений содержится «обширный пласт знаний, отражающих опыт бытия Homo politicus» [Шейгал 2005: 203].

Политическая афористика представляет собой при этом «языковые рефлексy политическoй коммуникации», т. е. некий культурный след, оставляемый активно действующими агентами политической коммуникации в языке [Шейгал 2005: 203]. К политическим афоризмам принадлежат изречения политиков и ведущих политических деятелей, разнообразные популярные фразы и выражения,

которые могут войти благодаря своей частой воспроизводимости в фонд прецедентных высказываний той или иной лингвокультуры. Таким образом, политическую афористику следует рассматривать как особую подсистему «знаков политического дискурса, план содержания которых составляет множество суждений о политике» [Шейгал 2005: 203—204].

Политическая афористика представляется неоднородным структурированным множеством, объединяющим целый ряд афористических жанров: пословицу, максимум, заголовок, лозунг, девиз, программное заявление, фразу-символ, индексальную фразу.

Условно все политические афоризмы представляется возможным разделить на три значимые группы.

1. Философские изречения о политике, часто именуемые как «мудрые мысли», создателями которых могут являться не только политические деятели, но и знаменитые личности, не связанные с политикой, а просто рассуждающие о ней. К таким изречениям мы можем отнести следующие высказывания: „Der Teufel wußte nicht, was er tat, als er den Menschen politisch machte“ (William Shakespeare), „Wie überall, so in der Politik, ist die Kunst älter als die Wissenschaft“ (Lothar Bucher), „Grundlage der Politik ist der Kompromiß“ (Gustav Freytag), „Wahrhaftigkeit und Politik wohnen selten unter einem Dach“ (Stefan Zweig). На немецкоязычном сайте „Aphorismen.de“, содержащем более 200 000 различных афоризмов как немецкоязычных авторов, так и переведенных на немецкий язык изречений, в рубрике «Politik» представлено 983 афористических изречения о сущности и значении политики.

2. Изречения выдающихся политических и исторических деятелей. Одним из самых популярных немецкоязычных авторов политических афоризмов, многие из которых стали крылатыми выражениями, является Отто фон Бисмарк. К самым известным его изречениям относятся: „Ein braves Pferd stirbt in den Sielen“, „Politik ist die Kunst des Möglichen“, „Setzen wir Deutschland in den Sattel“, „Vergeben, aber nicht vergessen“, „Besser heiße Kugeln, als heiße Worte“, „Wir Deutsche fürchten Gott, aber sonst nichts in der Welt“, „Mit Gesetzen ist es wie mit Würstchen. Es ist besser, wenn man nicht sieht, wie sie gemacht werden“. Некоторые из подобных изречений могут не относиться к сфере политической деятельности, а скорее быть связанными с многочисленными аспектами человеческого бытия.

На упомянутом ранее сайте среди изречений немецких политиков о политической деятельности и власти, о войне и мире, о законах и правительстве встречаются и такие темы, как „Gut & Böse“, „Erziehung“, „Natur, Schöpfung“, „Glaube“ и проч. Следует объединить отобранные 524 изречения немецких политиков по группам в соответствии с представленными в них концептами. На рисунке можно определить наиболее популярные концепты, которые встречаются в афоризмах значимых политических деятелей Германии.

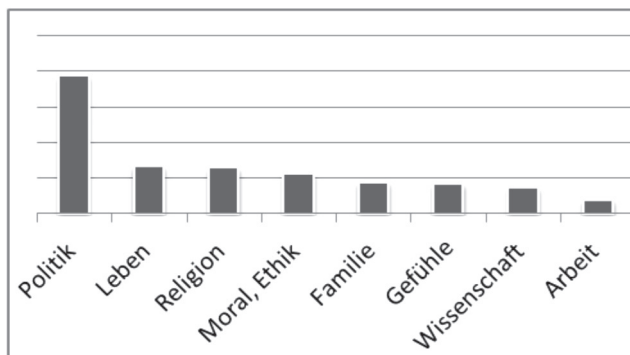

Рис. 1

3. Политические афоризмы как средство агитационной борьбы, к которым относятся политические лозунги, слоганы предвыборных кампаний, а также их многочисленные народные интерпретации.

При описании данной группы уместно употребление термина «прецедентный политический афоризм». В германистике уже существуют некоторые исследования в области прецедентности немецкоязычных афоризмов, так, прецедентными афоризмами, ставшими частью фразеологического фонда немецкого языка, принято считать «афоризмы, которые стали пословицами или крылатыми выражениями», т. е. единицы, обладающие всеми свойствами языковых единиц, таких как общеупотребительность, устойчивость, узнаваемость, лапидарность, кодифицированность, общенародность и воспроизводимость [Туманова 2012: 85].

Согласно проведенному количественному анализу немецкоязычных афоризмов и афористических изречений общее число так называемых «прецедентных афоризмов» в немецком языке не превышает 670 единиц, что представляет собой менее 1% в соотношении с «непрецедентными афоризмами» [Туманова 2012: 125].

Прецедентные афоризмы как устойчивые единицы языка воспроизводятся в многочисленных типах дискурса, употребляются в качестве цитат, подвергаются трансформациям и модификациям. Политическими прецедентными афоризмами стоит считать устойчивые выражения, связанные в сознании носителей немецкого языка с конкретными политическими ситуациями и ставшие частью фонда крылатых единиц немецкого языка.

Во всех случаях можно говорить о возможности отнесения политических афоризмов к идеологемам языка, т. е. единицам, отражающим в определенной степени политическую аксиологию и политические взгляды продуцента дискурса, который посредством этого дискурса стремится к формированию соответствующей системы идеологических установок или к навязыванию этих установок рецепи-

енту без стремления к эксплицитной объективации. Политические афоризмы становятся неотъемлемой частью языковой картины политического мира носителей языка.

Политические афоризмы являются разновидностью прецедентных текстов. Прецедентные тексты, в свою очередь, выступают «языковыми “свидетелями” событий», на показаниях которых «может быть адекватно воссоздана история общества на самых трудных этапах его существования» [Трошина 2010: 105].

Значительный интерес для изучения представляют разнообразные явления заимствований политических афоризмов. На основании результатов проведенного анализа можно выделить четыре направления заимствований в политической афористике. В качестве первого направления заимствований следует обозначить дословный перевод целых афористических фраз из других языковых культур, но с изменением их идеологической направленности. Наглядным примером заимствований такого рода может служить слоган „Schwarz ist schön“ (англ. Black is beautiful), который впервые прозвучал во время демонстраций в США в 60-х гг. прошлого века, а спустя десятилетие стал лозунгом предвыборной кампании ХДС/ХСС. Англоязычный лозунг „Black is beautiful“ стал призывом к борьбе с сегрегацией в США, которой подвергались чернокожие жители, не имевшие ни права участия в выборах, ни права обучения в общих школах. Данный слоган призывал принять законопроект о правах чернокожих жителей и защитить их от расовой дискриминации. Однако идентичный ему лозунг ХДС/ХСС, созданный в 1970-е гг., не имел ничего общего с борьбой за десегрегацию общества. Создание лозунга основано на принятой в немецкоязычной политической культуре цветовой символике.

Монохромные цвета имеют в каждой культуре свое символическое значение, в большинстве европейских стран цветковое восприятие совпадает, например, красный цвет обозначает опасность, белый — чистоту и невинность, черный символизирует смерть и траур, золотой — богатство, зеленый — природу и т. п. Помимо общепринятых культурных характеристик цвета обладают социальными характеристиками, связанными с указанием на положение или статус, на принадлежность к определенному роду войск и званию. Цветообозначения в немецкой ментальной культуре имеют множество смыслов, приобретенных под действием исторических, политико-идеологических, культурно-традиционных и собственно языковых факторов [Керимов 2013: 108]. Черный цвет в немецкоязычной лингвокультуре относится к политически активным обозначениям и является одним из цветов государственного флага ФРГ. По одной из версий, данный цвет символизирует землю, так как черный цвет — ее фактический цвет [Керимов 2013: 116]. Идеология партии «Христианско-демократический союз» в послевоенной Западной Германии заключалась в борьбе за права населения, при этом

особое место в политической борьбе партии занимало привлечение на свою сторону крестьян и фермеров, непосредственно связанных с землей. По мнению Р. Д. Керимова, в дальнейшем черный цвет стал ассоциироваться с консервативной идеологией, а субстантивированное прилагательное „*der/die Schwarze*“ может обозначать консервативных политиков и деятелей ХДС. С другой стороны, данное прилагательное может быть использовано вместо политически корректного эвфемизма „*der/die Farbige*“ (букв. цветной), обозначающего выходцев с африканского континента [Керимов 2013: 118]. Однако в современных словарях серии «ДУДЕН» субстантивированное прилагательное „*die Schwarze*“ имеет всего одно значение, синонимичное лексемам „*Afrikaner / Afrikanerin*“, „*Afroamerikaner / Afroamerikanerin*“, „*Farbiger / Farbige*“ [Duden online]. Аналогичное прилагательное мужского рода имеет тем временем три значения, среди которых: 1. обозначение человека с темной кожей; 2. *уст.* черт; 3. *австр.* чашка черного кофе [Duden online], в то время как случаи употребления описываемого прилагательного фиксируются в Электронном словаре немецкого языка DWDS, например: „*Nicht ohne eine gewisse Häme formulierten also die Schwarzen ihren Slogan zur Bundestagswahl...*“ [Hars 1999: 27]. „*Zu allem Überfluß hatte er es sich in den Kopf gesetzt, den Schwarzen die knapp zwei Dutzend NPD-Wahlmänner einfangen zu sollen*“ [Brandt 1997: 233].

На примере лозунга „*Schwarz ist schön*“ мы можем говорить только о частичном заимствовании в виду отсутствия подтверждающей базы, единственным основанием для подобной гипотезы служит темпоральный критерий появления афоризмов. В то время, как данный лозунг был популярен в США в шестидесятые годы прошлого века, коалицией ХДС/ХСС он был использован позднее — в семидесятые годы [Duden 2002: 82].

В качестве второго направления заимствований политических афоризмов следует выделить заимствование лозунгов и изречений (их дословный перевод) с сохранением изначально созданной идеологической мысли. Множеством примеров таких заимствований являются лозунги ГДР, которые являлись зеркальным отражением советской идеологии: „*Es lebe der Sozialismus*“, „*Ewige Freundschaft mit den Völkern der Sowjetunion!*“

Третьим направлением заимствований можно считать заимствование идеологической мысли. Одним из интересных примеров подобного заимствования можно считать крылатые слова „*Blut, Schweiß und Tränen*“ (англ. Blood, sweat and tears), которые принадлежат Уинстону Черчиллю. Данные слова появились в его первой речи «Кровь, тяжелый труд, слезы и пот» (англ. Blood, toil, tears, and sweat), произнесенной им в качестве премьер-министра 13 мая 1940 г. перед палатой общин после вступления Великобритании во Вторую мировую войну. Данная цитата относится к заключительной части его выступления: „*I would say to the House, as I said to those*

who have joined this government: 'I have nothing to offer but blood, toil, tears and sweat'". (нем. „Ich möchte dem Haus sagen, was ich zu denjenigen sagte, die sich dieser Regierung angeschlossen haben: ‚Ich habe nichts anzubieten als Blut, Mühe, Tränen und Schweiß‘“) [The Churchill Center].

Стоит обратить внимание, во-первых, на лежащую в основе крылатой единицы риторическую фигуру «триколон», которая является одним из подвидов сравнения как амплифицированной фигуры, позволяющей использовать множество изобразительных средств для увеличения протяженности и метафоричности текста. Однако в отличие от метафоры сравнение «обладает меньшей слитностью, большей самостоятельностью компонентов в сложном представлении, возникающем при их сопряжении» [Хазагеров, Ширина 1999: 271].

Вероятно, что фигура триколон позволяет выражению легче запоминаться, что приводит к его более частому воспроизведению в отличие от тетраколона, который содержался в исходном названии речи „Blut, Mühe, Tränen und Schweiß“. Кроме того, наблюдается изменение первоначального порядка слов, которое, возможно, связано с поиском благозвучности выражения и переносом двусложного существительного „Tränen“ в конец.

Прецедентность данного политического выражения объясняется тем, что описываемый афоризм встречался в виде фразы «потом и кровью» у Цицерона, позднее у Байрона, а также в произведении 1611 г. Джона Донна. Кроме того, и сам Черчилль уже употреблял их в отношении войны в Испании [Keyes 2007: 15; Langworth 2011: 591]. Некоторые исследователи полагают, что выражение было заимствовано Черчиллем в юном возрасте у народного героя Италии — Джузеппе Гарибальди при подготовке к написанию его биографии [Lukacs 2008: 47], другие ученые указывают на прямое цитирование из речи Теодора Рузвельта перед курсантами Военно-морского колледжа от 2 июня 1897 г. [Walker 2000: 6; Billington 2010: 13].

Отдельно стоит упомянуть лексему „Blut“, которую мы могли бы отнести к группе слов-хронофактов языковой картины политического мира в сознании немецкоговорящего населения. Термин «слова-хронофакты» был предложен З. Е. Фоминой для обозначения слов и выражений, связанных с конкретным фактом (явлением, событием, понятием), свойственным определенному временному отрезку [Фомина 1995]. В силу своей диахронной ограниченности слова-хронофакты могут служить знаками эпохи.

В сознании носителей немецкого языка слово-хронофакт „Blut“ можно соотнести с целым рядом политических афоризмов. Другим примером заимствований являются крылатые слова „Blut und Eisen“ (русс. ‘железом и кровью’), принадлежащие министр-президенту Пруссии Отто фон Бисмарку. Впервые данное выражение встречается 30 сентября 1862 г. во время его выступления перед парламентом. Прецедентность описываемого выражения кроется в том, что

в основу своей речи Бисмарк положил стихи Макса фон Шенкендорфа, который в 1813 г. качестве добровольца участвовал в освободительной войне Германии от наполеоновских оккупантов:

Denn nur Eisen kann uns retten,
Und erlösen kann nur Blut
von der Sünde schweren Ketten,
Von des Bösen Übermuth.

Лексема «Blut» вошла в состав идеологемы „Blut und Boden“, неразрывно связанной с национал-социалистической идеологией. Впервые эта борьба между кровью и почвой была описана в философской работе О. Шпенглера «Закат Европы». Позднее словосочетание встречается в книгах А. Виннига «Освобождение» 1926 г. и «Рейх как республика» 1928 г., обе из которых он начинает с фразы „Blut und Boden sind das Schicksal der Völker (Menschen)“. Теория «крови и почвы» стала частью национал-социалистической доктрины с выходом в 1930 г. книги Рихарда Дарпе „Neuadel aus Blut und Boden“, в которой была подробно описана связь между расовыми, хозяйственными и аграрно-политическими представлениями в идеологии национал-социалистов.

Необходимо упомянуть и о символичности красного цвета в немецкой лингвокультуре, который является одним из цветов немецкого триколора и чаще всего трактуется как «кровь, пролитая самим немецким народом за свое счастье» [Керимов 2013: 113]. В политическом контексте красный цвет трактуется как принадлежность к коммунистической или социалистической партии. В Восточной Германии некоторое время был популярен политический афоризм „Lieber got als tot“. Позднее партия ХДС использовала данный цвет в слогане своей предвыборной кампании в 1994 и 1997 гг.: „Auf in die Zukunft, aber nicht auf roten Socken“, указывая на потребность в смене политического режима в объединенной Германии.

Явление заимствования афористических политических мыслей может быть продемонстрировано на примере слогана предвыборной кампании Конрада Аденауэра 1949 г.: „mit Adenauer für den Frieden, die Freiheit und die Einheit Deutschlands — darum CDU“. Входящая в состав данного афоризма лексема «Freiheit» представляет собой культурно-политический код в языковой картине политического мира носителей немецкого языка. Данная лексема является ключевой в виду того, что она входит в триколон „Einigkeit und Recht und Freiheit“ первой строчки «Песни немцев» — национально-го гимна Германии: „Einigkeit und Recht und Freiheit für das deutsche Vaterland!“.

Примечательно, что тема свободы стала ключевой благодаря всемирно известному лозунгу французской революции 1789 г. „Liberté, Égalité, Fraternité“ (русск. ‘Свобода, равенство, братство’), который

впервые появился в речи 1790 г. Максимилиана Робеспьера «Об организации Национальной гвардии». Позднее данное выражение стало девизом всей Великой французской революции.

Спустя некоторое время лексема „Freiheit“ вошла в политический афоризм Розы Люксембург: „Freiheit ist immer Freiheit der Andersdenkenden“.

Примечательно, что среди отобранных для анализа 206 лозунгов ГДР нет ни одного лозунга, содержащего лексему „Freiheit“, при этом представлены лозунги, содержащие лексемы „Einheit“ — 4 единицы и „Frieden“ — 40 единиц: „Durch Freundschaft mit der Sowjetunion zu Einheit, Frieden und Wohlstand!“, „Der Sozialismus braucht Frieden — der Sozialismus schafft Frieden!“, „Vorwärts für Frieden, Völkerfreundschaft und Sozialismus“, „Wer den Frieden will muss gegen den Krieg kämpfen!“, „Wir lehren, lernen und kämpfen für den Frieden!“.

Единовременно с этим лексемы „Freiheit“ и „Frieden“ часто использовались в лозунгах ХДС, но к моменту объединения Германии исчезли из формулировок: „Es geht um Freiheit — Wählt CDU“ (1949 г.), „Freiheit — Gerechtigkeit — Frieden“ (1949 г.), „Einheit für Deutschland. Freiheit für Europa. Frieden in der Welt“ (1957 г.), „Aus Liebe zu Deutschland: Freiheit statt Sozialismus“ (1976 г.), „Aus Liebe zu Deutschland: Die Freiheit wählen“ (1976 г.), „Für Frieden und Freiheit — CDU“ (1980 г.), „Sicher, sozial und frei“ (1980 г.), „Franz Josef Strauß — Kanzler für Frieden und Freiheit“ (1980 г.), „Helmut Kohl: Wir wollen in Frieden und Freiheit leben“ (1980 г.), „Arbeit, Frieden, Zukunft — miteinander schaffen wir's“ (1983 г.).

Вместо лексемы „Einheit“ партия использует синонимичную лексему „gemeinsam“, которая не вызывает ассоциаций с идеологией СДПГ: „Gemeinsam werden wir es schaffen — CDU“ (1972 г.), „Gemeinsam für Frieden und Freiheit“ (1980 г.), „Ja zu Deutschland — Ja zur Zukunft“ (1990 г.), „Gemeinsam schaffen wir's“ (1990 г.), „Gemeinsam für Deutschland“ (2002/2004 гг.), „Gemeinsam für unser Land“ (2009 г.), „Gemeinsam erfolgreich. Für Deutschland“ (2013 г.).

В противовес лозунгам ХДС в предвыборных лозунгах ХСС в ландтаг Баварии анализируемые лексемы сохранялись в период с 1946 по 2013 гг.: „Freiheit der Arbeit“ (1946 г.), „Willst du Frieden, willst du Ruh' wähl am Sonntag CSU“ (1950 г.), „Frei sein. Wir Jungen wissen: Wählen heißt entscheiden. Wir wollen frei leben“ (1974 г.), „Weil wir die Freiheit lieben“ (1974 г.), „Freiheit. Frieden. Freunde. Franz Josef Strauß“ (1982 г.), „Freiheit statt Volksfront“ (1994 г.), „Start frei. Schubkraft für Bayern und Deutschland“ (1994 г.), „Bayern. Freiheit“ (2013 г.).

Приведенные различия в употреблении трех ключевых лексем в очередной раз указывают на существовавшую «стену в головах» в сознании носителей немецкого языка Западной и Восточной Германии. Данная дискурсивная стена свидетельствовала об образовании различных «взаимосвязанных концептов, зафиксированных в язы-

ковых стереотипах и определяющих языковую перцепцию» [Трошина 2015: 254].

Четвертым направлением заимствований политических афоризмов стала их трансформация, заимствование текстовых моделей лозунгов. Наглядно данные трансформации можно продемонстрировать на примере двух политических афоризмов ГДР. Первый из них, содержащий ключевую идеологему того периода „Von der Sowjetunion lernen heißt siegen lernen“.

В современном языке данный политический афоризм переживает множество трансформаций, чаще всего используясь в качестве заголовка в публицистическом дискурсе. В своем большинстве видоизменения затрагивают замену только одного компонента „Sowjetunion“: „Von Kennedy lernen, heißt siegen lernen: Donald Trump trifft heute auf Hillary Clinton“, „Von Trump lernen heißt siegen lernen“, „EUROKRISE — Vom antiken Athen lernen, heißt siegen lernen“, „Von der Schweiz lernen, heißt siegen lernen“, „Von Rumänien lernen, heißt siegen lernen!“, „Von Entwicklern lernen, heißt siegen lernen: Die meisten Publikationssysteme, die heute verwendet werden, haben eine sehr eindimensionale Sichtweise auf den Publishing-Prozess“, „Ende der Welt. Von Islands Elfen lernen heißt siegen lernen“. Встречаются случаи использования текстовой модели с заменой двух компонентов: „Sowjetunion“ и „siegen“: „Von den „Gilmore Girls“ lernen, heißt leben lernen“, „Von Leipzigs „Elite“ lernen, heißt freudschämen lernen“, „Bionik: Von der Natur lernen heißt leicht bauen lernen“.

Трансформация политического афоризма встречается в названии группы в социальной сети Facebook: „Vom Ossi lernen, heißt Überleben lernen“.

Доктор Вернер Рупперт использовал трансформацию лозунга для названия своей книги „Vom Westen lernen heißt siegen lernen. Tagbuch eines Aufbauhelfers“ (2008 г.).

Вторым частотным в употреблении политическим афоризмом со времен ГДР стал лозунг „Proletarier aller Länder vereinigt euch!“. Трансформация данного лозунга происходила по модели „... (*Substantiv*) aller Länder vereinigt euch!“: „Weltbürger aller Länder, vereinigt euch!“, „Gegen Trump, AfD und Co. Rationale aller Länder, vereinigt euch!“, „Gesund und schlank mit Genuss. Experten aller Länder vereinigt euch!“, „Praktikanten aller Länder, vereinigt euch!“, „Bürgermeister aller Länder, vereinigt euch!“, „Musiker aller Länder, vereinigt euch!“, „Hasen aller Länder, vereinigt euch!“, „Notenbanker aller Länder vereinigt Euch“, „Gutmenschen aller Länder vereinigt euch!“, „Veganer aller Länder, vereinigt euch!“, „Indianer aller Länder, vereinigt euch!“, „Verrückte aller Länder vereinigt Euch!“, „Migranten aller Länder, vereinigt euch!“, „Europäer aller Länder vereinigt euch!“, „Metaller aller Länder, vereinigt euch!“. В ряде случаев в модели использовались англицизмы, например, „Bachelor of Education aller Länder vereinigt euch!“, „Ghostbuster aller Länder, vereinigt euch!“.

Привлекательными для анализа являются современные лозунги „Cacher aller Länder, vereinigt Euch!“ и „Geeks aller Länder vereinigt euch!“, в основе которых лежат заимствованные из английского языка неологизмы „Cacher“ (рус. участник игры по поиску спрятанных тайников, местонахождение которых может быть зашифровано при помощи загадок) и „Geek“ (рус. чрезвычайно увлеченный чем-либо человек; фанат). Другим примером служит лозунг „Twizyfahrer aller Länder ... vereinigt euch“, который обращен к водителям двухместных электрических городских автомобилей модели „Twizy“ марки «Renault». Следующим примером является лозунг, связанный с проблемами миграционной политики Евросоюза, „Tschuschen aller Länder, vereinigt euch“. Лежащая в основе заимствованного политического афоризма лексема „Tschusch“ употребляется в австрийском варианте немецкого языка как разговорное неодобрительное обозначение представителей славянских, южноевропейских и восточных народов.

Примером одного из трансформированных изречений, образованных по модели „... (*Substantiv*) aller Länder vereinigt euch *zu* (*Substantiv*)“ служит лозунг „Künstler aller Länder vereinigt euch zum Hungermarsch“.

Таким образом, явление заимствования политических афоризмов можно определить как сложное и не всегда очевидное, так как их создатели, с одной стороны, стремятся создать уникальные речевые формулы, с другой стороны, пытаясь сделать политический афоризм более ярким и легко запоминающимся, они обращаются к известной в данной политической культуре идеологической мысли или прибегают к использованию удачных текстовых моделей лозунгов, изменяя их идеологическую направленность.

Мы наблюдаем, что заимствованные политические афоризмы становятся эффективным средством привлечения внимания, агитации и призыва, так как сохраняют в себе идеологемы немецкого народа и одновременно с этим трансформируются в соответствии с новым общественно-политическим порядком и социальными ценностями.

Литература

- Керимов 2013 — Керимов Р. Д. Лингвосимволика цвета в немецко-язычной политической культуре // Политическая лингвистика. 2013. 2. (44). С. 107—124.
- Трошина 2010 — Трошина Н. Н. Прецедентный текст в переломную эпоху (на материале немецкого языка периода объединения Германии) // Текст и язык в переходные эпохи. Материалы Круглого стола. Институт языкознания РАН, 26 октября 2010. С. 99—106.
- Трошина 2015 — Трошина Н. Н. Роль концептуальных опор дискурса в формировании социальной перцепции (на примере концеп-

- та БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА) // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты: Ежегодник РАН ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. отд. языкознания. М., 2015. С. 248—256.
- Туманова 2012 — *Туманова Е. О.* Афоризм во фразеологии и фразеологизм в афористике современного немецкого языка (лингвокультурологический аспект): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
- Фомина 1995 — *Фомина З. Е.* Слова-хронофакты в языке политических текстов // Язык и эмоции. Волгоград, 1995. С. 207—324.
- Хазагеров, Ширина 1999 — *Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С.* Общая риторика. Ростов н/Д., 1999.
- Чудинов 2006 — *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика: учеб. пособие. М., 2006.
- Шейгал 2000 — *Шейгал Е. И.* Параметры доверительного общения // Человек в коммуникации: аспекты исследования. Волгоград, 2005. С. 173—204.
- Billington 2010 — *Billington J. A.* Respectfully Quoted: A Dictionary of Quotations. Courier Dover Publications, 2010.
- Brandt 1997 — *Brandt W.* Erinnerungen. Berlin: Ullstein, 1997.
- Duden 2002 — Duden Zitate und Aussprüche; Bd. 12. Mannheim, 2002.
- Hars 1999 — *Hars W.* Nichts ist unmöglich! Lexikon der Werbesprüche. — München: Piper, 2001 [1999].
- Keyes 2007 — *Keyes R.* The Quote Verifier: Who Said What, Where, and When. Macmillan, 2007.
- Langworth 2011 — *Langworth R. (ed.)*. Churchill by Himself: The Definitive Collection of Quotations. Public Affairs, 2011.
- Lukacs 2008 — *Lukacs J.* Blood, Toil, Tears and Sweat: The Dire Warning: Churchill's First Speech as Prime Minister. New York: Basic Books, 2008.
- Walker 2000 — *Walker M.* Makers of the American Century. London: Chatto and Windus, 2000.

Электронные источники

- Duden online — URL: <http://www.duden.de/> (Дата обращения: 30.01.2017).
- Aphorismen.de — URL: <https://www.aphorismen.de/> (Дата обращения: 02.02.2017).
- DWDS — URL: <https://www.dwds.de/> (Дата обращения: 28.01.2017).
- The Churchill Center — URL: <http://www.winstonchurchill.org/resources/speeches/1940-the-finest-hour/92-blood-toil-tears-and-sweat> (Дата обращения: 28.01.2017).

ZUSAMMENFASSUNG**Phänomene der Entlehnungen in der politischen
Aphoristik**

Im Beitrag werden Entlehnungen in der deutschen Aphoristik betrachtet. Diese Erscheinungen sind in vier Hauptgruppen zu unterscheiden. Während einige Autoren die existierenden politischen Aphorismen aus den anderen Sprachen übersetzen, bauen die anderen Aphoristiker ihre Ausdrücke auf den Modellen von populären Losungen auf. In einigen Fällen bleibt der ideologische Hintergrund in den entlehnten Aphorismen, trotzdem werden größtenteils die Ideen in den entlehnten Aphorismen transformiert.

С. И. ДУБИНИН, Л. А. МИТРОФАНОВА

(Самарский национальный исследовательский университет
им. С. П. Королёва)

ИТАЛЬЯНИЗМЫ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ ФРГ

Феноменология заимствований-итальянизмов в немецком языке детально рассмотрена в немецкой лингвистике в аспекте их семантической классификации, отграничения от галлицизмов и романизмов, в диахронии, в диалектологии. Сложилась методология и традиция изучения т. н. «старых» итальянизмов, которые динамично и поэтапно «волнами» пополняли немецкий литературный язык с XII по XIX вв. в процессе его становления (Е. Öhmann, О. Keil, V. Pfister, F. Seiler, M. Wiss и др.). Отдельного изучения заслуживают итальянизмы XX—XXI вв., в частности, в новой языковой ситуации евро-интеграции (Н. Stammerjohnann, F. Schmöe, M. Stegu, K. Ille и др.). Следует учитывать их качественный и количественный состав, периодизацию, типологию, стилевые функции, прагматические характеристики и системные свойства: отношения и конкуренцию с исконной лексикой как показатель «самостоятельности» в лексико-семантической системе литературного языка и в речи.

В этой связи отметим работу Ф. Шмoe [Schmöe 1998] с точки зрения объединения подходов и аспектов в изучении итальянизмов. Новейшие итальянизмы — сложная, лабильная, многоаспектная система: это не только инвентарные ЛЕ, производные УСК и ФЕ, но и заимствованные словообразовательные средства (суффиксы) и псевдоитальянизмы. Некоторые из них перешли в разряд интернационализмов (ономастическая лексика, названия брендов, термины и др.). Интересны и итальянизмы-гибриды, телескопные и усеченные слова, итальянские имена собственные и другие онимы в названиях марок и товаров, прецедентные имена брендов.

«Новейшие» итальянизмы, каналы и аспекты влияния итальянского языка на современную немецкоязычную рекламу активно изучаются, при этом наметились новые подходы (лингвокультурологический, когнитивно-дискурсивный). Итальянизмы в рекламном дискурсе — явление очевидное, но мало исследованное в системе, поэтому они мало представлены даже в специализированных словарях.

Начало массового импорта итальянских товаров, особенно продуктов питания, вместе с тем появление (как особого брендинга) немецких товаров с созвучными им итальянскими именами приходится на 1960-е гг. и потребительский бум в условиях т. н. «экономического чуда» ФРГ. Приток итальянских эмигрантов-рабочих послевоенных лет, увлечение итальянской модой, киноискусством, эстрадой и т. д. создали особую среду для рецепции итальянизмов. Ранние названия объемнее современных, имели описательный характер, обладая четкой мотивированностью: немецкий покупатель нуждался в объяснении качеств нового, экзотичного продукта (ср.: *Knorr Sauce al Gusto Bolognese*, *Knorr Nomato al Gusto mit Kräutern*, *Knorr Pfanne al Gusto Balkan*). Сегодня достаточно емкого и лаконичного названия, поскольку «итальянские мотивы в жизни» привычны гражданам ФРГ: *Pizza al forno*, *Pilz-Rahm ai funghi* и т. п.

Современный немецкий язык открыт для рецепции итальянизмов и псевдоитальянизмов, что связано не только с расширением культурного влияния через итальянских мигрантов и с их укоренением. Словарный фонд рекламы в определенной мере перенасыщен итальянизмами, основной сферой которых считается культура еды. С 1970-х гг. отмечается расцвет итальянской гастрономии, меняющей облик городов ФРГ: появляются как лингвокультурные островки *Pizzeria*, *Spaghetteria*, *Osteria*, *Taverna*, *Ristorante*. Супермаркеты предлагают большой ассортимент традиционных итальянских продуктов питания, названия которых закрепились и в словарном фонде (*Tortellini*, *Pasta*, *Mozzarella*, *Stracciatella*, *Cappuccino*) [Митрофанова 2014: 958].

В основе данного исследования, отмеченного итальянским влиянием рекламного дискурса ФРГ, лежит базирующийся на итальянском фразеологизме известный культурный макро-фрейм *dolce vita* («сладкий образ жизни»). Он вносит в составляющие его когнитивные структуры изменения, реализуя основную цель рекламы — воздействие на сознание адресата / потребителя. Мы рассмотрели вербальный канал его актуализации (названия торговых марок, бендов, товаров), который использует ресурсы всех уровней: фонетико-грамматического, грамматического (морфологического, словообразовательного, синтаксического) и лексического, обладающих суггестивным потенциалом. Так, через фонетико-орфографические средства в рекламе с компонентом *vita* эксплицируются сцены речевого поведения, а лексические средства связаны с экспликацией смысла. Процесс формирования наименований осуществляется при взаимодействии концептуального и языкового уровней, особенно в опоре на образные или вымышленные единицы. Информация в составе фрейма выражена вербальными средствами, ее прямая номинация призвана актуализировать сущность рассматриваемого макро-фрейма, ср. названия немецких торговых марок сока *Vitafit*, витаминов

VitaFit, Vitakraft, Vita-Fit, фитнес-бренда VitaFIT (полезный продукт, средство для тонуса, способ быть в тренде).

Dolce vita в немецкой рекламе: торговые марки и продукты

В концепте заложена идея культуры, он имеет коллективный характер, формирующий концептосферу общенационального языка и контактирующей лингвокультуры. Так, в 1960 г. на экраны Европы вышел культовый фильм Федерико Феллини «Сладкая жизнь». От этой сатирической комедии берет название персонифицируемый социокультурно-бытовой климат итальянского общества 1960-х гг., т. н. *dolce vita*. Макро-фрейм «сладкого», комфортного образа жизни и феноменология потребления (слоган «Жить в удовольствии!») группируют тематические группы лексических единиц (ЛЕ), в частности, из сферы повседневности, которые схожи с тематическими группами современных итальянизмов-заимствований (датируемые после 1945 г.), выделяемыми на материале словарей иностранных слов и толковых словарей [Митрофанова 2014: 956].

Нами выявлены более 350 ЛЕ, использующихся для номинации продуктов потребления, товаров, марок, фирм-производителей, которые распределены по нескольким разновеликим тематическим группам: «Продукты питания, напитки, сигареты» (189 ЛЕ), «Аксессуары интерьера, мебель и товары для дома» (76 ЛЕ), «Транспортные средства» (20 ЛЕ), «Косметика и средства гигиены» (19 ЛЕ), «Одежда» (17 ЛЕ), «Электроприборы» (13 ЛЕ), «Лекарства и витамины» (10 ЛЕ), «Прочее (массовая литература, игры, корма для животных и др.)» (14 ЛЕ). Источники материала отбирались по принципу разнообразия: рекламные проспекты супермаркетов (менее бутиков, специализированных магазинов), онлайн-каталоги (www.slogans.de), буклеты, баннеры, рекламные тексты ведущих печатных и онлайн-изданий ФРГ¹. Рассмотрим подробно две первые, наиболее крупные группы ЛЕ, многие из которых еще не являются прочно вошедшими в узус современного немецкого языка заимствованиями.

В связи с изучением новейших рекламных итальянизмов отметим исследование У. Пёрксена о лингвокреативных механизмах бытования заимствованной (иноязычной) лексики в немецком языке. Исследователь ввел понятие «пластиковое рекламное слово» (Plastik-Werbe-Wort), ставшее иллюстрацией процессов в агрессивном маркетинге. Термин подразумевает заимствованные слова или псевдозаимствования, образованные в языке-реципиенте согласно морфологическим и фонетическим правилам иностранного языка в рекламной сфере, обладающие разной степенью мотивированности.

¹ Этот принцип повлиял, например, на скромное представительство тематических групп «Косметика и средства гигиены» и «Одежда», сферы, традиционно отмеченные влиянием итальянских товаров и брендов.

Семантическая и структурная «пластичность» таких иноязычных онимов делает их подходящими для создания броских, многообразных рекламных номинаций [Pörksen 2011: 85—86].

Эти свойства делают заимствования инструментом для рекламистов (номинаторов), т. к. они приобретают особое значение только в той связи, в которую они поставлены, а за счет этого им можно придать разные оттенки [Baumgart 1992: 125]. В рекламной сфере, иноязычные репрезентанты которой проникают в язык повседневного общения, имеет место деноминализация, т. е. название продукта, марка метонимически «замещает» его семантическую характеристику, блокируя поиск расшифровки внутренней формы слова. Современный покупатель ФРГ (как интерпретатор наименования), например, знает, что немецкий культовый бренд *Haribos* — жевательные фигурки медведей из желатина².

Для номинации торговых марок в рекламе важны следующие условия: 1) имя товара должно информировать покупателя относительно продукта, о его качествах и производителе; 2) экспрессивная функция рекламных номинаций подразумевает позитивные субъективные впечатления и ассоциации относительно продукта; 3) в погоне за имиджем эксклюзивного продукта, у которого не было бы конкурентов, важно использовать / создать уникальные номинации на иноязычной основе, что приводит к появлению псевдозаимствований и неологизмов, в частности, на итальянской основе. Иноязычные заимствования или элементы (основы слов, суффиксы, префиксы) активно используются в рекламных целях демонстрации престижности продукта, а успех товара зависит от созданного имиджа, от возможности его идентификации, актуализации уникального происхождения [Baumgart 1992: 28].

При рассмотрении наполнения тематических групп рекламных итальянизмов показательно их разделение на блоки: номинации товаров производства Италии; «италообразные» номинации товаров, чьи производители находятся в ФРГ, успешно продвигая свой продукт благодаря креативной практике языкового маркетинга; совместно производимые товары в рамках лицензирования или международной кооперации.

Продукты питания, напитки, сигареты

Aus Italien: Aceto balsamico (Essig), Alino (Nudeln), Bel paese (Käse), Gorgonzola (Käse), Grissini (Brotspezialität), Mascarpone (Käse), Mortadella/Mortadella di finocchio (Wurstspezialität), Panettone (Brotspezialität), Parmigiano Reggiano (Käse), Pecorino (Käse), Prosciutto (Schinken); **aus Deutschland:** Belfrutta (Marmelade), Brölio (Speiseöl), Campina (Kondensmilch), Cambozola (Käse), Castello (Käse), Cervinia (Frischkä-

² Название фирмы-производителя образовано от первых букв имени, фамилии и города (**Hans Riegel Bonn**).

se), Finello (Käse), Frutissima (Marmelade), Sahne-Fruttis (Jogurtcreme), Frutti-Junior (Jogurtcreme), Grandessa (Konfitüre), Philadelphia Fantasia (Käseaufstrich), Kordelli (Nudeln), Livio (Speiseöl), Lippina (Speiseöl), Makkaroni (Nudeln), Miracoli (Spaghetti), Mildessa (Sauerkraut), Müller Crema di Yogurt, Parmaschinken, Pepperoni (Chips), Pomito (passierte Tomaten), Rotessa (Rotkaut), Primo (Jogurt), Spinata Romana Salami, Salami-Snack, Salata (Salatgewürze), Sanella (Margarine), Italo-Schinken, bella Italia (Gewürzmischung), Vitalinea (Jogurt), Zottarella (Käse), Minima (Zigaretten), Ultima (Zigaretten), Forte (Zigaretten);

aus Italien/Deutschland: Bruschetta (Brotspezialität), Ciabatta (Brotspezialität), Crema di Yoghurt, Gnocchi (Teigspezialität), Mozzarella, Pasta, Pasta della casa, Penne (Nudeln), Ravioli, Ricotta (Süßkäse), Spaghetti, Spaghettini, Tortellini, Tagliatelle/-a (Nudeln), Extra-vergine-Olivenöl, Zottarella (Käse), Muratti (Zigaretten).

В этой самой значительной тематической группе преобладают ономастические, часто легко дешифруемые наименования известных в ФРГ и Европе товаров и марок (они́мы) — традиционно популярные итальянские продукты (сыры, макаронные изделия, приправы и др.). Но большинство этих номинаций отмечено и в дискурсивной практике рекламистов ФРГ. Обратимся к анализу ряда наиболее наглядных ЛЕ. Так, название товара *Bel paese* (Weichkäse) уникально для анализа аксиологического субконцепта «Красота». Е. А. Дичковская выделяет *bel paese* как фразеологическую единицу — «красивая / прекрасная страна», которая выступает и как культурный концепт, характеризуется многомерностью образной и понятийной сторон, сложностью внутреннего содержания, неоднозначностью интерпретаций, этнокультурной специфичностью [Дичковская 2004: 43]. Данный УСК считается синонимом Италии как страны «с неподражаемым вкусом».

Гибридная ЛЕ *Brölio* (Speiseöl) представляет собой курьезное смешение немецкой и итальянской ЛЕ и особого звучания [Lötscher 1992: 57]. Композит как телескопное слово, образованное сложением усеченных основ, создан на основе слияния фрагментов названия фирмы *Bröckelmann GmbH* (осн. в 1861 г.) и ЛЕ итал. *olio* ‘масло’.

Название другого популярного пищевого продукта *Sanella* (Margarine) образовано при помощи латинской ЛЕ *sanus* и итал. словообразовательного аффикса *-ella*. По мнению Т. Гассер [Gasser 2011: 75], ряд словообразовательных аффиксов придают ЛЕ «итальянскую» грациозность: суффиксы *-a*, *-ia*, *-essa*, *-ella*, *-ina* позволяют ассоциировать продукт с чем-то изысканным, эксклюзивным, ср.: *Grandessa* (Konfitüre), *Sanella* (Margarine).

При анализе названий продуктов питания возникает вопрос, почему ряд традиционных продуктов питания из Италии выпускается с таким же названием в ФРГ. Это возможно, если товар (марка) юридически не защищен наименованием по происхождению или географическому указанию (знак ®). Аббревиатура-маркер итал. *DOP*

(Denominazione di Origine Protetta) защищает продукты национальных брендов, произведенных в определенном регионе, на итальянском и международном рынках. Аббревиатура итал. *IGP* (Indicazione Geografica Protetta) идентифицирует продукт, созданный в регионе и стране, где качество продукта и характеристики сохранены, не отличаясь от оригинального производства. Торговый национальный знак не действует за границей, имея юридическую силу и защиту только на территории страны регистрации.

Продукты, которые не защищены подобными знаками, могут выпускаться в любой стране, поэтому полюбившиеся итальянские товары выпускаются и в ФРГ под другим названием, чтобы избежать юридических конфликтов производителей. Так, сыр марки *Mascarpone*, произведенный в ФРГ, продается с маркировкой *Frischkäse nach italienischer Art*, а в магазинах Австрии сыр известен как *Mascarino*, или *Tiramisu-Käse*.

Отдельно отметим здесь тематическую подгруппу ЛЕ «**Сладости и десерты**»:

aus Italien: I Cestelli (Eiscrem), Nutella (Brotaufstrich);

aus Deutschland: À la Panna Cotta (Schokolade), Amaretto-Pistazien-Plätzchen (Gebäck), Amicelli (Schokolade), Alpia (Schokolade), Aranca (Süßspeise), Balisto (Keksriegel), Belvedere (Gebäckmischung), Campino (Bonbons), Capriccio (Schokolade), Chococino (Trinkschokolade), Chocoletto (Eiskrem), Chokini (Kekse), Conditola (Kuchen), Contessa (Kekse), Cornetto (Eiscrem), Cresta (Schokolade), Da Capo (Pralinen), Domino (Eiscrem), Fidelio (Pralinen), Frutini (Bonbons), Tropi Frutti (Fruchtgummis), Ferrero Mon Chéri (Pralinen), Giotto (Pralinen), Grappalini (Pralinen), Himberella (Sirup), Karamello (Eiscreme), Lagnese Cremissimo (Eiscreme), La crema (Eis), Messino (Kekse), Milka montelino (Schokolade), Milkini (Schokoriegel), Piccolino (Pralinen), Quadro (Waffeln), Quattro (Schokolade), Risco (Schokolade), Tofino (Bonbons), Torino (Schokolade), Tiamo (Pralinen), Viennetta (Eiskrem), Weissella (Lebkuchen), Yogurette (Schokolade);

aus Italien / Deutschland: Stracciatella (Eiskrem), Tiramisù, Tartufo (Eiskrem).

В этой подгруппе часто представлены названия товаров одного производителя. Наиболее наглядным является пример названий продуктов марки *Sarotti* — традиционного немецкого шоколадного бренда фирмы (осн. в 1868 г.), наименование которого создано искусственно на манер итальянской фамилии. Так, название конфет *Da Capo* (итал. *da capo* ‘сначала’) навеяно музыкальным термином, означающим указание композитора повторить предыдущую часть партитуры. Отметим намеренно искаженное орфографическое написание: *Da Capo* вместо *Da capo*.

Наименования фирменного шоколада *À la Panna Cotta* и конфет *Ferrero Mon Chéri* представляют собой смешение словоформ итальянского и французского языков (такие контаминанты в рекламе ФРГ не

редкость): фр. *À la* ‘на манер’ и итал. *la panna cotta* ‘приготовленный крем’. Название конфет *Ti amo* — пример искаженного слитного написания итал. *Ti amo* (‘Я люблю тебя’). Поскольку название товара должно быть емким, привлекающая внимание покупателя, копирайтеры ФРГ используют одно иноязычное слово. Такое словотворчество имеет коммерческие цели как стратегическая подготовка к продаже, провоцируя коннотативно через ЛЕ ожидание качества покупателем.

Отметим также разнообразие итальянских диминутивных суффиксов, использующихся в названиях сладостей, которые подчеркивают небольшой размер, утонченность изделий, ср.: *Chocoletto*, *Chokini*, *Piccolino*. В последней ЛЕ диминутивность достигается и за счет использования суперлатива ЛЕ итал. *piccolo* ‘маленький’.

Интересна подгруппа «**Готовые блюда (пища быстрого приготовления), приправы**»:

aus Deutschland: Besser Pizza Di Gusti Speciale, Bio Minestrone mit Reis, Campino (Soßen und Fruchtkonserven), Carina (Fertigmischung für Nußsahnetorte), Canelloni (Nudelgericht), Costa (Tiefkühlgerichte), Frisco (Tiefkühlprodukte), Lasagne Bolognese (Nudelgericht), Lorso (Milchpulver), Miracoli Spaghetti, Mama Mancini Pizza Steinofen, Pizza al forno, Pizza-Teig, Pilz-Sahne Pasta, Lasagne Bolognese, Pizza Margherita, Minuto (Nudelgericht), Sauce Parmarosa, Sauce Carbonara, Sauce ai funghi, Pasta Chuta, Piccanta (Nudelsoße), Pikanta (Nudelsoße), Pomo d’oro (Tomatensuppe), Presto (Nudelgericht), Raguletto (Tomatensoßen), Sugo Pronto (Soße), Tiramisu Creme, Tomato al gusto (Soße), Pesto Sauce Mix, Salata (Soße), Dr. Oetker Intermezzo Quick, Steinofen-Pizza, Alberto Pizza;

aus Italien/Deutschland: Saucen-Basilico, Bolognese, Ricotta, Pesto, Arabiata, Verdura, Napoletana.

В нашем корпусе доминируют товары производства ФРГ. Так, образ страны гастрономических изысков, обилия помидоров, заложенный в названии серии томатного соуса, усиливается использованием искаженного имени героя известной оперы Дж. Верди *Rigoletto* → *Raguletto*, ассоциацией с его красной одеждой и с названием блюда *Ragout*. Высокая ассоциативная насыщенность итальянских имен собственных, как отмечалось в случае с *Sarotti*, способствует реализации прагматической функции рекламы — эскалации продаж. Так, *Albertos Pizza/Albertos Pizza* — пример названия продукта с использованием имени собственного, при этом рекламистами делается установка на узнаваемость типичных для Италии имен. Помимо аттрактивной функции имени собственного реализуются информативная, квалификативная, символическая функции, подчеркивается уникальность, престижность имени и марки, но одновременно доступность продукта (на рекламах изображен ловкий доставщик-итальянец).

Наименования макаронных изделий с сыром *Pasta Chuta*, *Pasta Schuta* представляют собой еще один случай намеренного искаженного и отдельного написания, что может быть связано не только

с изначальной неправильной орфографической ассимиляцией итал. ЛЕ *pastasciutta*. Данное наименование используется, например, для вегетарианского соуса (фирма EDEN), чтобы подчеркнуть отличие от самого блюда-продукта, или для особого рецепта итальянской пасты (la Pasta Suta).

Название серии замороженных продуктов *Frisco* образовано из этимологически родственных нем. *frisch* и итал. *fresco*. Таким образом указывается не на способ заморозки, а на возможность хранить продукт долго без потери тонких вкусовых характеристик [Lötscher 1992: 118].

Отметим номинации-словосочетания с элементами игры слов, ср.: *Pomo d'oro* (итал. *il pomodoro* 'помидор, томатный суп'). Игра слов с использованием гомофонии с *potodoro*, которая здесь дифференцируется при помощи графики: *pomo d'oro*, переводится затем как 'золотой фрукт', что вновь отсылает к исходной ЛЕ *potodoro*.

Наконец выделим тематическую подгруппу «**Вина и напитки**» (перечень далеко не исчерпывающий, многие ЛЕ фиксированы нормативными словарями как заимствования):

aus Italien: Amaretti, Asti, Campari, Chianti, Dolcetto (Wein), Fernet-Branca (Bitter), Lambrusco (Schaumwein), Limoncello (Zitronenlikör), Martini, Ramazzotti (Likör), Montepulciano (Wein);

aus Deutschland: Aqua mia (Mineralwasser), Bellarom (Kaffee), Biocaffe organico, Biotta (Säfte), Birell (Bier), Capri Sonne (Kinderlimonade, Fruchtsaft), white Capuccino, Capuccino Mousse, Caro (Kaffee), Griorietta (Limonade), Fixfruttina (Früchtetee), Fontessa (Mineralwasser), Granini (Säfte), Gondola (Fertigtee), Kafissimo (Kaffee „Tschibo“), Caffe Freddo Mövenpick, Presso Presso (Espressopulver), Naturella (Mineralwasser, Fruchtsaft), Pocco (Limonade), Sorbella (Zitronensaft), Tropicalia (Fruchtnektar), Zitrone (Zitronensaft), Vitaliasia (Mineralwasser), Vitafit (Säfte), Zitro Pronto (Zitronensaft);

aus Italien/ Deutschland: Capuccino, Espresso, Latte Macchiato, Mezzo-Mix (alkoholfreies Getränk).

Так, название пива *Birell* — уменьшительная искаженная форма *Bi(e)г* и одновременно ассоциируемая с итал. *birra* 'пиво' [Lötscher 1992: 52], при очевидном этимологическом тождестве их основы создающая товару особую привлекательность. Данная марка пива в настоящее время лицензировано производится в нескольких странах Европы, но чаще как легкое безалкогольное, что актуализует также через имплицитную сему диминутивности.

В данной тематической подгруппе тоже отмечается разнообразие ЛЕ с итальянскими суффиксами, ср.: *Griorietta*, *Granini*, *Kafissimo*. Показательно, как название товара органично вливается в конкретный тип рекламного текста, например, на баннере: **Bella. Bellissima. Bellarom**. На плакате изображены девушки, что создает двойной смысл: кофе как утонченный напиток, который не оставит равнодушными к вам красивых дам.

Названия именно продуктовых товаров обладают «лингвистическо-физиогномическим выражением» и должны вызывать позитивные ассоциации. Так, итальянизмы и псевдоитальянизмы рисуют образ солнечной, курортной, комфортной страны, ср.: *Gondola* (Fertigtee), т. к. гондолы в Венеции считаются символом романтики, влюбленности; *Capri Sonne* (Kinderlimonade, Fruchtsaft): образ комфорта, спелых фруктов, т. к. любимое место отдыха — остров Капри. Ликеры *Ramazotti* (производятся с XIX в.) вызывают у потребителя ассоциации с именем популярного с 1990-х гг. певца Э. Рамаццотти.

Отметим также креативность рекламистов ФРГ, сочетающуюся с «генеративным потенциалом» итальянизмов: соединяясь с англицизмами и другими иноязычными лексемами, они имеют особую аттрактивную функцию, поскольку в условиях новой языковой ситуации глобализации в странах ЕС английский язык признан доминирующим в рекламном дискурсе, ср.: *white Capuccino*, *Fixfruttina*.

Употребление большинства ЛЕ из данной тематической группы отмечено в близкой сфере, не происходит разрыва между названием, включающим в себя представление о товаре (*Apellativum*) и самим товаром. Например, *Frutti* (итал. 'фрукты') — наиболее распространенное название для фруктового йогурта. Однако даже популярное название не дает покупателю почувствовать эксклюзивность, поскольку так могут быть названы соки, десерты, лимонад, конфеты, а также игрушки и т. д.

Эта диффузность — одна из особенностей и вместе с тем проблем использования итальянизмов и псевдоитальянизмов в немецкой рекламе, ср.: *Frutini* (Bonbons, fertige Desserte, Körperpfleemittel, Parfüm), *Signorina* (Parfüm, Cocktails) и их производные *Tropi Frutti* (Fruchtgummis), гибридные *Bio-Frutini-Bär* (Kaugummi) и *Frutini Milky Orange* (Deodorant). Копирайтеры относительно ограничены в возможности использования новых ЛЕ, поскольку они часто не известны среднестатистическому немецкому покупателю, не владеющему итальянским языком за рамками «лексикона туриста».

В результате фирмами обыгрывается один и тот же «модный» итальянизм, или результат подобного словотворчества — псевдоитальянизм лишая некоторые наименования не только оригинальности, но и однозначности. Так, в нашем корпусе отмечены примеры использования одного псевдоитальянского названия для двух и более разных товаров (тавтологии), ср.: *Naturella* (Mineralwasser/Fruchtsaft/Damenbinden), *Campino* (Bonbons/Soßen/Fruchtkonserven), что создает сложности для потребителя, шаблонизирует рекламные онимы.

По италоязычному названию современный средний покупатель ФРГ распознает продукт, который сегодня именуется емко и намного короче аналогов 1950—1960-х гг. В маркетинге название продукта с итальянским уменьшительно-ласкательным суффиксом одно-

значно несет экспрессивную функцию, указывает на эксклюзивность, компактность, ср.: *Himberella* (Sirup), *Chocoletto* (Eiscrem). Можно рассматривать итальянские диминутивы как группу суффиксов, объединенных «под ярлыком», отмеченных особой дистрибуцией, разной продуктивностью. В нашем корпусе наиболее частотны итальянские диминутивные суффиксы *-etto*, *-ella*: у *-ella* отмечается функция выражения образного значения грациозной незначительности, незрелости, легкости, а *-etto* обладает в большей степени количественной редукцией, модифицируя имена собственные, прилагательные, создавая многочисленные лексикализации.

Следует отметить, что для ряда продуктов питания особого названия не требуется: эту роль берет на себя путем метонимического переноса общеизвестный денотат. Но возникает проблема разграничения названия продукта (Produktsname) и самого продукта (Produktbezeichnung). Это, как правило, касается полюбившихся потребителям ФРГ итальянских сыров (*Mozzarella*, *Gorgonzola* и др.), вин (*Chianti*, *Asti*, *Montepulciano* и др.), кофе (*Capuccino*, *Espresso*). Это еще одна особенность гастрономических итальянизмов в рекламе ФРГ: замена такого денотата на новое, даже экзотическое название привело бы к снижению востребованности, поскольку продукт может быть не идентифицирован.

В случае с дифференцированным наименованием кофе отметим использование именно словосочетаний и УСК, направленных на усиление покупательской способности. Они также могут быть частично контаминантами с ЛЕ английского, латинского или французского происхождения, ср.: *white Capuccino*, *Capuccino Mousse*, или служат иллюстрацией «слияния» названия продукта и самого продукта.

Интересны итальянские названия импортируемых и производимых в ФРГ сигарет в ситуации жесткой борьбы с курением в странах ЕС. В качестве названий табачных изделий используются помимо традиционных способов номинаций типа *Muratti* (элитный бренд; от имени собственного) также определения, которые употребительны в речи по отношению к сигарете: *Minima* (итал. 'тонкая'), *Ultima* (итал. 'последняя'), *Forle* (итал. 'крепкий').

Вариативность итальянских ЛЕ рассмотренной группы значительна: отмеченный ограниченный набор лексем приводит к необходимости их тонкого семантического «обыгрывания», к тавтологии. Так, в написании ЛЕ наблюдается наряду с адекватной формой сознательное графическое искажение для придания товарной, фирменной уникальности, ср.: *Aranca* (вместо *Arancia*; йогуртовый десерт фирмы *Dr. Oetker*), *Frutini* (вместо *Fruttini*; леденцы фирмы *Gallito*), *Frutti di Mare* (вместо *Frutti di mare*; спагетти с устрицами), *Galeria* (вместо *Galleria*; известный бред торговых центров ФРГ) и др.

Аксессуары интерьера жилища, мебель, товары для дома

Aus Italien: il Bagno (Badezimmeraccessoires), Bella Italia (Wohnwand), Risonanza (Stuhl);

aus Deutschland: Anello (Polsterbett), Bella Donna (Spannbettuch), Cambio (Wohnzimmertisch), Capri (Gartentischdecke), Casa Fondo (Mikrofaser, Fußmatten), Casetta (Bett), Casadoro (Wohnwand), Catania (Wohnwand), Catena (Wohnzimmertisch), Cento (Bett), Classico (Tischleuchte), Cotta (Spiegel), Domino (Couchtisch), Divanetta (Eckgruppe), Fresco (Wandspiegel), Gira (Tischleuchte), Invito (Wohnungseinrichtung), Lavello (Ecksofa), Modena (Spiegelschrank), Nonna (Wohnungseinrichtung), Nuvola (Bett), Ornato (Duschvorhang), Piccolo Giardino (Fussabtreter), Presto (Wohnwand), Presto mobilia (Couchtisch), Primavera Due (Sofa), Profila (Mehrzwecktisch), Pronto (Bürostuhl), Quadro (Lampentisch), Riformetta (Federbetten, Kopfkissen), Roma (Standleuchter), Rondo (Sessel), Sasso (Wohnzimmertisch), Solo (Sofa), Spirella (Vorhänge), Tira Mi (Couchtisch), Varese (Doppelbett), Varietta (Steppbetten), Verado (Schranksystem), Volterra (Polsterbett), Vulkano (Sofa), Uno (Pendelleuchte).

В этой разнородной тематической группе показательно отсутствие наименований товаров итало-германского производства. Отметим название гардин для ванной *Spirella*, образованное от лат. *spira* 'спираль' при помощи итальянского словообразовательного аффикса *-ella*. Соотносимое с этимологически родственными нем. *Spirale*, итал. *spirale* и ставшее интернационализмом наименование указывает на удобные именно для душевого помещения спиральные поля на штанге, стимулируя выбор нужного товара.

Известные фразы *Bella donna* и *Bella Italia* входят в т. н. «отпускной словарь» туриста и, как правило, знакомы среднестатистическому немецкому покупателю. Выражения и УСК с именем прилагательным *bello / bella* часто встречаются именно среди номинаций бытовых товаров в рекламном дискурсе ФРГ (средства гигиены, косметика, макияж).

Отметим превалирующее в данной тематической группе использование некоторых итальянизмов как ключевых, ср.: *Invito*, *Solo*, *Primavera*. В отличие от других групп, названия данных товаров часто не соответствуют значению имени нарицательного, ср.: *Casetta* (уменьшительная форма от итал. *casa* 'дом') обозначает кровать; название *Vulkano* (итал. *vulcano* 'вулкан') рекламирует диван. В последнем примере отметим искаженное написание. *Nonna* обозначает модель встроенной мебели (итал. *nonna* 'бабушка'), *Cotta* (итал. *cotta* 'стихарь') — дизайнерское зеркало.

В целом копирайтеры ФРГ выходят здесь чаще за границы ограниченного вокабуляра, предлагая новые, нестандартные названия для предметов быта и жилища, ср.: *Cambio* (итал. *cambio* 'изменение';

столовый стол), *Pronto* (итал. *pronto* ‘готовый’; офисный стул). Аппелятивная функция представлена в данной группе в нашем материале единичным примером: *Tira Mi* (итал. ‘тяни меня’; кофейный столик): название товара представляет собой глагол в форме повелительного наклонения.

В исследованиях названий товаров фирмы ИКЕА отмечено наличие определенной этно- и нередко итало-мотивированной системы выбора имен [Fink 2010: 43]. Так, у книжных полок, мягкой мебели шведские названия, у кроватей, шкафов — норвежские, у столов, стульев — финские и т. д. В проанализированной тематической группе также встречаются случаи использования итальянских топонимов, обозначающих предметы мебели, интерьера, аксессуары, ср.: *Varese* (двухспальная кровать), *Roma* (торшер), *Modena* (зеркальный шкаф). Названия домашних предметов на основе итальянских топонимов — определенная тенденция и в интернациональном рекламном дискурсе.

Отдельно отметим тематическую подгруппу «Товары для дома», т. е. моющие средства, средства ухода за мебелью, предметы бытового обихода. Это:

aus Italien: *il Bianco* (Waschmittel);

aus Deutschland: *Alpina* (Dispersionsfarbe), *Allegro* (Fondue), *Carino* (Serviettenringe), *Casa* (Gläser), *Casa* (Kochgeschirrr), *Centaur* (Topfserie), *Collo* (Abtausprays), *Collofix* (Lederspray), *Concertino* (Servietten), *Conturo* (Topfserie), *Intensa* (Topfset), *La Cucina* (Küchenartikel), *La Cupola* (Espressosammeltasse), *DivaWasch* (Waschmittel), *Finito* (Mittel gegen Motten), *Gondoliere* (Karaffe), *Lavada* (Geschirrspülmittel), *Leonardo* (Gläser), *Miele* (Gerätereiniger), *Milano* (Besteckset), *Onda* (Besteckset), *Perla* (Bügelhilfe), *Plastabella* (Reinigungsmittel), *Pronto* (Möbelspray), *Profissimo* (Produkte für Haushalt), *Toskana* (Topfset), *Vitaliano* (Topfset), *Sipuro* (Reinigungsmittel), *Venta* (Reinigungsmittel), *Vitri* (Microwellengeschirrr), *Zitronella* (Zitronenpresse).

Здесь доминируют товары, произведенные в ФРГ, с химической промышленностью которой Италия конкурирует с трудом. Товары для дома считаются одной из важных тематических таксономий по количеству ЛЕ. Но единицы, относящиеся к данной подгруппе, могут одновременно принадлежать к другим тематическим пластам, например, отмеченная ранее ЛЕ *Pronto* (итал. *pronto* ‘готовый’) является названием спрея для мебели, соуса *Sugo Pronto* и офисного стула *Pronto*. Это подтверждает отмеченную выше диффузность рекламной лексики, ограниченные возможности копирайтеров, которые вынуждены подбирать лексемы, которые знакомы потенциальному покупателю ФРГ в избранной сфере. Еще одно доказательство этому — использования одной ЛЕ для наименования разных предметов для дома несколькими компаниями, ср.: *Casa* (Gläser/ Kochgeschirrr/Möbel), *Collo* (Abtauspray/Leuchter), *Collofix* (Lederspray/Schuhcreme), *Collomix* (Werkzeug).

Название серии чистящих средств *Sipuro* образовано от сознательно искаженного итал. *di puro* 'так чисто'³ [Lötscher 1992: 266]. Название средства против моли *Finilo* образовано от итал. *finito* 'законченный' и имеет оттенок образности. *Profissimo* — серия товаров для дома от дистрибьютера Dm-drogerie Markt, еще один пример псевдоитальянизма: суперлативная форма подчеркивает высшую степень качества, образуясь в итальянском языке прибавлением к основе суффикса *-issimo*. Интенсифицирующие итальянские аффиксы позволяют не только классифицировать обозначаемые исходным прилагательным свойства, но и добавлять семантические нюансы наименованиям бытовых товаров.

На ассоциативной омонимии и образной семантике базируется название чистящих средств *Miele* (итал. 'мед'): ср. бренд немецкого производителя бытовой техники премиум-класса Miele & Cie. KG (осн. компаньонами К. Миле и Р. Цинканн в 1899 г.), который владеет их производством и маркетингом.

Интересно, что ЛЕ *Intermezzo* относится к разряду «старых» итальянизмов (музыкальные термины): 1a. *Zwischenspiel im Drama, in der ernsten Oper*; 1b. *kurzes Klavier- oder Orchesterstück*; 2. *kleine [unbedeutende] Begebenheit am Rande eines Geschehens; [lustiger] Zwischenfall (DUW)*. Однако как название бытовых товаров (дизайнерские бокалы, креманки, светильники, чистящие средства и др.), а также брендов музыкальных инструментов, одежды, кофе, сигар, компьютерных терминов, этот итальянизм обновляет свою форму, смысловой и словообразовательный потенциал, ср.: *InterMezzo*, *Intermezzo Price*, *Intermezzo Satin Martini*, *Intermezzo carnes*, *AVO intermezzo* и др.

Таким образом, наиболее репрезентативными в структуре интеркультурного концепта «*dolce vita* / сладкая жизнь» выступают субконцепты «*mangiare all'italiana* / есть по-итальянски», «*comfort in italiano* / комфорт по-итальянски» и «*bellezza* / красота». Исследователи считают, что итальянцам присущ особый, экспансивный, привлекательный для социума ФРГ эстетический вкус: они обзеревают прекрасное в повседневной жизни, и поэтому создают прекрасное. «Чувство гармонии в характере итальянцев сопровождается развитым чувством форм во всех своих проявлениях» [Дичковская 2004: 44].

Предложенная тематическая классификация итальянизмов и псевдоитальянизмов в понятийных областях немецкоязычной рекламы отражает основные сферы употребления этой новой лексики, маркируя наиболее проницаемые для потенциальных заимствований референциальные тематические зоны в современном немецком языке в проекции на рекламный дискурс. Итальянизмы прочно

³ По другой версии «италообразное» имя фирмы (осн. в 1951 г.) — инициальное сокращение **Siphon-Putzen-Rohrer** (аэрозольные очистители Ропера), данное ее основателем Г. Ропером (<http://www.triglan.ch/sipur>).

вошли и в пространство немецкого рекламного текста. Немецкому-ворящему потребителю через номинации в первую очередь передаются итальянские образы, имеющие положительный первичный и вторичный смысл. При создании образа «красивой жизни» речь идет предпочтительно о продуктах, близких к повседневности, которые знакомы, имена которых адекватно идентифицируются немецким потребителем, даже если товар и не известен [Дубинин, Митрофанова 2014: 84].

Итальянизмы и псевдоитальянизмы в качестве названий товаров, имен товарных знаков комбинируют несколько функций: привлекают внимание потребителя, называют новые предметы и явления, служат экономии языковых средств и точности выражения, выступают в качестве стилистических средств, являются «модными словами», создают ряды синонимов, придают рекламному тексту колорит и семантическую вариативность.

Степень ассимиляции (орфографической, грамматической) итальянизмов в языке рекламы ФРГ незначительна по сравнению с другими сферами [Митрофанова 2013: 95], что объясняется желанием копирайтеров придать отличительность, престижность немецкому рекламному имени/тексту. Итальянизмы и псевдоитальянизмы в языке немецкой рекламы частично подвергаются ассимиляции по правилам орфографии немецкого языка, что необходимо для обеспечения их корректного произнесения и графической оформленности в языке-реципиенте. Возможны два варианта: заимствование адаптируется к немецкому произношению и/или используется с произношением, максимально приближенным к норме итальянского языка. Приспособление иноязычной лексики к орфографической системе немецкого языка обусловлено стремлением достичь удобочитаемости, правильного произнесения слова. В ряде случаев очевидно сохранение этимологического родства и, с другой стороны, желание уподобить слово графической системе языка-реципиента. Поскольку для графической оформленности заимствованной лексики в немецком языке характерна вариативность, наиболее рекуррентным видом орфографической интеграции итальянизмов в рекламу является сохранение их исконной итальянской формы и написание заимствованных существительных с заглавной буквы.

Анализ материала выявил немногочисленные случаи частичной орфографической ассимиляции и значительную степень вариативности написания итальянизмов в слоганах немецкой рекламы. Наблюдается «онемечивание» орфографической формы итальянизма: *Vulkano* и *Toskana* (k вместо c), *Peperoni* (без удвоенного p). Наглядны преобладание случаев частичной орфографической ассимиляции и значительная вариативность написания итальянизмов в процессе наделения продукта названием. Большинство ЛЕ в нашем материале — имена существительные и прилагательные, глагольные формы единичны. Итальянизмы и псевдоитальянизмы в немецкой рекламе

отмечены различными способами словообразования, типичными в немецком языке: самыми продуктивными являются словосложение (*Collofix, Parmaschinken*), контаминация (*FruttAmore, DominoDog*) и суффиксация (*Zitronella, Chokini*). Ряд итальянских и псевдоитальянских названий товаров представляют собой промежуточный класс слов между именами собственными и именами нарицательными.

Заимствование итальянизмов и создание псевдоитальянизмов в рекламе ФРГ в целом продуктивный процесс: появление и «изобретение» ЛЕ, не имеющих аналогов в немецком рекламном дискурсе по причине отсутствия соответственных явлений в маркетинговой практике и брендинге, ведет к обогащению терминосистем торговли, конкуренции товаров и услуг производителей, способствуя сбыту собственных товаров производства фирм ФРГ. Итальянизмы и псевдоитальянизмы, обладая генеративным потенциалом, оказывают значительное влияние на дискурс рекламы, отчасти конкурируя с англо- или франкоязычным названием товаров, брендов. Словообразовательные возможности позволяют им образовывать устойчивые неологизмы-композиции в опоре на англицизмы, галлицизмы (*Collofix, DominoDog, Capuccino Mousse*), но в основном итальянизмы «продвигаются» в опоре на доминирующие в рекламном дискурсе ФРГ англицизмы.

Литература

- Дичковская 2004 — Дичковская Е. А. Реклама как новая форма художественного и эстетического выражения в итальянской культуре // Проблемныя напрямкі развіцця мастацкай творчасці і вербальнай культуры нацыі: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі. Мінск, 2004. С. 43—45.
- Дубинин, Митрофанова 2014 — Дубинин С. И., Митрофанова Л. А. Итальянизмы и псевдоитальянизмы в узусе современного немецкого языка (по результатам анкетирования) // Известия Смоленского государственного университета. 2014. № 4 (28). С. 77—85.
- Митрофанова 2013 — Митрофанова Л. А. Лингвокультурный концепт «dolce vita» в немецкоязычных слоганах в ФРГ // Язык и репрезентация культурных кодов: материалы международной научной конференции молодых ученых. Самара, 2013. С. 92—95.
- Митрофанова 2014 — Митрофанова Л. А. Итальянизмы и псевдоитальянизмы тематической группы «Национальная кухня» в современном немецком литературном языке // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 16. 2014. № 2 (4). С. 956—959.
- Baumgart 1992 — Baumgart M. Die Sprache der Anzeigenwerbung. Eine linguistische Analyse aktueller Werbeslogans. Heidelberg, 1992.

- Fink 2010 — *Fink M.* Waren- und Produktnamen als besondere Namens-kategorie: Exemplifiziert an den Namen der IKEA-Produkte. Hamburg, 2010.
- Gasser 2011 — *Gasser T.* Markennamen: ihre sprachliche Kategorisierung und generische Verwendung unter kontrastiver Betrachtung der Sprachen Deutsch, Englisch, Französisch. München, 2011.
- Lötscher 1992 — *Lötscher A.* Von Ajax bis Xerox. Ein Lexikon der Produkt-namen. 2. Ausgabe. Zürich, 1992.
- Pörksen 1989 — *Pörksen U.* Plastikwörter. Die Sprache der internationalen Diktatur. Stuttgart, 1989.
- Schmöe 1998 — *Schmöe F.* Italianismen im Gegenwartsdeutschen unter besonderer Berücksichtigung der Entlehnungen nach 1950. Bamberg, 1998.

Источники и принятые сокращения

- Deutsches Universalwörterbuch online — URL: <http://www.duden.de/woerterbuch> (DUW).
- Stammerjohann H. Dizionario di italianismi in francese, inglese e tedesco. Firenze, 2008 (DIFIT).

ZUSAMMENFASSUNG

Italianismen im deutschsprachigen Werbe-Diskurs der BRD

Im Aufsatz werden die thematischen Gruppen, sowie semantische und strukturelle Merkmale der modernen Italianismen als Fremdwörter am Beispiel der Warenbezeichnungen nach 1945 analysiert. Eine besondere Gruppe der Markennamen bilden die Pseudoitalianismen, die ihre eigene Pragmatik und Form aufweisen. Als Hintergrund betrachtet man das Kulturkonzept „*dolce vita*“ und die diskursiven Praktiken im modernen Marketing der BRD.

В. А. ЯМШАНОВА

(Санкт-Петербургский экономический университет)

КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЕ СЛОВО „ANGST“

В языковом контексте процессов глобализации особую роль играют культурно-специфические слова, значимые для одного языка и трудно переводимые на другие. Культурно-специфическими называются слова, отражающие специфические реалии культуры, быта, среды, свойственные определенной культуре. В понятийной системе другой культуры этим словам соответствуют полные или частичные пробелы.

Изучение культурно-специфического слова „Angst“ (*страх*) осуществляется как в пределах отдельных наук — лингвистики и переводоведения, так и на междисциплинарном уровне, на стыке названных и других отраслей знания.

1. Лингвистический аспект изучения слова „Angst“

Страх — это естественная для любого живого существа реакция на опасность, во многом ответственная за его выживание. Вместе с другими базовыми эмоциями страх представляет собой одну из самых могущественных, если не основную движущую силу человеческого поведения. Закономерно, что обозначение страха неизменно присутствует в любом языке. Уникальность рассматриваемой ситуации для немецкого языка состоит в том, что в отличие от большинства западноевропейских языков в нем существуют два обозначения страха: Angst и Furcht.

Этимология слов „Angst“ и „Furcht“

Различия между двумя типами страха проявляются уже при исследовании этимологии соответствующих обозначений — слов „Angst“ и „Furcht“.

Слово „Furcht“ имеет общегерманское происхождение. В звуках [t] и [r] слова „Furcht“ находит свое отражение «рефлекс холода», ср. немецкое Zittern (*дрожь*), латинское terreo (*пугать*), terror (*страх*), tremo (*дрожать, бояться*), французское craindre (*бояться*), испанское estremecer (*испугаться*), русское трепет [Köbler 1995].

Слово „Angst“ — заимствование из латинского. Древневерхне-немецкое angust восходит к латинскому angustia (*теснота, стесне-*

ние). *Angustus* (*тесный, стесненный, сжатый*) восходит, в свою очередь, к *ango*, *anxi* (*сдавливать, сжимать (горло), сжимать, давить (сердце)*), что соответствует греческому *anxi* (*давить, душить, пугать*). Гуттуральный звук [ng] в слове „Angst“ точно передает чувство тесноты, которое есть и в словах *bang(e)* (*страшный, жуткий, тошнливый*) и *Enge* (*теснота, узость, ограниченность*); и нельзя придумать лучшего названия для воспаления гортани, чем *ангина*. По данным этимологических словарей, слово „Angst“ родственно словам ряда индоевропейских языков, в том числе ц.-слав. *ozos-to* (*сужение*) [Wandruszka 1981; Der Digitale Grimm 2001; Fries 2004; Henn-Memmesheimer 2012].

Таким образом, уже на уровне этимологического анализа фиксируется различие между физиологическими характеристиками двух типов страха: если словом „Furcht“ обозначается так называемый «животный страх» (*Furcht sitzt im Magen*), то место развития Angst-страха — в груди, и его причина — стеснение в груди (*Angst sitzt in der Brust*). Медики вывели краткую формулу Angst-страха: «возбуждение минус кислород» [Blankertz, Doubrawa 2005].

Семантика слов „Angst“ и „Furcht“

Этимологические различия в обозначениях двух типов страха — Angst и Furcht — находят свое отражение и в их семантических различиях. Главные смысловые противопоставления проводятся по следующим критериям (подробнее см. [Ямшанова 2016]):

- **степень определенности опасности**, реакцией на которую является страх. Если эмоция Furcht представляет собой реакцию на достаточно определенный объект — конкретную, предметную, узнаваемую, чаще реальную угрозу, то для характеристики опасности, по отношению к которой проявляется эмоция Angst, постоянно используются дефиниции типа «неопределенность, беспочвенность, смутность». Формально это противопоставление фиксируется в необходимости для слова „Furcht“ указания на конкретный объект, перед которым возникает страх: *Er hat Furcht vor Krieg*, и в возможности абсолютного употребления существительного Angst, без указания на источник грозящей опасности: *Er hat Angst*. Кроме того, в отличие от существительного Furcht, утратившего с конца XVIII в. форму множественного числа [Der Digitale Grimm 2001], слово „Angst“ может употребляться во множественном числе: *Er hat Ängste*, без определения, какие именно страхи испытывает человек;
- **«место» возникновения представления об опасности**. Источник возникновения опасности представляется как пришедший извне, из «внешнего мира» (Furcht) или развивающийся изнутри, в самом человеке (Angst);

- **различия в реакции на опасность.** Различаемым в психологии трем уровням реакции на опасность соответствует определенное распределение языковых обозначений страха.

При описании физической/физиологической реакции на опасность употребляются оба существительных: vor Furcht/Angst blass werden, erblassen, zittern; Furcht/Angst hat tausend Augen.

В рамках моторных реакций на серьезную (реальную или мнимую) опасность, мобилизующих силы организма, различаются бегство и оцепенение. Описания вызванных страхом реакций бегства включают оба обозначения страха: Furcht und Angst machen auch einen alten Mann laufen. Противоположная реакция — оцепенение, заставляющее человека застыть на месте в ощущении крайней безысходности, также описывается обоими существительными, хотя более типичной она является для Angst-страха: lähmende Furcht ergriff sie; vor Angst wie gelähmt sein; vor Angst fast vergehen/umkommen.

Психические и ментальные проявления реакции страха описываются главным образом через конструкции со словом „Angst“. Так, обозначения неврозов, возникающих на основе страхов — навязчивых состояний, кошмарных снов, фобий, имеют в своем составе слово „Angst“, а не „Furcht“: Angstneurose, Angstträume, а не *Furchtneurose или *Furchtträume [Fries 2004]. Трусливого человека называют Angsthase, Angstmacher, Angstmeier, но не *Furchthase;

- **оценка опасной ситуации.** Источник, границы и объем опасности, вызывающей Furcht-страх, оцениваются участниками более адекватно, чем в ситуации Angst-страха, обычно сильно преувеличивающего опасность. В языковом отношении это проявляется в обилии постоянных эпитетов при слове „Angst“: bleiern, höllisch, hysterisch, lähmend, mächtig, riesengroß, schrecklich, tierisch, übermäßig, unbeschreiblich, ungeheuer, ungläublich, wahnsinnig и т.п.;
- **степень контролируемости опасной ситуации.** Если в ситуации Furcht-страха человек в известной степени способен контролировать ситуацию, то в ситуации Angst-страха сама опасная ситуация «осуществляет контроль» над человеком, который «не дорос» до ее понимания и анализа.

Таким образом, под Furcht понимается эмпирический страх-боязнь, испуг, естественная реакция на определенную опасность, конкретное чувство, которое поддается контролю. Angst — это экзистенциальный, метафизический страх-тоска, неоформленное, неясное чувство страха, тревога, ужас, подавленность, долговременное напряженное состояние человека, имеющее тенденцию переходить в фобию.

Употребление слов „Angst“ и „Furcht“

Употребление слов „Angst“ и „Furcht“ изменялось на протяжении долгого времени и меняется на наших глазах.

Другими стали пропорции в частотности употребления этих слов: если 100 лет назад слово „Furcht“ употреблялось вдвое чаще слова „Angst“, то сегодня пропорция составляет 6:1, а по некоторым данным, даже 9:1 в пользу Angst [Henn-Memmesheimer 2012].

Возрастает продуктивность сложных существительных с конечным компонентом -angst, свидетельствующая о дифференциации типов Angst-страха. В науке создаются различные классификации Angst-страхов, обозначения которых широко употребляются и в повседневной речи, например: экзистенциальные страхи, связанные с личностью человека и с окружающим его пространством: Todes-, Krankheits-, Flug-, Höhen-, Gewitter-, Dunkel-, Kriegsangst (страх смерти, болезни, боязнь высоты, темноты, закрытых или открытых пространств, боязнь летать на самолете и т. п.); социальные страхи, связанные с опасениями изменения своего социального статуса: Angst vor dem anderen Geschlecht, Sexualität, Publikum und dem Vorgesetzten (боязнь нежелательных перемен в карьере, страх перед публичными выступлениями, перед начальством, в отношении представителей другого пола и т. п.); страхи, связанные с оценкой достижений: Bewertungs-, Prüfungs-, Schul- und Berufsangst (школьные, профессиональные страхи, страх перед экзаменами и т. п.).

Наблюдается тенденция употребления носителями немецкого языка слова „Angst“ в бытовых ситуациях для описания таких мелких повседневных «угроз», как молоко, тишина, Интернет, лифт, универмаг и т. п. (Angst vor Milch, vor Stille, vor Aal), не оставляя словесных возможностей для описания страхов перед такими существенными вызовами, как терроризм или кардинальное изменение климата. Такие «повседневнейшие страхи» (alleralltäglichste Ängste) уже фиксируются в специальных словарях [Hildebrand 2014].

Таким образом, слово „Angst“ сегодня расширяет сферу своего употребления за счет существенной дифференциации Angst-страхов. Эта тенденция диктуется, с одной стороны, «сверху» — из научной сферы (психология, социология, медицина), стремящейся «разложить» Angst на составляющие с целью анализа этого явления и возможности оказания точно направленной помощи разным людям. С другой стороны, она поддерживается «снизу» — самими людьми, эмоционально трактующими возникающие в их жизни проблемы как страхи. Об этой тенденции говорят и известные политические деятели, например, бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, констатирующий в 2011 г. склонность немцев к страху, «засевшую» в их сознании со времени конца нацистского режима и войны [Czycholl 2015], или бывший президент Бундестага ФРГ Рита Зюсмут, допускающая наличие у немцев «принципиального страха перемен» [Altmeier 2012].

В настоящее время наблюдается дисбаланс между научными рекомендациями лингвистов и спонтанным речевым поведением носителей языка: языковеды разрабатывают специальные прави-

ла и рекомендации по различиям в употреблении слов „Furcht“ и „Angst“, а носители языка постоянно пренебрегают ими, используя вместо слова „Furcht“ слово „Angst“. Так, хотя немецкие специалисты рекомендуют соотечественникам не увлекаться употреблением слова „Angst“ и описывать, например, страх перед полетами на самолете выражением „Furcht vor dem Fliegen“, они констатируют регулярность употребления в обыденной речи выражения „Angst vor dem Fliegen“ [Angst 2008].

Подобные факты, а также свидетельства самих немцев о своем переживании Angst-страхов побуждают иностранцев говорить об особом ментальном образовании — „German Angst“, означающем глобальную неуверенность в жизни и экзистенциальные страхи, являющиеся характерной чертой немецкого менталитета. Явление „German Angst“ прямо указывает на культурно-специфический характер слова „Angst“. В переводных словарях других языков это слово присутствует как таковое, без перевода, но с объяснением смысла этого немецкого феномена. Сами немцы приняли этот термин и активно дискутируют проблему „German Angst“ в Интернете.

Слово „Angst“ и его производные проникают в качестве заимствований в другие языки, например в русский. В обыденной речи российских пользователей социальных сетей и участников тематических форумов слово *ангст* употребляется в значении «депрессивное, подавленное душевное состояние, метафизический страх». Познавательный-развлекательный портал «Умное слово на каждый день» предлагает пользователям следующую дефиницию понятия *ангст*: «постоянное состояние смертного страха и тоски» [Everydayword 2015]. Без перевода слово *ангст* обычно употребляется в названиях фильмов, в сленге субкультур, связанных с музыкальной культурой Германии, как название литературного жанра фанфикшн. В последнем случае анонсируется, что «в произведении будут присутствовать депрессивные моменты, отчаяние, боль, страдание персонажей» [Люди 2016].

В молодежном жаргоне слово *ангст* склоняется как существительное мужского рода; кроме того, фиксируются производные от слова *ангст*, которых нет в немецком языке. Например, новый глагол, используемый в молодежном сленге в призыве *Не ангстуй!*, означает «Не дрейфь, для страха нет никаких объективных причин».

2. Междисциплинарный аспект изучения понятия „Angst“

Важность страха в жизни любого человека, а также культурно-специфический феномен Angst-страха в немецкой культуре вызывают интерес к этому явлению представителей разных отраслей знаний. Примечательно, что наряду с лингвистическими исследованиями влияние на понимание феномена Angst последовательно ока-

зывали представители разных научных сфер: теологии, философии, психологии, литературоведения, социологии, медицины.

В связи с распространением учения Мартина Лютера, переводчика Библии с латинского на немецкий язык в середине XVI в., произошел семантический переход от значения «мука, расстройство» латинского заимствования „Angst“ к значению «тревога, внушенная мыслями о смерти, дьяволе и аде» этого слова. Время Лютера было эпохой «великой эсхатологической тревоги»; ощущение конца света и приближения дня Страшного Суда присутствовало в сознании каждого человека. Однако и сам Лютер в этот период своей жизни был «преследуем отчаянием, беспокойством и сомнением», «острым чувством неуверенности», связанным с субъективным переживанием Божьего гнева и отвержения. Он был сжигаем Angst-огнем, и успех лютеровских произведений обеспечил передачу его страха перед дьяволом и тревоги многим сотням тысяч читателей [Фромм 2016; Вежбицкая 2001: 71—85].

С середины XIX в. понятие „Angst“ стало предметом широкой дискуссии после публикаций Серена Кьеркегора (в немецком переводе с начала XX в.), в которых обсуждались оба типа страха — (в переводе с датского) Furcht и Angst. С точки зрения представителей экзистенциальной философии (С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, А. Камю, Ж.-П. Сартр, К. Ясперс, П. Тиллих), в переживаемой ими исторической ситуации «человек осознал себя в некоей безнадежной потерянности, повсюду обреченный на проникающее в него разрушение. При этом речь шла не только об ужасающей бездонности внешнего мира, но и, возможно, об еще более угрожающих глубинах собственной души. <...> Страх стал воплощением этой полной обреченности человека. Поэтому наше столетие и называют “столетие страха”. Во всяком случае, никогда еще в истории человечества страх не занимал столько места в умах людей» [Болльнов 2001].

В то же время, по мнению представителей экзистенциализма, страх обладает огромным положительным потенциалом: «Неверен упрек, полагающий, что страх можно было бы отвергнуть, расценивая как слабость. Слабость выражается скорее в том, что человек бежит от страха, поворачивает назад, в шумную суету повседневной жизни, пытаясь заглушить этот предостерегающий голос различного рода рассеянием. Напротив, для того чтобы выдержать страх, всегда уже требуется неслыханное напряжение, поэтому страх представляет собой нечто совершенно иное, нежели простую боязнь. <...> Страх вообще не для слабых натур. “Страх не для слабых”, говорит Кьеркегор. Поэтому экзистенциальная философия требует отказать от бегства в рассеяние и одурманивание и “предоставить себя страху, который выводит на свет тревожное в нас”. <...> Отсюда выдерживание страха становится тем требующимся от человека высочайшим достижением, в котором единственно реализуется подлинность его существования» [Болльнов 1999].

С середины XX в. к пристальному изучению феномена «страх» обратились социологи и медики, фиксирующие резкое возрастание в Германии болезней, связанных со страхами. Согласно статистике, ими поражены сегодня от двух до трех миллионов немцев; неофициальные цифры еще выше. Хотя феномен страха исследуется в Германии очень интенсивно (например, в десятилетие с 1993 по 2003 гг. теме «страх» было посвящено 20 870 публикаций [Becker 2010]), ученые признают сегодня недостаточную изученность этого феномена.

Большое количество исследований медиков (психиатров, психоаналитиков) и социологов посвящено поиску критериев разграничения состояний Furcht- и Angst-страха. Одна из важных рекомендаций по борьбе с Angst-страхом касается превращения его в Furcht-страх, т. е. придания Angst-страху определенных границ, которые позволят его лучше контролировать. В этом секрет популярности всевозможных триллеров, «ужастиков», страшных детских сказок. Они порождают конкретные страхи, которые замещают место размытой, экзистенциальной, неустранимой тревоги, и человеку становится легче. Считается, что Furcht-страх может сам по себе превратиться в Angst-страх, но осуществить обратную ситуацию по превращению Angst-страха в Furcht-страх может только человек, действующий сознательно [Леонтьев 2003].

Подобно представителям экзистенциализма сегодняшние социологи и психологи также называют XX в. «веком страха» („Zeitalter der Angst“), аргументируя это обозначение уже более современными угрозами — распространением ядерного оружия, глобализацией и либерализацией, утратой доверия к политическим лидерам, одиночеством человека в урбанизированном мире [Becker 2010]. Таким образом, продолжается наложение «волн страха», характеризующее особенность истории Германии и объясняющее развитие в мышлении немцев метафизического страха, «пронизывающего собой всю немецкую литературу, музыку, живопись и, конечно, имеющую богатейшие традиции немецкую философию» [Чеснокова 2013].

Возможно, для преодоления метафизического страха современному человеку следовало бы обратиться к опыту экзистенциализма, призывающему не просто не бояться страха, но сделать его союзником своей полноценной жизни.

3. Переводческий аспект изучения слова „Angst“

Уникальность слова „Angst“ в переводческом плане состоит в отсутствии его точного эквивалента в других языках, в том числе в русском. Встречаясь в немецком тексте со словом „Angst“, русский переводчик попадает в ситуацию, когда дискретной и точно обозначенной семантической единице одного текста в другом соответствует «некоторое смысловое пятно с размытыми границами и по-

степенными переходами в область другого смысла. В этих условиях возникает ситуация непереводаемости, однако именно здесь попытки перевода осуществляются с особенным упорством и дают наиболее ценные результаты. В этом случае возникает не точный перевод, а приблизительная и обусловленная определенным общим для обеих систем культурно-психологическим и семиотическим контекстом эквивалентность» [Лотман 1996].

Эту мысль Ю. М. Лотмана поддерживают известные переводчики источников, в которых слово „Angst“ является ключевым, например, исследований философов-экзистенциалистов. Последовательно рассматривая трудно переводимые на русский язык безэквивалентные слова, переводчик Мартина Хайдеггера В. В. Биbihин пишет: «Для Angst оставлен ужас <...> хотя тревога и тоска здесь тоже служили бы» [Биbihин 2003: 500]. Другие исследователи находят свои эквиваленты слову „Angst“ — *неустранимая тревога* [Леонтьев 2003], *страх (из-за уязвимости)* [Зейферт 2006]. Делаются также попытки «развести» понятия „Angst“ и „Furcht“, противопоставляя *страх-тоску* и *страх-боязнь* [Зайкина 2004], *метафизический* и *эмпирический страх* [Чеснокова 2013].

В то же время исследование переводов на русский язык слов „Angst“ и „Furcht“ в художественных текстах показало, что слово „Angst“ регулярно переводится словом *страх*, а для передачи слова „Furcht“, помимо того же слова *страх*, используется целый ряд эквивалентов: *боязнь, робость, испуг, опасение, паника, ужас, тревога, расстройство*. По-видимому, это связано с тем, что в длинном списке слов, объединенных идеей страха, само слово *страх* находится на самой вершине, «выше» — только слово *ужас*.

Примечательно, что, согласно комментариям русских толковых словарей, значение слова *ужас* (состояние человека под влиянием сильного страха, отличительной чертой которого является подавленность, оцепенение, отсутствие активной реакции по устранению источника страха, а также безысходность и трагичность) очень близко подходит к значению слова „Angst“. Однако русские переводчики художественных текстов практически не используют слово *ужас* в качестве эквивалента слову „Angst“. Опрос группы информантов-носителей русского языка (15 человек) показал, что все они ощущают присутствие в семантике слова *ужас* элемента «кратковременность», что не соответствует представлению о длительном и всеобъемлющем характере состояния Angst-страха.

Подводя итог, можно констатировать, что при переводе немецких художественных текстов на русский язык слово „Angst“ регулярно передается словом *страх*, совершенно не отражающим явление, получившее в лингвистике специальное название German Angst. Русские читатели не получают представления об экзистенциальном характере Angst-страха, играющего столь важную роль в сегодняшней жизни представителей немецкоязычной культуры.

Литература¹

- Бибихин 2003 — *Бибихин В. В.* Примечания переводчика // *Хайдеггер М.* Бытие и время. Харьков, 2003. С. 499—503.
- Большов 1999 — *Большов О.-Ф.* Философия экзистенциализма. СПб., 1999. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000994/st000.shtml>
- Большов 2001 — *Большов О.-Ф.* Новая укрытость. Проблема преодоления экзистенциализма. Введение // *Философская мысль.* 2001. № 2. С. 137—145. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/bollnow/geborgen.html>
- Вежбицкая 2001 — *Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001. С. 45—121.
- Зайкина 2004 — *Зайкина С. В.* Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах (сопоставительный аспект). Волгоград, 2004. URL: <http://cheloveknauka.com/emotsionalnyy-kontsept-strah-v-angliyskoy-i-russkoy-lingvokulturah>
- Зейферт 2006 — *Зейферт Е. И.* Ключевые понятия „die Angst“ / «страх (из-за уязвимости)», „die Verbannung“ / «изгнание» в языковой картине мира российских немцев // URL: http://www.rusnauka.com/DN2006/Philologia/10_zeifert.doc.htm
- Леонтьев 2003 — *Леонтьев Д. А.* Экзистенциальная тревога и как с ней не бороться // *Московский психотерапевтический журнал.* 2003. № 2. URL: http://www.psylib.org.ua/books/_leond03.htm
- Лотман 1996 — *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. М., 1996. URL: <http://www.booksshare.net/index.php?id1=4&category=seotika&author=lotman-yum&book=1996>
- Люди 2016 — Люди, что такое АНГСТ??? // URL: <https://otvet.mail.ru/question/18506777>
- Фромм 2016 — *Фромм Э.* Бегство от свободы. Библиотека им. Елены Евдокимовой. 2016. URL: <http://modernproblems.org.ru/philosofy/182.html?start=5>
- Чеснокова 2013 — *Чеснокова Л. В.* Концепты метафизического страха (Angst) и безопасности (Geborgenheit) в немецкой философии культуры. 2013 // URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-philosophy-2013-1/3-chesnokova-lesya-vladimirovna.pdf>
- Ямшанова 2016 — *Ямшанова В. А.* Furcht и Angst: Проблема страха в немецкой лингвистике и психологии // *Актуальные проблемы экономики и управления.* Вып. 1 (9). СПб., 2016. С. 138—142.
- Altmeier 2012 — *Altmeier L.* Die neuen deutschen Heimatsucher // URL: <http://blog.initiativgruppe.de/2012/10/20/die-alten-deutschen-und-ihre-german-angst-vor-den-neuen-deutschen/>
- Angst 2008 — Angst — Furcht — Phobie — Panik. 2008 // URL: http://nlpportal.org/nlpedia/wiki/Angst_-_Furcht_-_Phobie_-_Panik

¹ Дата обращения ко всем web-материалам — январь 2017.

- Becker 2010 — *Becker J.* Computergestütztes Adaptives Testen (CAT) von Angst entwickelt auf der Grundlage der Item Response Theorie (IRT). URL: http://www.diss.fu-berlin.de/diss/servlets/MCRFileNodeServlet/FUDISS_derivate_000000001495/02_Kap2.pdf?hosts
- Blankertz, Doubrawa 2005 — *Blankertz St., Doubrawa E.* Angst. Lexikon der Gestalttherapie. 2005 // URL: <http://www.gestalttherapielexikon.de/angst.htm>
- Czycholl 2015 — *Czycholl H.* Die „German Angst“ steckt tief in unseren Genen // URL: <http://www.welt.de/wissenschaft/article132728527/Die-German-Angst-steckt-tief-in-unseren-Genen.html>
- Der Digitale Grimm 2001 — Der Digitale Grimm. Deutsches Wörterbuch. 2001 [1878]. URL: <http://woerterbuchnetz.de/DWB/?lemma=angst>
- Everydayword 2015 — Everydayword. Умное слово на каждый день, образовательно-развлекательный портал // URL: <http://word.everydayword.ru/angst>
- Fries 2004 — *Fries N.* Gefühle, Emotionen, Angst, Furcht, Wut und Zorn // URL: <http://www2.hu-berlin.de/linguistik/institut/syntax/docs/fries2004.pdf>
- Henn-Memmesheimer 2012 — *Henn-Memmesheimer B.* Sprechen über Emotionen und Gefühle: neurobiologisch und alltagssprachlich — Das Beispiel *Angst* // Emotionen in Sprache und Kultur / Janja Polajnar (Hrsg.). Ljubljana, 2012. S. 22—36. URL: http://germanistik.uni-mannheim.de/abteilungen/germanistische_linguistik/prof_dr_beate_henn_memmesheimer_em/publikationen_henn_memmesheimer/angstartikel/henn_memmesheimer_2012_sprechen_aber_emotionen_und_gefuehle_angst.pdf
- Hildebrand 2014 — *Hildebrand K.* Rezensionennotiz zu Süddeutsche Zeitung, 24.01.2014 für Annette Pehnt. Lexikon der Angst // URL: <http://www.perlentaucher.de/buch/annette-pehnt/lexikon-der-angst.html>
- Köbler 1995 — *Köbler G.* Deutsches Etymologisches Wörterbuch. 1995 // URL: <http://www.koeblergerhard.de/derwbhin.html>
- Wandruszka 1981 — *Wandruszka M.* Angst und Mut. Stuttgart, 1981.

ZUSAMMENFASSUNG

Kulturspezifisches Wort „Angst“

Die deutsche Sprache besitzt zwei Bezeichnungen für den Begriff «страх»: „Angst“ und „Furcht“. Forscher aus verschiedensten Fachrichtungen (Linguisten, Philosophen, Psychologen, Mediziner) versuchen, Unterscheidungskriterien für Angst (metaphysischer Zustand) und Furcht (empirischer Zustand) zu finden. Obwohl Linguisten die semantische Abgrenzung der „Angst“ von der „Furcht“ empfehlen, werden beide

Wörter von den Muttersprachlern heute oft synonym gebraucht, indem „Angst“ zahlenmäßig „Furcht“ stark übertrifft. „Angst“ dringt in die auffälligsten Nischen des Alltagslebens ein, was durch eine besondere Bezeichnung „German Angst“ fixiert wird.

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В АСПЕКТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ

Н. С. БАБЕНКО

(Институт языкознания Российской академии наук)

О ПРОЦЕССАХ «ГЛОБАЛИЗАЦИИ» В НЕМЕЦКОЙ ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ XVI СТОЛЕТИЯ

Как словарная единица понятие «глобализация» появилось поздно, лишь в начале 90-х годов XX в. [Wörter 2001: 62—63], но его прямая связь с реалиями современного мира никак не отменяет возможности ретроспективного взгляда на сходные процессы в истории разных культур, в том числе и немецкой¹.

В современной научной и публицистической литературе «эффекты», связанные с распространением интернета и новых технологий, нередко сравнивают с влиянием, которое оказало на развитие цивилизации изобретение книгопечатания в Германии в середине XV в. Данная статья посвящена прежде всего явлениям «окультуривания» социального пространства носителей немецкого языка с помощью текстов массового назначения, которые получили развитие в немецкой письменности благодаря соединению возможностей книгопечатания с социально-историческими событиями эпохи Реформации. Речь идет о переходной эпохе, получившей в немецкой лингвистической историографии название ранненововерхнемецкий период (Frühneuhochdeutsch), которая сочетала в себе разнообразные процессы: преемственность в развитии письменной культуры и инновационность, т. е. постепенное преодоление принципов, сложившихся в период длительного существования допечатной книжной традиции, отличавшейся целым комплексом условностей и ограничений в плане создания текстов, их распространения и использования. В общих чертах данная проблематика связана с изучением динамики изменения дискурсивного функционирования текстов под влиянием «глобальных» социокультурных преобразований.

В номенклатуре жанровых форм текстов XVI в. (подробнее: [Nettel 2000]) особое место занимали сочинения малоформатной романно-шванковой прозы, предназначенные для массового читателя [Бабенко 2011]. Мотив развлекательности и увеселения был устойчивым признаком литературы, возникшей в «тяжелые времена» и пред-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-04-00373.

назначенной для преодоления настроения уныния и меланхолии, что было весьма характерно для мироощущения членов социума в XVI в. [Rieche 2007]. Данный мотив уточняется в титульных разделах книг указанием на рекреативную функцию текстов, а также на их способность исцелять: *dass Trauwrigkeit / Kranckheit / hassz vnd neidt / wirdt gemildert* ('грусть, болезнь, ненависть и зависть смягчаются'). Типичным является указание на назидательную функцию текста — *fried und einigkeit* 'мир и согласие'. Для функциональной атрибуции текстов менее характерна негативная мотивация; например, «Книга о докторе Фаусте» содержит тройное назидание с двумя негативными посылами: *zum schrecklichen Beispiel / abscheulichen Exempel und treuhertziger Warnung* 'пример ужасающий и чудовищный вместе с добросердечным предупреждением' [Schwarz 2000: 158].

В период формирования массовой культуры малоформатные прозаические тексты претендовали на полезность и правдивость. При этом крайне разнородными оказывались их жанровые характеристики, на которые авторы/издатели указывали в пространственных титулах к изданиям; например: *...schöne ordentliche Gattierung allerley alten vnd newen Exempel / Gleichnis / Sprüch / Ratschläge / Kriegrüstung / geschwinder Rencke / Historien/Schutzreden / dunckeler Sprüch/rhäterisch/höflicher Schwenck / vnd dergleichen vieler anderer ernst vnd schimpfflicher reden vnd thaten* (1566) ('прекрасно выполненное собрание разного рода старых и новых экземпляров, притч, речений, советов, диспутов, острых слов, историй, защитительных речей, умных речений, полезных, пристойных шванков и много других серьезных и шуточных речей и поступков' (цит. по: [Althaus 2002, 27])).

Вместе с тем на фоне жанровой разнородности текстов в письменной культуре XVI в. появляется тенденция к разграничению таких жанровых форм, как *Historia* и *Fabula*. Оба понятия относились к жанрово сходным, коротким текстам событийного содержания, но понятие *Histori* выступало знаком новизны содержания, а понятие *Fabula* отсылало к уже известным источникам и собраниям историй или относилось к отрезкам текста, восходящим к стихотворному эпосу.

Комбинации прозаических и стихотворных фрагментов в тексте также могли служить способом функционального разграничения отрезков текста: так, проза использовалась как основная форма повествования, а стихи маркировали морализаторские фрагменты. Или, наоборот, если в повествовательном фрагменте содержались отсылки к известным источникам, то текст облакался в стихотворную форму, а мораль выражалась прозой. Такого рода комбинации в текстах демонстрируют понимание прозы как знака актуального, («правдоподобного») повествования, а стихотворная форма является скорее всего знаком интертекстуальности.

В немецкой письменности XVI в. авторство текста имело скорее факультативное значение. По этой причине среди текстов массовой литературы так много анонимных сочинений. На этом фоне возрас-

тает роль издателей текстов: их имена входили в пространные титулы, которые были носителями «рекламной» информации о назначении и характере текста, его качествах и достоинствах. Издатель был склонен заигрывать с публикой и выражать ей всякие знаки внимания. В то же время издатель позиционировал себя как авторитетный продуцент письменных текстов, к которому было обращено внимание публики, овладевавшей умением читать как престижным навыком. Включенность публики и продуцентов текстов в этот общий процесс распространения письменной культуры была во многом обусловлена интенсивным развитием рыночных отношений в эпоху раннего книгопечатания, когда книга уже стала товаром, а издатели были заинтересованы в больших тиражах [Бабенко 2010]. Анонимность же книжной продукции была для второй половины XVI в. скорее проявлением инерции, связанной с традицией прежних времен существования письменности на немецком языке, чем характерной чертой эпохи раннего книгопечатания.

Ценными качествами текстов считались не их содержательная оригинальность или индивидуальность стиля, а прежде всего умение пользоваться ресурсами немецкого языка в его письменной форме и быть частью тривиального дискурса на *Volkssprache*. При этом плагиат не только допускался, но и считался естественным условием существования данного текста в ряду других сочинений. Внимание к языковой форме текстов массовой литературы корреспондировало с быстрым распространением книгопечатания, которое в период Реформации имело политическое и идеологическое значение и во второй половине XVI — начале XVII вв. стало фактором развития новых коммуникативных условий в постреформационной Германии.

Тексты массовой литературы претендовали не только на «полезность» и «правдивость», но также на «развлекательность». Из этих трех прагматических свойств шванковых текстов «развлекательность» представляет особый интерес в рамках данной статьи. Общим признаком печатных изданий массовой литературы было настоятельное напоминание на титульной странице, которая выполняла функцию паратекста, об особом развлекательном, увеселительном назначении издания, что отчетливо выражалось в ключевом слове *kurzweilig*. Его глагольный аналог *kurzweilen* снабжен в словаре Малера 1561 г. переводом на латинский язык — *ludere, joculari, nugari* ('шутить', 'балагурить'). Вместе с тем «развлекательность» шванковой литературы представляла собой в XVI в. разновидность «смеховой карнавальской культуры» (М. Бахтин) и отражала возникновение новой коммуникативной модели, которая в немецкой культурной традиции была представлена шванком — жанром короткого фабульного текста, который имел своей основной задачей переключение из сферы официального дискурса в сферу неофициального с его «вольностями» увеселительного характера. Тем самым речь идет о тиражировании литературы с новыми функциями, отличными от

письменных текстов высокого образца: ее назначение быть *notwendig, dienstlich und kurzweilig* ('полезной, нужной и веселой').

Сборники прозы малых форм представляли собой весьма свободную последовательность коротких, разнообразных по своему содержанию, но сходных по назначению текстов: предназначенные для чтения с целью приятного времяпрепровождения, эти тексты находились за пределами теологических, философских и поэтических образцов. Они развивались в новой дискурсивной среде: установка на развлекательное, веселое и занимательное чтение означала по сути отрицание традиционного дискурса как не вполне адекватно отражающего многообразие жизненных ситуаций, происшествий и событий, которые явно отклонялись от логики представлений о правильном и нормативном. Тексты малых форм редуцировали функции назидания, поучения, толкования: они создавались *allein von guoter kurzweil wegen* 'только для доброго веселья', *niemants zuo underweisung noch leer* 'никак не для назидания или поучения' (цит. по: [Althaus 2000: 25]).

В современной текстологии шванковую литературу некоторые исследователи относят к разряду *Gegentext* 'альтернативный текст'. Данный термин указывает на наличие принципиального для второй половины XVI в. противопоставления между массовой литературой, распространявшейся благодаря книгопечатанию, и каноническими текстами высокой письменной культуры, связанными с фундаментальной функцией назидания средневекового образца. При этом обнаруживается определенная закономерность: чем более высоким в эстетическом и стилистическом плане был базовый текст, тем более примитивным оказывался «альтернативный» образец [Schwarz 2000: 168]. Данное предположение, безусловно, требует дополнительных весомых доказательств, однако существование сдвига в сторону примитивизма, действительно, имело место, поскольку фактор престижности чтения создавал среду для появления и распространения тривиальной литературы как способа социализации широких слоев населения в условиях формирования постреформационной публичности.

Вторая половина XVI в. считается начальным этапом формирования прессы как нового медиума и актуализации идеи открытости коммуникации, ее публичности, т. е. вовлечения широких масс в разнообразные дискурсы на фоне интенсивного распространения книгопечатания на значительной территории Германии как элемента городской культуры [Бабенко 2010]. Исконной формой ранней прессы были листовки — носители информации об актуальных событиях и происшествиях, интерес к которым был велик, поскольку они вводили, главным образом городское население, в сферу публичного, общественно значимого дискурса, который постоянно обновлялся за счет появления новых жанров или использования традиционных типов текста с дополнительными функциями.

Ранние формы немецкой «прессы» возникли в начале XVI в. в условиях мощных социальных и историко-культурных процессов. Они выполнялись на одном или нескольких листах рукописным или типографским способом, существовали под названием Flugblatt, которое служило обозначением средства коммуникации, а не жанра. Листовки не обладали периодичностью (в отличие от ранних еженедельных и ежедневных газет начала XVII в.), появлялись без твердого переплета (в отличие от книг), были обращены к актуальным темам (в отличие от религиозного или философского трактата), содержали элементы агитации и пропаганды идеологического дискурса (в отличие от новостных сообщений в формате *neue Zeitung* 'новые вести' и отличались социальной разнородностью адресатов в широком публичном пространстве (в отличие от устных призывов и плакатов) [Schwitalla 1999].

Листовки в объеме одного листа (малоформатные) и в объеме больше одного листа (крупноформатные) различались по целому ряду параметров. Объемные листовки имели титул, были выполнены в прозе, отличались аргументативным характером развития текста и такими речевыми актами, как призыв, предупреждение, угроза или жалоба, которые нередко облекались в полемические формулировки. Малоформатные листовки, напротив, имели более строгую формальную структуру, нередко они содержали изображения-иллюстрации, а тексты часто облекались в стихотворную форму; они выполнялись в описательном ключе с морализаторскими концовками.

В немецкой письменности XVI в., особенно в его второй половине, отмечается отчетливая тенденция к использованию некоторых традиционных жанров текста (например проповедь, фабула, трактат и т. д.) в форме листовок как специфического медийного средства распространения информации. Среди жанров текста, печатавшихся в формате листовок, относительно высокой частотностью отличались миракли — сообщения о чудодейственных событиях, которые изображали и описывали разного рода небесные предзнаменования, чудодейственные проявления поста, пищи, дождя, крови, видения ангелов и призраков, примеры исцеления и воскрешения. В 60 % листовок с описанием чудес повествуется о небесных явлениях: «чудесное» нисходит сверху в прямом и переносном смысле. Этот тип новостной продукции был очень востребован в XVI в., а пиком его распространения стала вторая половина столетия [Wellmann 2000: 246].

Язык этих сообщений существенным образом отличался от стилистических свойств канцелярского языка и научной прозы своей общедоступностью и ориентацией на «народную речь». При этом коммуникативные параметры текстов обеспечивались использованием разнообразных языковых и неязыковых средств, которые в совокупности развивали новую для немецкой письменности дискурсивную среду в виде ранних форм прессы. Характерными чертами

этого типа дискурса, связанного с сообщениями о чудодейственных явлениях, были следующие моменты:

1. Привлечение интереса к сообщению с помощью изображения; частое использование словесного комплекса *neue Zeitung* 'новая весть', которое указывало на актуальность события и важность знания о нем для публики; включение оценочной лексики, привлекающей читателя и усиливающей фокус внимания: *ein warhafftig vnd erschröcklich neue Zeitung* 'подлинная и ужасающая новая весть'. Отношения автора и читателя регулировались при этом таким образом, что автор оставался анонимным, как это было типично для книгопечатной продукции XVI в., а читатель солидарно обозначался с помощью личного местоимения 1-го лица мн. числа, как это было свойственно стилю проповеди и в целом религиозному ритуалу.

2. Акцент на правдоподобию сообщения, его практической полезности как факта обыденной жизни.

3. Актуализация сообщения путем точного датирования листовки и точного описания события, его места и времени. При этом обращение к событиям из прошлого было весьма нетипично.

4. Нацеленность на общественный резонанс через придание печатным текстам 'публичности' (лат. *publice* 'всенародно' в противоположность *privatim* 'частным образом'), что достигалось не в последнюю очередь благодаря тиражированию печатной продукции. Немецким аналогом латинского прилагательного *publice* выступало слово *offentlich* 'открытый', 'общедоступный', 'публичный', которое в своем расширительном понимании имело значение не только 'известный', но и дополнительно 'предназначенный для того, чтобы нечто стало известно кому-либо' [Ukena 1977: 36]. В исторических рамках XVI в. публичность как фактор расширения социальной базы коммуникантов стала развиваться в том числе благодаря появлению в составе полемической и религиозной письменности такого жанра, как *offener Brief* 'открытое письмо', в котором были представлены некоторые приемы передачи информации, востребованные позднее в периодике [Wellmann 1999].

5. Распространение информационной культуры по горизонтали, что обеспечивалось широкой сетью издательских центров и мелких *Druckereien* ('печатни'), открытых во многих городах Германии. Как часть новой городской культуры информационные листки с разнообразной информацией были востребованы не только публикой, владевшей грамотой: тексты оглашались публично или зачитывались в присутствии слушателей. При этом важно подчеркнуть, что к середине XVI в. уровень неграмотности населения был в Германии не очень велик [Ecker 1981: 100]. Данное обстоятельство позволяет предположить, что круг потенциальных реципиентов мог быть довольно значительным даже при небольших тиражах в 200 экземпляров.

Таким образом, в немецкой письменности XVI в. существовало множество источников, которые к началу XVII в. развились в некоторое подобие «периодической печати». Первые периодические еженедельные номера газет под названием “Aviso” (в Вольфенбюттеле) и “Relation” (в Страсбурге) стали выходить в Германии с 1609 года. Формирование принципиально нового (газетного) типа текста, нацеленного на регулярное сообщение текущих новостей, предполагало существование совокупности определенных предпосылок, таких как, например, политематичность текстов, актуальность новостей, регулярность, периодичность их появления, что отвечало ожиданиям и настоятельным потребностям общества; публичность как свойство открытой информации для разных слоев общества и как способа вовлечения широких кругов читателей в коммуникативные процессы [Семенюк, Бабенко 2007]. Именно эти признаки подготовили новый важный этап в использовании тех возможностей, которые были созданы в Европе — и прежде всего в Германии — благодаря изобретению книгопечатания. Появление мощного технического новшества соединилось в XVI в. с интенсивными процессами развития форм массовой культуры в ее разнообразных проявлениях. Некоторые параллели из этого исторического опыта с очевидностью обнаруживаются и в некоторых явлениях современной эпохи, тесно связанной с функционированием новых интернет-технологий.

Литература

- Бабенко 2010 — *Бабенко Н. С.* Раннее книгопечатание в Германии и его роль в развитии немецкого языка // *Язык. Закономерности развития и функционирования: сборник в честь юбилея Н. Н. Семенюк.* М.: Эйдос, 2010. С. 255—270.
- Бабенко 2011 — *Бабенко Н. С.* Массовая литература в немецкой письменности XVI века: от шванка к роману (опыт исторической лингвопрагматики) // *Культурно-историческая парадигма и языковые процессы.* М.: Эйдос, 2011. С. 352—371.
- Семенюк, Бабенко 2007 — *Семенюк Н. Н., Бабенко Н. С.* Из истории текстовых новаций в немецкой письменности XVII столетия // *Лингвистическая полифония: сборник в честь юбилея профессора Р. К. Потаповой.* М.: Языки славянских культур, 2007. С. 254—264.
- Althaus 2002 — *Althaus T.* Kurzweil. Überlegungen zum Verhältnis von Darstellungsintention und geringem Textumfang in der Kleinen Prosa des 16. Jahrhunderts // *Textsorten deutscher Prosa vom 12/13. bis 18. Jahrhundert und ihre Merkmale: Akten zum internationalen Kongress in Berlin 20. bis 22. September 1999.* Bern; Berlin u.a., 2002. S. 23—38.

- Ecker 1981 — *Ecker G.* Einblattdrucke von den Anfängen bis 1555. Untersuchungen zu einer Publikationsform literarischer Texte. Bd. 1. Göppingen, 1981.
- Hertel 2000 — *Hertel V.* Textsortenbenennungen im Deutschen des 16. Jahrhunderts // Sprachgeschichte als Textsortengeschichte. Festschrift zum 65. Geburtstag von Gotthard Lerchner. Frankfurt a. M.; Berlin, 2000. S. 321—336.
- Rieche 2007 — *Rieche J.* Literatur im Melancholiediskurs des 16. Jahrhunderts. Volkssprachige Medizin, Astrologe, Theologie und Michael Lindeners 'Katzipori' (1558) (= Literaturen und Künste der Vormoderne. Bd. 1). Stuttgart, 2007.
- Schwarz 2000 — *Schwarz A.* Die Freude am Guten und Bösen: Zum Verhältnis der Textsorten Prosaroman und Schwankroman // Sprachgeschichte als Textsortengeschichte. Festschrift zum 65. Geburtstag von Gotthard Lerchner. Frankfurt a. M.; Berlin, 2000. S. 155—168.
- Schwitalla 1999 — *Schwitalla J.* Flugschrift. Tübingen, 1999.
- Ukena 1977 — *Ukena P.* Tagesschrifttum und Öffentlichkeit im 16. und 17. Jahrhundert in Deutschland // Presse und Geschichte. Beiträge zur historischen Kommunikationsforschung. München, 1977. S. 35—51.
- Wellmann 2000 — *Wellmann H.* Der offene Brief und seine Anfänge. Über Textart und Mediengeschichte // Sprache — Kultur — Geschichte. Sprachhistorische Studien zum Deutschen. Hans Moser zum 60. Geburtstag. Innsbruck, 1999. S. 361—384.
- Wellmann 2000 — *Wellmann H.* Warhaftige neue Zeitung. Zu den Anfängen der deutschen Presse in der Mirakelliteratur // Sprachgeschichte als Textsortengeschichte. Festschrift zum 65. Geburtstag von Gotthard Lerchner. Frankfurt a. M.; Berlin, 2000. S. 243—260.
- Wörter 2001 — Wörter, die Geschichte machten. Schlüsselbegriffe des 20. Jahrhunderts. Gütersloh; München, 2001.

ZUSAMMENFASSUNG

Über einige Kennzeichen der Globalisierung in der deutschen Schriftkultur des 16. Jahrhunderts

Im Artikel werden einige soziokulturelle Phänomene in der deutschen Schriftlichkeit der Nachreformationszeit betrachtet, die auf die Prozesse der Globalisierung hinweisen, d.h. einer enormen Einbeziehung der breiten Massen in die globalen Prozesse der sozialen, ideologischen und wirtschaftlichen Umgestaltung des Lebens. Der frühe Buchdruck trat dabei als Mittel der Globalisierung auf und trug zur Erweiterung des diskursiven Funktionierens der deutschen Sprache durch die Favorisierung von den massenorientierten Textsorten bei.

Б. А. ДЮБО

(Санкт-Петербургский академический университет РАН)

**ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР
ВИЗУАЛЬНЫХ ОПОР
В ГРАММАТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ БАРОККО**

Сегодня в специальных текстах визуальный код все шире становится элементом текстообразования. Благодаря техническому прогрессу все больше используется сочетание языковых описаний и иконических знаков (термин впервые предложил один из основоположников семиотики Чарльз Сандерс Пирс, выделявший: 1) образы (изображения); 2) метафоры и 3) такие визуальные элементы, как диаграммы, графики, таблицы, схемы и пр. [Пирс 2000: 185—186, 190, 202 и сл.]).

Визуальные компоненты (иллюстрации, фотографии, рисунки, схемы) начинают играть ведущую роль и дополнять вербальный контент. Феномен визуальности становится сегодня базовым модусом существования культуры, общим принципом структурирования ее артефактов. Визуальные образы облегчают и ускоряют передачу информации и способствуют закреплению нового материала. С учетом глобализации и интернационального характера визуальной информации можно прогнозировать усиление визуальной составляющей.

Задачей данной статьи является анализ видов и функций визуальных средств в одном из типов текста, а именно в грамматике эпохи барокко «Искусство немецкого языка» („Deutsche Sprachkunst“) [Olearius 1630] Тилемана Олеариуса (1600—1671), в частности анализ иконических знаков, которые имеют интернациональный характер, а также рассмотрение способов взаимодействия в рамках текста вербальных и визуальных элементов. То, как используются визуальные средства в учебниках по грамматике, следует рассматривать особо, т.к. соотношение вербального и визуального компонентов в первую очередь определяется типом текста и может быть описано только с учетом свойств типа текста [Stöckl 2004: 23; Gläser 1990: 148]. «Искусство немецкого языка» Олеариуса выделяется среди грамматических сочинений того времени: «Эта книжечка, насколько нам известно, впервые пытается дать психологическое обоснование своего метода преподавания и предлагает в этом случае способ обучения (*modus docendi*) с помощью различных картинок» [Hanns 1881: 31—

32]. Прилагаемые к тексту подкрепленные визуально вспомогательные средства передачи знаний, реализованные Олеариусом в его грамматике, явились в конечном счете руководством для начального образования.

1. Визуальная метафора в грамматических сочинениях

То, что визуализация в грамматических сочинениях получила большое распространение в наше время, не означает, что это является чем-то новым в грамматике. Визуальные средства подачи информации используются с давних времен. Большинство населения в Средние века было неграмотным, появившиеся тогда иллюстрированные рукописные книги должны были помочь людям, навыки чтения которых были бедны, расшифровать текст и понять его. Книжки начинались с обложки-переплета, обязательным был титульный лист, после него шли страницы с текстами и иллюстрациями. На рубеже XIV и XV вв. в Европе большими тиражами выходили гравюры, которые должны были заменить книгу неграмотным слоям населения.

В грамматических сочинениях XIII и XIV вв. широкое распространение получили такие иконические знаки, как метафора, особенно часто в виде рисунков фронтисписа. «Метафора отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между очень разными индивидами и классами объектов. Эта способность играет громадную роль как в практическом, так и в теоретическом мышлении» [Друтюнова 1990: 15]. Изображение является также знаком, как и слово. Как и все метафоры, визуальные метафоры содержат указание на сходство двух различных вещей. «Метафорические структуры возникают <...> сначала на уровне языковой когниции и реализуются в языке, позже, на втором этапе, они могут также быть использованы в письменной речи. На следующем этапе этот фигуративный дискурс может быть перенесен и представлен в визуальном режиме на иконографическом уровне кодификации. Так, грамматические произведения раннего нового времени часто содержат также и рисунки, которые изображают этот метафорический дискурс» [Moulin 2011: 27].

Таким видом метафоры, как персонификация, т. е. представление неодушевленных вещей, абстрактных понятий, обобщающих существительных и др. «как действующих и говорящих человеческих образов» [Гончарова 2010: 232], заполнены чаще всего фронтисписы. Персонификации грамматик визуализируют в сжатой форме центральные идеи текста. Они сразу наводят читателя на размышления, которые дают первое представление о содержании книги, иногда способны дополнить текст.

Аллегорическое изображение грамматики украшает первую страницу главы о грамматике известного энциклопедического сочи-

нения XVI в. «Жемчужина философии» („Margarita philosophica“), написанного на латинском языке немецким монахом Грегором Рейшем (Gregor Reisch) (1467—1525).

Рис. 1. Reisch Gregor. Bild der Grammatik // Margarita philosophica, Basel: Furter, 1517. Buch I tractatus I, Seite VI

Женская фигура на переднем плане (рис. 1) представляет собой грамматик, она открывает храм мудрости и передает приближающемуся ученику большую таблицу с алфавитом. Надпись на входе гласит: „Congruitas“ и обозначает первую часть грамматики. На первом этаже учительствует грамматик Донат, на следующем этаже Присциан продолжает обучение грамматике на более высоком уровне. Четко представлена система семи свободных искусств соответствующими авторитетами по отдельным дисциплинам.

Кроме человека, в качестве домена источника метафоры могут выступать здания, растения, машины. В своем обстоятельном сочинении Клодин Мулен (Claudine Moulin), привлекая примеры из истории немецкой грамматикографии, показала, что фигуративные высказывания о языке и грамматике с помощью архитектурных метафор используются до сих пор. Традиция и трансформация архитектурной метафоры в теории языка проявляется, например, в лингвистических сочинениях Юстуса Георга Шоттелиуса (1612—1676) [Moulin 2011: 33]. Отождествляя язык с архитектурно-художественным сооружением и грамматик с его опорами (колоннами) и фундаментом, Шоттелиус ссылается при этом на традицию наглядности, восходящую к Античности [Moulin 2011: 27].

Рис. 2. Titelblatt zu J. G. Schottelius
Ausführliche Arbeit Von der Teutschen
HauptSprache. Braunschweig 1663

Рис. 3. Olearius 1630: 80

Грамматика (рис. 2) парит над колоннами, под которыми стоят одетые в солдатскую форму фигуры, смотрящие на возвышающийся над ними верхненемецкий язык. Их одежда свидетельствует о месте их происхождения, они представляют собой в персонифицированной форме различные диалекты.

Наряду с визуальным дизайном титульных страниц визуальные элементы используются также внутри текста. Иллюстрации с помощью вставленных в текст изображений известны в рукописной традиции Средневековья. В специальной литературе они служат при передаче знаний, прежде всего для пояснения и в дидактических целях. Визуально сохраняемый образ способствует запоминанию и совершенствует искусство преподавания учебного материала [см. Moulin 2008: 20]. Визуализация была весьма актуальна, т. к. большинство грамматик барокко носили чисто педагогический характер.

Тилеман Олеариус большое значение придает методу, согласно которому все правила благодаря прилагаемым рисункам придают грамматике доставляющий радость игровой характер („in einen lusum Grammaticum gebracht vnd mit lust gespielt werden“) [Olearius 1630: Vorrede]. Олеариус полагает, что картинки «отражают и указывают на важнейшие свойства и, следовательно, почти на всю дефиницию падежа или времени» („die Bilder die vornembsten Eigenschafften/ und also fast totam definitionem des casus oder temporis begreifen und andeuten“) [Olearius 1630: Vorrede].

Дл:

В разделе синтаксиса своей грамматики Тилеман Олеариус рассматривает функции и значения падежа в словосочетаниях, грамматическое приспособление зависимой словоформы к форме главного слова, выделяет прямой и косвенные падежи. На картинке (рис. 3), изображающей метафорически номинатив, мы видим короля. В правиле, предваряющем рисунок, говорится: «Номинатив стоит перед глаголом и управляет числом и лицом. Турки побеждают, перс проигрывает. На этой картине это показано детям на примере короля, держащего скипетр в руке, чтобы они всегда обращали внимание на номинатив, т. к. он прямой [падеж], царь, или правитель. Он управляет и следит за конструкцией» („Nominativus gehet vor dem verbo her/ und regieret den Numerum und personam. Die Türcken siegen/ der Perser verleuret. Turcae vincunt, Persa vincitur. Dieses wird in diesem Bilde den Kindern gewiesen/ durch den König/ der einen Scepter in der Hand hat/ damit sie allezeit auff den Nominativum acht haben mögen. Denn der ist Rectus, Rex, vel Regens, Er regieret und seheth an die konstruktion“) [Olearius 1630: 79].

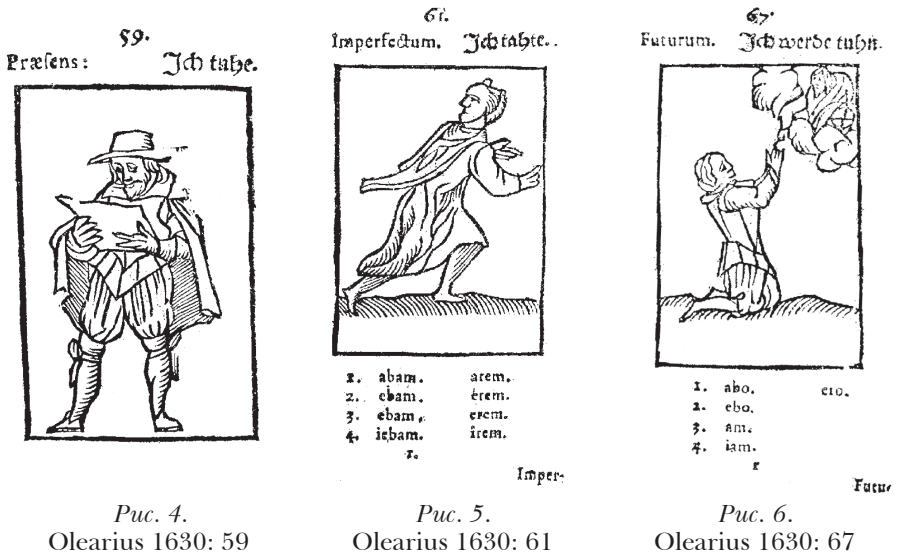
2. Визуальная экземплификация

2.1. Интернациональный характер ориентационной метафоры как средства экземплификации

На примере грамматики Олеариуса можно видеть, что метафора используется среди прочего не в самом определении значения грамматического явления, когда происходит скрытое сравнение двух предметов или явлений, а в комментирующих замечаниях при экземплификации этих правил. Примеры вводятся, как правило, словом *wie*. Лексическое содержание примеров в основном представлено обыденной речью, описывающей объекты из повседневной жизни. Пример как иллюстрация, доказательство правил приходит уже в период Возрождения на смену грамматическим комментариям и глоссам предшествующей традиции, что, вероятно, связано с тем, что грамматика имеет не дескриптивный характер, а приобретает статус прескриптивной дисциплины, целью которой становится описание нормы языка и обучение ей [Кистерева 2008: 68; Percival 1983: 303—330].

В некоторых рисунках к вербальным примерам у Олеариуса отмечаются явления, которые нельзя отнести к рассмотренным нами выше структурным метафорам. Вслед за Джорджем Лакоффом и Марком Джонсоном, излагающими в своей широко известной книге «Метафоры, которыми мы живем» основы когнитивного подхода к метафоре, эти явления можно отнести к ориентационным метафорам. В этом случае «нет структурного упорядочивания одного понятия в терминах другого, но есть организация целой системы понятий по образцу некоторой другой системы. <...> Большинство подобных

понятий связано с пространственной ориентацией, с противопоставлениями типа “верх — низ”, “внутри — снаружи”, “передняя сторона — задняя сторона”. <...> Например, в одних культурах будущее находится впереди нас, а в других — позади нас». [Лакофф & Джонсон 2004: 35]. В другой работе этих авторов «Философия во плоти» уточняется, что такая система метафор характерна для английского языка. При этом для настоящего времени характерно изображение самого наблюдателя, будущее впереди наблюдателя, прошедшее позади [Lakoff, Johnson 1999: 140]. В русском языке в диахроническом аспекте постепенно преобладающим становится также «встречное движение времени», то есть с «будущим» впереди нас, а прошлое позади [ср. Балашова 2014: 52]. Как показывают ориентационные метафоры у Олеариуса, это же пространственное понимание времени относится и к немецкому языку.

Олеариус пишет о презенсе: «Praesens означает действие, еще происходящее в данный момент, например, он говорит: “Я стою или я читаю» („Praesens, bedeutet die taht, so noch gegenwärtig ist/ vnd geschihet/ wie der spricht: Ich steh/ oder ich lese“) [Olearius 1630: 60]. Какой-то момент запечатлен при изображении настоящего времени. Мы видим, что неподвижно стоящий человек читает книгу, широко расставив ноги (рис. 4).

Об имперфекте (рис. 5) говорится: «Имперфект, я это сделал, частично это свершилось, но все же в то же время не полностью, например, он убегает, но оглядывается назад, думая, не остаться ли лучше» („Imperfectum, ich tahte es/ ist zum theil geschehen/ und doch gleichsam/ als nicht vollkommen/ wie der/ so wegläufft/ und sihet doch zurück/ als bliebe er lieber“) [Olearius 1630: 62].

По Олеариусу (рис. 6), «Futurum означает будущее, например, он надеется и просит у Бога, что он кем-то станет или сделает, или будет: я полюблю, буду учить, читать, слушать» („Futurum bedeutet das zukünftige/ wie der hoffe und bittet von Gott/ daß er was werde/ oder tuhe/ oder sei/ ich werde lieben/ lehren/ lesen/ hören“) [Olearius 1630: 68].

Профессор германистики из Йены Герман Функ рассматривает использование визуальных опор при введении и объяснении правил употребления временных форм как ситуирование грамматических правил, которое ведет к их неизбежному применению. За рисунком следует текст, который вводит грамматическую структуру. Ситуативные иллюстрации (рисунки) к грамматическим правилам воспроизводят реальную ситуацию, способствуют преодолению трудностей, связанных с восприятием материала и логикой его изложения. При этом сами рисунки не обязательно отражают немецкую действительность, т. е. они носят интернациональный характер [Funk, Koenig 2013: 88—89]. Очевидно, что соединение конкретных наглядных иллюстраций и абстрактных правил имеет важную функцию, а именно активирование различных «функциональных центров» головного мозга. Таким образом, абстрактная информация в сочетании с картинкой лучше усваивается [Funk, Koenig 2013: 89].

Отношения между текстом и изображением с семантико-композиционной точки зрения, когда при этом речь идет о доли одного коммуникативного средства по отношению к другому в рамках всего сообщения, можно разделить следующим образом: избыточность (Redudanz), комплементарность (взаимодополняемость) (Komplementarität), доминирование (Dominanz) [ср. Nöth 2000: 492; Klammer 2014: 98]. По мнению немецкого лингвиста Вильфрида Нёта, в грамматике Олеариуса отмечается избыточность (Redudanz), изображение в этом случае представляет информацию с помощью живописных средств, которую передает и соответствующий текст. Речь идет о повторении информации другими семиотическими средствами: «Изображения, которые избыточны по отношению к тексту, хотя и не способствуют лучшему пониманию текста, но они могут из-за двойного кодирования сообщения привести к лучшему запоминанию» [Nöth 2000: 492].

Т. Олеариус жил в одно время с основоположником научной педагогики Яном Амосом Коменским (1592—1670), который в сочинении «Великая дидактика» (“Didactica magna”), ставшем основной теоретической базой латинского образования, утверждает принцип взаимосвязи практического, чувственного познания с абстрактно-логическим. Свое сочинение Коменский сначала написал на чешском языке (1628—1630, опубликовал в 1649 г.), а в 1633—1638 гг. переработал и перевел на латинский язык (опубликована в 1657 г. в Амстердаме). В его знаменитом учебнике «Мир чувственных вещей в картинках», вышедшем в Нюрнберге в 1658 г., предназначенном для изучения немецкого языка параллельно с латинским, для

обучения использовались имеющие надъязыковой характер интернационально понятные изображения с описанием на латинском и немецком языках.

2.2. Решающая роль мимики, жестов и позы тела

В рисунках, представленных в грамматике Олеариуса, речь идет не о фигуре мужчины, которая могла бы предстать как антропоморфная персонификация времени, но лишь о передающем определенные чувства выражении лица, об интенсивности жестикуляции и позе мужчины. На основе личного опыта ученики могут распознать врожденные способы выражения эмоций, эмоциональную мимику и движения; произвести анализ причин, порождающих определенные эмоциональные состояния. Известный историк и теоретик искусства Эрвин Панофский писал: «Предметы и события, представленные в мире мотивов линиями, цветами и объемами <...> могут идентифицироваться на основании нашего практического опыта. По внешнему виду и поведению каждый легко узнает человека, животное или растение, и каждый сможет отличить разгневанное выражение лица от жизнерадостного» [Панофский 1999: 50].

В инценировании через жест передается важная информация о происходящем и о людях, связанных с этим. «Жесты считаются “более точным” выражением внутренней жизни человека, чем слова, которые в большей мере направляются сознанием» [Вульф 2009: 44]. С точки зрения содержания жест может повторить языковой знак, активизировать его, выделить, подчеркнуть или полностью заменить.

Мимические картины, позы, наборы жестов, мимика обладают несомненным приоритетом над вербальным языком еще и потому, что носят интернациональный характер, которому Олеариус уделял большое внимание. Используемые в грамматике изображения свидетельствуют об универсалистском подходе в изложении грамматического материала, потому что они могут быть использованы для изучения других языков. Олеариус говорит об этом в приложении к своей грамматике: «таким образом, эта книжечка не только компендиум немецкой грамматики, но в ней содержатся одновременно общие правила (*generalissima praecepta*) для использования во многих других языках» („*Dergestalt/dann dieses Büchlein nicht allein ein Compendium der Deutschen Grammaticae, sondern es sind zugleich darin generalissima praecepta, in vielen andern Sprachen zugebrauchen*“) [Olearius 1630: 89].

Анализ использования визуальных средств в грамматических учебниках барокко позволяет определить разновидности распространенных в рассматриваемый период иконических знаков (метафора, метонимия, таблицы). Среди метафор особое значение

приобрела персонификация, визуализирующая в сжатой форме центральные идеи текста. Ими заполнены чаще всего фронтисписы. В случае когда изображение дополняет вербальный текст, могут использоваться не только структурные метафоры, структурирующие один концепт в терминах другого, но и метафоры, организующие целую систему концептов относительно другой системы. В грамматическом сочинении Тилемана Олеариуса это ориентационные метафоры. В них проявляется общечеловеческая способность осмысливать новые явления через уже имеющийся опыт познания, запечатленный в базовых концептуальных системах. Они сознательно используются автором грамматики, т. к. имеют интернациональный характер, могут совпадать в разных языках, что является весьма важным при изучении языков. Несомненным приоритетом над вербальным языком, в частности потому, что носят интернациональный характер, обладают и мимические картины, позы, наборы жестов, мимика.

Литература

- Арутюнова 1990 — *Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс. Теория метафоры. М., 1990.
- Балашова 2014 — *Балашова Л. В.* Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М., 2014.
- Вульф 2009 — *Вульф К.* К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал / пер. с нем. Г. Хайдаровой. СПб, 2009.
- Гончарова 2010 — *Гончарова Е. А.* Теория и практика стилистического анализа = *Theorie und Praxis der Stilanalyse*: учеб. пособие. М., 2010.
- Кистерева 2008 — *Кистерева М. Э.* О роли грамматического примера в описании языка (Некоторые аспекты изучения первых португальских и испанских грамматик) // Вестник ВГУ. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2008. № 2. С. 68—73.
- Лакофф, Джонсон 2004 — *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова; пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой. М., 2004.
- Пановский 1999 — *Пановский Э.* Смысл и толкование изобразительного искусства / пер. с англ. В. В. Симонова. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999.
- Пирс 2000 — *Пирс Ч. С.* Избранные философские произведения. М., 2000.
- Funk, Koenig 2013 — *Funk H., Koenig M.* Grammatik lehren und lernen. München, 2013.
- Gläser 1990 — *Gläser R.* Fachtextsorten im Englischen. Tübingen, 1990.
- Hanns 1881 — *Hanns R.* Beiträge zur Geschichte des Deutschsprachlichen Unterrichtes im siebzehnten Jahrhundert // *Jahrbücher für*

- Philologie und Paedagogik. Zweite Abteilung / Hg. v. Hermann Masius. Leipzig, 1881. S. 1—38, 65—87 (fortsetzung und schlusz).
- Klammer 2014 — *Klammer K.* Das Bild in der Fachkommunikationsforschung // *Baumann K.-D., Dörr J.-E., Klammer K.* Fachstile: Systematische Ortung einer interdisziplinären Kategorie. Berlin, 2014. S. 91—112.
- Lakoff, Johnson 1999 — *Lakoff G., Johnson, M.* Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. New York, 1999.
- Moulin 2008 — *Moulin C.* Grammatik im Bild — Bilder der Grammatik: Räume des sprachlichen Wissens in der Grammatikographie der Frühen Neuzeit // *Gewusst wo! — Wissen schafft Räume: die Verortung des Denkens im Spiegel der Druckgraphik; [Ausstellung im Gutenberg-Museum, 31.10.2008 bis 29.03.2009].* Berlin, 2008. S. 17—36.
- Moulin 2011 — *Moulin C.* Grammatische Architekturen. Zur Konstitution von metasprachlichem Wissens in der Frühen Neuzeit // *Les sciences humaines et leurs langages Artifices et adotions.* Édité par Sabine Frommel, Gernot Kamecke. Rome, 2011. S. 25—44.
- Nöth 2000 — *Nöth W.* Der Zusammenhang von Text und Bild // *Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft.* Bd. 16, Halbbd. 1: Text- und Gesprächslinguistik / Hrsg. von K. Brinker [u.a.]. Berlin [u.a.], 2000. S. 489—496.
- Olearius 1630 — *Olearius Tilemann.* Deutsche Sprachkunst: Aus den allergerewissesten/ der Vernunft un[d] gemeinen brauch Deutsch zu reden gemässen/ gründen genommen; Sampt angehengten neuen methodo, die Lateinische Sprache <...> zu lernen. Hall, 1630.
- Percival 1883 — *Percival K. W.* Grammar and Rhetoric in the Renaissance // *Renaissance Eloquence: Studies in the Theory and Practice of Renaissance Rhetoric / James J. Murphy (ed.).* Berkeley, CA, 1983. P. 303—330.
- Stöckl 2004 — *Stöckl H.* Die Sprache im Bild — Das Bild in der Sprache: Zur Verknüpfung von Sprache im massenmedialen Text; Konzepte, Theorien, Analysemethoden. Berlin [u.a.], 2004.

ZUSAMMENFASSUNG

Der internationale Charakter der visuellen Informationsträger in den grammatischen Schriften des Barock

Es werden die grammatischen Werke des Barock beschrieben, die nicht nur durch monocodierte Zeichen (Sprachzeichen), sondern auch durch multicodierte Texte konstituiert werden, die neben der verbalen Beschreibung auch Bilder (ikonische Zeichen) enthalten. Die Frontispi-

ze zeigen als Sonderart der Metapher vor allem einen Tropus, und zwar eine Personifizierung. Dadurch werden die zentralen Gedanken des Textes in konziser Form visualisiert. Im Artikel wird der „Deutschen Sprachkunst“ (1630) von Tileman Olearius besondere Aufmerksamkeit gewidmet, in der nicht nur die Bilder zu den verbalen Beispielen vertreten sind (strukturelle Metaphern), sondern auch die Orientierungsmetaphern, die eine räumliche Ausrichtung zum Inhalt haben. In diesen Orientierungsmetaphern manifestiert sich eine universelle menschliche Fähigkeit, neue Phänomene aufgrund bereits vorhandener Erfahrungen einzuordnen. Olearius verwendet bewusst diese Orientierungsmetaphern, weil sie aufgrund der aus diesen Erfahrungen entwickelten grundlegenden Begriffssysteme einen internationalen Charakter haben können, d.h. in den verschiedenen Sprachen übereinstimmen, was für das Spracherlernen sehr wichtig ist.

А. М. ПОЛИКАРПОВ
(Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова)

ЖАРГОН СТРАНСТВУЮЩИХ НЕМЕЦКИХ ПОДМАСТЕРЬЕВ И ТЕНДЕНЦИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЕВРОПЫ

С постоянным упорством устремляя свой любопытный взор вдаль, человек на протяжении многотысячелетнего пути развития всегда проявлял желание странствовать по свету. Оседлый образ жизни и связанное с ним чувство привязанности к родине, с одной стороны, и кочевничество, стремление к странствованию, с другой стороны, представляют собой две неотъемлемые составляющие человеческого бытия, которые, находясь в логически выводимом противоречии, демонстрируют явную взаимосвязь. Благодаря странствованию, встречам с незнакомыми местами, с другими странами, иными культурами и их представителями открывается новый взгляд на Другое. Движение за пределы Своего спутствует стиранию границ, приводит к взаимопониманию с представителями других стран и регионов. Странствование позволяет также по-новому оценить свою родину и с другой стороны посмотреть на сложившийся в ней уклад жизни. Необходимо подчеркнуть, что странствование людей и переселение народов сопровождали человечество на протяжении всего времени его существования. Великое переселение народов можно считать, например, составной частью глобальных миграционных процессов, протекавших в Европе на протяжении многих веков в период с поздней Античности до раннего Средневековья. Чаще всего оно ассоциируется лишь с негативными явлениями, так как в результате этого постоянно возникали вражда и военные столкновения. Однако нельзя забывать, что странствование отдельных индивидуумов, групп людей и целых народов приводило не только к негативным последствиям, но также и к техническому прогрессу и развитию культур. Вспомним хотя бы о существовании цеха строителей и каменотесов в Средневековье, мастера и подмастерья которого перемещались от одного места строительства к другому. Благодаря этому готический стиль, например, распространился по всей Европе.

Странствование как возможность преодоления границ между Своим и Другим можно по праву считать предтечей глобализации. Мнения ученых относительно времени существования глобализации расходятся. Но в итоге все они свидетельствуют о том, что динамично протекающая в наше время глобализация имеет все же глубокие исторические корни. Проследившая глобализацию в культурно-историческом ракурсе, можно говорить о ней как об амбивалентном процессе. Так, двойственность проявляется в стремлении к странствованию, с одной стороны, и в желании оставаться в родных местах на протяжении всей жизни, с другой стороны. Индикатором глобализационных процессов, среди которых особое место занимает миграция населения в Европе, по праву можно считать язык и реализацию его в различных ипостасях.

В данной статье попытаемся проследить на примере одного из социолектов, жаргоне странствующих подмастерьев, общеевропейский феномен пространственного перемещения представителей данного социального слоя ввиду производственно-экономических причин. Для достижения данной цели мы познакомились с многими источниками, содержащими описание жизни и деятельности странствующих подмастерьев на протяжении их длительной истории существования. Основой для выявления лексических единиц, связанных со странствованием как ремесленной традицией и входящих в профессиональный жаргон подмастерьев, послужили глоссарии, обнаруженные на немецких Интернет-сайтах и в блогах [Frei wie ein Vogel; Walzvokabular]. Частично использовался словарь А. В. Зигмунда [Siegmund 1994].

Странствование подмастерьев имеет длительную историю существования, начиная с середины XV в. Благодаря странствованию у немецких подмастерьев сложился особый жаргон, который в немецком языке можно обозначить с помощью соответствующего композита *Walzwortschatz*. Данное сложное существительное можно было бы перевести на русский язык как «лексикон странствующих подмастерьев». Мы будем считать данный лексикон групповым жаргоном, во многом соотносящимся с *Rotwelsch*. В немецко-русских словарях лексема *Rotwelsch* переводится чаще всего как «воровской жаргон, арг» [ср. Большой немецко-русский словарь 1980: 270]. В «Лексикологии немецкого языка» А. М. Искоз и А. Ф. Ленковой *Rotwelsch* приравнивается по своему значению к немецкому аргю, а тот, в свою очередь, рассматривается как жаргон деклассированных элементов (воров, проституток и др.) [Искоз, Ленкова 1963: 254]. *Rotwelsch* считается обычно гиперонимом для обозначения целого ряда специфических социолектов, используемых, действительно, только периферийными группами немецкоязычного населения. С помощью данного термина называются возникшие в позднем Средневековье на основе немецкого языка жаргоны нищих, попрошайек, бродяг, так называемых вагантов (от лат. *clerici vagantes*), а также представите-

лей бесчестных профессий (*unehrliche Berufe*) и лиц из криминальной субкультуры.

Ввиду того, что большинство странствующих подмастерьев невозможно отнести полностью к таким периферийным слоям общества, нельзя безоговорочно приравнивать рассматриваемый жаргон к составной части *Rotwelsch*. Этимология названия *Rotwelsch* до сих пор не совсем ясна. Хотя есть указания на то, что в средневерхне-немецком входящая в его состав лексема обозначала среди прочего 'Bettler' (нищий), а компонент *Welsch* как самостоятельная лексема (двн. *wal(a)hisc*, свн. *walch*) означал первоначально 'Kelte' (кельт), затем 'romanisch' (романский), но его использовали также и в значениях 'fremdartig' (чужеродный), 'seltsam' (странный) [Там же]. В немецком словаре Г. Пауля указывается на существование глагола *welschen*, использованного ранее в значении 'in einer unverständlichen Sprache, auch undeutlich reden' [Paul 1960: 734], т. е. 'говорить на непонятном языке, неразборчиво'. Слово *Rotwelsch*, впервые зафиксированное письменно приблизительно в 1250 г., по своему происхождению является заимствованием с ярко выраженной негативной окраской, возникшей в связи с определенными лексическими ассоциациями отрицательного характера¹. Однако оно, по свидетельствам ряда источников, с XV в. использовалось и самими общающимися между собой деклассированными элементами. Известно, что в XIX в. лексика из этого арг (совокупности жаргонов) распространилась также в среде студентов и солдат.

Необычным является то, что *Rotwelsch* содержит в себе заимствования из идиша, иврита, цыганского, французского, итальянского, голландского и некоторых других языков. Высокая частотность заимствований из идиша и иврита объяснима тем, что евреи были отстранены на немецких территориях от выполнения сельскохозяйственных работ и вплоть до XIX в. составляли значительную часть представителей так называемых мобильных профессий, таких, например, как странствующие или уличные торговцы. Влияние цыганского языка на *Rotwelsch* также осуществлялось ввиду длительной миграции цыган и их контактов с представителями деклассированных слоев общества, особенно странствующими. Заимствованиям из других европейских языков, таких как французского, итальянского, способствовало формирование мультиэтнических групп людей, отделившихся от большинства населения и отказавшихся от оседлого образа жизни [*Rotwelsch*]. Непонятность большинства слов, относящихся к *Rotwelsch*, другим представителям общества объясняется чаще всего именно их заимствованным происхождением.

¹Ср. *Rotte* как заимствование из старофранцузского, которое позднее получило в немецком языке значение 'банда', описываемое в более широком контексте как 'gehässigte Bezeichnung einer Menge'. Возможна также связь с *got* из среднедатского, где это слово обозначало 'гнилой', 'грязный'.

Часто указывается на то, что Rotwelsch лексически отличается как от разговорной речи, так и от диалектов, что приводит к выводу о его статусе как особого лексикона, который может варьировать в социальном, региональном и временном отношении. Характерными для Rotwelsch являются такие особенности лексики, как иное толкование заимствований и условный характер слов из родного языка. Последний объясняется изменением значения слов путем его конкретизации, переноса или смещения. Для словообразования Rotwelsch свойственны образование новых композитов и аффиксация. Все это характерно и для жаргона странствующих подмастерьев, о чем пойдет речь позже.

Обязанность подмастерьев странствовать в течение нескольких лет, проходя обучение у других мастеров, относилась к наиболее существенным особенностям немецкого ремесленничества. Знакомство с другими специалистами, освоение новых технологий, несомненно, способствовали совершенствованию профессиональных умений и навыков подмастерьев. Впоследствии они могли достойно сдать экзамен на звание мастера (Meisterprüfung). Но не только в этом состояла цель странствования. Странствуя, подмастерья знакомились с другими регионами и странами, обогащали свой жизненный опыт. Помимо этого странствование подмастерьев выполняло целый ряд производственно-экономических функций. Ввиду усложнения задачи получения звания мастера оно способствовало созданию достаточно гибкого механизма распределения рабочей силы, а именно помогало регулировать количественный и качественный состав мастеров. Посредством странствования предотвращалось перенасыщение региональных рынков мастерами.

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению жаргона странствующих подмастерьев, необходимо напомнить, что главной причиной для его возникновения послужил особый социальный статус данного слоя ремесленников. Как и в языковом коде, получившем название Rotwelsch, важную роль в рассматриваемом нами жаргоне играл и играет фактор тайности при стремлении отгородиться от понимания другими людьми. Странствующие подмастерья общались как с местными подмастерьями, так и с равными по статусу ремесленниками из других немецких земель посредством использования специфической лексики. Это привело к возникновению особого языкового кода с относительно устойчивыми значениями, закрепленными за лексемами и выражениями. Тем самым члены рассматриваемой социальной группы давали понять, что они владеют особым языком, который понимают только равные по статусу, а значит, для непосвященных он недоступен. Жаргон странствующих немецких подмастерьев выполнял и до сих пор выполняет функцию сохранения идентичности и в то же время функцию интеграции, которые способствуют сплоченности социальной группы подмастерьев и формированию чувства профессиональной сопричастности. Доказательством

существования жаргона странствующих подмастерьев, соотносимого с *Rotwelsch*, является диалектально окрашенное высказывание в немецкоязычном блоге: „Die Wälzerinnen reden kein Deutsch, sonder Rotwelsch. Ein goanz andra Sproach. Det verstoat doa kai Mensch, gell. Aba es ist halt kai einheimische Sproach, wie Schwäbisch, oda Sorbisch oda Platt, gell, sondern eine eigene Sprache unter die Wandergesellinnen“ [<http://frauenaufderwalz.blogspot.eu/walzvokabular/>].

В данной научной статье обратим наше внимание только на ту лексику, которая напрямую относится к жаргону странствующих немецких подмастерьев и важна для изучения феномена странствования в ракурсе тенденций глобализации. Как известно, жаргонная лексика создает, как правило, только экспрессивно оценочные или эвфемистические дублеты к уже имеющимся словам литературного языка [Степанова, Чернышева 2003: 217]. Поэтому в дальнейшем будем рассматривать в первую очередь слова и выражения, маркированные как эмоционально-оценочные или эвфемистические. К таковым в первую очередь можно отнести лексему *Walz*, поскольку именно эта лексическая единица дает специальное название жаргону странствующих подмастерьев (*Walzjargon*). Данная лексическая единица имеет явно выраженный разговорный характер, а значит, не свободна от эмоциональных оценок, тем более что она использовалась раньше и продолжает использоваться до сих пор в основном самими подмастерьями. В некоторых справочных немецких онлайн-изданиях указывается на то, что содержащие лексему *Walz* выражения *auf der Walz (Walze) sein, auf die Walz (Walze) gehen* имеют помету *veraltet* (устаревшее) [Redensarten Index]. Важным для нашего исследования представляется упоминание о том, что данные выражения широко употреблялись в «языке бродяг» (*Vagabundensprache*), который относится к *Rotwelsch*. Среди прочего указывается на то, что они были связаны в том числе и со странствованием подмастерьев и восходят этимологически к глаголу *walzen* в значении ‘*sich drehen, fortbewegen*’ [Там же].

В этимологическом словаре Duden мы находим подтверждение тому, что глагол *walzen* обозначал изначально как сильный глагол в средневерхненемецком ‘*tollen, drehen*’ (катиться, вертеться), и лишь позднее появился совпадающий по звучанию разговорный вариант слова со значением ‘*auf der Wanderschaft sein*’ [Duden 2007: 800], который в переводе на русский язык означает ‘странствовать’. Сообщается, что с XV в. указанный глагол появился в языке ремесленников (*Handwerkersprache*) и значение его основывается на семантике диалектного *walzen (müßig hin und her walzen)* [Там же].

Следует заметить, что в жаргоне странствующих подмастерьев, как впрочем и в *Rotwelsch* в целом, существует тенденция к большей синонимизации. Именно этой тенденцией можно объяснить наличие синонима *die Tippelei* к слову *die Walz*. Первая лексема также обозначает как сам процесс, так и период странствования подмастерьев по-

сле окончания обучения у мастера. Этимологически эмоционально окрашенная лексема *Tippelei* восходит к глаголу *tippeln*, имеющему значение 'zu Fuß wandern' и относящемуся в свое время к *Rotwelsch*. Отмечается связь данного глагола с композитом *Tippelbruder*, обладающим значением 'wandernder Handwerksbursche' (странствующий подмастерье) [Paul 1963: 618]. Интересно заметить, что в современных переводных словарях в качестве русских вариантных соответствий для глагола *tippeln* даются: 1. семенить (ногами); 2. бродяжничать, шататься, бродить, а для перевода лексемы *Tippelbruder* предлагается использовать однозначное соответствие «бродяга» [Большой немецко-русский словарь 1980: 433].

Важной особенностью жаргона странствующих подмастерьев является, помимо распространенности синонимии, стремление к уточнению и конкретизации. Так, если лексема *Tippelbruder* использовалась для называния скорее не странствующих, а бродячих подмастерьев, то для истинно странствующих, обладающих уважением о странствовании (*das Wanderbuch*) подмастерьев в исследуемом жаргоне имеется целый ряд соответствующих лексем: *der Fremde*, *der Fremdgeschriebene*, *der Schwenker*, *der Vogtbursche*. При использовании в коммуникации подмастерьев данные лексемы в зависимости от контекста и ситуации могут специализированно выражать нюансы значения и отражать соответствующую эмоциональную заряженность. Так, первые две лексемы, *der Fremde* и *der Fremdgeschriebene*, передают сему дружности, т. е. принадлежности к другому, не своему мастеру. Однако лишь вторая из них содержит указание на официальную регистрацию у чужого мастера.

Обозначение *der Schwenker* помимо явно выраженной негативной коннотации демонстрирует склонность жаргонной лексики к изменению значения, а иногда и к появлению новых номинаций в качестве лексических омонимов. В немецком языке наблюдаются, как минимум, три одинаково звучащих, исторически значимых лексемы с тремя разными значениями: *der Schwenker* — бондарь; *der Schwenker* — флагомашец, *der Schwenker* — странствующий подмастерье. Последняя лексема из жаргона подмастерьев выполняла раньше, скорее всего, функцию эвфемизации. Если посмотреть на употребление в средневерхненемецком языке глагола *swenken*, к которому она восходит, то очевидным становится, что как транзитивный глагол он имел значение 'schwingen machen, hin und her schwingen, schleudern', а как нетранзитивный глагол он обозначал 'in schwankender Bewegung sein, schweifen, schweben, sich schlingen' [Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart]. В пользу функции эвфемизации лексемы *der Schwenker* в жаргоне подмастерьев свидетельствует отсутствие регистрации данного словоупотребления в большинстве немецких толковых словарей. Данное значение лексемы *der Schwenker* было обнаружено благодаря онлайн-гlossарию, в котором говорится среди прочего о том,

что именно так называли себя представители ремесленного объединения „Der Fremde Freiheitsschacht“ [Frei wie ein Vogel]. В онлайн-энциклопедии Wikipedia при описании номинации „Der Fremde Freiheitsschacht“, обозначающей одно из объединений подмастерьев из строительного цеха, говорится о том, что оно было основано в 1910 г. в Берлине Г. Шефером и группой свободно странствующих подмастерьев из Фогтланда. Целью создания этого сообщества служило сохранение странствования как ремесленной традиции. В онлайн-энциклопедии содержится важное для нашего исследования упоминание того факта, что до проведения учредительного конгресса указанное объединение называлось в среде подмастерьев „Fremder Pisspottschaft“, что в дословном переводе на русский язык звучит «Объединение странствующих ночных горшков». Именно отсюда, видимо, и происходит кличка der Schwenker ругательного характера, содержащая вполне однозначный намек [Der Fremde Freiheitsschacht].

Лексема der Vogtbursche, также являющаяся в исследуемом жаргоне обозначением подмастерья, в переводе на русский могла бы звучать как «подмастерье-новичок». При этом необходимо принять во внимание, что это не просто новичок среди странствующих подмастерьев, а тот, кого поначалу опекает опытный подмастерье (Altgeselle). Лексема Altgeselle/Altgesellin и сегодня означает в исследуемом жаргоне лицо, которое отправляет подмастерья-новичка в странствование, посвящая его во все ритуалы, а также сопровождает неопытного подмастерья (Jungreisenden) в течение нескольких недель и даже месяцев [Walzvokabular]. В исследуемом жаргоне существуют другие синонимы-дублеты для вышеописанной лексемы: der Losbringgeselle и der Exportgeselle. Все три лексические единицы относятся к так называемой безэквивалентной лексике. Их можно перевести на русский язык только с помощью описательного перевода: «подмастерье, подготавливающий новичка к странствованию и сопровождающий его в первые недели путешествия». Следует заметить, что в жаргоне странствующих подмастерьев существует специальный глагол losbringen, используемый для обозначения процесса проводов в странствование.

В жаргоне странствующих подмастерьев существует лексема der Aspirant для обозначения молодого подмастерья, желающего отправиться в странствование. Именно так называли себя сами молодые подмастерья. В современных толковых немецких словарях данная лексема зафиксирована со значением ‘Bewerber für einen Posten’, что показывает наличие общей семы ‘Bewerber’ с названной выше жаргонной лексемой.

В рассматриваемом жаргоне осуществляется конкретизация странствующих по принципу их принадлежности к ремесленному объединению. Есть в нем лексема der Freireisende, которая может переводиться на русский язык условно как «свободно странствующий

подмастерье». На самом деле данная лексема имеет значение 'подмастерье без принадлежности к определенному ремесленному объединению, называемому *der Schacht* в жаргоне подмастерьев'. Интересно заметить, что в современном жаргоне странствующих подмастерьев существует другая, более эмоционально заряженная лексема *der (die) Wildreisende*, помогающая номинировать подмастерьев обоих полов, не относящихся ни к одному ремесленному объединению.

Лексическая единица отрицательной оценочности *der Speckjäger* использовалась в рассматриваемом групповом жаргоне для обозначения изгнанного из ремесленного цеха, но продолжающего странствовать подмастерья, который вел себя недостойно или завершил странствование по своему усмотрению. Первоначальное предназначение подобной жаргонной лексики состояло именно в том, чтобы оставаться непонятной для непосвященных. «Жаргонная лексика очень образная, ограничена в употреблении, пронизана иронией и сарказмом и содержит много эмоционально окрашенных синонимов. Эти слова созданы в большинстве случаев искусственным образом, и поэтому у некоторых из них нет соответствий в литературном языке» (перевод наш. — А. П.) [Iskos, Lenkowa 1963: 253]. Именно к такой лексике можно отнести и следующее жаргонное слово „*Wolkenschieber*“ в значении 'bettelnder Handwerksbursche' или 'Kunde, der kein Handwerk versteht'.

Интересно отметить, что обращались странствующие подмастерья друг к другу также особым образом. Например, часто использовалась специфическая лексическая единица *Bruderherz*. Этот апеллатив является проявлением братства и чувства солидарности, существовавших между странствующими подмастерьями².

Для обозначения деградировавших подмастерьев, занимавшихся попрошайничеством, в изучаемом жаргоне существовали лексемы отрицательной оценочности: *der Fechter* и *der Fechtbruder*, используемые также и в отношении настоящих попрошаек, выдававших себя за странствующих подмастерьев. Они образованы от глагола *fechten* в значении 'betteln' (попрошайничать). Интерес в связи с этим вызывает лексема *der Klopffechter*, с помощью которой, начиная с 1727 г., называли подмастерьев, содержащихся за счет платы школ фехтования [Rotwelsch]. Этимология вышеуказанного композита не совсем ясна. Предположительно, он возник изначально от одноименного обозначения в *Rotwelsch* уволенных со службы и сражающихся на поединках бывших ландскнехтов (наемных солдат) и профессиональных фехтовальщиков [Paul 1960: 135].

²Наличие в составе композита слова *Bruder* напоминает идеалы Великой французской революции 1798 г., которые немецкие подмастерья воспринимали с большим воодушевлением и распространяли во время странствования по всем германским землям. Так, в известной песне странствующих немецких подмастерьев поется: „*Wir alle seins Brüder, wir alle seins gleich*“.

Номинации лиц, принимавших активное участие в жизни подмастерьев во время странствования, занимают важное место в лексически разветвленной системе изучаемого жаргона. Так, мастера-ремесленника как своего, так и принимающего подмастерье называл среди своих «собратьев» с помощью двух лексем: *der Krauter* и *der Krauteger*. Происхождение этих слов не совсем понятно, но есть предположения, согласно которым первоначально данные обозначения использовались для номинации мастеров, занимавшихся ремесленной деятельностью за городом, в поле (*im Kraut*), то есть без соответствующего вступления в ремесленную гильдию [*Walzvokabular*].

Хозяина приюта или ночлежки подмастерья называют с помощью лексемы *der Kober*. Происходит это слово, скорее всего, из идиша, где *kowo* означает ‘спальня, хижина, палатка’. Отсюда, видимо, происходит глагол *ankobern* в значении ‘*anmachen, Freier aufreißen*’ (навязываться), который подмастерья использовали для передачи особых отношений с женщинами.

Интересно отметить, что для номинации владельцев гостевых домов, приютов и ночлежек в лексиконе подмастерьев существуют специальные грамматические средства, а именно суффикс множественного числа -*n*, который присоединяется вопреки существующим правилам к соответствующим номинациям родственников и помогает образовать жаргонные слова с измененным значением. Ср. *Muttern, Vattern und Schwestern* в употреблении, описанном женскими представителями подмастерьев в наше время: „*So nennen die zünftig reisenden Gesellen ihre Gastgeber und Wirtsleute, in deren Buden sie einkehren können und Unterkunft finden*“ [*Walzvokabular*].

Ввиду «кочевого» образа жизни странствующие подмастерья уделяют большое внимание представительницам прекрасного пола. В лексиконе подмастерьев присутствует большое количество соответствующих номинаций девушек и женщин: *Model, Maudel, Mudel, Muldel*. Для номинации возлюбленной или подружки подмастерья до сегодняшнего дня существует существительное *die Nacktplatte*, которое, несмотря на присутствие лексемы *nackt*, вовсе не содержит негативную коннотацию [*Frei wie ein Vogel*].

Для специального обозначения людей, не посвященных в традиции и ритуалы странствования, подмастерья используют в своей речи лексему *Kuhkörpe* (досл. ‘коровьи головы’). Посредством данной положительно коннотированной лексемы принадлежащие к объединениям подмастерья называют людей, в том числе самих подмастерьев, которые никогда не были в странствовании.

Следует отметить, что в жаргоне странствующих подмастерьев особым образом номинируются элементы существующих ритуалов и традиций странствования. Так, удостоверение подмастерья, в котором фиксируются даты и время пребывания у других мастеров, вносятся предписания и замечания по поводу работы подмастерьев во время странствования, до сих пор называется в среде подмасте-

рьев die Fleppe. В современном интернет-источнике мы находим следующую разговорно-окрашенную, сформулированную самим подмастерьем дефиницию указанной лексемы: „Die Fleppe ist das Wanderbuch, in welches Stempel, Fotos, schriftliche Eintragungen und andere Erinnerungen rein kommen“ [Walzvokabular]. В словаре Duden мы находим указание на значение данной лексической единицы, которая происходит из воровского аргота (Gaunersprache): ‘Legitimations-, Ausweispapier’ [Fleppe]. Первоначально данная лексема заимствована, скорее всего, из диалекта³ и сегодня имеет ярко выраженный разговорный характер благодаря своему суффиксу -e. Его можно обнаружить также и в других лексемах из жаргона странствующих подмастерьев. Так, существительное die Penne, происхождением из Rotwelsch, означает ‘ночлежка, простой приют’. Оно образовано от глагола pennen [Paul 1960: 451]. Отсюда же происходят композит der Pennbruder для обозначения ночующих вместе подмастерьев и сложное существительное der Pennboden для называния места для ночлега в приюте.

Жаргонная лексема die Bude означает ‘пивная объединения подмастерьев’ (Schachtkneipe). Этимологически данная лексема восходит к средневерхненемецкому слову buode, обозначавшему изначально ‘Hütte, Haus’. С XII в. в германских землях с помощью данной лексемы называли простые, сколоченные из дерева временные торговые палатки.

Лексема die Platte используется подмастерьями эвфемистически в целях избежания прямой номинации синонима die Bande. В рассматриваемом жаргоне существует выражение Platte machen, значение которого можно передать следующим образом: ‘жить на улице, ночевать на открытом воздухе’. Этимология данного выражения не совсем прозрачна. Можно предположить, что Platte восходит своими корнями к существовавшему в Rotwelsch прилагательному platt в значениях ‘vertraut, sicher’ и ‘gaunerisch’. Это прилагательное могло быть заимствовано, в свою очередь, из иврита (ср. polat в значении ‘ускользать’ или polit ‘беженец’). В Rotwelsch отмечено также употребление словосочетания platte Leute в значении ‘Gauner’. Следует заметить, что сегодня выражение Platte machen употребляется не только в жаргоне странствующих подмастерьев, но и в языке общения бездомных.

Во время странствования и в праздничные дни подмастерья носят традиционный наряд — die Kluff, состоящий из так называемой манчестерской куртки (die Manchesterjacke) с бахромой, жакета (das Jackett) с шестью перламутровыми пуговицами, символизирующими шестидневную рабочую неделю, или жилета (die Weste) с восьмью

³ О диалектном происхождении данного существительного говорит его употребление в качестве обозначения водительского удостоверения (Führerschein) в федеральной земле Северный Рейн-Вестфалия [Redensarten Index].

пуговицами, означающими восьмичасовой рабочий день, а также белой рубашки без воротника, имеющей особое название (*die Staude*), расклеванных брюк (*die Schlaghose*), сшитых чаще всего из вельвета и называемых таким образом потому, что расширенные к низу штанины бьются друг об друга при ходьбе, и шляпы особой формы (*der Deckel*), чаще всего сделанной из загнутого по краям мягкого войлока с пером или перьями (*der Schlapphut*). По своему происхождению лексема *die Kluft* является разговорно окрашенной единицей из *Rotwelsch*, где она обозначала наряд, униформу. В словаре Г. Пауля содержится весьма важное указание на то, что первоначально данная лексема происходит из иврита [Paul 1960: 333].

Неотъемлемыми атрибутами подмастерья во время странствования являются также изогнутый спиралью посох (*der Stenz*), сделанный собственноручно подмастерьем из дикой вишни, и подвешиваемый к нему за спиной во время ходьбы узелок из льняного полотна с пожитками (*der Charly = der Charlottenburger*).

Во время странствования подмастерья регулярно принимали участие во встречах с местными подмастерьями с целью обмена мнениями и совместного проведения досуга. Эти встречи, которые проходили, как правило, в одной и той же пивной (*Schachtkneipe*) не реже, чем один раз в две недели, подмастерья называли с помощью субстантивированного инфинитива *das Aufklopfen*. Этимология лексемы *Aufklopfen* становится мотивированной, если учесть, что во время приветствия самый старший из подмастерьев трижды ударяет по столу деревянной палкой (*Reglement*), украшенной ленточками, и тем самым открывает встречу.

К репертуару глагольных средств исследуемого жаргона относится большое количество образных лексических единиц, связанных с жизнью и трудовой деятельностью странствующих подмастерьев: *schanigeln, schinageln* (происх. из иврита *schin* (*Schub*) или идиша *ago-lo* (*Karre*)) в значении 'работать во время странствования'; *kaspern* 'говорить, разговаривать'; *schallern* 'петь', 'исполнять традиционные песни странствующих подмастерьев'; *schmoren* или *fassschmoren* 'выпивать в компании подмастерьев'; *schalmachen* 'подготавливать почву беседой с принимающим мастером или с представителями ремесленного объединения для получения работы, еды и жилья'; *gesellschaften* 'процесс поиска приюта'; *über den Harz gehen* 'прервать странствование до истечения установленного срока'; *einheimisch werden* 'вернуться в родные края' (о подмастерьях) и др. Интересно заметить, что с помощью прилагательного *einheimisch* подмастерья называют тех, кто вернулся из странствования.

В заключение следует отметить, что представленный выше жаргон странствующих подмастерьев, являясь отчасти элементом отмирающего *Rotwelsch*, продолжает существовать в Германии благодаря сохранению ремесленных традиций. Восходя своими корнями к позднему Средневековью, изучаемый лексикон свидетельствует

о возникновении в Европе на протяжении ряда столетий культурно-исторических предпосылок для появления глобализации. Использование подмастерьями данного социолекта для осуществления взаимодействия между собой и сохранения своей социальной идентичности не исключает наличие в нем языковых явлений, отражающих опыт познания Другого.

Литература

- Искоз, Ленкова 1963 — *Искоз А. М., Ленкова А. Ф.* Лексикология немецкого языка. Л., 1963.
- Степанова, Чернышева 2003 — *Степанова М. Д., Чернышева И. И.* Лексикология современного немецкого языка. М.: Академия, 2003.
- Большой немецко-русский словарь 1980 — Большой немецко-русский словарь: в 2 т. / сост. Е. И. Лепинг, Н. П. Страхова и др. под рук. О. И. Москальской. М., 1980.
- Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart // URL: <https://www.dwds.de/wb/Schwenker>
- Der Fremde Freiheitsschacht — Der Fremde Freiheitsschacht // URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Fremder_Freiheitsschacht.
- Duden 2007 — Eisleben, Brigitte (Redaktion). Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Der Duden in zwölf Bänden. Bd. 7 / Hrsg. von der Dudenredaktion auf der Grundlage der neuen amtlichen Rechtschreibregeln. Mannheim; Leipzig, 2007.
- Fleppe — Fleppe // URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Fleppe>
- Frei wie ein Vogel = Frei wie ein Vogel. Walz-Glossar // URL: <http://www.hr-online.de/website/specials/extended/index.jsp?rubrik=82451&tartrubrik=82299>
- Paul 1960 — *Paul H.* Deutsches Wörterbuch. Halle, 1960.
- Redensarten Index — Redensarten Index. Wörterbuch für Redensarten, Redewendungen, idiomatische Ausdrücke, Sprichwörter, Umgangssprache // URL: https://www.redensarten-index.de/suche.php?suchbegriff=~~auf%20der%20Walz%20%2F%20Walze%20sein%3B%20auf%20die%20Walz%20%2F%20Walze%20gehen&bol=relevanz&suchspalte%5B%5D=rart_ou
- Siegmund 1994 — *Siegmund A.* Wolf: Wörterbuch des Rotwelschen. Deutsche Gaunersprache. Hamburg: Buske, 1994.
- Walzvokabular — Walzvolabular // URL: <http://frauenaufderwalz.blogspot.eu/walzvokabular/>
- Rotwelsch — Rotwelsch // URL: <http://www.linkfang.de/wiki/Chessenloschen>

ZUSAMMENFASSUNG**Deutscher Walzwortschatz und
Globalisierungstendenzen
in der historisch-kulturellen Entwicklung Europas**

Im Beitrag wird der deutsche Walzwortschatz als Jargon der deutschen Wandergesellen beschrieben, der einen engen historischen Bezug zum Rotwelschen aufweist. Einer eingehenden Analyse der Jargonlexik wird die Begründung der Gesellenwanderung als eines Vorläufers der Globalisierungstendenzen in der historisch-kulturellen Entwicklung Europas vorausgeschickt. Die wichtigsten Lexeme aus dem Walzwortschatz werden lexikographisch, etymologisch und semantisch in einer Beziehung zum Rotwelschen erläutert. Ein besonderer Wert wird dabei auch auf die Verwendung der lexikalischen Einheiten im modernen Alltag der deutschen WandergesellInnenen gelegt.

ПРОБЛЕМЫ ДВУЯЗЫЧНОЙ НЕМЕЦКО-РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Е. А. КОНДАКОВА, Е. В. МОРОЗОВА
(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»)

НА ПУТИ К АКАДЕМИЧЕСКОМУ НЕМЕЦКО-РУССКОМУ СЛОВАРЮ: В ПОИСКАХ ИНСТРУМЕНТОВ ПРЕОДОЛЕНИЯ СЛОВАРНОЙ ИНЕРТНОСТИ¹

Неполнота двуязычных словарей является общеизвестной и признанной всеми лексикографами проблемой. Авторы трудов по современной двуязычной лексикографии отмечают явно недостаточное количество работ, в которых рассматриваются конкретные практические пути решения этой проблемы, существующие же статьи и монографии содержат в массе своей примеры на материале английского языка [Хавкин 2016: 6].

Создание двуязычного переводного академического словаря — чрезвычайно сложная задача, решение которой требует ответов на многие вопросы.

Если от академического словаря ожидается большой объем словарика, должен ли этот количественный параметр быть основным отличием от большого неакадемического двуязычного словаря? Или, может быть, академичность должна проявляться в первую очередь в расширении и концептуальном единстве грамматической и помеченной зон словарной статьи? Тогда в чем будет заключаться специфика такого словарного издания по сравнению с хорошим грамматическим справочником? Может быть, академичность предполагает особую глубину семантизации лексических единиц, при которой помимо денотативных, ситуационных и (или) знаковых связей будут дополнительно указываться также сигнификативные и фоновые? Или же академический двуязычный словарь должен в первую очередь удовлетворить желание пользователя получить как можно более полный список переводных эквивалентов и примеров актуаль-

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 160400291.

ного словоупотребления? Это далеко не полный список вопросов, возникающих в процессе работы.

Сложность создания академического двуязычного словаря обусловлена не только актуальными трудностями современной двуязычной лексикографии, но и прежде всего тем, что основу академической лексикографии традиционно составляют толковые словари того или иного языка. Они представляют собой наиболее полные справочные филологические издания, фиксирующие орфографическую, грамматическую, иногда также орфоэпическую и стилистическую нормы литературного языка. Академический толковый словарь описывает лексические единицы того или иного языка, максимально полно раскрывая их семантику и отражая особенности фразеологического употребления. В связи с этим толковый словарь предполагает цитацию художественных и публицистических произведений и является в конечном итоге достаточно полной документацией употребления разных единиц языка в разные исторические эпохи. Таким образом, академичность словарей толкового типа предполагает максимально возможную теоретическую разработанность, полноту охвата словника, тщательность семантизации и документально-справочный характер.

На этом фоне академичность двуязычного словаря на первый взгляд может показаться сомнительной, хотя бы исходя из преимущественно прикладного характера двуязычной переводной лексикографии.

В классическом представлении прикладные и академические науки отличаются не только методами и подходами, но и своей основной целью: академическая наука нацелена на создание нового знания вне зависимости от сиюминутных прикладных задач, прикладная наука — на апробацию уже существующего научного знания применительно к решению именно таких задач. В идеале прикладное исследование должно опираться на уже апробированную теоретическую парадигму. Очевидно, что в этом смысле переводной двуязычный словарь может претендовать на статус академического только при условии, если он стремится соответствовать определенным параметрам академичности. К таким параметрам может быть отнесена концептуальность, то есть тщательная предварительная разработанность комплекса ключевых теоретических и инструментальных положений, ориентированность на долгосрочные цели и высокий уровень лингвистического обобщения. Создание двуязычного словаря, отвечающего подобным требованиям, — задача хоть и сложная, но вполне выполнимая. Тем более что сама попытка отразить соотношение двух языковых систем через призму детальной семантизации лексики одного языка средствами другого никак не противоречит принципам академичности, так как ничто не мешает словарной статье вместить в себя как лингвистическое описание лексической единицы на основании серьезной теоретической базы,

так и примеры ее живого употребления. Что касается последнего, нужно помнить о том, что, в отличие от толкового словаря, ценность двуязычного словаря для пользователя заключается в том, что такой словарь не документирует «принадлежность и употребление данной единицы к исходному языку» [Влахов 1988: 76], а фиксирует актуальные нормы словоупотребления. Иными словами, пользователь, обращаясь к двуязычному словарю, ожидает увидеть актуальные значения и иллюстративные примеры, взятые из живого языка, а не из классической художественной литературы разных эпох. Тем более что современные компьютерные технологии максимально облегчают лексикографу данную задачу. Таким образом, мы не видим противоречия в придании статуса академичности двуязычному переводному словарю при условии, что он гармонично сочетает в себе, с одной стороны, многостороннее лингвистическое описание лексической единицы и, с другой, ее комплексную семантизацию, осуществляемую за счет тщательного отбора переводных эквивалентов и иллюстративных примеров с учетом живого употребления. Следовательно, двуязычный словарь академического типа может и должен отличаться расширенной и максимально унифицированной грамматической, пометочной и иллюстративной зонами словарной статьи.

Академический статус двуязычного словаря, с другой стороны, не должен негативно отразиться на его прикладном характере, свойственном всем переводным словарям. Прикладной характер требует наличия четких инструментальных представлений об отборе лексикографических единиц, способах и алгоритме их семантизации, объеме и качестве иллюстративного материала, соотношении эквивалентного и контекстуального перевода в словарной статье и т. д. Специфика двуязычной лексикографии как прикладной области лингвистического знания заключается в том, что она не может себе позволить держать вне поля зрения спорные или неоднозначные с теоретической точки зрения вопросы, не предлагая пользователю ответов. В. П. Берков, рассуждая о соотношении лексикографии со смежными разделами языкознания, обращает внимание на то, что «лексикография как практическая деятельность по фронтальному описанию лексики отдельного языка не может подобно некоторым лингвистическим дисциплинам ограничиваться констатацией спорности решений той или иной лингвистической проблемы или вообще отсутствия у нее удовлетворительных решений, но, напротив, вынуждена так или иначе все эти спорные проблемы решать, не дожидаясь, когда языкознание даст на них ответ» [Берков 2004: 15]. Поиск и нахождение ответов на эти вопросы и составляет суть тех инструментальных представлений, которыми руководствуется в своей работе лексикограф, создающий новый словарь или актуализирующий предыдущую версию уже существующего.

Подобная задача кажется несовместимой с основным принципом академичности: предлагая решение спорных вопросов зача-

стью частного характера, двуязычный переводной словарь скорее полностью соответствует классическим представлениям о прикладном исследовании, нежели об академическом. Однако вряд ли можно оспорить тот факт, что словарю, претендующему на статус академического, должна предшествовать тщательная инвентаризация лексико-семантических и грамматических явлений того или иного языка. Причем при создании двуязычного переводного словаря это должно быть сделано с учетом их иноязычной проекции. Трудно представить себе более благоприятные условия для лингвистического обобщения академического уровня, чем работа над столь тщательной лексикографической интерпретацией максимально возможного количества лексических единиц.

Помимо обозначенных проблем, обусловленных стремлением создать словарь академического типа, редактирование и обновление любого словаря связано с другими, вполне очевидными сложностями. Независимо от того, вызвана ли работа над новой версией словаря необходимостью изменить количество лексических единиц или необходимостью изменить функциональный статус словаря, такая работа в любом случае предполагает актуализацию уже существующей версии, продиктованную стремлением наиболее полно отразить живые нормы современного литературного языка. При всей очевидности данного положения лексикографы и пользователи сталкиваются со следующим противоречием. Пользователь ожидает от двуязычного словаря актуальных значений слова. Лексикограф также отчетливо осознает необходимость соотносить содержание словарных статей с актуальной нормой. Однако в реальности мы наблюдаем следующую картину: значения, потерявшие актуальность, а порой и просто неверные, «кочуют» из одного словаря в другой и из одной версии в другую. Таким образом, содержание, от которого все ожидают актуальности, демонстрирует инертность.

Для преодоления этой инертности необходим соответствующий редакторский инструментарий, применимый как к количественной, так и к качественной обработке существующей версии. Этот инструментарий, то есть система методических и технических приемов редактирования, отражает в конечном итоге все те концептуальные проблемы и вопросы, которые авторам и редакторам приходится решать на любом этапе работы.

Во-первых, редактору необходимо отбирать лексические единицы, которые войдут в словарь, и те, которые должны быть изъяты из редактируемой версии по разным причинам. При этом отдельной проблемой является вопрос о степени присутствия в двуязычном академическом словаре терминологической лексики. Во-вторых, редактору предстоит отобрать в процессе работы наиболее релевантный иллюстративный материал, под которым понимаются как устойчивые словосочетания, так и сконструированные самим лексикографом иллюстративные примеры функционирования сло-

ва в наиболее оптимальной для него речевой среде, наиболее полно раскрывающие то или иное значение слова. В-третьих, должна быть отредактирована семантическая разработка слова. Редактору необходимо определиться с порядком следования значений многозначных слов, расположить лексико-семантические варианты в последовательности, соответствующей задачам словаря, включить или изъять отдельные значения в соответствии с актуальной нормой. В-четвертых, часто приходится уточнять информацию о стилистической принадлежности той или иной лексической единицы. Как известно, такая информация фиксируется в словарях при помощи специальных помет. Система словарных помет, в свою очередь, является также дискуссионным вопросом — как в количественном, так и в качественном отношении.

Нетрудно заметить, что даже такое беглое перечисление составляющих редакторской работы отражает хорошо известную проблематику лексикографических дискуссий. Рассмотрим подробнее некоторые перечисленные выше составляющие редакторского инструментария на примере работы над академическим немецко-русским словарем.

Включение или изъятие той или иной лексической единицы может происходить по разным причинам. Очевидно, что слово изымается из словаря, если оно практически не употребляется в языке, являясь узкоспециальным или узкорегionalным. Слово может устареть настолько, что полностью выпадает из языка и оказывается практически лишним для современной языковой коммуникации даже на фоне тех устаревших слов, которые сохранили свою коммуникативную релевантность хотя бы частично. Слово, чаще всего английское, может активно употребляться в немецком языке, не утратив, однако, своей принадлежности к другому языку и не став полноправной частью словарного состава немецкого языка, например, *Kaffee to go* (*Kaffee zum Mitnehmen*), *mega happy* (*überglücklich*), *information officer* (*Leiter/in des Rechenzentrums*). «Вычислить» такие слова иногда можно по отсутствию их грамматической и фонетической адаптации. Часто употребление таких слов — дань моде, естественное отражение процессов глобализации или же, в академической среде, например, — желание продемонстрировать свою позицию „*ich bin gebildet und international*“ [Kotthoff 2011]. Вопрос о включении подобных слов в актуальный двуязычный словарь зависит от их дальнейшей коммуникативной судьбы в лексической системе немецкого языка. Очевидно, что современные компьютерные технологии позволяют быстро оценить употребительность того или иного слова, в том числе и за пределами художественной литературы.

Следует отметить, что к вопросу об исключении той или иной лексической единицы следует относиться очень осторожно, тем более что академический словарь не имеет существенных ограниче-

ний по объему и должен представлять лексический состав языка как можно в более полном виде.

Обратимся к примерам, полученным в процессе работы над академическим немецко-русским словарем, создаваемым на базе трехтомного Нового большого немецко-русского словаря под общим руководством Д. О. Добровольского [НБНС 2008—2010]. Из словаря были исключены отдельные лексические единицы по причине почти полного отсутствия примеров их употребления. Так, например, такой, казалось бы, прозрачный и понятный в своей внутренней форме композит, как *gewächreich* ‘богатый растительностью’ неожиданным образом продемонстрировал почти полное отсутствие примеров употребления в немецком языке, в том числе и в старых текстах. То же самое касается и следующих лексических единиц: *Gabelfrühstück* ‘второй завтрак (сервируемый б. ч. во время торжественных приемов, когда к холодным закускам подаются еще алкогольные напитки)’, *Gaskonade* ‘хвастовство, бахвальство’, *Galion* ‘новое украшение (корабля)’, *ganzwollen* ‘из чистой шерсти’. Также пришлось исключить отдельные слова узкой диалектной принадлежности, употребление которых в общелитературном языке невозможно документировать, например, баварские и австрийские глаголы *gasseln*, *gässeln* ‘влезать ночью в окно (к девушке)’.

Особого упоминания заслуживают также случаи, когда слово приходится исключать из-за того, что оно не является единицей лексического состава немецкого языка, а появилось в результате калькирования русского слова или словосочетания, обозначающего реалии определенной, как правило, советской эпохи. Нужно подчеркнуть, что в данном случае речь идет не о словах, обозначающих реалии той эпохи, которые должны остаться в словаре, снабженные пометой *ист.* (*историзм*), а именно о кальках, таких как, например, *Gewächshauskombinat* ‘тепличный комбинат’. Аналогичным образом дело обстоит и со словами, обычно композитами, появившимися явно искусственным образом и по разным причинам так и не ставшими фактом словарного состава немецкого языка. Такие слова, по-видимому, отличаются функциональной нецелесообразностью даже в рамках отдельных терминологических подсистем, и эта нецелесообразность не позволяет окказиональному новообразованию со временем приобрести статус неологизма. Вышесказанное, в частности, касается как терминологических окказионализмов, так и индивидуально-авторских. Так, слово *Gesundheitsphysikgruppe* ‘группа дозиметрического контроля’ пришлось изъять из редактируемой версии словаря из-за отсутствия документированных контекстов употребления.

Переносное значение слова *Geweihtträger* ‘настоящий мужчина, мачо’ стало предметом дискуссии: в ходе обсуждения лексикографической рабочей группе не удалось прийти к однозначному решению о включении данного значения слова в словарь. С нашей точки зрения, значение ‘настоящий мужчина, мачо’, пусть оккази-

ональное и не так часто встречающееся, должно быть включено в словарную статью *Geweihtträger*. Преодолевая неполноту двуязычных словарей, имеет смысл «фиксировать любые найденные в самых различных оригинальных источниках (случайно и/или в результате целенаправленного поиска) слова, отдельные значения слов, словосочетаний <...> с обязательным приведением иллюстративных фрагментов <...> с тем чтобы подтвердить для пользователя правомерность использования предложенного переводного эквивалента» [Хавкин 2016: 6]. В пользу включения данного значения в словарь говорят и примеры употребления слова *Geweihtträger* именно в вышеуказанном значении в текстах, посвященных, например, современной гендерной психологии или вопросам карьерного роста².

Забегая вперед, хотелось бы сразу отметить также и необходимость изымать иллюстративные примеры, обладающие неуместной с точки зрения современной общественно-политической жизни идеологической окрашенностью. Такие примеры следует заменять на актуальные, отражающие современную реальность. Иллюстративный пример должен быть максимально понятен для пользователя, а неактуальный контекст, снабжая значение слова лишней идеологической коннотацией, может затруднить понимание. Так, очевидно, что приведенные в словарной статье *Gesellschaft* примеры, иллюстрирующие значение 'общество' и значение 'объединение, союз', *die klassenlose Gesellschaft* 'бесклассовое общество', *die kommunistische Gesellschaft* 'коммунистическое общество', *die Gesellschaft für Deutsch-Sowjetische Freundschaft* 'общество германо-советской дружбы (ГДР)', требовали идеологического «обновления» и были соответственно заменены на *die multikulturelle Gesellschaft* *полит.* 'мультикультурное общество' и *die Gesellschaft zur Förderung sozialer Innovationen* 'общество поддержки социальных инноваций'. Аналогичным образом примеры словарной статьи *gesellschaftlich*, иллюстрирующие значение 'общественный, социальный', *gesellschaftliche Aktivität* 'общественная активность' и *gesellschaftliche Arbeit* 'общественная работа', были заменены на *gesellschaftliche Herausforderung* 'первоочередная задача, стоящая перед обществом' и *gesellschaftliches Engagement* 'социальная активность' и дополнены примером *ein gesellschaftlicher Wandel* 'социальные изменения'.

Идеологическая маркированность приведенных словосочетаний как редактируемой, так и новой (академической) версии словаря лежит на поверхности. Однако существуют и такие примеры, идеологическая, а отчасти и стилистическая некорректность которых с точки зрения современного словоупотребления требует особой внимательности от редактора. Например, словарная статья *Garaus* ре-

² См., в частности, „Macho versus Softie: Der Geweihtträger hat ausgedient“ — название статьи онлайн-версии журнала „Der Spiegel“ — URL: <http://www.spiegel.de/panorama/gesellschaft/macho-versus-softie-der-geweihtraeger-hat-ausgedient-a-361982.html>

дактируемой версии содержала иллюстративный пример *dem Nazismus wurde der Garaus gemacht* 'с нацизмом было покончено навеки'. Такой пример не отражает актуального употребления выражения *jmdm. den Garaus machen*, а является иллюстрацией политической риторики ушедшей эпохи, неудачной еще и в том отношении, что в современном немецком языке это выражение употребляется преимущественно в разговорной речи и не лишено иронично-шутливой коннотации. Его современное использование в публицистических текстах общественно-политической тематики является, скорее, вторичным.

Параллельно с заменой иллюстративных примеров, обладающих устаревшей идеологической окраской, необходимо также восполнять лексикографические лакуны, то есть включать в словарь единицы, которые отсутствовали в редактируемой версии словаря опять-таки по идеологическим соображениям. В качестве примера можно привести слова *Gesinnungsjustiz* 'судебное преследование инакомыслящих; судебное преследование за (политические) убеждения', *Gesinnungsprozess* 'политический судебный процесс'. Эти примеры являются еще одной иллюстрацией важной составляющей работы по актуализации содержания любого словаря, которая заключается в корректировке культурно-ценностной информации и приведении ее в соответствие актуальному историческому периоду.

Особой проблемой при создании и редактировании словарной версии является вопрос о включении или невключении в словарь терминологической лексики. Очевидно, что подлежат изъятию из словаря узкоспециальные термины, требующие для пользователя, который не является специалистом в данной области, не просто перевода, а пространного специального комментария. Это такие слова, как термин из области горного дела *Getriebeverfahren* 'способ проходки с забивной крепью' и технический термин *Getriebestock* *tex.* 'цевочная шестерня'. Изыматься из словаря может не все слово, а одно из его значений, например, узкоспециальное значение из области кожаного дела 'лайковый обжор' у слова *Gare*. Одним из аргументов в пользу изъятия узкоспециальных терминов из редактируемой версии словаря является тот факт, что именно такие слова и значения наиболее сложно верифицировать даже в современных дигитальных условиях. Следовательно, при их семантизации возможны ошибки и неточности, которых следует избегать в любом лексикографическом описании, тем более что лексикографизация терминов, как правило, имеет ярко выраженный прикладной характер.

С другой стороны, некоторые узкоспециальные значения слова участвуют в образовании большого количества композитов. Изъятие из редактируемой версии словаря подобных значений неизбежно повлечет за собой изъятие целых словарных гнезд, а их включение в словарь могло бы продемонстрировать пользователю большую терминотворческую продуктивность данной единицы. Так, напри-

мер, слово *Geschiebe* имеет, помимо значения 'давка, толкотня' значение *геол.* 'обломки пород в моренах, донные наносы, моренный материал', узкий терминологический статус которого очевиден. Это соображение могло бы стать основанием для изъятия данного значения из словаря, не являющегося специальным. Однако это заставило бы изъять целое словарное гнездо, содержащее такие композиты, как *Geschiebeführung гидр.* 'движение [расход] донных наносов', *Geschiebeherd гидр.* 'место массового отложения донных наносов', *Geschiebelehm геол.* 'валунная глина', *Geschiebemenge гидр.* 'расход донных наносов' и т. д. (всего одиннадцать композитов). Невключение в словарь такого объемного словарного гнезда, пусть даже и состоящего из преимущественно узкоспециальных слов, с нашей точки зрения, существенным образом обеднило бы словник, поскольку лишило бы пользователя возможности оценить терминологическую «активность» корня *Geschiebe*.

Из аналогичных соображений представляется целесообразным не изымать из редактируемой версии слова, лексико-семантические варианты которых являются терминами совершенно разных предметных областей, как, например, слово *Gesenk*. Оно используется как технический термин со значением 'ковочный штамп, пресс-штемпель, пуансон', как заимствованный из немецкого языка термин горного дела со значением 'гезенк' (вертикальная подземная горная выработка, не имеющая непосредственного выхода на земную поверхность), а также в значениях, близких к терминологическим: 'грузило' в рыболовстве и 'отросток, чубук' в виноградарстве. Так же дело обстоит и с отдельными терминологическими значениями слова *Gage*. Приведем в качестве примера часть словарной статьи, раскрывающую специальные значения этого существительного: *G'age f = 1. кул.* гот'овность; *2. с.-х.* приг'одность к возд'ельванию [обработке], гот'овность к всп'ашке [п'ахоте] (о почве), плодот'одность; *3. спец.* зр'елость, сп'елость.

Включение узкоспециальных терминов в словарное гнездо и приведение отдельных узкоспециальных значений слов не только демонстрирует пользователю терминологический потенциал слов и корней, но и способствует более детальной семантизации заглавного слова, так как позволяет уточнить отдельные составляющие денотативного значения, являющиеся основанием для использования данного слова или корня в различных предметных областях. Таким образом, вопрос о включении узкоспециальных терминов в академическую версию немецко-русского словаря является более сложным, чем может показаться на первый взгляд. Этот вопрос следует решать не только с точки зрения основных лексикографических параметров словаря, изымая узкоспециальные термины из словаря академического и адресуя их словарям специальным, но и с точки зрения более широких представлений о возможной пользе такой словарной единицы для пользователя.

Отдельным дискуссионным вопросом, имеющим непосредственное отношение к процессу редактирования словарной версии, является вопрос о допнении словника неологизмами. Для академического словаря этот вопрос является очень сложным, поскольку в таком словаре не должно содержаться языковых фактов, которые бы противоречили актуальному употреблению слов и выражений. Так, например, в редактируемую версию словаря были включены слова *Gap-Analyse* и *Gammelfleisch*. Слово *Gammelfleisch* вошло в активный коммуникативный обиход в период с октября 2005 г. по март 2006 г. в связи с серией скандалов в Германии, связанных с продажей некачественного мяса. Любопытно, что Общество немецкого языка включило это слово в список „*Wörter des Jahres*“ 2005 г., присвоив ему пятую позицию. Ассоциация *Gammelbeat GbR* даже запатентовала слово *Gammelfleisch* как объект интеллектуальной собственности. О том, что слово прочно вошло в словарный состав современного немецкого языка, свидетельствует также его развивающаяся продуктивность в образовании субстантивных композитов, таких как *Gammelfleischland* *эвф.* ‘Германия’, *Gammelfleischclub* *мол. жарг.* ‘клуб для тех, кому за тридцать’, *Gammelfleischparty* *мол. жарг.* ‘вечеринка для тех, кому за тридцать’. *Gammelfleischparty* было даже названо молодежным словом 2008 г. в рамках проекта издательства „*Langenscheidt*“, которое ежегодно в ходе интернет-голосования определяет список наиболее значимых и популярных слов молодежного сленга. Вопрос о включении в академический словарь всех перечисленных композитов, по-видимому, пока что поднимать рано — в настоящее время еще сложно сказать, станут ли они фактами лексической системы немецкого языка или просто останутся модными словами на непродолжительный период времени. Однако очевидно, что само слово *Gammelfleisch* должно быть включено в словарь.

Иногда расширение отдельных сегментов словника происходит не за счет неологизмов, а за счет слов, уже существовавших в немецком языке, но не включенных в редактируемую версию словаря. Необходимость их включения в новую версию может быть обусловлена различными причинами: сдвигом или расширением значения слова, возросшей употребительностью, изменившимся статусом означаемого в общественной жизни или, например, в переводном двуязычном словаре, особой сложностью подбора переводного эквивалента. В качестве иллюстрации можно привести сложные слова с компонентом *Gewerbe*, список которых был расширен композитами *Gewerbeamt* ‘департамент предпринимательства, ведомство по вопросам предпринимательства (ФРГ)’, *Gewerbeanmeldung* ‘(государственная) регистрация предпринимательской деятельности’, *Gewerbeaufsicht* ‘трудовой и экологический аудит (предприятия), надзор над соблюдением прав потребителей’, *Gewerbefreiheit* *юр.* ‘свобода предпринимательства [предпринимательской деятельности]’. Такое существенное расширение словарного гнезда объясняется огромной

ролью предпринимательской деятельности в современной рыночной экономике, детальной регламентацией предпринимательства со стороны законодательства и, как следствие, возросшей коммуникативной значимостью и употребительностью слов с корнем *Gewerbe*. Хотелось бы также отметить, что судьба слова *Gewerbe*, его производных и содержащих этот компонент композитов как в толковых, так и в переводных двуязычных словарях может составить предмет отдельного исследования.

Перейдем к вопросам редактирования иллюстративной части словарной статьи, то есть к отбору устойчивых словосочетаний для максимально подробной семантизации слова и описания его функционирования в максимально оптимальной для него среде. Касаясь вопроса коллокаций, следует отметить, что даже применительно к академической версии словаря на первый план выходят не теоретические критерии отбора лексического материала, а совершенно другие соображения. В центре внимания лексикографа должны находиться ожидания пользователя касательно полного раскрытия значения слова и его употребления. От двуязычного словаря пользователь ожидает примеров, хороших и разных. Крупные теоретики лексикографии, такие как Л. В. Щерба, также отмечают преимущество конкретных примеров: «Не мудрствуй лукаво, а давай как можно больше разнообразных примеров!» [Щерба 1974: 285].

В идеале в рамках академического двуязычного словаря должны быть представлены все виды сочетаемости: лексическая, семантическая, грамматическая и синтаксическая. Решить эту задачу можно только используя комплексный подход, а именно раскрывая и описывая значение слова через релевантные коллокации, сконструированные лексикографом иллюстративные примеры свернутого и развернутого типа и фразеологические единицы. Благодаря развитию компьютерных информационных технологий лексикографы получили доступ к огромному количеству источников, из которых можно черпать материал при создании и редактировании словарей. Речь идет не только о корпусных технологиях современной лингвистики, но и о мощном потенциале современных поисковых систем, таких как Google и Yandex. Чтобы максимально использовать их возможности, лексикограф должен уметь сформулировать правильный запрос, то есть выстроить верный алгоритм поиска, а в отдельных случаях найти уникальный способ «добыть» нужную информацию. «При этом сама процедура определения значения большинства слов в словаре требует больших навыков, врожденного дарования, большого вкуса, стилистического мастерства и во многом, действительно, представляет собой особое искусство толкования текста, которое, исключая определение терминов и топонимов, не может пока быть заменено никаким компьютером» [Герд 1997: 195]. Современная эпоха — уникальное в своем потенциале время для лексикографической деятельности: информационные технологии, возможности

компьютерной и корпусной лингвистики позволяют авторам и редакторам словарей оперативно и качественно решать самые разнообразные проблемы, а главное — верифицировать собственные предположения, основанные на интуиции и языковом чутье.

Обратимся к примерам. Иногда в словарной статье отсутствуют колокации наиболее релевантного для пользователя типа. Это касается, в частности, глагольно-именных сочетаний на базе функционального глагола, таких как *das Gespräch in Gang halten* ‘поддерживать беседу [разговор]’, *das Gespräch an sich reißen* ‘завладеть разговором, не давать другим говорить’, *für Gesprächsstoff sorgen* ‘широко обсуждаться, стать предметом (всеобщего) обсуждения’, *jmdn. in Gewahrsam nehmen* ‘задержать кого-л., взять кого-л. под стражу’, *ein Gewerbe betreiben* [ausüben] ‘заниматься предпринимательской деятельностью, иметь свой бизнес’, *an jmdm., etw. (D) Gewalt ausüben* [verüben] ‘применять насилие [силу] в отношении кого-л., чего-л.’ Очевидно, что подобные пробелы крайне нежелательны и должны быть восполнены. Аналогичным образом вносятся коррективы, отражающие грамматическую сочетаемость слова, например, словосочетание *dem Tod geweiht*. Включая данный иллюстративный пример в словарную статью слова *geweiht*, редактор вполне может абстрагироваться от теоретических дискуссий относительно принадлежности слова *geweiht* к той или иной части речи. Редактору следует также тщательно проверять грамматическую специфику некоторых идиом, которую можно условно отнести к грамматической сочетаемости. Рассмотрим значение и употребление идиомы *jmdm. ins Gesicht springen*. В одном из разделов своей монографии «Беседы о немецком слове», посвященном лексикографическому описанию фразеологии, Д. О. Добровольский обращает внимание на то, что значение данной идиомы зависит от заполнения ее субъектной валентности. При использовании идиомы в значении ‘резко выделяться, обращать на себя чье-л. внимание’ субъект выражен преимущественно именем существительным неодушевленным, а значение ‘набрасываться на кого-л. (с кулаками), нападать на кого-л.’ предполагает одушевленность субъекта действия. Д. О. Добровольский считает, что «в подобных случаях описание каждого значения идиомы целесообразно предварять ее пропозициональной формой» [Добровольский 2013: 582]. Однако в последнем случае приведение пропозициональной формы не позволяет отразить все особенности употребления данной идиомы во втором значении. Дело в том, что в значении ‘набрасываться на кого-л. (с кулаками), нападать на кого-л.’ в состав идиомы часто входят наречия *fast* или *beinahe*, а сама идиома употребляется преимущественно в сослагательном наклонении. Таким образом, лексикографическое описание идиомы должно быть дополнено отражающим эту грамматическую особенность иллюстративным примером с вербальной финитной формой *er wäre mir beinahe ins Gesicht gesprungen* ‘он чуть было не набросился на меня (с кулаками)’.

Отдельного внимания заслуживают иллюстративные примеры, раскрывающие семантическую сочетаемость слов. Некоторые примеры редактируемой версии, несмотря на частотность их употребления, никак не отражают особенности семантического взаимодействия слов и, с нашей точки зрения, являются просто лишними, как словосочетание *ein hübsches Gesicht* 'красивое лицо'. В то же время представляется целесообразным включить в словарную статью иллюстративные словосочетания, без которых семантическое описание слова было бы неполным. Например, в словарной статье *Garten* отсутствовали словосочетания *botanischer Garten* и *zoologischer Garten*, необходимость добавления которых не вызывает сомнений. Пример *botanischer Garten* 'ботанический сад' демонстрирует пользователю эквивалентное отношение между соответствующими лексическими единицами в немецком и русском языках. Однако его включение в словарную статью было бы бессмысленным при отсутствии примера *zoologischer Garten* 'зоопарк', который демонстрирует пользователю существенные расхождения между исходным языком и языком перевода, то есть иллюстрирует особенность лексической системы немецкого языка с точки зрения лексической системы русского языка. Зоологическим в современном русском языке может быть назван только парк, но не сад, при этом в современном словоупотреблении привычно используется композит 'зоопарк', а слово 'зоосад' практически не употребляется. Аналогичным образом в словарную статью *geschützt* был добавлен пример *geschützte Wälder* 'заповедные леса' на значение 'охраняемый, находящийся под защитой', в статью *gesperrt* 'закрытый, загороженный, заблокированный, перекрытый' — пример *ein gesperrter Schwimmer* 'дисквалифицированный [отстраненный от соревнований] пловец', в статью *gestaut* — примеры *gestaute Aggressionen* 'накопленная агрессия', *gestaute Emotionen* 'подавленные [сдерживаемые] эмоции'.

Подобные примеры сочетаемости демонстрируют реализацию значений слов за пределами переводного эквивалента и, следовательно, являются необходимыми инструментами исчерпывающей семантизации словарной единицы в словаре академического типа. В некоторых словарных статьях они являются не просто необходимыми, но, с нашей точки зрения, основными инструментами лексикографической интерпретации. Например, значения слова *Gestaltung* 'оформление, отделка, дизайн, решение, трактовка, организация, конструирование' обладают определенной аморфностью и должны быть конкретизированы иллюстративным материалом, таким как *die musikalische Gestaltung* 'интерпретация музыкального произведения', *die architektonische Gestaltung einer Fassade* 'архитектурное решение фасада', *die Gestaltung der Freizeit* 'организация досуга', *die Gestaltung der Beziehungen* 'налаживание [выстраивание] отношений'. В данном случае семантизация слова возможна только при помощи иллюстраций условий реализации его значений.

Более прикладное значение для пользователя имеют иллюстративные примеры лексической сочетаемости. Так, например, включение в словарную статью *Gewalt* словосочетания *Gewalten der Natur* знакомит пользователя с правильным и единственно возможным немецким эквивалентом русского устойчивого словосочетания 'силы природы', а иллюстративный пример *alle Angaben ohne Gewähr* 'точность и надежность приведенных данных не гарантируются', включенный в словарную статью *Gewähr*, демонстрирует пользователю важную и частотную лексическую составляющую определенного сегмента коммуникации. В данном случае уместным будет отметить, что критерий частотности не всегда должен являться основным параметром включения иллюстративного примера в словарную статью. Так, прилагательное *schussgewaltig* нельзя назвать частотным, однако иллюстративный пример *er ist ein schussgewaltiger Spieler* 'у этого игрока мощный удар' раскрывает его функциональный потенциал в спортивном дискурсе.

Богатые возможности раскрытия преимущественно семантической сочетаемости предоставляют так называемые свернутые примеры. С. И. Влахов понимает под такими примерами наводящие слова, приводимые обычно в скобках после соответствующих эквивалентов. Это своеобразные заготовки, на основе которых читатель сам строит иллюстративный пример [Влахов 1988: 76]. На основе скобочного комментария пользователю не составит труда корректно сконструировать не один, а несколько контекстов. Так, например, в случае с прилагательным *gestromt* 'мраморный' скобочный комментарий '(об окрасе собак и кошек)' дает конкретные указания о вариантах сочетаемости данного слова, именно таким образом раскрывая его значения. Аналогичным образом дело обстоит и с прилагательным *geschweift* 'хвостатый', снабженным иллюстративным свернутым примером в скобках '(о небесных телах с метеорным следом)', и с прилагательным *geschwänzt* 'хвостатый' со свернутым примером '(о животных, мифологических существах)'. Подобный материал демонстрирует, что свернутые примеры обладают определенными преимуществами по сравнению со сконструированными, потому что позволяют иллюстрировать большее количество допустимых контекстов.

Вышесказанное, однако, ничуть не умаляет значения сконструированных лексикографом иллюстративных примеров, в которых слово помещается в наиболее естественную для него речевую среду. Очевидно, что такие примеры требуют особой внимательности и тщательной проверки, потому что в конечном итоге воспринимаются пользователем как эталон словоупотребления. Одного соответствия функционально-стилистическим параметрам порой бывает недостаточно. Например, в иллюстративном примере *das macht garantiert blöd* 'от этого точно [наверняка] станешь идиотом', демонстрирующем употребление наречия *garantiert*, между словарной единицей и предложенным контекстом нет стилистического несоот-

ветствия: и *garantiert*, и *jmdn. blöd machen* относятся к разговорной речи. Пример этот был заменен из других соображений. Дело в том, что по возможности иллюстративный пример должен быть сконструирован таким образом, чтобы в центре внимания для пользователя находилась переводимая словарная единица, а контекст только помогал раскрыть ее семантику, не внося дополнительных созначений, например, лишней эмоциональной окрашенности. Именно эти соображения побудили нас заменить пример на *wie kann ich garantiert im Lotto gewinnen*.

Некоторые иллюстративные примеры являются избыточными. Например, в словарной статье *Gewebe* переносное значение 'паутина' иллюстрируется двумя словосочетаниями: *ein Gewebe von Lügen* 'сеть [паутина] лжи' и *sich im Gewebe seiner (eigenen) Lügen verstricken* 'запутаться в своей собственной лжи'. Первый пример является устаревшим устойчивым сочетанием высокой стилиевой принадлежности и может быть включен в словарь, тогда как второе сочетание является типичным примером того, как иллюстративный материал «кочует» из словаря в словарь. При этом его употребительность не подтверждается никакими контекстами. На сегодняшний день это можно верифицировать правильным поисковым запросом. Верным признаком того, что некое словосочетание малоупотребительно или неупотребительно вовсе, является отсылка к словарным статьям различных словарей в нескольких первых позициях ответа на поисковый запрос. Подобные случаи неудачной «словарной карьеры» иллюстративных примеров по-прежнему встречаются в лексикографической практике. Однако можно надеяться, что грамотное использование лексикографом современных поисковых систем позволит в будущем избегать подобных казусов. Это тем более важно при оценке лексикографом релевантности включения в словарь той или иной фразеологической единицы и описании ее значения.

Вышеизложенные наблюдения позволяют подвести промежуточный итог первого этапа работы над академическим немецко-русским словарем, сформулировать вопросы, требующие дальнейшего осмысления, и сделать следующие выводы:

1. Несмотря на то, что двуязычный словарь вынужден решать прикладные задачи, зачастую не имея возможности опереться на апробированную теоретическую базу, он может соответствовать статусу академического словарного издания при условии соблюдения определенных лексикографических параметров. Суть этих параметров требует дальнейшего детального рассмотрения.

2. На пути от простого немецко-русского словаря к академическому авторам и редакторам предстоит работа, которую можно свести к двум основным направлениям, а именно к работе по преодолению возможной неполноты семантизации словарной единицы и ее употребления и к работе по расширению и унификации грамматической, пометной и иллюстративной зон словарной статьи.

3. Обе составляющие работы над редактируемой версией предполагают наличие четкого и простого в лексикографическом применении инструментария, касающегося в первую очередь включения или изъятия лексических единиц, в том числе узкоспециальных и узкорегionalных, отдельных значений слов, свернутых и развернутых иллюстративных примеров.

4. Одним из инструментов, регулирующих включение или изъятие словарного материала основного или иллюстративного характера, является его идеологическая актуализация. Изменение статуса означаемого в общественной жизни и, как следствие, изменение употребительности единицы также являются основанием для сужения или расширения отдельных сегментов словника.

5. Включение узкоспециальных терминов в словарь академического типа в некоторых случаях может быть оправдано большим терминотворческим потенциалом данного корня и/или терминологическим использованием данного слова в различных предметных областях.

6. Академический двуязычный словарь должен отражать все виды сочетаемости: лексическую, семантическую, грамматическую и синтаксическую. Это возможно только за счет расширения иллюстративного материала разного типа, который должен участвовать в семантизации исходной единицы и демонстрировать условия реализации ее значения за пределами переводного эквивалента.

7. Возможности современных компьютерных информационных технологий, в первую очередь поисковых систем и корпусов, позволяют лексикографу не только быстро верифицировать новые значения и контексты употребления слов, но также прервать неудачную «карьеру» слов и иллюстративных примеров, на протяжении нескольких десятилетий «кочующих» из словаря в словарь.

Литература

- Берков 2004 — *Берков В. П.* Двуязычная лексикография: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2004.
- Влахов 1988 — *Влахов С. И.* Участие иллюстративного материала в семантизации исходной словарной единицы // *Papers from the Euralex Third International Congress. Budapest, 1988.*
- Герд 1997 — *Герд А. С.* Словарное значение слова и смысл // *Актуальные проблемы теоретической и прикладной лексикографии: межвузовский сб. научных трудов.* Иваново, 1997. С. 192—198.
- Добровольский 2013 — *Добровольский Д. О.* Беседы о немецком слове. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- НБНС 2008—2010 — *Новый большой немецко-русский словарь: в 3 т. / под общ. рук. Д. О. Добровольского.* М.: АСТ: Астрель, 2008—2010.

- Хавкин 2016 — *Хавкин И. М.* Эта загадочная двуязычная лексикография. Полемиические заметки о том, что делать с неполнотой бумажных двуязычных словарей. 2016. Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero [Электронный ресурс].
- Щерба 1974 — *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974.
- Kotthoff 2011 — *Kotthoff H.* Anglizismen sind das neue Imponier-Deutsch. URL: <http://www.zeit.de/wissen/2011-11/anglizismen-wissenschaftssprache>

ZUSAMMENFASSUNG

Auf dem Wege zum Akademischen deutsch-russischen Wörterbuch: auf der Suche nach Instrumenten der Überwindung von lexikographischer Trägheit

Auf dem Wege zum Akademischen zweisprachigen Wörterbuch sehen sich Lexikographen mit zwei Aufgaben konfrontiert: man sollte eine potentielle Lückenhaftigkeit der Semantisierung einer lexikalischen Einheit und deren Verwendung überwinden und die Bereiche Grammatik, Beispiele und Kennzeichnung ergänzen und unifizieren. Dies erfordert ein klares und einfaches Instrumentarium, das Lexikographen zu richtigen Entscheidungen verhilft. Heute stehen Lexikographen elektronische Korpora zur Verfügung, so dass man jederzeit einen unmittelbaren Zugriff auf bis ins Detail ausgearbeitete elektronische Texte hat. Dank diesen Quellen kann man besser als je zuvor den aktuellen, ungezwungenen Sprachgebrauch kennenlernen und ihn dann für lexikographische Zwecke geschickt nutzen.

A. ŠARANDIN
(Moskau)

BESCHREIBUNGSVERFAHREN VON AUSTRIAZISMEN IN EINEM ZWEISPRACHIGEN WÖRTERBUCH¹

1. Einleitung

Über sprachliche Eigenheiten des österreichischen Deutsch, die so genannten Austriazismen, ist vieles geschrieben worden [vgl. Ammon 1995; Ebner 1998; Muhr 2000; Pohl 1997; Rizzo-Baur 1962; Домашнев 1983]. In den meisten Arbeiten zu dieser Thematik wird die Tatsache betont, dass die deutsche Sprache nicht homogen ist. Sie hat einige nationale Varietäten, von denen jede nicht in den Status einer selbständigen Sprache erhoben werden kann. Immer deutlicher wird daher heute die Tendenz, Deutsch als eine „plurizentrische Sprache“² aufzufassen. „The term Pluricentric(ity) indicates that a language has more than one centre, i.e. several centres, each providing a national variety with its own norms“ [Clyne 1989: 358]. Eine „monozentrische“ Sprachauffassung, die von der einheitlichen Norm, von „Zentrum“ und „Peripherie“ ausging, gehört heute der Vergangenheit an. Dieser Tatsache muss auch bei den lexikographischen Arbeiten Rechnung getragen werden.

In [Dobrovolskij, Šarandin 2003] wurde zum einem das Projekt zur Erstellung des „Neuen deutsch-russischen Großwörterbuchs“ (im Weiteren WÖRTERBUCH) vorgestellt, zum anderen wurden einige lexikographiespezifische Formatfragen an Hand zahlreicher Beispiele erörtert.

Mit dem vorliegenden Beitrag stehen nun lexikographische Beschreibungsverfahren der österreichischen Sprachvarietät für zweisprachige Wörterbücher mit Deutsch, insbesondere für das WÖRTERBUCH, zur Diskussion.

Vor der Kodifizierung von Austriazismen für allgemeine zweisprachige Wörterbücher größeren Umfangs muss man sich Klarheit über die folgenden Punkte verschaffen:

¹ Dieser Beitrag ist im Rahmen des vom RGNF (Российский гуманитарный научный фонд) geförderten Projekts 16-04-00291 entstanden.

² Vgl. zur Begriffsbildung [Kloss 1978] und [Clyne 1992].

- den Begriff *Austriazismus*;
- Auswahlkriterien;
- lexikographische Beschreibungsverfahren.

Im Folgenden wird auf diese Punkte etwas ausführlicher eingegangen.

2. Zum Begriff *Austriazismus*

In den jüngsten linguistischen Studien über österreichische Variante des Deutschen wird darauf hingewiesen, dass man den Terminus *Austriazismus* sehr vorsichtig zu verwenden hat und hinsichtlich der Definition, was „österreichisches Deutsch“ ist, sehr behutsam vorgehen sollte [vgl. z. B. Pohl 1997: 67ff]. Dieser Grund erschwert manchmal beträchtlich die lexikographische Lösung, die zu finden ist, denn eine Grenze zwischen österreichisch, bayrisch und süddeutsch zu ziehen, erwies sich als eine äußerst komplizierte Aufgabe. Daher musste man in WÖRTERBUCH nicht selten entsprechende Vermerke, die auf den jeweiligen territorialen Geltungsbereich solcher Spracheinheiten hinweisen, gleich hintereinander setzen.

Obers *n* = бав., австр. сливки.

Labsal *n* -(e)s, -e -ю-нем., австр. тж. *f* = -e высок. **1.** освежение, подкрепление; der Schlaf ist ein ~ сон дает силы. **2.** услада, отрада; утеха, утешение; *перен.* бальзам; das Mineralwasser ist ein ~ für Leib und Seele минеральная вода очень полезна для здоровья.

Trotz vieler linguistischer Auffassungen, was österreichisches Deutsch ist und was nicht, wurde bei der Aufnahme von solchem Sprachmaterial ins WÖRTERBUCH an eine Definition aus den Lernzielkatalogen für Österreichisches Sprachdiplom Deutsch gehalten. Unter dem Terminus *Austriazismus* verstehen wir hier auch:

Alle linguistischen und pragmatischen Erscheinungsformen auf dem Gebiet der Republik Österreich, die in den beiden anderen Vollvarietäten³ nicht vorkommen, oder nicht dieselbe Bedeutung oder Verwendung haben [Muhr 2000: 38].

In Übereinstimmung mit dieser Definition wurde über die Auswahlkriterien entschieden.

3. Auswahlkriterien für *Austriazismen*

Im Vorwort zum von O.I. Moskalskaja herausgegebenen Großen Deutsch-Russischen Wörterbuch [БНС 1998] steht nur, dass im Wörterverzeichnis Benennungen von deutschen, österreichischen, schweizerischen Realien, sowie auch anderen nationalen Kulturen Aufnahme gefunden haben, und dass sie dort mit entsprechenden Vermerken ver-

³ Gemeint sind: deutsches Deutsch (die Teutonismen) und schweizerisches Deutsch (die Helvetismen). Vgl. dazu im Einzelnen [Muhr 2000: 38].

sehen sind. Nach welchem Prinzip das territorial beschränkte Sprachmaterial aussortiert worden war, ist in [BHC 1998] nicht erörtert. Unter den dort erwähnten lexikographischen Quellen, die bei der Kodifizierung von Spracheinheiten benutzt wurden, fehlen auch entsprechende Wörterbücher der nationalen Varietät des Deutschen. Dies kann wohl darauf zurückgeführt werden, dass nationale und regionale Varianten der Standardsprache zu der Zeit, wo die erste Auflage des BHC erschien, nur Randthemen in der deutschsprachigen Germanistik und in der Lexikographie waren.⁴ Es ist jedoch interessant zu bemerken, dass die erste Auflage des Werkes „Österreichisches“ Wörterbuch (ÖWB) im Jahre 1951 entsteht und die des [BHC 1961].

Mit dem WÖRTERBUCH wird nun dieses Defizit gedeckt. Da die deutsche Sprache eher eine heterogene Bildung ist (neben der Standardsprache gibt es noch nationale Varietäten), stellt diese Tatsache den Lexikographen vor das Problem, solches Sprachmaterial im Wörterbuch adäquat darstellen zu müssen. Unsere Aufgabe sehen wir vor allem darin, österreichisches Deutsch möglichst genau und unwidersprüchlich ins WÖRTERBUCH aufzunehmen.

Um dieser Aufgabe gerecht zu werden, muss man sehr sorgfältig solche Spracheinheiten auswählen und sie in Übereinstimmung mit dem lexikographischen Format beschreiben.

Im Folgenden seien die wichtigsten Auswahlkriterien für Austriazismen genannt und kurz kommentiert.

- **Frequenz**

Frequente schriftliche und mündliche Verwendung von Spracheinheiten stellt traditionsgemäß ein wichtiges Aufnahmekriterium dar. Ausgewählt wurden die Einheiten, die oft in den Medien genannt werden.

- **Nichtnormabweichung**

Bei dem Kriterium handelt es sich, erstens, um Zugehörigkeit der jeweiligen Einheit zum österreichischen Standarddeutsch, und zweitens, um Vorhandensein dieser Einheit in den Konkordanzen österreichischer Schriftsteller.

- **hoher Bekanntheitsgrad des Wortes in den beiden anderen Vollvarietäten⁵**

Das lexikographische Team des WÖRTERBUCHS hat auch deutsche österreichische und schweizerische Muttersprachler. Wenn ein Wort von

⁴ Das Interesse am Thema entsteht erst um 1960 mit Arbeiten von Hildgard Rizzo-Baur (1962) und Anatolij Domašnev (1967, St. Petersburg), Lars-Olof Nyhlén (1961, Stockholm) und Zdeněk Valta (1967, Prag).

⁵ Varietäten wie Südtiroler Deutsch, Elsässisches Deutsch, Belgisches Deutsch, Luxemburger Deutsch und Liechtensteinisches Deutsch finden keine Berücksichtigung in WÖRTERBUCH.

den Deutschen und Schweizern eindeutig als ein Austriazismus eingestuft wurde, so wurde es mit dem entsprechenden Vermerk ins WÖRTERBUCH aufgenommen. Eine Hilfe leisteten dabei auch deutsche und schweizerische Wörterbücher.

Nach diesen kurz beschriebenen Kriterien wurde das Sprachmaterial lexikographisch bearbeitet. In Übereinstimmung mit dem ausgearbeiteten Format versucht das WÖRTERBUCH österreichisches Deutsch auf sprachlichen Ebenen maximal zu berücksichtigen. Es sei hier gleich gesagt, dass für Austriazismen Vollständigkeit auf allen Sprachebenen nicht angestrebt wird.

Es erschien uns sehr wichtig, den Benutzer auf einige systemhafte Grundunterschiede in den heutigen Varietäten des Deutschen aufmerksam zu machen.

4. Lexikographische Beschreibungsverfahren für Austriazismen

Alle Austriazismen, die in WÖRTERBUCH vorkommen, kann man grob in zwei große Gruppen einteilen:

- **Lexikalische Austriazismen** (d.h. Wörter, die nur durch das Territorium Österreichs beschränkt sind, z. B. Bassena, Vogerlsalat, Erdapfel);
- **semantische Austriazismen** (d.h. Wörter, die in den beiden anderen Vollvarietäten — deutsches Deutsch, schweizerisches Deutsch — existieren, dort aber eine andere Bedeutung oder Verwendung aufweisen, z. B. Sessel, Kasten, Bäckerei).

Ein gutes Äquivalent zu finden für national und territorial beschränkte Spracheinheiten ist keine leichte Aufgabe der Lexikographie. N. V. Muravleva [Muravleva 1997: 411] schreibt in ihrem Nachwort zum linguo-landeskundlichen Wörterbuch Österreich, dieses Verfahren stelle eine Herausforderung für den Lexikographen dar und könne als Aufgabe der Übersetzung des Unübersetzbaren formuliert werden. Es gelingt daher nicht immer deckungsvolle Äquivalente zu liefern. In diesen Fällen wurden in WÖRTERBUCH traditionelle Verfahren für Bedeutungsexplikation verwendet:

- Umschreibung;
- Markierungen;
- kursiv gesetzter metasprachlicher Kommentar nach dem Äquivalent;
- Transliteration bzw. Transkription.

Das WÖRTERBUCH bleibt im Rahmen der Tradition und kennzeichnet solche Spracheinheiten durch die Markierungen *österreichisch* und *wienerisch*, die in der einheimischen zweisprachigen Lexikographie üblich sind. Falls nötig werden auch die zusätzlichen

Markierungen gemacht, sodass territoriale, dialektale, stilistische, chronologische und auf ein Fachgebiet hinweisende Angaben zum Wort miteinander kombiniert werden. Vgl.:

Eierschwammerl -n, = *avstr. разг.* лисичка обыкновенная (*гриб*);

Einantwortung f-en, = *avstr. юр.* передача наследства наследникам в судебном порядке;

Lahnwind m *bav., avstr. диал.* влажный теплый ветер;

Lederer m -s, = *ю.-нем., avstr. устарев.* дубильщик кож; кожевник (*рабочий*).

Nun gehen wir auf die grundlegenden Unterschiede für das Paar *deutsches Deutsch vs. österreichisches Deutsch* ein. Dabei versuchen wir an Beispielen explizit zu zeigen, wie diese in WÖRTERBUCH auf den Sprachebenen nachvollziehbar sind.

4.1. Unterschiede in der Phonetik

Bei den Einheiten wurden nur solche Besonderheiten hervorgehoben, die eine sehr hohe Frequenz aufweisen und für die österreichische Varietät repräsentativ sind. Dabei handelt es sich beispielsweise um solche Wörter wie:

Chem'ie [ç- u *ю.-нем., avstr.* k-] <...> (anderer Laut);

K'affee [*avstr. тк.* ka'fe:] <...> (andere Betonung).

Alle anderen Merkmale des österreichischen „Zungenschlags“ wie z. B. die Aussprache der Nachsilbe *-ig* mit Verschlusslaut [-ik] und nicht als [iç] wurden nicht berücksichtigt.

4.2. Unterschiede in der Lexik

Im Vergleich zu dem deutschen lässt sich der österreichische Wortbestand am besten in folgender Aufteilung darstellen:

- **Parallelförmige oder Wortdubletten** (unter gewissem Vorbehalt können sie als Synonyme angesehen werden)

Österreichische Varietät	Deutsches Deutsch
Erlagschein <i>m</i>	Zahlschein <i>m</i>
Familienbeihilfe <i>f</i>	Kindergeld <i>n</i>
Mistkübel <i>m</i>	Mülleimer <i>m</i>
Nachtmahl <i>n</i>	Abendbrot <i>n</i>
Karfiol <i>m</i>	Blumenkohl <i>m</i>

- **Teiläquivalente** (Wörter, die Unterschiede in der semantischen Struktur oder andere Kollokationen aufweisen)

Österreichische Varietät	Deutsches Deutsch
Trafik <i>f</i>	≈ Tabakladen, Kiosk <i>m</i>
Melange <i>f</i> , Verlängerte(r) <i>m</i>	≈ Milchkaffee <i>m</i>
Palatschinke <i>f</i>	≈ Pfannkuchen <i>m</i>

Die andere Wortkombinatorik kann mit einem Beispiel aus dem Bereich der Phraseologie veranschaulicht werden:

Sintflut *f* = <...> ◇ **nach** [hinter *австр.*] **mir die** ~ после меня — хоть потоп.

• „Falsche Freunde“

Österreichische Varietät	Deutsches Deutsch
Sessel <i>m</i>	Stuhl <i>m</i>
Kasten <i>m</i>	Schrank <i>m</i>
angreifen <i>vt</i> (in einer Bedeutung <i>in die Hand nehmen</i>)	anfassen <i>vt</i>

Viele deutsch-russische Wörterbücher versehen gern das Lexem *Sessel* mit der „österreichischen“ Bedeutung *стул*. Sie nehmen aber in den meisten Fällen die österreichische Variante des Wortes *кресло* nicht auf, was eine bessere Systemhaftigkeit des zu kodifizierenden Sprachmaterials ermöglichen würde. Zwar nimmt БНС das Wort *Fauteuil* ins Wörterverzeichnis auf, es bleibt dort jedoch unmarkiert. Laut Benutzerhinweisen des БНС bedeutet das aber, dass die mit einem Null-Vermerk versehene Einheit als ein allgemeindeutsches Wort zu verstehen ist, was wiederum von keinem modernen einsprachigen deutschen Wörterbuch bestätigt werden konnte. Dieser Fehler ist nun mit WÖRTERBUCH beseitigt worden. Vgl.:

Fauteuil [???] <фр.> *m* -s, -s *уст.*, *австр.*, *швейц.* кресло.

4.3. Unterschiede in der Grammatik

Berücksichtigt wurden nur die häufig in der Grammatik anzutreffenden systemhaften Unterschiede. Sie beziehen sich hauptsächlich auf die Genusangabe bei Nomen und ein anderes Rektionsmodell bei Verben.

Polster *n* -s, =, *австр.* *m* -s, Pölster <...>

fahren I *vi* (s) (*австр.*, *швейц.* *тк.* *vi*) I. ехать, ездить <...> II *vt* (h)

I. возить, везти (*кого-л.*, *что-л.*) <...>

Im österreichischen Deutsch fehlt beim Verb *fahren* die Bedeutung *jmdn. mit dem Fahrzeug transportieren* und damit die grammatische Homonymie. Aus diesem Grund sind solche Verwendungen wie *er hat mich nach Hause gefahren*, die in Deutschland zur Sprachnorm gehören, in Österreich nicht möglich. Dieser Vorgang wird in Österreich (und in der

Schweiz) durch das Verb *bringen* ausgedrückt. So kann man etwa sagen *er hat mich nach Hause mit dem Auto gebracht*. Dieser Besonderheit ist in WÖRTERBUCH Rechnung getragen worden durch den Hinweis auf das Rektionsmodel (*аѡсmp., уѡеіу, мк. vi*).

Alle anderen das österreichische Deutsch ausmachenden Grammatikunterschiede wie andersgeartete Konjugation mancher Verben (z.B. der bei den starken Verben im Präsens fehlende Umlaut in der 2. und 3. Person Singular), besondere syntaktische Konstruktionen (doppeltes Perfekt und doppeltes Plusquamperfekt) fanden in WÖRTERBUCH keine Berücksichtigung.

4.5. Unterschiede in der Pragmatik

G. Retti schreibt in seiner Dissertation über Austriazismen hinsichtlich der Pragmatik folgendes:

Unterschiede im Sprachverhalten von Sprechern der verschiedenen Zentren des Deutschen sind wohl nicht von der Hand zu weisen, ob diese jedoch mit der Variantentheorie beschrieben werden können, wäre noch zu prüfen. So stellt sich etwa die Frage, ob einen vermehrten Gebrauch von „einschränkende[n] Modalpartikeln, Hilfs- und Modalverben“ mittels des Modells der linguistischen Variablen zu erklären, tatsächlich zielführend ist [Retti 1999: 30ff].

Da es sich hier um ein lexikographisch schwierig zu untersuchendes Gebiet handelt und die gesicherten Kenntnisse aus diesem Bereich eher als dürftig zu bezeichnen sind, wurde in WÖRTERBUCH auf die derartige Information verzichtet.

5. Kodifizierung der Austriazismen. Ein Beispiel

An Hand des Beispiels für das Wort *Einspänner* möchte ich im Weiteren den ganzen Ablauf in großen Zügen festhalten. Der erste Forschungsblick gilt den einsprachigen deutschen Synchronwörterbüchern:

Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 10 Bd. [WdS, 1999]:

Einspänner, der; -s, -: **1.** *Wagen, der von nur einem Pferd gezogen wird:* Onkel Willi erwartete uns vor dem Bahnhof mit einem E. (Lentz, Muckefuck 167). **2. a)** *für sich lebender, verschlossener Mensch; b)* (ugs. scherzh.) *Junggeselle*. **3.** (österr.) *Glas mit schwarzem Kaffee u. Schlagsahne*. **4.** (österr.) *einzelnes Würstchen*.

Duden. Universalwörterbuch [DUW 2001]:

Einspänner, der; -s, -: **1.** *Wagen, der von nur einem Pferd gezogen wird.* **2. a)** *für sich lebender, verschlossener Mensch; b)* (ugs. scherzh.) *Junggeselle*. **3.** (österr.) *Glas mit schwarzem Kaffee u. Schlagsahne*. **4.** (österr.) *einzelnes Würstchen*.

Wahrig. Deutsches Wörterbuch [WDW 2001]:

Einspänner <m. 3> *Kutsche für nur ein Pferd*; < fig.; umg. > *jmd., der am liebsten allein ist od. lebt, Eigenbrötler*; < scherzh. > *Strohwitwer*; < österr.; fig. > *ein Glas schwarzer Kaffee mit Schlagsahne*.

Österreichisches Wörterbuch [ÖWB 2001]:

Einspänner der, -s/-: Wagen mit nur einem Pferd | ein Glas Mokka mit Schlagobers | eine Hälfte von einem Paar (Frankfurter) Würstel.

Wie sagt man in Österreich? Wörterbuch des österreichischen Deutsch (1998):

Einspänner, der; -s, -: **1.** Schwarzer Kaffee im Glas mit einer Haube ↑ Schlagobers (eine Zubereitungsart von Kaffee im Kaffeehaus). **2.** einzelnes Frankfurter Würstchen [von einem Paar]: *einen Einspänner mit Kren*. ↑ Kaffee, Obers, Schlag.

Nach gründlichem Studium der Lexika und dem Klarstellen der Mikrostruktur des zu schreibenden Artikels wird der Einblick in die einheitlichen zweisprachigen Wörterbücher genommen:

БНС, 1998:

Einspänner *m* -s, = **1.** *уст.* одноконный выезд; одноконный экипаж; кабриолет; **2.** *извозчик*; **3.** *разг.* человеконенавистник, мизантроп; **4.** *разг.* холост'як, бобыль; **5.** *жилой дом с одноквартирной секцией (на каждом этаже выходит на лестницу одна квартира)*; **6.** *уст.* однолошадный крестьянин.

Das Deutsch-Russische Wörterbuch [Basiswörterbuch, НРС 1998]:

Einspänner *m* -s, = **1.** одноконный экипаж; **2.** *разг.* холост'як; **3.** *австр.* одна порция черного кофе со взбитыми сливками.

Eine besondere Beachtung verdienen bei der lexikographischen Arbeit die diachronen Wörterbücher, die in Hinsicht auf die Darstellung von Bedeutungen in einem synchronen Wörterbuch, sehr wichtig sind. Sie leisten große Hilfe in den Fällen, wo einige dubiose Bedeutungen einer Spracheinheit hinterfragt werden müssen.

Handwörterbuch der deutschen Sprache [HdS 1910]:

Einspänner, der, -s, uv.: 1) mit nur einem Pferd bespannter, einspänniger Wagen, auch: Besitzer eines solchen; übertr.: Junggeselle, Sonderling. 2) (veralt.) einläufiges Vorderladegewehr.

Макаров Н., Шеерер В. Часть немецко-русская (1902):

Einspänner, *sm.* одноконный экипаж; кабриолет.

Der Sprach-Brockhaus, Deutsches Bildwörterbuch für jedermann. [DBW 1938]:

Einspänner, -s/-: 1) einpferdige Droschke; 2) Menschenscheuer.

Beim Vergleich aller Artikel fällt sofort auf, dass die Wörterbücher unterschiedliche Bedeutungsstruktur für *Einspänner* aufweisen. Die Bedeutungen 2., 5., 6. in БНС finden keine Bestätigung in den modernen deutschen Wörterbüchern und werden in WÖRTERBUCH gestrichen, dafür wird eine neue früher nicht beschriebene Bedeutung 5. aufgenommen. Manche Markierungen werden auch in Übereinstimmung mit WdS gebracht, so dass der ganze Artikel so aussieht:

WÖRTERBUCH

'Einspänner *m* -s, = **1.** *устарев.* однок'олка (фазг.); однок'онный экипа'аж; **2.** один'очка (фазг. *неодобр.*; о человеке, отчуждающем себя от общества); **3.** фазг. шутил. холост'як; **4.** австр. айншп'еннер, к'офе по-в'енски (одна порция черного кофе со взбитыми сливками); **5.** австр. (одн'а) сос'иска (в порции обычно две).

Das beschriebene Beispiel mit *Einspänner* hat auch folgendes ergeben. Die Bedeutungsabfolge in БНС hat die eindeutige Tendenz zur Diachronie. Viele der aufgeführten Bedeutungen konnten nur durch alte Wörterbücher bestätigt werden. (Vgl. die 3. Bedeutung in БНС mit der 2. in DBW). Trotz vieler Mängel, die in БНС bis dato entdeckt wurden, bleibt es ein bemerkenswertes Beispiel für Hochleistungen, die von den einheimischen Lexikographen erbracht wurden. Daher handelt es sich bei der avisierten Wörterbucherstellung nicht um die Ersetzung des БНС durch WÖRTERBUCH.

Das БНС hat seinen festen Platz in der russischen Entwicklungsgeschichte der zweisprachigen Lexikographie gefunden und kann weiter hin seine unveränderten Auflagen erleben. Mit WÖRTERBUCH soll nun etwas völlig Neues kommen, wo Deutsch mit seinen nationalen Varietäten unter Berücksichtigung moderner linguistischer Theorien adäquat, systemhaft und unwidersprüchlich abgehandelt werden wird.

6. Zusammenfassung

Bei der Herausarbeitung des Wörterverzeichnisses wurde der linguo-landeskundliche Aspekt maximal berücksichtigt: viele Realien, die kulturhistorische und alltägliche Besonderheiten der deutschen Sprache in Österreich darstellen, fanden ihre Aufnahme ins WÖRTERBUCH. Alle in diesem Artikel beschriebenen lexikographischen Verfahren für Austriazismen können auch bei den Helvetismen verwendet werden.

Und nun eine Randbemerkung. Das Bild wäre nicht vollständig, wenn man das „Protokoll Nr. 10 über die Verwendung spezifischer österreichi-

scher Ausdrücke der deutschen Sprache im Rahmen der Europäischen Union“ außer Acht ließe. In der österreichischen Presse wurde dieses Protokoll groß bejubelt, in Wirklichkeit haben jedoch nur 23 Austriazismen Berücksichtigung gefunden, und zwar:

Beiried vs. Roastbeef; Eierschwammerl vs. Pfifferlinge; Erdäpfel vs. Kartoffeln; Faschiertes vs. Hackfleisch; Fisolen vs. Grüne Bohnen; Grammeln vs. Grieben; Hüferl vs. Hüfte; Karfiol vs. Blumenkohl; Kohlsprossen vs. Rosenkohl; Kren vs. Meerrettich; Lungenbraten vs. Filet; Marillen vs. Aprikosen; Melanzani vs. Auberginen; Nuss vs. Kugel; Obers vs. Sahne; Paradeiser vs. Tomaten; Powidl vs. Pflaumenmus; Ribisel vs. Johannisbeeren; Rostbraten vs. Hochrippe; Schlögel vs. Keule; Topfen vs. Quark; Vogerlsalat vs. Feldsalat; Weichseln vs. Sauerkirschen.

Diese kulinarischen Austriazismen wurden im WÖRTERBUCH auch berücksichtigt.

Literatur

- БНС 1998 — Большой немецко-русский словарь: в 3 т. / под общ. рук. О. И. Москальской. 4-е изд., стереотип. М., 1998.
- Макаров, Шеерер 1902 — *Макаров Н., Шеерер В.* Часть немецко-русская // Международные словари для средних учебных заведений. 9-е изд. СПб., 1902.
- Муравлева 1997 — *Муравлева Н. В.* Австрия. Лингвострановедческий словарь. М., 1997.
- НРС 1998 — Немецко-русский (основной) словарь. 5-е изд., стереотип. М., 1998.
- Домашнев 1967 — *Домашнев А. И.* Очерк современного немецкого языка в Австрии. М., 1967.
- Домашнев 1983 — *Домашнев А. И.* Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Л., 1983.
- Ammon 1995 — *Ammon U.* Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten. Berlin; New York, 1995.
- Clyne 1992 — *Clyne M.* Pluricentric Languages. Different Norms in different Nations. Mouton de Gruyter. Berlin, 1992.
- DBW 1938 — Der Sprach-Brockhaus, Deutsches Bildwörterbuch für jedermann. 2., verbesserte Aufl. Leipzig, 1938.
- Dobrovolskij, Šarandin 2003 — *Dobrovolskij D. O., Šarandin A. V.* Spezifik des lexikographischen Formats für allgemeine zweisprachige Wörterbücher (am Beispiel des Neuen großen deutsch-russischen Wörterbuchs // Das Wort Germanistisches Jahrbuch GUS. 2003. S. 381—394.
- DUW 2001 — Duden. Deutsches Universalwörterbuch A—Z. 4., völlig neu bearbeitete und erweiterte Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 2001.

- Ebner 1998 — *Ebner J.* Wie sagt man in Österreich? Wörterbuch des österreichischen Deutsch. 3., vollstd. überarb. Aufl. Duden-Taschenbücher Bd. 8. Mannheim, 1998.
- HdS 1910 — Handwörterbuch der deutschen Sprache / D. Sanders, E. Wülfing (Hrsg.). 8. Aufl., erste der Neubearbeitung. Leipzig, 1910.
- Kloss 1978 — *Kloss H.* Die Entwicklung neuerer germanischer Kultursprachen seit 1800. 2. Aufl. der Ausgabe 1952. Düsseldorf, 1978.
- Muhr 2000 — *Muhr R.* Österreichisches Sprachdiplom Deutsch. Lernzielkataloge zu Basisformulierungen, Lexik-Sprechhandlungen, Höflichkeitskonventionen, Diskurs und Diskursstrukturen, Deutsch als plurizentrische Sprache // Materialien und Handbücher zum österreichischen Deutsch und Deutsch als Fremdsprache. Bd. 4. Wien, 2000.
- Nyhlén 1961 — *Nyhlén L.-O.* Die Sonderstellung der deutschen Schriftsprache in Österreich. Eine Übersicht über ihre Entwicklung und heutige Lage. Masch.; Stockholm, 1961.
- ÖWB 2001 — Österreichisches Wörterbuch. Neubearbeitung mit den neuen amtlichen Regeln 39. Aufl. Wien, 2001.
- Pohl 1997 — *Pohl H.-D.* Gedanken zum Österreichischen Deutsch (als Teil der „pluriarealen“ deutschen Sprache) // Österreichisches Deutsch und andere nationale Varietäten plurizentrischer Sprachen in Europa / Hrsg. v. R. Muhr u. R. Schrod. Wien, 1997. S. 67—88.
- Retti 1999 — *Retti G.* Austriazismen in Wörterbüchern. Zum Binnen- und Außenkodex des österreichischen Deutsch. Diss. Innsbruck, 1999.
- Rizzo-Baur 1962 — *Rizzo-Baur H.* Die Besonderheiten der deutschen Schriftsprache in Österreich und Südtirol. Mannheim, 1962 (Duden-Beiträge 5).
- Valta 1967 — *Valta Z.* Die österreichische Prägungen im Wortbestand der deutschen Gegenwartssprache. Masch., Diss. Prag, 1967.
- WdS 1999 — Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. 3., völlig neu bearbeitete und erweiterte Aufl. der Buchausgabe in 10 Bd. 1999.
- WDW 2001 — Wahrig. Deutsches Wörterbuch. 7., vollständig neu bearbeitete und aktualisierte Aufl. Gütersloh; München, 2001.

И. С. ПАРИНА

(Нижегородский государственный лингвистический
университет имени Н. А. Добролюбова)

ФРАЗЕОЖЕСТЫ И КИНЕГРАММЫ: ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Жесты, характерные для немецкой культуры, нередко становятся темой публикаций развлекательного характера (см., например, [Grosse, Reker 2012; Kohlenberg 2016]), рассматриваются в руководствах по деловому этикету [Mai 2016] и трудах, посвященных межкультурной коммуникации [Hanisch 2015]. Многие жесты связаны с устойчивыми сочетаниями слов, которые либо произносятся в виде комментария при исполнении жеста, либо используются для его называния в речи. И хотя фразеологизмы, которые по своей семантике соотносятся с жестами, достаточно употребительны, — что может быть подтверждено примерами из текстового корпуса, — в лексикографических источниках они описаны непоследовательно, а некоторые и вовсе отсутствуют. В настоящей статье будут рассмотрены типы фразеологизмов, значение которых связано с жестами, приведены некоторые аргументы в пользу описания их в двуязычном словаре для широкого круга читателей, а также будут обсуждаться проблемы их лексикографического представления: отбора материала и построения словарной статьи.

Типы фразеологизмов, соотносящихся с жестом

Фразеологизмы, семантика которых связана с жестом, могут быть разделены на несколько типов в зависимости от того, сопровождают ли они невербальное поведение или только обозначают его. Так, Р. Баур, К. Клоста и П. Гржибек выделяют фразеожесты, кинеграммы и псевдокинеграммы [Баур и др. 2010; Baur, Chlosta 2005; Grzybek 2007].

Под фразеожестом авторы понимают сочетание жеста и фразеологизма, в котором обе части равноправны: за произнесением устойчивого словосочетания следует определенный жест, или жест сопровождается определенным комментарием. Фразеожесты нередко являются частью ритуальных действий (Р. Баур и К. Клоста приводят в качестве примеров воинские приветствия и церковное благо-

словение [Baur, Chlosta 2005]). Особенность фразеожестов состоит в том, что связь между невербальной составляющей и значением может быть объяснена только в диахронии, причем параллельно могут сосуществовать различные объяснения.

Так, есть несколько версий происхождения фразеожеста *auf Holz klopfen*, к которому коммуниканты прибегают в случае, если сообщили о собственном благополучии, поделились планами и опасаются, что после этих слов удача может их покинуть. Действие — троекратный стук по деревянной поверхности или, в шутку, по собственной голове — сопровождается комментарием „*Toi, toi, toi*“ или „*auf Holz klopfen*“.

- (1) Für den 35-Jährigen ist es die erste Saison als Bademeister. Von 9 bis 18 Uhr passt er auf, dass an der Feisneck niemand zu Schaden kommt. <...> „Bis jetzt ist hier noch nichts passiert, *toi toi toi*“, sagt Danny Pikut und *klopft dreimal auf Holz* (Nordkurier, 24.07.2013).

35-летний Дэнни Пикат в этом году дежурит на пляже впервые. Он работает с 9 до 18 и следит, чтобы никто из отдыхающих на озере Файсбек не получил травм. «Пока, *тьфу-тьфу-тьфу*, обошлось без происшествий», — говорит Дэнни и *трижды стучит по дереву* (перевод мой. — И. П.).

- (2) Das Einzige, was ihm in seiner Karriere bisher vergönnt blieb, ist der Gewinn einer Goldmedaille an der WM. Diesen hat er sich nun für das Jahr 2012 zum Ziel gesetzt. „*Auf Holz klopfen*“, sagt er lachend und *tippt dabei gegen seinen Kopf* (St. Galler Tagblatt, 21.07.2008).

Единственное, чего он не успел получить за свою успешную карьеру, — это золотая медаль чемпионата мира. Именно ее он и попытается завоевать в 2012 году. «*Постучу по дереву*», — говорит он и, смеясь, *стучит себе по голове* (перевод мой. — И. П.).

На сайте *redensarten-index.de*, который представляет собой крупнейшую базу данных по немецкой фразеологии, предлагается два объяснения этимологии этого фразеожеста. Во-первых, по дереву в старину стучали горняки перед тем, как спуститься в штольню, — они проверяли состояние деревянных опор и по звуку определяли, не прогнило ли дерево. Во-вторых, матросу, поступающему на службу на корабль, разрешалось постучать по мачте, чтобы убедиться, что она не ветхая и на этом корабле не опасно выходить в море [Redensarten-Index 2017]. В некоторых источниках сообщается также о суеверии, в соответствии с которым троекратный стук по дереву отпугивает злых духов [Kingston 2016].

Многообразие объяснений происхождения этого фразеожеста указывает на то, что связь означающего и означаемого в нем с современной точки зрения произвольна.

Фразеожесты нередко являются культурно-специфичными и либо совсем не имеют соответствий в других языковых пространствах, либо имеют только аналоги с иной невербальной составляющей. Так, в Германии для пожелания собеседнику удачи используют жест, при котором одну или обе ладони сжимают в кулак, так что большой палец закрывается другими пальцами, сопровождая его фразой *Ich drück dir ganz fest den/die Daumen* — ‘Держу за тебя кулачки’ (букв. ‘Сжимаю за тебя большой палец’). В англоязычных странах существует жест с тем же значением, но коммуникант выполняет иное действие — скрещивает средний и указательный пальцы и произносит *I am keeping my fingers crossed for you* — ‘Я скрещиваю за тебя пальцы’ [Baur, Chlosta 2005].

Не имеет эквивалента ни в русском, ни в английском языке немецкий фразеожест, используемый для выражения гнева, — *so einen Hals haben* (букв. ‘иметь вот такую вот шею’), — при котором жестикулирующий показывает обеими руками размеры шеи:

- (3) Klara G. <...> hat sich bei einer Reinigungsfirma einen Job als Putzfrau gesucht. Doch die Erfahrung war eher bitter: „So einen Hals habe ich“, sagt sie und breitet die Hände weit aus, „ich höre wieder auf“. Denn: Es bleibt zu wenig übrig (Nürnberger Nachrichten, 10.03.2005).

Клара Г. устроилась уборщицей в клининговую компанию. Однако это оказалось неприятным опытом. «Меня просто *распирает от злости* (букв. ‘у меня вот такая шея’), — говорит она и широко разводит руки, — больше не буду там работать». Причина: после всех вычетов она не получает почти ничего (перевод мой. — И. П.).

Анализ случаев употребления фразеожестов в текстовом корпусе DeReKo [DeReKo 2017] свидетельствует о том, что связь между четырьмя их компонентами — собственно жестом, его семантикой, его названием и сопровождающим его комментарием — не фиксирована. Так, словосочетание *jmdm. einen Vogel zeigen* (аналог ‘покрутить пальцем у виска’) называет жест — постукивание себя указательным пальцем по лбу или виску, — который служит отсылкой к фразеологизму *einen Vogel haben* (‘быть не в себе’). Демонстрация соответствующего жеста, действительно, может сопровождаться комментарием *Du hast einen Vogel*. Однако распространены и другие комментарии: *du spinnst, du hast nicht mehr alle, du bist doof, du Idiot* и так далее. В некоторых контекстах словосочетание явно указывает на жест, который не сопровождается никаким комментарием.

- (4) Sola zeigte dem Unparteiischen nach einer Zwei-Minuten-Strafe den „Vogel“ und beleidigte ihn mit den Worten: „Du bist doof“ (Frankfurter Rundschau, 16.02.1998).

Зола после того, как ему назначили двухминутное наказание, *обозвал арбитра «дураком» и *покрутил ему пальцем у виска*¹ (перевод мой. — И. П.).

- (5) „Wenn ich Tempo 30 fahre, zeigen mir Autofahrer den Vogel“, schilderte eine Frau ihren Alltag (Braunschweiger Zeitung, 22.07.2006).

«Когда я еду со скоростью 30 километров в час, другие водители **крутят мне пальцем у виска*», — пожаловалась автоледи (перевод мой. — И. П.).

В то же время этот жест может быть описан и буквально — с помощью словосочетаний *sich (D.) an die Stirn tippen* или *sich (D.) an die Schläfe tippen*.

- (6) Hägele *tippte sich mit dem Zeigefinger an die Stirn*. „Du hast sie ja nicht mehr alle!“, funkelte er dem Kommissar aus zornigen Augen ins Gesicht (Haug: Hüttenzauber, 18.04.2011).

Хэгеле гневно сверкнул глазами и **покрутил пальцем у виска* (букв. ‘постучал указательным пальцем по лбу’): «*Да у тебя не все дома*», — бросил он комиссару (перевод мой. — И. П.).

Таким образом, во фразеожесте *jmdm. einen Vogel zeigen* постоянными компонентами являются сам жест (хотя и он вариативен — коммуникант может постукивать как по лбу, так и по виску) и его значение, а остальные компоненты — переменные.

Во фразеожесте *jmdm. die/den Daumen drücken*, напротив, невербальный компонент является факультативным, а сохраняются только комментарий и его значение:

- (7) „Dann fangen wir wieder mal von vorn an“. Schomisch klopfte ihm auf die Schulter. „Dann machs gut. *Ich drück dir die Daumen*“ (Rhein-Zeitung 20.10.2007).

«Придется начинать все с начала». Шомиш похлопал его по плечу: «Ну, давай. *Желаю удачи!*» (перевод мой. — И. П.).

- (8) Dutzende originell gestalteter „Mutmacher“ hängen derzeit an den Zäunen des Kurfürst-Balduin-Gymnasiums Münstermaifeld. Mit den bemalten Bettüchern unterstützen die Familien ihre Söhne und Töchter, die derzeit über den Abi-Arbeiten schwitzen. „Viel Glück, gute Nerven und einen klaren Verstand — Du schaffst das — *Wir drücken Dir die Daumen!*“ heißt es auf den Plakaten (Rhein-Zeitung, 10.01.2013).

¹ Перевод фразеожеста отмечен «звездочкой», поскольку он не является точным: в Германии и в России жест со сходным значением изображается по-разному.

Десятки оригинальных «мотиваторов» украшают забор вокруг гимназии имени курфюрста Балдуина в Мюнстермайфельде. Местные жители делают из простыней плакаты, чтобы поддержать сына или дочь, у которых сейчас нелегкая пора выпускных экзаменов. «Удачи, крепких нервов и ясности ума! Ты справишься! *Держим за тебя кулачки*», — написано на плакатах.

Таким образом, число компонентов, составляющих фразеожест, может варьироваться, как и сами эти компоненты, и неизменным остается лишь значение жеста.

Ко второму типу языковых единиц, связанных с жестом, — кинеграммам (встречается также обозначение «кинемы» [Баур и др. 2010]) — относят фразеологизмы, выполняющие функцию описания невербального поведения, например, *mit den Achseln zucken* ('пожимать плечами'), *mit der Faust auf den Tisch hauen* ('ударять кулаком по столу'), *jmdm. eine lange Nase machen*. Х. Бургер отмечает двойственность интерпретации кинеграмм, которая заключается в том, что они могут указывать как собственно на жест, так и на его значение [Burger 2007]. Лишь из контекста становится понятно, воспроизводился ли сам жест, или подразумевалось только соответствующее значение. Например, *jmdm eine lange Nase machen* — это или 'дразнить кого-либо, показывая длинный нос' (9), или 'одурачивать кого-либо' (10).

- (9) Im Alter von 14 Monaten bis drei Jahren lieben es Kleinkinder, sich gegenseitig zu imitieren. <...> Sie machen eine lange Nase, strecken die Zunge heraus <...> um sicherzugehen, dass sie wirklich nachgeahmt werden (Mannheimer Morgen, 30.08.2008).

Дети в возрасте от года и 2 месяцев до 3 лет очень любят подражать друг другу. Они *дразнятся, изображая длинный нос*, или высовывают язык, желая убедиться, что кто-то повторяет за ними (перевод мой. — И. П.).

- (10) Wenn hingegen auf diesem Weg das ganze Know-how selbst für High-tech-Produkte aus der Hand gegeben werden soll, dürfen wir uns nicht wundern, wenn uns unsere asiatischen Partner anschließend *die lange Nase machen* (Neue Zürcher Zeitung, 30.12.2004).

Но, если придется делиться секретами производства высокотехнологичной продукции, дело может кончиться тем, что азиатские партнеры просто *оставят нас в дураках* (перевод мой. — И. П.).

Кинеграммам противопоставляются псевдокинеграммы, обозначающие невербальное поведение, которое в современном обществе уже не практикуется (например, *sich die Haare raufen* — 'рвать на себе волосы', *den Kopf in den Sand stecken* — 'прятать голову в песок') [Baur, Chlosta 2005]. У псевдокинеграмм отсутствует характерная для кин-

грамм неоднозначность толкования. Далее речь пойдет о фразеологизмах, соотносимых с жестами, которые могут воспроизводиться в реальности, поэтому псевдокинеграммы подробно рассматриваться не будут.

Пробелы в словарном описании жестов

Жесты и связанные с ними выражения, как правило, остаются за рамками уроков иностранного языка [Ettinger 2007]. В результате учащиеся не только не получают сведений об особенностях невербальной коммуникации в культуре другого языка, но оказываются неспособными замечать эти особенности, даже когда они непосредственно сталкиваются с этой культурой. Так, в 1996 г. в университете Дуйсбурга Р. Баур и его коллеги провели опрос среди студентов-романистов и выяснили, что даже тем студентам, которые год обучались во Франции, были не известны жесты, широко распространенные в повседневной французской коммуникации [Баур и др. 2010].

Языковые единицы, описывающие жесты, не получают и полноценного отражения в словарях. Так, в рассмотренных нами одноязычных словарях [Duden 1997; 2002; LAN 1999] и двуязычном словаре [БНРС 2004] не было найдено упоминаний о выражениях *auf Holz klopfen*, *jmdm. den Schweigefuchs zeigen* и *jmdm. den Scheibenwischer zeigen*.

Жест *Schweigefuchs* (также называется *Leisefuchs*, *Flüsterfuchs* букв. ‘лиса-молчунья’) ранее использовался в основном воспитателями в детском саду, чтобы призвать детей к порядку, если они становились слишком шумными. При демонстрации этого жеста большой, средний и безымянный пальцы вытягиваются вперед и соединяются вместе, образуя мордочку лисы, а указательный палец и мизинец поднимаются вверх, изображая ушки. Несколько лет назад суд запретил использовать этот жест в детских образовательных учреждениях из-за его сходства с приветствием, принятым в турецкой правозащитной организации [Vom Grauen Wolf verbannt]. Однако им все еще пользуются водители и депутаты Бундестага.

- (11) Nur haben Sie heute schon so viel geredet, dass ich fast wieder geneigt bin, Ihnen *den Schweigefuchs zu zeigen*. Das mache ich heute aber nicht, weil ich keine unnötige Schärfe in die Debatte bringen möchte (Protokoll der Sitzung des Parlaments Deutscher Bundestag am 26.04.2012).

Вы сегодня уже так много говорили, что я склоняюсь к тому, чтобы *попросить Вас замолчать* (букв. ‘показать Вам лису-молчунью’). Не буду сегодня этого делать только потому, что не хочу добавлять остроты в и без того ожесточенную дискуссию (перевод мой. — И. П.).

Как видно из контекста, этот жест в отношении взрослых участников коммуникации может быть обидным — возможно, из-за того,

что его вербальным переводом является фамильярное выражение *Halt die Klappe!* ‘закрой рот!’ [Kohlenberg 2016]. Также, вероятно, он все еще вызывает ассоциации с первоначальной ситуацией употребления и как бы ставит собеседника на место ребенка дошкольного возраста.

Жест *Scheibenwischer* — махание ладонью вправо-влево перед лицом — аналогичен жесту *jmdm. einen Vogel zeigen* (вербальный перевод — *Du bist doch bescheuert* ‘Ты не в себе’). Он может как сопровождаться различными комментариями, так и демонстрироваться молча.

- (12) Doch statt Platz zu machen, forderte der Fahrlehrer den Lasterlenker zum Zurücksetzen auf, zeigte ihm den „Scheibenwischer“ und beschimpfte ihn. Der Lkw-Fahrer erstattete deshalb Strafanzeige (Mannheimer Morgen, 15.08.2008).

Но вместо того, чтобы уступить дорогу, инструктор потребовал, чтобы водитель грузовика сдал назад, *покрутил ему пальцем у виска (букв. ‘помахал рукой перед лицом’) и обозвал его. Водитель грузовика заявил в полицию (перевод мой. — И. П.).

Как и *Schweigefuchs*, жест *Scheibenwischer* нередко используется во время дорожных ссор, однако если первый допустим, то за второй судом может быть назначен штраф от 500 до 1000 евро. Оскорбительным считается и жест *jmdm. einen Vogel zeigen* [Beleidigung im Straßenverkehr]. А за изображение в ситуации конфликта с собеседником пистолета у виска или ножа у горла можно понести даже уголовную ответственность, поскольку эти жесты расцениваются как угроза [Kohlenberg 2016]. К слову сказать, для российских студентов, изучающих немецкий язык как иностранный, эти факты нередко оказываются неожиданными, поскольку в российском законодательстве ответственность собственно за демонстрацию тех или иных жестов не предусмотрена.

Таким образом, основной аргумент в пользу описания фразеожестов в лексикографических изданиях для широкого круга читателей, носит экстралингвистический характер: жесты представляют собой не просто любопытный элемент иной культуры, но не менее существенную часть коммуникации, чем, например, принятые формы обращения или формулы вежливости.

Кинеграммы более полно представлены в лексикографических источниках, чем фразеожесты, однако характерная для них двойственность значения не всегда находит отражение в словарной статье. Так, в двуязычном словаре [БНРС 2004] указано, что фразеологизм *jmdm. eine lange Nase machen/drehen* означает ‘показать кому-л. нос, дразнить кого-л.’, что вызывает ассоциации исключительно с жестом. По-видимому, продемонстрировать возможность использования ки-

неграммы как для называния действия, так и для передачи только значения этого действия (в данном случае — ‘одурачивать кого-л.’) удобнее всего с помощью примеров, как это сделано в одноязычных словарях [Duden 1997; 2002].

Отбор материала и построение словарной статьи

Итак, в заключительной части работы будет рассмотрен вопрос о том, как в словаре могут быть описаны языковые единицы, соотносящиеся с жестом, если речь идет о словаре лингвистическом, а не культурологическом.

Первая проблема здесь — это отбор материала. Для кинеграмм достаточным критерием может быть частотность, однако для фразеологических проводить статистические подсчеты сложно, поскольку, как было показано ранее, один и тот же жест в контексте может быть назван по-разному. Вряд ли возможно включить в словарь все выражения, с помощью которых обозначают жесты в публикациях о правилах хорошего тона, трудах по межкультурной коммуникации и художественной литературе. Здесь необходим критерий, который позволил бы отделить узуальные сочетания слов, обозначающие жест, от окказиональных.

На наш взгляд, определять степень связанности жеста и значения удобно на основе анализа контекстов из корпуса. Так, в статье о поведении водителей, где речь идет о штрафах за жесты *jmdm. einen Vogel zeigen* и *jmdm. den Scheibenwischer zeigen*, упоминается также обидный, но разрешенный жест *Reißverschluss* (‘молния’), с помощью которого можно призвать к молчанию раскричавшегося собеседника [Kohlenberg 2016].

Однако контексты из корпуса DeReKo свидетельствуют о том, что лексема *Reißverschluss* сочетается с различными глаголами и соотносится с несколькими жестами:

- (13) „Erst nach der Wende konnte ich die Klappe aufmachen, wie ich wollte“, sagt sie und *macht eine Handbewegung, als könne sie ihren Mund aufziehen wie einen Reißverschluss* (Nordkurier, 30.01.2008).

«После объединения Германии больше не надо было держать рот на замке», — говорит она и *проводит рукой по губам, как будто открывая молнию* (перевод мой. — И. П.).

- (14) Arbeitnehmer-Vertreter Osterloh hat für das Thema nur eine Geste übrig. Er *legt den Zeigefinger an den Daumen und streicht von rechts nach links über seinen Mund, als würde er einen Reißverschluss verschließen* (Süddeutsche Zeitung, 26.04.2013).

Представитель работника Остерло в ответ *соединил большой палец с указательным и провел рукой по рту справа налево, как будто закрывая молнию* (перевод мой. — И. П.).

Таким образом, одной лексемы *Reißverschluss* недостаточно, чтобы точно обозначить жест. В контекстах добавляется комментарий о том, что именно делает субъект — открывает он или закрывает ображаемую молнию. К тому же жест может означать как призыв к молчанию, так и необходимость собственного молчания или, наоборот, возможность наконец-то говорить открыто. Поэтому здесь речь идет скорее об описании поведения с помощью свободных сочетаний слов, чем о фразеожесте, и эту единицу нет необходимости описывать в словаре.

Следующая проблема — это отражение в словаре жестикуляции, являющейся частью фразеожеста. Если в одноязычных словарях [Duden 1997; 2002] указано, какое невербальное поведение обозначается словосочетаниями *für jmdn. den Daumen drücken* и *jmdm. den Vogel zeigen*, то в двуязычном словаре [БНРС 2004] предложены только соответствия — ‘желать успеха [удачи]’ и ‘покрутить пальцем у виска’. В то же время, само описание жеста может быть значимым для пользователя словаря — не только по описанным ранее экстралингвистическим причинам, но и потому, что фразеожесты редко имеют точные соответствия в других языках, эквивалентные и по значению жеста, и по его исполнению. По этой причине перевод контекстов, иллюстрирующих употребление фразеожестов в словарной статье, часто оказывается неточным, и в двуязычном словаре только демонстрация самого жеста в форме комментария или рисунка поможет создать полноценную картину.

Наконец, еще одна особенность, характерная как для фразеожестов, так и для кинеграмм и значимая для их словарного описания, состоит в том, что они существуют не обособленно, а, как правило, входят в группы фразеологизмов со сходной этимологией и внутренней формой. Так, фразеожест *jmdm. den Vogel zeigen* связан с идиомами *einen Vogel/ eine Meise/ einen Piepmatz/ einen Piep haben* — их внутренняя форма основана на представлении о том, что душевную болезнь вызывает птица, поселившаяся в голове [Redensarten-Index 2017]. Кинеграмма *jmdm. eine lange Nase machen/drehen* связана с идиомой *mit langer Nase abziehen* (‘оставаться ни с чем’). Информация о таких взаимосвязях полезна для пользователей словаря и может быть отражена в статье в виде перекрестных отсылок.

Литература

- Баур и др. 2010 — Баур Р. и др. Фразеология и жестикуляция в немецкой разговорно-бытовой речи // Языковые и культурные контакты: сб. науч. трудов. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2010. Вып. 4. S. 7—22.
- БНРС 2004 — Большой немецко-русский словарь по общей лексике / Е. И. Лепинг, Н. П. Страхова, Н. И. Филичева и др.; под общ. рук. О. И. Москальской. М.: Русский Язык-Медиа, 2004.

- Baur, Chlosta 2005 — *Baur R., Chlosta Ch.* Du hast ja ‘nen Vogel!’. Phraseologie und Gesten in der Alltagssprache // Essener Unikate 26. 2005. № 1. S. 69—75.
- Beleidigung im Straßenverkehr — Beleidigung im Straßenverkehr // URL: <https://www.bussgeldkatalog.org/beleidigung-im-strassenverkehr/>
- Burger 2007 — *Burger H.* Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. 3., neu bearbeitete Auflage. Berlin: Erich Schmidt, 2007.
- DeReKo 2017 — Das Deutsche Referenzkorpus — DeReKo // URL: <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/>
- Duden 1997 — Duden Deutsches Universalwörterbuch A—Z. 3., völlig neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG., 1997.
- Duden 2002 — Duden: Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten., Bd. 11. Mannheim u.a., 2002.
- Ettinger 2007 — *Ettinger S.* Phraseme im Fremdsprachenunterricht // Phraseologie / Phraseology. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung / Hg. v. H. Burger et al. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2007. S. 893—908.
- Grosse, Reker 2012 — *Grosse J., Reker J.* Versteh mich nicht falsch! Gesten weltweit. Das Handbuch. Piper, 2012.
- Grzybek 2007 — *Grzybek P.* Semiotik und Phraseologie // Phraseologie / Phraseology. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung / Hg. v. H. Burger et al. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2007. S. 188—208.
- Hanisch 2015 — *Hanisch H.* Der Interkulturelle Kompetenz-Knigge 2010: Kultur, Kompetenz, Eindrücke — Gesten, Rituale, Zeitempfinden — Berichte, Tipps, Erlebnisse — Dos and don’ts im Ausland. Books on Demand; Auflage 2. 2015.
- Kingston 2016 — *Kingston L.* Auf Holz klopfen // URL: <http://www.geo.de/geolino/redewendungen/1585-rtkl-auf-holz-klopfen>
- Kohlenberg 2016 — *Kohlenberg R.* So dürfen Sie sich im Straßenverkehr aufregen // URL: <http://www.fr-online.de/auto/vier-gesten-die-auf-fahrer-machen-duerfen-spte,1472790,32458342.html>
- LAN 1999 — Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache Das aktuelle Standardwerk mit vielen lernerfreundlichen Extras [CD-ROM]. Version 2.0. Berlin u.a., 1999.
- Mai 2016 — *Mai J.* Gefährliche Handzeichen: Was Gesten bedeuten // URL: <http://karrierebibel.de/?s=handzeichen>
- Redensarten-Index 2017 — Redensarten-Index // URL: <http://www.redensarten-index.de>
- Vom Grauen Wolf verbannt — Vom Grauen Wolf verbannt // URL: <http://paukschlag-blog.org/?p=2796>

ZUSAMMENFASSUNG**Zur lexikographischen Darstellung
von Phraseogesten und Kinegrammen**

Thema des vorliegenden Artikels ist die lexikographische Darstellung von Phraseogesten und Kinegrammen. Behandelt werden die Definitionen dieser Begriffe, mögliche Kriterien für die Auswahl der Einheiten, die in einem zweisprachigen Wörterbuch beschrieben werden sollten, sowie die Wichtigkeit der Darstellung nonverbalen Verhaltens auch in einem linguistischen Wörterbuch.

А. С. ПОЛЕВЩИКОВА

(Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова)

**БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ
И ПОЛИЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА:
ПРОБЛЕМЫ ДВУЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ**

Настоящая статья является частичным отчетом об участии в 2016 г. в проекте «Типы информации в двуязычных словарях»¹. Основная задача проекта заключается в выявлении и инвентаризации типов информации, которая должна содержаться в современном академическом двуязычном словаре. В рамках проекта был проведен сопоставительный анализ эмпирического материала из базы Нового большого немецко-русского словаря [НБНС], онлайн-версии словаря Duden и корпуса Мангеймского института немецкого языка на портале owid.de. Сопоставительный анализ показал, что за несколько лет, прошедших с момента издания НБНС, в словарном составе современного немецкого языка произошли определенные изменения. Так, изменились нормы написания некоторых заимствованных слов. Словарный состав пополнился новыми лексемами и новыми значениями уже существующих слов.

Изменения в орфографии касаются не только слитного и раздельного написания заимствований, но и разведения графического облика ряда заимствованных однокоренных слов, в результате которого лексико-семантические варианты (далее ЛСВ) одной лексемы фактически получают статус лексических омонимов.

Лексема **das Carbon** (от лат. *carbo* ‘уголь’) имеет в своем составе два ЛСВ:

1. ‘углерод’; 2. *хим.* ‘углепластики’. Ранее нормой считался иной вариант написания — **Karbon**, который в настоящее время закрепился только за однокоренным существительным **das Karbon** ‘карбон’ (*каменно-угольный период*), изначально входившим в качестве ЛСВ в состав той же лексемы и вынесенным затем в отдельную словарную статью.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-00291.

Аналогичным примером является также пара **die Caritas** и **die Karitas**.

Лексема **die Karitas** (ранее также **Caritas**) (от лат. *caritas* 'любовь') имеет лишь один вариант написания и переводится как 1. 'милосердие'; 2. 'благотворительность'. Лексема **die Caritas** является сокращением от *Deutscher Caritasverband* (Немецкий католический благотворительный союз) и также не имеет других вариантов написания.

Однако логика изменения графического облика заимствованного слова ясна не всегда. Так, лексема **das Caramel** (1. *швейц.* карамель, жженный сахар (также *der (das) Karamel* или *Karamell*); 2. *швейц.* карамель (*конфеты, большей частью сливочные*)) допускает изначально единственно возможный вариант **der Karamel** только для первого ЛСВ.

По-прежнему возможны два варианта написания существительного **die Cassette (Kassette)**², восходящего к французскому *cassette* 'шкатулка'. Однако в производном композите **Kassettenrekorder (~recorder)** возможно единственное написание первого компонента, тогда как ранее допускался также вариант **Cassetten-Recorder**.

Как уже упоминалось выше, ряд полиэквивалентных лексем немецко-русского словаря изменили или расширили сферу употребления, поэтому при переводе требуются дополнительные примеры их контекстного употребления.

Так, прилагательное *labb(e)rig* представлено в трехтомнике следующими значениями: 1. 'пресный, безвкусный, непривлекательный' (например, о супе); 2. 'кашицеобразный, киселеобразный'; *der Pudding ist ~* пудинг сыроватый [незапеченный]; 3. 'слабый, вялый, дряблый'; *jmdm. ~ die Hand geben* вяло пожать кому-л. руку; *mir ist ganz ~ zumute* мне не по себе.

Если первое значение 'пресный, безвкусный, непривлекательный' не вызывает сомнений, то второе ('кашицеобразный, киселеобразный') представляется не вполне удачным. Ему соответствует, скорее, вариант 'студенистый, желеобразный', например, *labberig wie eine Qualle* ('студенистый, как тело медузы'). Наконец, третье значение 'слабый, вялый, дряблый' становится более понятным, если привести сочетания *labberige Haut*, *Muskel* ('дряблая кожа, дряблые мышцы').

Расширение сферы употребления лексемы за счет новых ЛСВ можно проиллюстрировать на примере существительного **der Laufgurt** ('лента конвейера'), которое получило два дополнительных значения: 1. 'детские помочи'; 2. 'поясная сумка для бега'.

Приведем еще ряд аналогичных примеров. Лексема **die Laufkugel** ('шарик подшипника') используется в современном немецком языке также в значении 'гимнастический мяч'. Слово **das Laufrad**, помимо значений 1. *тех.* 'ходовое [рабочее] колесо'; 2. *ист.* 'дрезина' (*двухко-*

² 1. шкатулка (для хранения денег или ценных вещей); 2. футляр (напр. книги); 3. кассета (фотографическая, магнитофонная); 4. *строит.* кессон (перекрытия).

лесный самокат, предшественник велосипеда), встречается также в значении ‘велосамокат’ (*детский беспедальный велосипед*).

Термин **das Ladeloch** (1. *воен.* ‘зарядное отверстие; пульный вход’; 2. *горн.* ‘загрузочное отверстие; шпур’) может переводиться также как ‘разъем питания [гнездо зарядки]’ или, реже, как ‘загрузочный люк стиральной машины’.

В приведенных примерах специальное терминологическое значение с течением времени расширяется за счет новых значений из обиходно-бытовой сферы. Однако возможен и обратный процесс. Лексема **der Chaperon** изначально была представлена двумя ЛСВ: 1. ‘капюшон (*средневековый головной убор*)’; 2. *уст.* ‘компаньонка, наставница (*обычно сопровождающая девушку*)’. К ним добавились два новых специальных значения — 3. *биол. б.ч. pl* ‘шапероны (*специфические белки*)’ и 4. *спорт* ‘инспектор допинг-контроля’.

При сопоставлении корпусов словаря Duden и НБНС выяснилось, что ряд лексем не вошли в состав трехтомника. В связи с этим возникает вопрос о том, следует ли включить в новое издание немецко-русского словаря все обнаруженные лексеммы или необходимо предварительно разработать определенные критерии, которым должны удовлетворять внесенные изменения? Особый интерес в этом смысле представляет безэквивалентная лексика, т.е. лексеммы или отдельные ЛСВ, не имеющие прямого эквивалента в русском языке.

В качестве иллюстрации можно привести такие примеры, как **der Chancentod** *спорт.* ‘нападающий, неоднократно упускающий во время матча возможность забить гол в ворота противника’³; **die Champagnerlaune (Sektlaune)** *шутл.* ‘радостное, приподнятое настроение (*б.ч.* после бокала шампанского).

В поисковой системе Google данные лексеммы представлены существенным количеством примеров, не оставляющих, на первый взгляд, сомнения в их употребительности: *der Chancentod* — 47 000; *die Champagnerlaune* — 820 000. В словарь Duden они включены без стилистических помет, так что автоматически попадают в состав общеупотребительной лексики и, следовательно, должны быть как минимум понятны любому взрослому носителю языка.

В целях проверки этого предположения был проведен мини-опрос носителей языка из разных регионов Германии. Респондентам предлагалось заполнить следующую таблицу:

Begriff	Bedeutung	Ihre Bewertung		
		gebräuchlich	verständlich, würde aber selbst nicht gebrauchen	nie gehört
eine Labeflasche				

³ „Stürmer, der häufig Torchancen vergibt“ [DUDEN].

Begriff	Bedeutung	Ihre Bewertung		
		gebräuchlich	verständlich, würde aber selbst nicht gebrauchen	nie gehört
Champagnerlaune bzw. Sektlaune				
Chancentod				

Помимо названных выше лексем, в таблицу было включено также существительное **die Labeflasche**. В словаре Duden слово снабжено пометой 'велоспорт' и объясняется как 'пластиковая бутылка для воды (у велосипедистов-гонщиков)⁴', однако ввод данного существительного в строку примеров поисковой машины Google и корпуса owid.de отсылает в основном к швейцарским сайтам, использующим слово в значении 'армейская фляга времен вермахта'.

В результате опроса 12 респондентов были получены следующие варианты ответов.

Лексема **die Champagnerlaune (Sektlaune)** оказалась наиболее частотной. Из 12 участников опроса 9 (75 %) считают ее употребительной и только трое (25 %) относят ее к пассивному словарному запасу. При этом интересно, что 3 человека (25 %) понимают данное выражение несколько иначе. Для них это 'настроение, желание праздновать' („Laune, Lust zu feiern, fröhliche Stimmung“: „Lust auf Party“: „gut gelaunt, bereit zum Feiern“). Возможно, разница в трактовке связана с тем, что в основе данной лексемы образное сравнение, по-разному воспринимаемое носителями языка.

Лексема **der Chancentod** вообще неизвестна 5 участникам опроса (42 %), 3 респондента (25 %) понимают ее значение, но сами не используют, и, наконец, еще 4 респондента (33 %) включают ее в состав активного словарного запаса. Таким образом, лексему, вероятно, стоит включить в словарь, однако с пометой *спорт. жарг.*

Лексема **die Labeflasche** оказалась наиболее проблематичной для интерпретации. 8 (67 %) респондентов никогда не слышали это слово, два респондента (17 %) правильно предположили, что речь может идти о походной фляге, но также отметили, что данное слово им абсолютно незнакомо. Лишь 2 респондента (17 %) отметили его как употребительное, предварительно исправив, правда, исходный вариант на неверно написанное, с их точки зрения, слово **die Labertasche** *разг. неодобр.* 'болтун, болтушка'.

Таким образом, данную лексему следует отнести, скорее, к малоупотребительным региональным вариантам, необязательным для внесения в немецко-русский словарь.

⁴ „(bei Rennrädern) unterhalb der Lenkstange befestigte Plastikflasche für ein mitzuführendes erfrischendes Getränk“ [DUDEN].

Перевод безэквивалентных лексем, а также уточнение перевода полиэквивалентных немецких лексем является одной из интереснейших переводческих и лексикографических задач. Поскольку в настоящей статье были описаны лишь отдельные примеры, было бы интересно проследить на более обширном языковом материале, носят ли эти явления системный характер и действительно отражают определенные тенденции в развитии лексического состава современного немецкого языка.

Литература

- Добровольский 2013 — *Добровольский Д. О.* Беседы о немецком слове. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Найдич, Павлова 2015 — *Найдич Л. Э., Павлова А. В.* Трубочист или лорд? Теория и практика немецко-русского и русско-немецкого перевода. СПб.: Златоуст, 2015.
- НБНС — Новый большой немецко-русский словарь: в 3 т. / под. общ. рук. Д. О. Добровольского. М., 2008—2010.
- Павлова, Светозарова 2012 — *Павлова А. В., Светозарова Н. Д.* Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода. СПб.: Антология, 2012.
- Dobrovolskiy 2002 — *Dobrovolskiy D.* Phraseologie und Übersetzen, 2002 // Translation zwischen Theorie und Praxis / Hg. v. L. N. Zybatow. Frankfurt am Main et al: Peter Lang, 2002. S. 215—254.
- DUDEN — DUDEN Online-Wörterbuch // URL: <http://www.duden.de>
- Koller 1992 — *Koller W.* Einführung in die Übersetzungswissenschaft. 4 Aufl. Heidelberg, Wiesbaden: Quelle und Meyer, 1992.
- OWID — Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch / Hg. v. Institut für Deutsche Sprache, Mannheim // URL: <http://www.owid.de>

ZUSAMMENFASSUNG

Eins-zu-Null-Entsprechungen und Eins-zu-viele-Entsprechungen im deutsch-russischen Wörterbuch

Im Rahmen des Projekts „Informationstypen in zweisprachigen Wörterbüchern“ wurde die vergleichende Analyse einer Reihe von Stichwörtern in der letzten Ausgabe des neuen großen deutsch-russischen Wörterbuchs und im DUDEN Online-Wörterbuch vorgenommen. Anhand des gelieferten sprachlichen Materials werden im vorliegenden Artikel einige Prinzipien der Neuaufnahme von Lexemen ins zweisprachige Wörterbuch behandelt, insbesondere von sog. Eins-zu-Null- und Eins-zu-viele-Entsprechungen.

СТАТЬИ АСПИРАНТОВ

Е. Н. БЛОХИНА

(Московский педагогический государственный университет)

РЕГИОНЫ ГЕРМАНИИ И АВСТРИИ КАК ОБЪЕКТЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (НА ПРИМЕРЕ ВЕРХНЕЙ БАВАРИИ И ТИРОЛЯ)

Лингвокультурологические аспекты русского языка, активно исследуемые отечественными учеными в течение последних десятилетий (Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, О. Н. Иванищева, В. В. Красных, В. М. Мокиенко и мн. др.), открывают новое видение механизмов взаимодействия языка и культуры, процессов аккумуляции и трансляции культурной информации, объема и структуры значения лексических единиц. Достигнутые результаты вдохновляют лингвистов на поиск аналогичных путей изучения других языков, в том числе и немецкого. Проблемы, обнаруживающиеся при простой экстраполяции определенных теорий, вскрывают глубинные культурные различия не только между русским и немецким языком, но и в границах самого немецкоязычного пространства, что свидетельствует об актуальности сужения объекта исследования от национального языка до региональных диалектов.

Рассмотрим кратко основные положения теории прецедентности, изложенные в теоретической части словаря «Русское культурное пространство» [Захаренко, Красных, Гудков 2004]. Для описания функционирования в современном русском языке определенных культурных феноменов используются ключевые понятия *когнитивная база* и *культурное пространство* (русское), которые противопоставляются в следующем соотношении: если называть культурным пространством «...все многообразие знаний и представлений носителей языка ...то когнитивная база — это лишь “качественно редуцированный” вариант некоторого списка феноменов» [Там же: 11]. Не всякий культурный феномен поддается «качественной редукции». Стереотипу, например, просто следуют. Но такие явления, как литературное произведение, значимое событие, неординарная личность и др., называемые учеными *прецедентными феноменами*, всегда подвергаются оценке, осмыслению, выбору из них самых существенных свойств и созданию в массовом сознании моделей, замещающих оригинал. И именно механизм качественной и количественной редукции какого-либо явления определяет различия между культурами.

Получаемые в результате модели одного и того же явления, именуемые *инвариантами восприятия*, которые находятся в когнитивных базах различных культурных пространств, нередко существенно отличаются друг от друга. Они же формируют специфику содержания одних и тех же ключевых концептов в разных культурах.

В теории российских ученых обращает на себя внимание факт выявления взаимосвязи между блоками хранения культурной информации на национальном уровне: русский язык — русское культурное пространство — русская когнитивная база. Пытаясь представить подобную структуру для немецкого культурного пространства, нельзя не вспомнить хорошо известные слова М. В. Ломоносова о неоднородности немецкого языка: «Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например, в Германии, баварский крестьянин мало разумеет мекленбургского или бранденбургский швабского, хотя все того же немецкого народа» [Ломоносов 1986: 473]. Лингвокультурная составляющая такой неоднородности является наименее изученной; при этом словарный состав различных немецких диалектов свидетельствует о различиях в восприятии их носителями окружающей действительности. Приведём лишь несколько примеров из словаря среднебаварского диалекта [Ringseis 2009] и его русскоязычной версии [Kopp 2009]: кудрявые, закрученные волосы сравниваются с улиткой — *Schneckerl*; куриное яйцо видится как причина и результат кудахтанья — *Gackerl*; минеральная вода с газом называется «прыгающей» — *hupfads/hüpfendes Wasser*; мышцы сравниваются с прядями льна — *Flaxn, Flachsn*; а нервное состояние — с надоеданием осы — *wepsi/wespig*; и, таким же образом, еще более четырех сотен фрагментов реальности, увиденных в отличном от заданного литературным немецким языком ракурсе.

Очевидно, что различия в языковой/диалектной картине мира имеют прямую связь с механизмами «качественной редукции» прецедентных феноменов. Наличие в границах немецкого языка нескольких специфичных региональных языковых вариантов позволяет предположить, что немецкая когнитивная база является совокупностью нескольких региональных, частично пересекающихся в одном общем центре. Для всех носителей немецкого языка эта центральная часть является той общей базой культурных знаний, которая «предопределяет адекватность их общения» [Захаренко, Красных, Гудков 2004: 11]. Главным источником ее пополнения является, по нашему мнению, система государственного образования. В преподавании немецкого языка как иностранного эта база данных также является очень важной: объясняя обучающимся смысл общепринятого инварианта восприятия того или иного прецедентного феномена, их всегда направляют по установленному немецкой культурой шаблону.

Элементы, находящиеся на периферии немецкой когнитивной базы, не попали в «центр» по ряду причин: тексты, не переведенные на литературный немецкий язык, оставались доступными лишь носителям диалекта; события и личности, сыгравшие значительную роль в истории одного региона, никоим образом не затрагивали соседние территории; различные экономические и политические условия формировали собственные ценностные приоритеты в каждом регионе. Однако в XXI в., в эпоху распространения единого информационного пространства, активной миграции, расширения международных контактов и доступности иноязычной массовой литературы, они не могут продолжать оставаться незамеченными. Ведь одним из ключевых признаков прецедентных феноменов является то, что «обращение (апелляция) к ним постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национального лингвокультурного сообщества» [Там же: 16]. Потребность в такой апелляции обусловлена, на наш взгляд, среди прочего и стремлением к лингвистической экономии: одним-единственным словом/именем можно обозначить целый спектр смыслов, содержащийся в инварианте восприятия прецедентного феномена.

Рассмотрим три примера из текстов современных авторов верхнебаварского происхождения, написанных на литературном немецком языке и адресованных массовому читателю:

„Motte hätte wesentlich mehr verdienen können, aber er war ein faules Stück. Er war der **Oblomow** unter den Crackern“ [Mauer 2016: 46];

„Er hielt inne, hob seine Hände in die Luft und betrachtete sie... Er hatte die klobigen Greifer seines blöden Vaters geerbt, plump, unregelmäßig geformt, von hässlichen Adern durchzogen. Aber sobald die Greifmonster auf der Tastatur tanzten, verwandelten sie sich in zehn **Rudolf Nurijews**“ [Mauer 2016: 158];

„Der kleine Kapellenraum beherbergt über 90 Engelsfiguren und eine reich verzierte Madonna. Darüber spannt sich ein dunkelblaues Gewölbe, ein barocker Sternenhimmel und es fehlt eigentlich nur noch der **Brandner Kasper**, der herunterzwickert und sagt: „Keine Angst, es ist schon schön da heroben““ [Hubert 2013: 85].

Через систему образования в ядро немецкой национальной когнитивной базы попадают редуцированные образы культурных феноменов мирового уровня, в частности, наши соотечественники. Мы безошибочно понимаем, что герой, сравниваемый с Обломовым, — не просто лентяй, а человек образованный, не глупый, с определенным социальным статусом. Мы также понимаем, что, когда его бесформенные некрасивые пальцы превращаются на компьютерной клавиатуре в десять Рудольфов Нуриевых, они становятся виртуозами, не знающими себе равных. А вот объяснить смысл употребления третьего имени, Бранднер Каспер, героя литературного произведения, не входящего в содержание программ обязательного образования, смогут далеко не все представители немецкоязычной культуры,

не говоря уже о русскоязычных читателях. При этом у носителей среднебаварского диалекта, в частности жителей Верхней Баварии и австрийского Тироля, такая задача не вызовет ни малейшего затруднения.

Остановимся подробнее на данном примере и покажем его «вклад» в содержание определенных культурных концептов, а также различие культурных компонентов семантики имени Бранднер Каспер/Каспар (*Brandner Kasper/Kaspar*) у носителей общего диалекта (среднебаварского) в разных национальных государствах (Германии и Австрии).

Бранднер Каспер «родился» в рассказе, написанном профессором мюнхенского университета Францем фон Кобеллем в 1871 г., но в массовом сознании на региональном уровне в Верхней Баварии его история скорее ассоциируется с инвариантом, созданным потомком писателя, Куртом Вильгельмом, в форме театральной пьесы [Wilhelm 2009]. Оригинальный рассказ, довольно короткий и незамысловатый, повествует о старом охотнике и слесаре Каспере, который очень любит свою нелегкую жизнь и свою малую родину, Тегернзее. Он не торопится покидать землю и пытается хитростью продлить отведенное ему время. Щедро накормив и напоив крепкой настойкой замерзшую и голодную смерть, он выигрывает у нее в карты дополнительные 18 лет жизни. Но смерть в итоге оказывается хитрее. Она убеждает Каспера совершить вместе с ней прогулочную поездку на небеса, взглянуть издали на то, как там «живут» другие, и выбрать самому, где остаться. Райская картина приводит главного героя в такой восторг, что он охотно соглашается поменять земную жизнь на небесную.

Версия Курта Вильгельма «обросла» множеством подробностей, в том числе серьезных и далеко не веселых. Но инвариант его интерпретации в баварской когнитивной базе интересен тем, что из всего философского, трагического и комического в истории главным было выбрано комическое. Жанр пьесы в афишах и анонсах баварских театров определяется как *Komödie*. Отчасти это объясняется характером другого главного героя истории — Бонлкрамера (*Boanlkramer*), смерти. Вызывающий улыбку образ, созданный в оригинальном рассказе, получает в пьесе новые возможности проявить свое остроумие и изобретательность. «Классическое», если можно так выразиться, содержание концепта *Tod/смерть* в немецкой культуре, получаемое нами, опять же, в процессе образования, восходит к средневековым образам. Это призванные внушать страх и трепет *der Knochenmann mit der Sense, der Sensemann, der Schwarze Bauer mit der Sense, der schwarze Tod (Pest), Freund Hein mit der Hippe*. Они подробно описаны в словарях и учебных пособиях и не нуждаются в пояснении, в то время как *Boanlkramer/Бонлкрамер* являет собою нечто совершенно неожиданное. А. Швайгерт пишет о нем следующее: «Кто такой Бонлкрамер? Как следует из имени, — коробейник, мелкий торговец-разносчик. Он

всего лишь слуга Бога, который выполняет приказы своего господина. При этом он должен быть искусным и дипломатичным, иначе за ним никто не последует... С ним можно поторговаться, и даже что-то выторговать... При встрече с ним баварец больше удивляется, чем пугается. Его внешний вид вызывает скорее сочувствие, чем ужас... Он никогда не вторгается в дом баварца без разрешения: вначале стучит, застенчиво извиняется, обстоятельно объясняет причину своего появления и просит войти в его положение. Смущенно улыбается и вежливо приглашает в свою карету, совершить путешествие в иной мир... Он никогда не забирает баварца силой. Баварец сам позволяет ему себя увезти» (здесь и далее перевод автора. — Е. Б.) [Schweigert 1988: 45]. Франц фон Кобель, сам страстный охотник, ввел в обиход такой образ смерти, какой бы ее хотел видеть каждый настоящий охотник, егерь (Weidmann), чья жизнь наполнена выстрелами, риском и смертельными опасностями, тающимися в горах. Но если проследить за развитием значения слова *Boanlkramer* в баварском диалекте, то нельзя не заметить, как сильно оно расширилось: от имени литературного персонажа до регионального компонента содержания концепта *Tod/смерть*. В настоящее время слово используется как знак смерти в самых различных контекстах, в том числе совершенно не связанных ни с историей про Бранднера, ни с охотничьей средой. Литературный персонаж Бонлкрамер (*Boanlkramer*) приобрел статус регионального достояния, и даже в некотором роде предмета гордости. В современном массовом дискурсе его называют добродушным, трогательным, остроумным существом, с которым не страшно умирать. Подробно об этом мы писали, в частности, см. [Блохина 2015].

Культурная значимость рассказа про Бранднера Каспара заключается не только в появлении в нем нового нетипичного образа смерти. Интерпретации истории прочно ассоциируются с отражением в них исторического противоречия в эмоционально-оценочной части концепта *Wilderei/Браконьерство*. В баварской версии Курта Вильгельма отчетливо проявляется содержание, резко отличное от общепринятого осуждения незаконной охоты. Главные герои истории, на чьей стороне находятся симпатии читателей и зрителей, сами занимаются преступным, с точки зрения закона, промыслом. Более того, в одной из сцен, где решается, достоин ли Каспер, грешивший браконьерством, попасть в рай, слуги Господа на небесах выносят следующий вердикт: „Wuidern guit hier nix... Bei uns derf ma jagen. Des kannst doch am Bayern net nehma“/ «Браконьерство здесь (в раю) не считается (грехом). У нас можно охотиться. Никто не может отнять этого у баварца» [Wilhelm 2009: 157]. Используемые в истории слова для наименования браконьеров нейтральны: *Wilderer, Wildschütz*.

Еще одна не менее популярная версия истории базируется на интерпретации австрийского автора Антона Мали [Maly 1953]. Во многом похожий на своего баварского «двойника», австрийский Каспер

тем не менее — совершенно другой человек. Это законопослушный крестьянин, состоящий на охотничьей службе и крайне негативно относящийся ко всему, что связано с браконьерством. Очень показательна характеристика одного из действующих лиц: „Haggenbichler Sepp, ein Wilderer und auch sonst ein ganz übler Mensch“ / «Хатгенбильхер Зепп, браконьер и вообще очень плохой человек», а также слова, которыми автор называет браконьеров: *Raubschütz, Wilddieb*.

В данном парадоксе отражено историческое, беспрецедентное противостояние между охотниками и браконьерами в альпийском регионе, которое восходит ко времени правления Марии-Терезии. Браконьерство никогда не было присуще лишь какой-то определенной нации; оно существовало всегда и везде и появилось в ответ на лишение народа естественного права добывать себе пищу у природы, когда охота в одночасье была объявлена привилегией знати. Однако, как неоднократно отмечалось многими исследователями, по количеству связанных с браконьерством трагедий и унесенных жизней маленькая территориальная полоса, проходящая по границе между Верхней Баварией и Тиродем, не знает себе равных. Верхняя Бавария являлась излюбленным местом охоты баварских монархов. Проживающим там крестьянам строго запрещалось не только охотиться, но даже ограждать свои грядки и сады от откармливаемой для короля и его окружения дичи. В соседнем австрийском Тироде действовали другие законы, во многом учитывающие интересы крестьян. Существовало несколько способов получения права на охоту, в том числе и наследуемого: от административной раздачи в аренду охотничьих угодий крестьянским общинам, введенной Марией-Терезией, до персональных наград за верность и доблесть в войнах против баварцев в более поздний период. Вопросы, связанные с охотой, регулировались законодательством, которое учитывало как экономические, так и политические аспекты, восходящие к соперничеству двух монаршеских династий, Виттельсбахов и Габсбургов. Уникальность ситуации в Верхней Баварии состояла в том, что к традиционному противостоянию между охотниками на службе у государства и браконьерами добавлялась третья противоборствующая сторона — чужие браконьеры. Когда крестьяне в австрийском Тироде на законных основаниях отстреливали в своих лесах все живое до опустошения, многие из них решали вопрос добычи дичи старым проверенным способом. В шаговой доступности соседские леса буквально кишели откормленными дикими животными, поэтому соблазн был непреодолимым. Оставаясь законопослушными гражданами своей страны, тирольские браконьеры без труда пересекали границу, охотились и быстро возвращались с добычей на территорию Австрии. Последствия их нашествий ложились бременем на местных крестьян и браконьеров.

В истории Тироля и Баварии трудно найти тему, о которой бы было написано больше, чем о браконьерстве. В частности, в рабо-

тах австрийского социолога и культуроантрополога Р. Гиртлера [Girtler 2003], верхнебаварского писателя профессора А. Швайггера [Schweigert 2014] и др. красной нитью проходит мысль о том, что общепринятое объяснение слова *Wildern* как «запрещенная охота» не отражает тех смыслов, которое оно приобрело в альпийском регионе. Говоря о содержании концепта *Wilderei/Браконьерство*, можно с уверенностью утверждать, что на данной территории оно имеет дополнительный компонент значения, который можно сформулировать как «форма социального протеста».

Зародившаяся в тот исторический период волна народного гнева и стремления к справедливости во многом объясняет ореол романтичности, сложившийся вокруг австро-баварского содержания концепта *Wilderei/Браконьерство*. Баварские народные герои, пришедшие из тех времен, — это, как правило, не служители закона, а представители противоположной стороны. Показательным примером является Gírgl Jennerwein/Гиргль (Георг) Йеннервайн, легендарный браконьер, личность отнюдь не идеальная, но убитая охотником нечестным, некрасивым образом, а потому ставшая символом жертвы произвола со стороны служителей закона. Путеводитель по Баварии даже предлагает экскурсионные маршруты по следам знаменитых баварских браконьеров и охотников, где могиле Йеннервайна, на которой круглый год лежат свежие цветы, уделено особое внимание [Klaus 2008: 17].

Таким образом, баварский Бранднер Каспар является личностью, символизирующей определенную эпоху в истории Верхней Баварии, а его имя можно рассматривать как собирательное, объединяющее целую плеяду браконьеров, включая Йеннервайна, получивших в народе статус особых героев, которым можно многое простить. Его ближайший «двойник», Бранднер Каспер, как элемент австрийской когнитивной базы, лишен этих дополнительных смыслов и олицетворяет собою противоположную сторону исторического конфликта.

Лингвокультурология, как известно, призвана заниматься не исторической ретроспективой, а извлечением актуальной культурно значимой информации из образов. Мы можем с уверенностью утверждать, что культурные смыслы, заложенные в прецедентном имени Бранднер Каспар/Каспер (*Brandner Kasper/Kaspar*), не устаревают и продолжают транслироваться последующему поколению. Прежде всего, трудно переоценить воспитательную роль самой театральной пьесы про Бранднера, если учесть, что ее просмотр является одной из самых прочных семейных традиций в Верхней Баварии в период празднования дня всех святых. Но существуют и другие каналы трансляции.

Современный немецкий писатель Jörg Mauger/Йорг Маурер, уроженец Гармиш-Партенкирхена, создал и продолжает создавать серию детективов, которая получила высокую оценку критиков и

пользуется огромной популярностью. Средства массовой информации рекомендуют ее для обязательного прочтения, не проводя особо каких-либо исторических аналогий. Но, если внимательно приглядеться к именам героев и сюжету, нельзя не заметить в них сигнала, отсылающего к описанным выше смыслам. Главное действующее лицо в этих криминальных историях — комиссар полиции по фамилии Jeppelwein/Йеннервайн. Символичны не только его фамилия, внешность и характер, но и имя — Hubertus/Хубертус. Святой, покровитель охотников, и легендарный браконьер в одном лице. Полиция как символ законности и справедливости и преступники, которые не всегда намеренно становятся таковыми. И смерть как неизменный атрибут профессии полицейского, нескрываемая, незамаскированная, заявляющая о себе в самих названиях книг: „Schwindelfrei ist nur der Tod“ [Mauer 2016/2], „Der Tod greift nicht daneben“ [Mauer 2016/1], „Im Grab schaust du nach oben“ [Mauer 2017]. В другой эпохе, в другой профессиональной среде, но все в тех же баварских Альпах мы имеем тех же «охотников», «браконьеров» и неизменно сопровождающую их смерть.

В заключение вернемся к примеру, с которого мы начали. Как уже было сказано, носители баварского диалекта, а также те, кто знаком с историей и культурой Баварии, безошибочно поймут, почему автору во время нахождения в красивой капелле приходит в голову имя Бранднер Каспер. Инвариант истории про старого охотника, как было отмечено в кратком содержании, имеет еще одну важную сюжетную линию. Бранднер очень долго всеми силами стремился оттянуть знакомство с раем. Но, когда он туда попал, ему больше не захотелось его покидать. *Бранднер Каспар/Каспер* имеет, таким образом, еще одно значение: гарантию безопасности, умиротворения, полного счастья. Эту ассоциативную связь имени с райским местом, из которого не захочется уходить, нередко используют в наименованиях баварских трактиров и ресторанов.

Итак, в одном-единственном прецедентном имени верхнебаварского происхождения мы показали наличие составляющих всех ключевых аспектов современных лингвокультурологических исследований. Можно лишь догадываться, сколько открытий таят в себе другие неизученные прецедентные феномены, не входящие в немецкую национальную когнитивную базу. Хочется также выразить надежду, что все они когда-нибудь попадут в поле зрения ученых и существенно обогатят наши знания о немецкоязычном мире.

Литература

Блохина 2015 — Блохина Е. Н. О лингвокультурологическом подходе к изучению прецедентных текстов как феноменов региональной культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 11. Ч. 1. Тамбов: Грамота, 2015. С. 26—28.

- Захаренко, Красных, Гудков 2004 — *Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б.* Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. М.: Гнозис, 2004.
- Ломоносов 1986 — *Ломоносов М. В.* Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986.
- Girtler 2003 — *Girtler R.* Wilderer. Rebellen in den Bergen. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2003.
- Hubert 2013 — *Hubert G.* Feste. Vom Aperschnalzen bis zum Schlappentag. 2013.
- Klaus 2008 — *Klaus M. A.* Jennerwein und der schöne Toni. 16 Wanderungen auf den Spuren bayerischer Wildschützen und Jäger. München: Süddeutsche Zeitung Edition, 2008.
- Kopp 2009 — *Kopp V.* Bayerisch-Russisches Wörterbuch. Dachau: Druckerei und Verlagsanstalt „Bayerland“ GmbH, 2009.
- Maly 1953 — *Maly A.* Der Brandner Kasper. Roman aus Tegernseer Bergen. München: Verlag Josef Berg, 1953.
- Maurer 2016/1 — *Mauer J.* Der Tod greift nicht daneben. Alpenkrimi. Frankfurt am Main: FISCHER Taschenbuch, 2016.
- Maurer 2017 — *Mauer J.* Im Grab schaut du nach oben. Alpenkrimi. Frankfurt am Main: FISCHER Taschenbuch, 2017.
- Maurer 2016/2 — *Mauer J.* Schwindelfrei ist nur der Tod. Alpenkrimi. Frankfurt am Main: FISCHER Taschenbuch, 2016.
- Ringseis 2009 — *Ringseis F.* Ringseis' Bayerisches Wörterbuch. Wortschatz — Worterklärung — Wortschreibung. Dachau: Druckerei und Verlagsanstalt „Bayerland“ GmbH, 2009 (3. Auflage).
- Schweiggert 2014 — *Schweiggert A.* Wilderer und Wildschützen in Bayern. Männer der Wildnis, Rebellen, Volkshelden. Dachau: Druckerei und Verlagsanstalt „Bayerland“ GmbH, 2014 (2. Auflage).
- Schweiggert 1988 — *Schweiggert A.* Wunderwesen zwischen Spessart und Karwendel in Brauchtum, Sage, Märchen. Weilheim: Stöppel-Verlag, 1988.
- Wilhelm 2009 — *Wilhelm K.* Der Brandner Kaspar und das ewig' Leben. Rosenheim: Rosenheimer Verlagshaus GmbH, 2009.

ZUSAMMENFASSUNG

Regionen Deutschlands und Österreichs als Objekte einer linguistischen und kulturwissenschaftlichen Analyse (am Beispiel von Oberbayern und Tirol)

In der modernen Medienwelt, wo elektronische Informationsmittel eine der führenden Positionen besetzen, spielen Landesgrenzen keine große Rolle mehr: jeder Text ist dem Leser weltweit zugänglich. Zwar

ist die Standardsprache das universale Mittel der Kommunikation geworden, ist ein Treffen mit der kulturell markierten dialektalen Lexik nicht immer zu vermeiden. Wegen der vielen zusätzlichen konnotativen Bedeutungen wird sie oft absichtlich für Sprachökonomie verwendet. Für die Nicht-Träger des Dialektes ist es am schwierigsten, die lexikalischen Einheiten zu verstehen, die aus dem Bereich Präzedenzphänomene stammen. Und am interessantesten sind die Fälle, wo innerhalb eines Dialektes bei einem Wort in verschiedenen Ländern diverse kulturelle Bedeutungen entstehen.

И. В. ГОЛУБКОВА

(Самарский национальный исследовательский университет
им. акад. С. П. Королева)

**ТЕХНИКИ УПРАВЛЕНИЯ ВПЕЧАТЛЕНИЕМ
В СПРАВОЧНО-КОНСУЛЬТАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СПРАВОЧНИКОВ
ДЛЯ ПОДАЧИ ЗАЯВЛЕНИЙ)**

В настоящее время в Германии при участии в конкурсном отборе (*Bewerbung*) соискатели все чаще предпринимая попытки повлиять на мнение, установки и решения оценивающего документы оппонента, о чем свидетельствуют многочисленные публикации в немецких СМИ [ср. Hockling, Leffers 2015; WC]. Журналисты утверждают, что разного рода манипуляции с содержанием и формой документов встречаются в 30 % поданных заявлений [WC]. Разнообразные случаи того, как соискатели пытаются повлиять на решение ответственных лиц, часто попадают в фокус СМИ: например, когда соискатель настолько искусно формулирует данные о своей личности, используя словесную «косметику для резюме» („*Lebenslaufkosmetik zur Lückenschließung*“), что факты о его личных и профессиональных качествах интерпретируются оппонентом неоднозначно [Hockling, Leffers 2015].

Сегодня книжные магазины ФРГ предлагают широкий выбор специализированной справочной литературы, в том числе по теме успешного участия в конкурсном отборе. Авторы таких справочников обещают научить составлять «успешное», «100 %-ное», «креативное» заявление [ср. Hofert 2008; Hofert 2010b], причем „*mit Zufriedenheitsgarantie*“ [Püttjer, Schnierda 2014], предлагая своему читателю авторские методики разработки личностно-профессионального имиджа, техники профессиональной коммуникации и схемы составления заявлений.

С одной стороны, тема оптимизации коммуникации с позиции соискателя при участии в конкурсном отборе редко попадает в поле зрения исследователей-лингвистов. Мы же видим в манипуляциях с текстами конкурсных заявлений с целью повлиять на решение оппонента проявление феномена «**управления впечатлением**» (далее УВ), который актуален в междисциплинарных гуманитарных

исследованиях [Diekmann 2015: 16—17]. Рассматриваемый нами процесс *Bewerbung* является классической ситуацией УВ, когда соискатель старается произвести впечатление именно через текст заявления [ср. Mummendey 1995: 14; Piwinger, Bazil 2010: 8].

С другой стороны, немецкоязычные справочники, затрагивающие тему оптимизации конкурсной коммуникации в том числе, редко становятся материалом лингвистических исследований из-за имиджа «второсортной литературы» [Kessler 2013: 20—21], хотя справочники являются самым востребованным видом печатной продукции в Германии после беллетристики [Oels 2012: 11]. Так, по данным каталога Немецкой национальной библиотеки (DNB), в период с 2007 г. издано около 200 справочников только по теме подачи заявлений, исключая справочники по более широким темам карьерного развития, трудоустройства и проч., номенклатуры которых в разы больше.

Если рассматривать данную ситуацию как дискурсивное явление, понимая **дискурс** как комплексное социокоммуникативное целое, отраженное в текстах под влиянием социальных, культурных, экономических, политических и других факторов, очевидно, что сегодня в ФРГ как никогда активно развивается дискурс *Bewerbung*. Существенный **фрагмент** этого дискурса реализуется именно в **справочной** литературе. Важно отметить, что авторы справочников по теме *Bewerbung*, эксперты в соответствующей сфере (психологи, менеджеры и др.), дискурсивно передают свой практический опыт **консультаций** по вопросам карьерного развития посредством своих публикаций. Соответственно, данный фрагмент дискурса *Bewerbung* является справочно-консультационным.

Реципиенты этого дискурсивного фрагмента — потенциальные заявители (*Bewerber*), то есть все те, кто ищет место работы или учебы, планирует участвовать в конкурсах и подавать конкурсные заявления. Они, читая справочники по теме *Bewerbung*, могут следовать советам экспертов для составления броских заявлений, чтобы произвести лучшее в сравнении с конкурентами впечатление на оппонента. Явно выраженный нормативный потенциал данного фрагмента дискурса обусловлен характером справочной литературы [Largher 2015: 208—209]. Нормы, образцовые модели поведения/коммуникации и ценностные представления в процессе *Bewerbung*, дискурсивно передаваемые в справочниках, заложены в стиле экспертного совета.

Дискурс-анализ в качестве метода исследования в данном случае лучше всего подходит для поиска и интерпретации рекомендуемых экспертами в справочниках способов, то есть техник УВ для составления заявлений, что явилось целью нашего исследования.

Мы понимаем **дискурс**, вслед за С. Лархер, как конвенциональный процесс: „Ein Diskurs ist der gesellschaftliche Prozess der Verständigung darüber, wie die Welt zu deuten und zu gestalten ist. Der Diskurs wird durch die materielle Wirklichkeit geprägt und wirkt durch gesell-

schaftliche Praktiken auf diese zurück. Der Diskurs äußert sich in konkreten Texten, die das Wissen und Denken einer bestimmten Zeit repräsentieren“ [Larcher 2015: 16]. Такое понимание созвучно трактовкам дискурса отечественными лингвистами, в частности В. Е. Чернявской, которая справедливо отмечает, что, независимо от исследовательской позиции, дискурсы рассматриваются «как особые языковые формации, коррелирующие с той или иной областью общественной практики, человеческого познания и коммуникации» [Чернявская 2009: 142]. Тексты, репрезентирующие дискурс, обращены к одному предмету, теме, концепту, связаны друг с другом семантическими отношениями и/или выступают в общей системе высказываний, объединенных в функционально-целевом отношении [ср. Busse, Teubert 1994: 15; Niehr 2014: 33; Чернявская 2009: 135].

Дискурс-анализ, являясь аналитическим рассмотрением репрезентирующих дискурс текстов, позволяет выявить то, как особенности социокультурного фона влияют на языковые закономерности конкретного дискурса. Более того, дискурс-анализ обнаруживает влияние дискурсивной деятельности как на ментальность, так и на социальные практики (см. рис. 1) [ср. Чернявская 2009: 143; Larcher 2015: 16]:

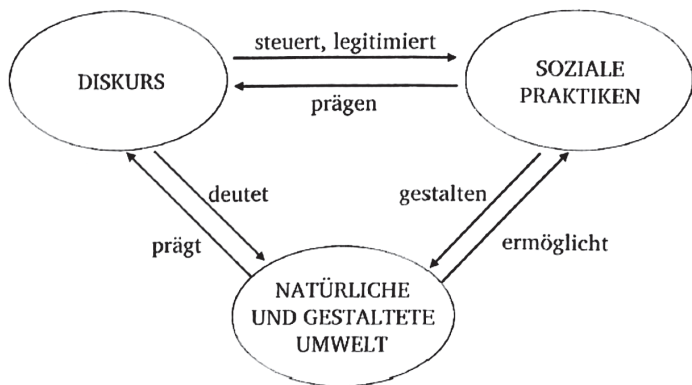

Рис. 1. Взаимовлияние дискурса, социальных практик и действительности

Важно учитывать, что *Bewerbung*, *f* в немецком языке обозначает в первую очередь *Bewerbungsschreiben / Bewerbungsunterlagen*, т. е. заявление о приеме на работу, о зачислении в учебное заведение и т. п., затем процесс *Sichbewerben, Bemühung um eine Stelle*, а также *Werbung* и *Promotion* в сфере экономики [Duden]. Фактически концепт *Bewerbung* охватывает весь обширный процесс участия в конкурсном отборе. Феномен *Bewerbung* в ФРГ предполагает соблюдение конвенций, традиционных порядков, которые зависят от специфики сферы деятельности (научно-образовательной, культурной, частной, профессиональной и т. д.) [Goth 2009].

В данной статье мы концентрируемся на фрагменте дискурса *Bewerbung*, который реализуется в текстах **справочников практически ориентированного формата** — *Ratgeber*. Мы учитываем особенности справочной литературы как носителя дискурса, которая за счет своего нормативно-предписывающего характера, закодированного в стиле экспертного совета, способна влиять на решения, поступки и речевое поведение реципиентов (потенциальных соискателей, пользующихся советами экспертов, чтобы составить собственные заявления) [Oels 2012: 24—25; Lacher 2015: 209]. При анализе данного фрагмента дискурса ведущим является вопрос: «Что рекомендуют эксперты для того, чтобы соискатель мог повлиять на впечатление, которое он произведет на оппонента, оценивающего его документы?» Иными словами, какие техники УВ рекомендуется применять, исходя из опыта авторов-экспертов, чтобы разработать и продемонстрировать определенный имидж, произвести впечатление с помощью текстов заявления.

Содержательный анализ дискурса справочников для подачи заявлений показал, что существенная часть практически ценного **знания**, дискурсивно фиксируемого в справочниках, относится к способам УВ в процессе *Bewerbung*. Уточним, что **управление впечатлением** (англ. *Impression Management*) понимается как осознанное или неосознанное поведение личности, направленное на создание, поддержание и контроль **имиджа** в обществе [ср. Diekmann 2015: 17; Mummendey 1995: 119]. Наряду с внешним видом, мимикой, жестикой, образом и стилем жизни в качестве одного из средств УВ выделяется речь, ее содержание и формы [Piwinger, Bazil 2010: 5]. В процессе *Bewerbung* на первом этапе подачи заявления именно письменная речь в текстах документов, ее содержание, структурирование, оформление, становятся средствами УВ соискателя. Под техниками УВ мы понимаем конкретные коммуникативные действия — стратегические (долгосрочные) или тактические (краткосрочные), имеющие целью влияние на оценку оппонента [Diekmann 2015: 18—19].

Выявленные нами в ходе дискурс-анализа техники УВ разделены на две основные группы: **содержательные** (зависящие от информации, передаваемой в заявлении) и **формальные** (зависящие от языкового и визуального оформления высказываний).

Для реализации УВ посредством **содержания** текстов заявления соискателю необходимо определить, какую информацию он собирается донести до оппонента, в частности, какой образ в контексте конкурса необходимо *инсценировать* в тексте. Это:

1. **Выборочная подача информации** — основная тактика УВ при подаче заявлений. При составлении текстов *Anschreiben*, *Lebenslauf* etc. рекомендуется вводить и выделять только то, что имеет непосредственное отношение к контексту конкурса. Эксперты советуют в этой связи, ср.: „*Seien Sie ein Chamäleon*“ и „*Formulieren Sie bei jeder Bewer-*

bung einen auf die jeweils ausgeschriebene Stelle speziell zugeschnittenen Lebenslauf“ [Hofert 2010b: 13; Rottmann 2008: 14].

УВ при помощи селективной подачи информации — это также составление списков компетенций (*Kompetenzliste*), куда соискатель упорядоченно включает избранную информацию: „*wichtigste fachliche Kompetenzen <...> mit Beispielen*“, „*bisherige und berufliche Erfolge*“, „*Kernkompetenzen und fachliche Schwerpunkte*“, „*Qualifizierungsmaßnahmen*“, при необходимости, „*Arbeitsstil*“, „*Arbeitsmethodik*“ etc. [Obermair 2010: 75—76].

2. **Смысловая акцентуация** — тактика УВ, часто образно обозначаемая как „*Appetitmacher*“. Многие специалисты рекомендуют составлять *Anschreiben* по т. н. принципу *AIDA*: *Attention — Aufmerksamkeit wecken, Interest — Interesse erzeugen, Desire — Wunsch wecken, Action — Handlung auslösen* [ср. Hesse, Schrader 2013: 213; Hofert 2008: 82]. Суть УВ при этом заключается в вербализации ключевого высказывания с последующим «нанизыванием» детальной информации для «затягивания» внимания оппонента. По этому принципу, например, IT-специалист может писать в *Anschreiben* так: „...*Als Diplom-Informatiker (FH) habe ich mit Teams von acht bis zehn Mitarbeitern mehr als 100 erfolgreiche Projekte betreut. Mein großer Erfolg war die Migration von Windows NT auf Linux. In diesem Zusammenhang habe ich auch die Mitarbeiter-Schulungen geplant und verantwortet. Inzwischen arbeiten 250 Mitarbeiter auf Linux-Basis und verwenden das Programmpaket Open Office*“ [Hofert 2010b: 94].

3. **Продуманная аргументация** — основная стратегическая техника УВ. В *Anschreiben* соискателю нужно подробно аргументировать: *Почему он заинтересовался этим вакантным местом? Почему он считает себя подходящим кандидатом? Какова его мотивация на данном карьерном этапе?* При аргументировании первостепенно важен акцент на данных в качестве аргументов, что не требует усложнения синтаксиса. Для аргументирования предпочтительны синтаксически простые, но информационно насыщенные предложения, ср.: „*Als Diplom-Kauffrau mit einschlägigen Studienschwerpunkten erfülle ich fachlich die von Ihnen erwarteten Voraussetzungen:*

- ▶ *Kenntnisse in Aufbau- und Ablauforganisation;*
- ▶ *Strategische Produktkonzeption und -planung;*
- ▶ *Marketingmanagement;*
- ▶ *Unternehmenspolitik*“ [Hesse, Schrader 2013: 263].

4. Рекомендуемая многими экспертами стратегия УВ заключается в **создании аутентичного образа**. Реалистичный образ можно создать, прикладывая к заявлению документы, демонстрирующие реальные лично-профессиональные успехи. Данные об успехах заявителя приводятся упорядоченно и детально в документах типа перечней, как *Kompetenzliste*, например:

*„Beiträge zum Unternehmenserfolg
Performance Management:*

- ▶ *Kontinuierliche Verbesserung der relevanten operativen Kennzahlen. Branchenübergreifende Benchmark für ausgezeichneten Kundenservice: Deutschlands Kundenorientiertester Dienstleister 2008 und 2011. Deutschlands Kundenchampion 2011 (Deutsche Gesellschaft für Kunden-Management).*
- ▶ *Verbesserung des Net Promoter Scores NPS (Weiterempfehlungsbereitschaft) um 10%-Punkte auf einen europaweiten Spitzenwert von 77.*
- ▶ *Verbesserung der Abschussquote (Conversion Rate) in den Vertriebskanälen Filialen, Call-Center und Online um mehr als 20%“ [Nebel, Nebel 2013: 58].*

5. Не позиционируемый как эффективный, но рекомендуемая экспертами тактический прием УВ — это **эвфемизация нежелательных данных**. Если в профессиональной жизни соискателя были негативные периоды и случаи (*schlechte Schulnoten, fehlende Qualifikationen & Praktika, fachfremde Nebenjobs, Zeillücken im Werdegang etc.*), которые могут испортить его имидж, эксперты рекомендуют никогда не прибегать ко лжи, к оправданиям или извинениям в качестве УВ [ср. Hesse, Schrader 2013: 285—303, Rottmann 2008: 17—38].

Для «тяжелых случаев» предлагаются особые советы по «маскировке дыр в резюме» (*Tipps für intelligente Lückenfüller*), содержащие примеры формулировок, которые ретушируют нежелательные данные, ср.:

- *Elternzeit hört sich besser an als Arbeitslosigkeit. Wenn Sie nach Ihrem Jobverlust ein Kind erzogen haben, schreiben Sie es. <...>*
- *Eine „Pause zur beruflichen Neuorientierung“ oder zur Erweiterung „interkultureller Fähigkeiten“ ist besser als ein einjähriger Urlaub.*
- *Erwerbslosigkeit ist kein Problem, solange sie bis zu sechs Monate gedauert hat. Sie müssen aber nicht das Wort „Erwerbslos“ oder „Arbeitslos“ verwenden. Schöner klingt zum Beispiel: „03-2003 bis 07-2003 Auf Jobsuche“ oder „Phase der Neuorientierung“ etc. [Hofert 2010b: 95].*

В этих примерах очевидны приемы манипуляции заявителя, которые в СМИ образно называют *„Lebenslaufkosmetik zur Lückenschließung“* [Hockling, Leffers 2015].

Отдельно следует рассмотреть **формально-языковые** и графические техники УВ, которые приобретают особую важность, поскольку первое и решающее впечатление зависит от того, что видит оппонент в процессе прочтения текста. Авторы справочников, эксперты в дискурсе единогласно утверждают: *„Da also der erste Eindruck entscheidend ist, wie zahlreiche Untersuchungen belegt haben, muss dieser erste Eindruck möglichst reizvoll sein. Sei es die Mappe, ein mögliches Deckblatt oder das Anschreiben: Das, was der Personaler zuerst sieht, muss ihn „wecken“* [ср. Hofert 2008: 12, Lorenz, Rohrscheider 2011: 19].

1. Важная формальная техника УВ — разработка **привлекательного дизайна документов**. Эксперты рекомендуют создавать *„saubere, ordentliche, leicht lesbare und ansprechende Unterlagen mit dem einheitlichen Layout“* [Hesse, Schrader 2013: 123—134]. Дизайн, в котором инди-

видуально скомбинированы шрифт, формат, цвета и т. д., должен продемонстрировать характер соискателя, его технические навыки. Особенно важно при этом: *„aufglockert gestaltete Seiten — nicht zu voll und zu eng beschrieben; eine übersichtliche Gestaltung, die eine schnelle Orientierung erlaubt; ein angenehmes, leicht lesbares Schriftbild“* [Lorenz, Rohrscheider 2011: 6—8]. Важно гармоничное оформление текста без формальных излишеств: *„kleine Illustrationen oder Word-Art-Grafiken sind unangebracht und wirken schnell albern“* [Jacoby, Vollmers 2009: 60].

2. В целом формальные техники УВ направлены на **оптимизацию процесса восприятия и понимания документов**, чтобы оппонентом было воспринято максимум информации о соискателе (*Persönlichkeit, Argumente, Motivation etc.*). Текстуально необходимо фокусировать внимание читающего на ключевой информации, которая должна стать своеобразным триггером определенных образов и ассоциаций, например: *„Als gelernte Bürokauffrau mit zehn Jahren Sekretariatserfahrung bin ich derzeit als Office-Managerin für alle Fragen der Büroorganisation zuständig. Beim Unternehmen XY habe ich die Lohnbuchhaltung komplett neu aufgebaut und strukturiert. Zudem war ich maßgeblich für die Einführung eines Qualitätsmanagementsystems zuständig. Chef und Kollegen schätzen mich als durchsetzungsstark und energisch“* [Hofert 2010b: 95].

Для улучшения восприятия рекомендуется учитывать технику чтения (*„typischen Blickverlauf beim Lesen“*), т. е. движение взгляда читающего при первично-поверхностном чтении текста: *„Üblicherweise blickt der Leser in Z-Form über einen Brief: Daher muss besonders Wichtiges oben links stehen. Ein Foto lenkt die Aufmerksamkeit nach rechts. Auch der Abschluss der Seite ist wichtig. Achten Sie darauf, dass Sie eine Seite mit positiven Aussagen abschließen!“* [Hofert 2010a: 78].

3. Рекомендуемая формальная стратегия УВ — **индивидуализация стиля письма**, которая начинается с отказа от типичных формулировок и клише, предложений с усложненным синтаксисом, чрезмерных абстракций и т. п. [Hesse, Schrader 2013: 255, Hofert 2008: 9]. Для индивидуализации стиля заявителя эксперты рекомендуют осознанно отказаться от типичных письменных клишированных формулировок и использовать собственные высказывания, например: искреннее *„Stress prallt an mir ab“* воспринимается лучше, чем громоздкое *„Stressresistenz gehört zu meinen wichtigen Eigenschaften“* [Hofert 2008: 73].

Наряду с содержательными и формальными техниками УВ выделяются **контекстуальные** стратегические техники, которые не используются в текстах заявления непосредственно, но они важны в целом, чтобы соискатель мог поддержать целостный имидж в своей профессиональной деятельности. Особое внимание уделяется техникам поддержания целостного имиджа в интернет-общении, поскольку: *„...nicht nur Personalberater <...> sondern auch Geschäftspartner untereinander ‚googeln‘ sich, wenn sie mehr über den anderen wissen möchten. Eine US-Studie belegt, dass bereits über 60 Prozent der Arbeitgeber soziale Netz-*

werke wie Twitter oder Facebook als Fundgrube nutzen, um verheißungsvolle Jobkandidaten aufzutun“ [Jacoby, Vollmers 2011: 80].

Zugeklappt:

Sehr geehrte Frau Winkelhuber,

hätten Sie ein paar Minuten Zeit für mich?
Ich möchte mich Ihnen gern vorstellen.

Blättern Sie doch
einfach
einmal um

Einmal aufgeklappt:

Mein Ziel ...

... ist es, bei Ihnen als Marketingreferentin zu arbeiten. Mein Wissen, Engagement und meine Erfahrungen möchte ich sehr gern in den Dienst der Deutschen Bahn AG stellen

Berlin, 5. Januar 2010

Maria Münch

... und deshalb bewerbe ich mich heute bei Ihnen.

Maria Münch
Diplom-Kauffrau und Politologin

Gotthelfstraße 19
12051 Berlin
Tel.: 030/56 67 82
maria@muench.de

Möchten Sie mehr über mich wissen?
Dann blättern Sie noch einmal um

Komplett aufgeklappt:

Mein Ziel ...

... ist es, bei Ihnen als Marketingreferentin zu arbeiten. Mein Wissen, Engagement und meine Erfahrungen möchte ich sehr gern in den Dienst der Deutschen Bahn AG stellen

Berlin, 5. Januar 2010

Maria Münch

Meine wichtigsten Daten ...

geboren am 11.11.1981 in Kassel
ledig, ortsunabhängig
Diplom in BWL und Politologie

Honorartätigkeit:
Werbeagentur VIP & Partner, Berlin, seit 9/05

Praktika:
u. a. in den Bereichen Marketing, Incentives, Betriebsorganisation, Marktanalysen, (Olympus, Hoechst, Philipp Reemtsma)

Studienschwerpunkte:
Wirtschaftswissenschaften: Marktforschung, Marketingmanagement u. -instrumente, Politologie: u. a. Organisationssoziologie, neue Managementkonzepte, Meinungsmanagement

Weiterbildung:
Teilnahme an div. Fachveranstaltungen

Sprachkenntnisse:
Französisch, Spanisch, Englisch

Meine Pluspunkte ...

- entscheidungsstark
- selbstkritisch
- unternehmerisches Denken
- kundenorientiertes Handeln
- zukunftsorientiert mit Augenmaß für das Machbare
- überzeugende fachliche Voraussetzungen
- starke Lernbereitschaft

und nicht zu vergessen:

- großer Spaß an der Arbeit!

Рис. 2. Заявление в форме рекламного проспекта/ флаера

Проведенный нами анализ дискурса на материале справочников для подачи заявлений позволил нам выделить «**модные**» техники УВ, которые активно разрабатываются экспертами и позиционируются как эффективные сравнительно недавно. Например, концепцию самомаркетинга (*Selbstmarketing*), логика и принципы которого взяты из экономики, развивает большинство экспертов в дискурсе. Самомаркетинг подразумевает метафоричную смену перспектив в процессе *Bewerbung*. Согласно этой концепции, соискатель — продукт на рын-

ке труда с особыми навыками, умениями, опытом и потенциалом. Он должен разработать качественную рекламную акцию (заявление), чтобы «продать себя» взыскательному и требовательному клиенту (потенциальному работодателю). Таким образом, *Selbstmarketing*, становясь целостной **технологией УВ**, подразумевает комплексное использование стратегий и тактик, в частности, при подаче заявления: глобальную смену коммуникативных перспектив с «соискателя-работодателя» на «продукт-клиент», оформление документов подобно рекламному проспекту, использование рекламных языковых приемов и т. п. (см. рис. 2) [ср. Hofert 2010a: 67; Pütjer, Schnierda 2014: 9—27; Hesse, Schrader 2013: 270].

Итак, результаты нашего дискурс-анализа позволяют сделать следующие выводы.

Немецкоязычный справочно-консультационный дискурс — это специфический социокоммуникативный феномен. Данный дискурс отражается в мультифункциональных текстах практических справочников, которые в целом демонстрируют то, как в настоящее время понимается процесс участия в конкурсном отборе (*Bewerbung*). Справочники позволяют комплексно фиксировать накопленное экспертами знание по теме и практически передавать его реципиентам. Поскольку данный дискурс развивает обширный комплекс знания в виде норм, моделей, сценариев, он может за счет своего нормативно-предписывающего характера повлиять на реальную социальную практику, т. е. на коммуникативное поведение потенциальных соискателей, которые составляют заявления в соответствии с рекомендациями экспертов по дискурсу.

Справочно-консультационный дискурс фиксирует и передает множество техник УВ, которые потенциальный соискатель может применить и комбинировать при составлении заявления. Техники УВ подразумевают комплексное целенаправленное манипулирование содержанием и формой его представления в заявлении.

Результаты нашего анализа подтверждают, что попытки манипулирования впечатлением оппонента при подаче конкурсных заявлений представляющей собой явление, истоки которого ведут к справочно-консультационному дискурсу, в частности к практическим справочникам по теме *Bewerbung*. На этом основании можно предположить, что манипулятивная коммуникация в соответствии с рекомендациями экспертов может стать нормой поведения в профессиональной среде, повлиев, таким образом, не только на развитие официально-делового стиля немецкого языка, но и на нормы профессиональной коммуникации.

Литература

- Чернявская 2009 — *Чернявская В. Е.* Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность. М., 2009.
- Busse, Teubert 1994 — *Busse D., Teubert W.* Ist Diskurs ein sprachwissenschaftliches Objekt? Zur Methodenfrage der historischen Semantik // Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik / D. Busse, F. Hermanns, W. Teubert (Hrsg.). Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994. S. 10—28.
- Diekmann 2015 — *Diekmann C.* Impression Management-Modesty und Karriereentwicklung, Dissertation. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2015.
- Duden — Duden | Bewerbung | Rechtschreibung, Bedeutung, Definition, Synonyme // URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Bewerbung> (27.01.2017).
- Goth 2009 — *Goth P.* Mitarbeiter auswählen. Personaldiagnostik in der Praxis. Bielefeld: Bertelsmann Verlag, 2009.
- Hockling, Leffers 2015 — *Hockling S., Leffers J.* Was passiert bei Lügen im Lebenslauf? // SPIEGEL ONLINE, 11.10.2015 // URL: <http://www.spiegel.de/karriere/berufsleben/luegen-bei-der-bewerbung-das-droht-bei-lebenslauf-manipulation-a-1041634.html> (16.01.2017).
- Kessler 2013 — *Kessler G.* Der Buchverlag als Marke: Typik und Herausforderungen des markengeprägten Publizierens am Beispiel der Ratgeberliteratur Deutschlands. Wiesbaden: Harrassowitz, 2013.
- Larcher 2015 — *Larcher S. B.* Linguistische Diskursanalyse. Tübingen: Narr Franke Attempto Verlag, 2015.
- Mummendey 1995 — *Mummendey H. D.* Psychologie der Selbstdarstellung. Göttingen: Hogrefe, 1995.
- Niehr 2014 — *Niehr T.* Einführung in die linguistische Diskursanalyse. Darmstadt: WBG, 2014.
- Oels 2012 — *Oels D.* Ratgeber. Non Fiktion: Arsenal der anderen Gattungen. Hannover: Wehrhahn, 2012.
- Piwinger, Bazil 2010 — *Piwinger M., Bazil V.* Impression Management. Über Sein und Schein // Kommunikationsmanagement / G. Bentele, M. Piwinger, G. Schönborn (Hrsg.). Köln: Luchterhand, 2010. S.1—34.
- WC — WEBER CONSULTING. Der neue Volkssport für Qualitätsmanager — Bewerbungsunterlagen schönen // WEBER CONSULTING GMBH Managementberatung // URL: <http://www.weberconsulting.de/html/volkssport.html> (16.01.2017).

Источники

- Hesse, Schrader 2013 — *Hesse J., Schrader H. C.* Das Große Hesse/Schrader Bewerbungshandbuch. Berlin: Stark Verlag, 2013.

- Hofert 2008 — *Hofert S.* Praxismappe für Ihre kreative Bewerbung. Frankfurt am Main: Eichborn, 2008.
- Hofert 2010a — *Hofert S.* Stellensuche und Bewerbung im Internet. Hannover: Humboldt, 2010.
- Hofert 2010b — *Hofert S.* Die 100 %-Bewerbung. Offenbach: GABAL Verlag, 2010.
- Jacoby, Vollmers 2009 — *Jacoby A., Vollmers F.* Bewerben in schwierigen Zeiten. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2009.
- Lorenz, Rohrscheider 2011 — *Lorenz M., Rohrschneider U.* Jobsuche und Bewerbung. Freiburg: Haufe, 2011.
- Nebel J., Nebel N. 2013 — *Nebel J., Nebel N.* Die CEO-Bewerbung. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2013.
- Obermair 2010 — *Obermair P.* Warum es jetzt mit dem neuen Job zu 99 % klappt... Aachen: Shaker Media, 2010.
- Rottmann 2008 — *Rottmann V. S.* Legale Bewerbungstricks. Regensburg: Walhalla Fachverlag, 2008.
- Püttjer, Schnierda 2014 — *Püttjer C., Schnierda U.* Das große Bewerbungshandbuch. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2014.

ZUSAMMENFASSUNG

Impression management im Diskurs der deutschen Bewerbungsratgeber

Im vorliegenden Artikel wird mittels einer diskurslinguistischen Analyse ein spezifisches Diskursfragment, das der Bewerbungsratgeber thematisiert. Dem Diskursfragment liegt ein Textkorpus aus neuen Ratgebern in Druckmedien zum Thema Bewerbung zugrunde. Die Ratgeber repräsentieren aktuelles Wissen zu diesem gesellschaftsrelevanten Thema in Form von situationsspezifischen Regeln, Interaktionsnormen, Deutungs- und Handlungsmustern. Der Fokus der Analyse wird auf Techniken der Eindruckssteuerung (Impression Management) für Bewerbungsunterlagen gelegt. Den Ausgangspunkt bildet die These, dass der Diskurs der Bewerbungsratgeber eine Fülle von Impression Management-Techniken für Bewerbungsunterlagen erörtert und den ratsuchenden Rezipienten kommuniziert.

РЕЦЕНЗИИ

Л. И. ГРИШАЕВА

(Воронежский государственный университет)

В ФОКУСЕ ОБСУЖДЕНИЯ — ПЕРИФЕРИЙНЫЕ (?) ВОПРОСЫ

В. Д. Девкин. Очерки по лексикологии / отв. ред. И. П. Амзаракова, С. В. Буренкова; под общ. ред. И. П. Амзараковой. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2015. — 192 с.

Поводом для интересных во всех отношениях публикаций по актуальным проблемам нередко становятся печальные события, как в случае появления книги В. Д. Девкина «Очерки по лексикологии». Эта книга появилась благодаря усилиям учеников профессора Девкина уже после смерти Валентина Дмитриевича на основе рукописи, «которая задумывалась автором как дополнительное пособие по лексикологии для студентов-германистов» (с. 2, аннотация к изданию). В этом контексте необходимо упомянуть, что рецензируемая публикация — второе издание после выхода в свет книги «Язык и юмор» (Абакан, 2015), подготовленной из наследия недавно ушедшего от нас В. Д. Девкина его учениками.

Труды В. Д. Девкина, естественно, не нуждаются в особом представлении, поскольку вклад Валентина Дмитриевича в германистику бесспорен и высоко ценим как лингвистами-теоретиками, проявляющими специальный научный интерес к разным лингвистическим вопросам, так и преподавателями немецкого языка, имеющими дело с разными категориями изучающих немецкий язык. Для лексикологов и лексикографов труды В. Д. Девкина имеют особое значение, поскольку именно названные лингвистические области были излюбленными сферами научных изысканий германиста, многие труды которого стали поистине классическими не только для нескольких поколений отечественных германистов, но и для германистов других культурных пространств.

Рецензируемая монография посвящена «интересным, но малоизученным вопросам, касающимся лексики немецкого языка, но в силу их периферийного характера не вошедшим в традиционные учебники по лексикологии», отмечается в предисловии от редакторов издания (с. 5—6). Обозначенный фокус исследования редакторы

поясняют описанием методики работы над языковым материалом, которую исповедовал В. Д. Девкин, видевший в рутинном лингвистическом каждодневном труде смысл и радость творчества: «фиксация, коллекционирование, анализ слов и выражений, описание и обобщение сути языковых и речевых фактов, лексикографирование разнообразных номинаций и <...> умелое применение найденных примеров в практике преподавания иностранных языков» (с. 5).

Содержательно обсуждаемая в рецензируемой книге проблематика максимально полно отражается оглавлением (с. 3—4). В книге 11 глав, каждая из которых фокусирует внимание читателя на определенной проблематике, а также «Заключение» (с. 181), «Библиографический список» (с. 182—191) и «Предисловие» (с. 7—8), написанное В. Д. Девкиным еще в марте 2006 г. Совокупное многоаспектное рассмотрение проблематики, подчинённой многоаспектному описанию «иррегулярности, отходу следованию того или иного явления его основному правилу» (с. 7), позволяет не только соотносить друг с другом известное и неизвестное, функцию и средства ее реализации, грамматическое и лексическое, нормативное и окказиональное, нейтральное и стилистически маркированное, но и проследить разнообразные способы обогащения немецкого языка, выявляемые под тем или иным углом зрения: «Межуровневые отношения» (с. 9—22), «Метакоммуникация» (с. 23—36), «Взаимозамена противоположных функций» (с. 37—45), «Прагматика» (с. 46—56), «Усиление» (с. 57—64), «Внеденотатная информативность слова» (с. 65—95), «Порождение денотативных и коннотативных значений формальными средствами» (с. 96—111), «Асимметрия типа “старое понятие — новое имя”» (с. 112—138), «Иррегулярность в словообразовании» (с. 139—159), «Рекурсивность в эволюции лексических единиц» (с. 160—167), «Языковые парадоксы» (с. 168—180) — вот беглое перечисление вопросов, в изучение которых читатель с удовольствием погрузится, так как интересные теоретические комментарии сопровождаются яркими примерами, еще не введенными в научный оборот или введенными в научное описание В. Д. Девкиным до настоящей публикации. Содержание пяти глав довольно детально членится по аспектам анализа; по сравнению с этими главами две другие содержательно более однородны. Пять глав автор не расчленяет на более мелкие разделы.

Уже только перечисление разделов книги подсказывает читателю, что необычными будут не только примеры, иллюстрирующие анализируемые закономерности, но и обобщения, формулируемые исследователем в качестве результата рассмотрения наблюдаемых в языке явлений. Подчеркивая «пестроту и разнохарактерность затронутых в книге явлений и фактов» (с. 181), автор помогает читателю найти то общее, что их объединяет — „Sie tanzen alle aus der Reihe“. «Они несколько нарушают равномерность, стройность и строгость правил, предлагаемых системой языка, но при этом они

не полная аномалия, не единичные необъединимые разрозненные мелочи. <...> Нарушение ими тотальности правил, прямолинейности и исключительной магистральности функции нельзя сбрасывать со счетов при рассмотрении самых обязательных регулярных центральных категорий» (с. 181). В. Д. Девкин предлагает объединить описанные языковые средства в качестве проявления в разных сферах использования языка аметрии. Данное обозначение используется В. Д. Девкиным как отражающее существо описанного (с. 181), поскольку аметрия связана с неравномерностью, диспропорциональностью, с отклонением от равномерности.

Аметрия как новое для языкознания понятие, скорее всего, не может не получить у лингвистов поддержки, хотя сам В. Д. Девкин в этом отношении крайне осторожен: «Цель книги не в навязывании лингвистам нового понятия, которое кому-то покажется абракадаброй, а в привлечении внимания к той стороне языка, которая незаслуженно оказалась периферийной, а в действительности достойна большего внимания» (с. 181). Причиной этого является, с одной стороны, то, что тщательное знакомство с практикой использования языка как средства познания и коммуникации убедительно свидетельствует о весьма богатом эмпирическом материале на всех уровнях языка, иллюстрирующем реальность выявленной В. Д. Девкиным закономерности. Так, например, аметрия как категория познания позволяет объяснить отнюдь не единичные факты развития вторичных и/или третичных функций грамматических категорий из нечастотных в определенный период развития языка способов функционирования грамматических форм, развитие омонимов, появление и поддержание в языке крайне разветвленной полисемии, случаев идиоматизации, появление прецедентных феноменов и закрепление их «специализации» на решение определенных когнитивных и коммуникативных задач, а также многие другие явления, не получившие до сих пор объяснения. С другой стороны, предлагаемое понятие можно использовать при раскрытии сущности процессов порождения в дискурсе не только новых смыслов, но и новых коммуникативных единиц и/или языковых форм со специфическим функциональным потенциалом. Сказанное можно иллюстрировать, например, отсылкой к тому, как В. Д. Девкин описывает образование «структурно более простых слов от более сложных образований, возникших, минуя промежуточные стадии, непосредственно из многокомпонентных конструкций» (с. 164): *Ärger — sich ärgern, Erwerb — erwerben — Opfer — opfern, schlicht — schlichten, schwül — schweelen, zahm — zähmen, Großmut — großmütig, Missmut — missmutig, Doppelsinn — doppelsinnig* и др., сопоставляя приведенные единицы с иной словообразовательной моделью, для которых свойственны совсем другие словообразовательные закономерности.

Сделанное В. Д. Девкиным обобщение относительно аметрии имеет тем более важное для лингвистики значение, что формули-

рование языковых закономерностей весьма часто сопровождается списком более или менее регулярных исключений, не подпадающих под действие выявленных в той или иной степени устойчивых связей и/или релевантных корреляций между формой, содержанием, функцией, способами, условиями проявления последней и средствами ее реализации. Между тем вряд ли абсолютно все исключения не могут быть совершенно уникальными и в принципе необъяснимыми. Поэтому столь ценны наблюдения автора книги, который прослеживает закономерные связи в крайне разнородном эмпирическом материале.

Кроме того, обсуждаемое обобщение — амертия — интересно и потому, что оно иллюстрируется разнородным языковым материалом, сопровождаемым точным и легко запоминающимся комментарием. Так, в главе «Языковые парадоксы» обсуждение явлений языка, подпадающих под аметрию, начинается с анализа случаев алогичного правописания. При этом В. Д. Девкин подчеркивает: «Объяснение алогичности дают экскурсы в историю, сравнение с иностранными языками <...> обращение к языковой политике и нормализаторской деятельности, могущей иногда предписывать то, что в целях унификации, упрощения или, наоборот, антикваризации традиционного смещает привычные представления» (с. 168) — и приводит многочисленные примеры (с. 168—170). Характерно, что редакторы этого издания снабжают орфографически парадоксальные примеры, анализируемые В. Д. Девкиным, комментарием относительно актуальных сегодня правил правописания (см. примечание на с. 169). Это чрезвычайно полезно и вместе с тем информативно для студентов-германистов, обучающихся сегодня на языковых факультетах, для которых современные нормы являются единственно возможными до тех пор, пока они не начали изучать историю немецкого языка.

В приведенном контексте показательной может стать следующая цитата из предисловия, подготовленного В. Д. Девкиным к своей книге: «Отклонения и своеобразные аномалии живучи, в известной мере частотны, объективно также неизбежны, как сами правила. От них нельзя просто отмахнуться, они требуют осмысления. Их знание помогает проникнуть в глубь языковых явлений, понять суть системных и речевых характеристик, соединить их с проблемностью универсалий и осознанно определить их место в строе конкретного языка. Профилактика ошибок зависит от понимания их логики и порядка отступления от логики. В этом прикладная сторона предлагаемой работы, которая к тому же должна быть и в том, чтобы углубить практическое владение языком, тоньше чувствовать его ткань, познакомиться с явлениями, которые не всегда четко вырисовываются и не лежат на поверхности» (с. 8).

Богато иллюстрирован живым языковым материалом обсуждаемый раздел анализа парадоксов в грамматике (с. 170—173), в обла-

сти этикета (с. 173), в словообразовании (с. 173—175), лексико-семантической сфере (с. 175—176), этимологии (с. 176—177), фразеологии (с. 177), ономастике (с. 178—179), топонимике (с. 179—180). Очевидно, что подобный способ изложения результатов длительного и многоаспектного комплексного исследования, вне всякого сомнения, весьма полезен будущим германистам, поскольку приучает последних пристально вглядываться и в форму, и в содержание, и в функцию любого языкового средства, независимо от его лингвистической паспортизации. А так как все приводимые в книге примеры очень яркие, нетривиальные, они тесно связываются в памяти читателя с изучаемыми закономерностями и в силу этого становятся своего рода маркерами соответствующих явлений. Это вполне в духе замысла В. Д. Девкина: «Предлагаемое пособие мыслится как дополнение к имеющейся грамматической и лексикологической литературе (учебной и научной). Оно может составить материал спецкурса или спецсеминара филологического или чисто языкового факультета, дополнить курс лекций преподавателей, помочь аспирантам овладеть теорией современного языка, послужить импульсом при написании дипломных и курсовых работ, для занятий в студенческом научном обществе, для научно-исследовательской и учебно-исследовательской работы студентов» (с. 8).

Проблематику, обсуждаемую на страницах этой книги, с полным правом можно охарактеризовать как анализируемую с междисциплинарных позиций. Чтобы в этом убедиться, читателю достаточно ознакомиться с содержательной структурой отдельных глав. Так, в главе «Межуровневые отношения» рассматриваются такие вопросы, как «Связи и переключения разных лингвистических уровней» (с. 9—15) и «Взаимодействие кинетического кода с вербальным» (с. 15—22), причем теоретический комментарий содержит ссылки на специальную литературу, в том числе и на теории, отвергнутые языковедами на том или ином этапе развития лингвистики, с объяснением причин такого решения. Это, вне всякого сомнения, способствует формированию и совершенствованию лингвистической компетенции студентов-германистов, с одной стороны. С другой стороны, подобный способ сообщения лингвистически релевантной информации раскрывает логику развития лингвистической мысли. К тому же В. Д. Девкин невольно обращает внимание студентов-германистов на источники, которые сейчас, как правило, не попадают в список обязательной или факультативной литературы в специальных и элективных курсах, а также в списки литературы в курсовых и дипломных работах; поэтому преемственность лингвистической мысли, явственно ощущаемая в рецензируемой книге, становится явной и для начинающих исследователей.

Целесообразно подчеркнуть и значимость для исследования немецкого, а также других языков проблематики главы «Метакоммуникация», поскольку соответствующие общие и частные вопросы

стали в последние годы предметом довольно острых дискуссий не только в переводоведении, теории межкультурной коммуникации или теории текста, но и в лингводидактике. В этой главе В. Д. Девкин рассуждает о таких аспектах проблемы, как «Понятие метакоммуникации» (с. 23—27), «Преимущественно метакоммуникативные высказывания» (с. 27—28), «Иницирующие метакоммуникативные высказывания» (с. 28—29), «Интенциональные метакоммуникативные высказывания» (с. 29), «Степень важности метакоммуникативных высказываний» (с. 30—33), «Псевдометакоммуникативные высказывания» (с. 33), «Частные разновидности метакоммуникативных высказываний» (с. 33—36). Ценным в этой главе является погружение анализируемых метакоммуникативных высказываний в более или менее детально описываемый коммуникативный контекст, что особенно важно для изучающих иностранный язык, поскольку таким образом шлифуется так называемое чувство языка.

Предметом анализа в главе «Усиление» также становятся отдельные вопросы, решение которых требует обращения к разным группам закономерностей: «Усиление признака как элемента лексической семантики» (с. 57—59), «Повышение коммуникативного веса» (с. 60), «Подчеркивание модальных и прагматических установок» (с. 60—62), «Усиление и отрицание» (с. 62—64). Интересно отметить, что примеры, представляемые в данной главе, как правило, сопровождаются трактовкой/синонимичным/изофункциональным выражением, что весьма полезно и для студентов-германистов, и для начинающих преподавателей немецкого языка.

Глава «Внеденотативная информативность слова» погружает лексическую семантику в разветвленную систему разнородных содержательных связей, значимость которых не всегда можно легко и корректно распознать для подавляющего большинства носителей языка, для которых немецкий не является родным: «Типы соотношения референтов и номинации» (с. 65—70), «Эстетическая и регистровая информация» (с. 70—82), «Информация, касающаяся престижа» (с. 82—85), «Этическая информация» (с. 85—89), «Веритивная информация» (с. 89—92), «Этимологическая информация» (с. 92—93), «Виды внеденотативно осложненных слов» (с. 94—95). Важно подчеркнуть, что в этой главе немецкие примеры присутствуют наравне с англоязычными и русскими. Поэтому имплицитное и эксплицитное сравнение эмпирики, иллюстрирующей анализируемые лингвистические и коммуникативно-прагматические закономерности, не только весьма уместно в обозначенном выше теоретическом контексте, но и дидактически значимо.

Глава «Порождение денотативных и коннотативных значений формальными средствами» посвящена изучению факторов, детально обсуждаемых на занятиях по лексикологии, однако здесь В. Д. Девкин уделяет внимание таким факторам, которые по вполне понятным причинам довольно редко оказываются предметом специально-

го рассмотрения в аудитории: «Буквенные обозначения» (с. 97—103), «Звуковая форма» (с. 104—106), «Количественные факторы» (с. 106—108), «Словесное ударение» (с. 108—109), «Грамматическая форма» (с. 109—111). Как и другие главы, эта богато иллюстрирована, в том числе и такими примерами, которые нередко практически не доступны изучающему иностранный язык в другой языковой среде, — для владения соответствующим языковым материалом необходимы постоянные контакты с разными носителями языка в языковой среде.

Глава «Иррегулярность в словообразовании» имеет три раздела: «Нарушение регулярности в словообразовании» (с. 139—141), «Лексикализация» (с. 142—147), «Паронимическое слово- и фразообразование» (с. 147—159).

Обзор содержания рецензируемой книги, таким образом, убеждает, что столь широкий охват эмпирического материала и его высокая степень гетерогенности являются результатом целенаправленного отбора исследователем: «Описание маргиналий можно провести по каждому языковому уровню, по частям речи, по лексическим и грамматическим объединениям и по проблемам. В настоящей работе избрано последнее» (с. 8). Свои обобщения В. Д. Девкин формулирует через тщательный анализ и анекдотов, и фразеологизмов, и прибауток, и оговорок, и детских считалок, и примеров игры слов, и примеров использования языка в быту; например, современные пуристические примеры: *Regierung* — *Hordigob*, *Saison* — *Dazeit*, *Tonfall* — *Belaut*, *Tunnel* — *Fäpfchen* (с. 129). Права «лингвистического гражданства» в лингвистическом исследовании В. Д. Девкин предоставляет, таким образом, абсолютно всем языковым средствам — независимо от их статуса, стилистической характеристики, функционального потенциала, длительности употребления в языковой культуре, семантики и т. д.; главное, чтобы их можно было бы охарактеризовать как иррегулярные (с. 7). Сам В. Д. Девкин объясняет свое довольно необычное для обычно строгого лингвистического отбора решение так: «Исключения и отступления хорошо известны любому сталкивающимся с языковой закономерностью. Однако до сих пор нет работ по обобщению маргиналий с поисками объединяющего их начала, если не считать теории фразеологии и ортологии (теории ошибок). Между тем нарушение симметричности отношений, отход от регулярности функций, их особые связи, взаимопереплетения, вплоть до взаимозамены, представляют как теоретический, так и практический интерес. В них отражаются закономерности языковой системы и их реализации в речи, подчас очень неожиданные, причудливые, капризно идиоматичные, но в конечном счете не экзотичные, не единичные» (с. 7).

Завершая знакомство с очерками В. Д. Девкина, требуется подчеркнуть, что многие яркие и запоминающиеся примеры, столь тщательно подобранные автором в течение ряда лет, окказиональны и, выражаясь иначе, вышли из активного употребления носите-

лей языка. Между тем объяснительная сила комментариев к таким примерам, очевидно, нисколько не утрачена на сегодняшний день и еще долго не будет утрачена, поскольку лингвистически значимые комментарии сопроводятся в книге коммуникативно-прагматическими и культурологическими. Это позволяет читателю понять, средствами решения каких коммуникативных и когнитивных задач следует признать описываемое выражение и/или отдельную единицу. К тому же усвоение столь разнородного языкового материала — пусть и несколько устаревшего и/или выходящего из активного употребления — способствует формированию и совершенствованию чувства языка, а также выстраивает своего рода мостик между разными фазами развития одного и того же языка.

Хотелось бы заметить также то, что основной текст сопровождается довольно многочисленными комментариями теоретического характера, раскрывающими суть той или иной обсуждаемой проблемы и/или суть расхождений в толковании некоторого явления разными исследователями. Интересно и в человеческом плане то, что В. Д. Девкин активно использует результаты исследования своих учеников, идеями для публикаций которых Валентин Дмитриевич так щедро делился. И хотя подавляющее большинство научных публикаций, на которые ссылается В. Д. Девкин, вышли в 1960—1980-е гг., они не утратили свою значимость во всех отношениях. Нет сомнения в том, что при подготовке этой книги к изданию В. Д. Девкин пополнил бы свои научные комментарии ссылками на новейшие публикации по изучаемой проблематике, если бы ему было на это отпущено время. Однако для аспирантов и начинающих преподавателей знакомство с научной литературой из другого периода становления лингвистической мысли, безусловно, чрезвычайно полезно, так как позволяет, во-первых, проследить логику развития той или иной лингвистической теории, во-вторых, распознавать тенденции развития и совершенствования методов лингвистического анализа, в-третьих, выявить характер изменений в принципах отбора разнородных языковых средств в качестве иллюстративного материала и в способах иллюстрирования выявляемых тенденций, в-четвертых, определить изменения в постановке проблемы и т. д.

Книга В. Д. Девкина «Очерки по лексикологии» интересна и тем, что она, с одной стороны, в некотором смысле подводит итог рассуждениям Валентина Дмитриевича, выстраивая своего рода мостик между его трудами начального и завершающего периодов его научного творчества, демонстрируя оригинальность его взглядов на функционирование языка, пристальное внимание к разнообразным языковым курьезам, к юмору и смеховой культуре, отличающих его и как яркого человека, и как глубокого исследователя языковых закономерностей. С другой стороны, эта же книга намечает перспективы лингвистического анализа с помощью нового инструмента познания — аметрии.

Наконец, книга интересна и тем, что она представляет собой выдающуюся, организованную по разным принципам коллекцию такого языкового материала, который весьма редко, если вообще, попадает в студенческую аудиторию. И в этом смысле этот языковой материал показывает немецкий язык с неожиданного для многих его изучающих ракурса. В этом и ценность книги, и объяснение мозаичности композиции — благодаря последней общая картина, складывающаяся из отдельных фрагментов разного размера, формы и материала с различными свойствами, проявляется только на некотором расстоянии, единство замысла становится очевидным только через осмысление связей между разновеликими фрагментами.

И хотя эта книга адресуется и автором, и его учениками, подготовившими издание к публикации, прежде всего студентам-германистам и аспирантам, а также переводчикам и учителям, она будет интересна и полезна также любому носителю немецкого языка, в том числе и тем, кто хотел бы отдохнуть в конце рабочей недели.

Н. И. РАХМАНОВА

(Московский государственный лингвистический университет)

Dmitrij Dobrovolskij. Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik. Studien zum Thesaurus deutscher Idiome. 2., aktualisierte und erweiterte Auflage. Tübingen: Stauffenburg Verlag GmbH, 2016. — 399 S.

Монография Д. О. Добровольского дает возможность ознакомиться с очередным этапом его многогранной научной и практической деятельности. Не претендуя на то, чтобы в рамках одной рецензии охватить весь комплекс проблем, затрагиваемых в работе, остановимся на том, что показалось наиболее существенным и оригинальным.

Как в области фразеологии, так и в лексикографической практике, несмотря на накопленный десятилетиями опыт, существует большое количество нерешенных проблем. Дмитрий Олегович, много лет плодотворно занимаясь вопросами фразеологии и лексикографии, продолжает искать новые пути совершенствования теории и практики. В его рассуждениях не может не imponировать отсутствие претензии на окончательность решения поставленных проблем. Автор задает себе и читателю вопросы, ответы на которые даются в последующих рассуждениях, а иногда остаются открытыми. Каждому, кто знакомится с его книгой, она может дать импульс к самым неожиданным и смелым разработкам. Еще одно достоинство монографии — широта охвата лингвистических проблем как фундаментального, так и более частного характера.

Работа Дмитрия Олеговича, затрагивая широкий круг теоретических вопросов, имеет вместе с тем и практическую направленность. Читателю предлагается описание экспериментов, о которых речь пойдет позднее.

Признавая огромную значимость достижений в сфере разработки фразеологии предыдущих этапов (труды таких исследователей, как Х. Бургер, И. И. Чернышева, А. Д. Райхштейн, В. Н. Телия, В. Фляйшер, В. М. Мокиенко и многих других), Дмитрий Олегович полагает, что традиционное толкование фразеологии и, в частности, идиоматики не удовлетворяет современным потребностям, в первую очередь лексикографическим. Когнитивный подход в опре-

делении статуса идиомы оказывается релевантным для выделения идиоматики в особый класс, позволяющий создать или приблизиться к созданию тезауруса идиоматики, своего рода лингвистического аналога картины мира. Создание такого тезауруса предполагает организацию идиом на основе моделирования семантических отношений между ними.

Сам термин «идиома» трактуется в ключе теории прототипов: идиома представляет собой ядро фразеологии, поскольку в оппозиции к другим представителям категории фразеологизмов, образующих ее периферию, обладает наиболее ярким категориальным признаком — нерегулярностью (*Irregularität*). В качестве критериев нерегулярности могут выступать семантическая нечленимость, синтаксическая устойчивость, оформление сочетания, наличие уникального компонента, ущербность парадигмы и другие (с. 57), представленные у сочетаний в разной степени и в разных комбинациях. Устанавливается «фамильное сходство» идиом, основывающееся на наличии разных признаков. В отличие от традиционной фразеологии не проводится четкого отграничения от других классов устойчивых сочетаний на основании лишь одного какого-то признака. Основанием для категоризации является набор признаков словосочетания, не обязательно во всем объеме. Идиомы, обладающие «лучшими», т. е. более яркими признаками нерегулярности, оказываются ближе к прототипу.

Проблема создания корпуса идиом связана, с позиций когнитивной лингвистики (далее — КЛ), с вопросом о том, хранятся ли идиомы в памяти человека как готовые единицы. Ссылаясь на результаты многочисленных экспериментов (с. 59—69), автор приходит к выводу, что решение этой проблемы возможно на основе моделирования семантических отношений между идиомами.

Обращаясь к лексикографической практике в разных сферах (с. 72 и сл.), Дмитрий Олегович полагает, что всякий словарь по своему отражает модель мира. Понятие картины мира, восходящее к концепции В. Гумбольдта и активно разрабатываемое в современной лингвистике, определяет когнитивную сущность языка. В ментальном пространстве человека одновременно сосуществуют несколько моделей мира. Одним из важнейших постулатов КЛ является следующий: «язык ориентирован на картину мира — не только в том смысле, что отражает ее, но и в том, что участвует в ее создании» („die Sprache ist „weltmodellbezogen“, nicht nur im Sinne, daß sie die entsprechende Weltperspektive reflektiert, sondern auch in dem Sinne, daß sie sie mit konstruiert“ — с. 80). Новый этап исследований, по сравнению с воззрениями (нео)гумбольдтианства, характеризуется «иной расстановкой акцентов»: методы КЛ позволяют установить семантические закономерности, в том числе выходящие за рамки национально специфического, например, концептуальные метафоры, универсалии в сфере идиоматики.

В сознании человека одновременно могут существовать несколько моделей мира. Это определяется не только различием между языками и культурами, но и динамическим характером картины, ее зависимостью от ментальной стратегии (с. 81). Они могут быть в противоречии и даже исключать друг друга, например, религиозная и научная картина мира, но при этом сосуществовать в сознании. Все они функционируют в когнитивной деятельности человека.

Остановимся на основополагающих принципах создания тезаурусного фразеологического словаря нового типа.

- 1) Для создания тезаурусного словаря идиоматики релевантна языковая картина мира, поскольку лингвистическая семантика не может выйти за рамки нашего восприятия действительности. В центре антропоцентричной языковой модели мира находится «познающий и оценивающий субъект» („das erkennende und wertende Subjekt“) (S. 89). Особое значение придается «наивной» картине мира, для которой, в отличие от научной, важны такие оппозиции, как «свой-чужой», «хороший-плохой», «разрешено-запрещено» и так далее.
- 2) Если традиционные тезаурусные словари строились как ономастиологические, принципом описания материала в которых является «денотат → знак», то с когнитивной точки зрения адекватным следует признать идеографический принцип: «концепт → знак», поскольку лексикон отражает не мир, а наше видение его.
- 3) Идеографическое описание концепта родственно изучению полей, т. е. базируется на методах семасиологии.
- 4) Описание материала должно происходить на основе индуктивного метода.

Лингвокогнитивный подход к семантике идиом основывается на представлении о том, что категоризация базируется не на дистриктивных признаках, а на отношениях сходства. Семантические компоненты единиц приобретают, таким образом, не смысловозначительную функцию, а полеобразующую. Задача лексиколога — создать концептуально-семантические группы идиом. Систематизирующую функцию выполняют дескрипторы (семантические маркеры), приписываемые идиомам. В качестве дескрипторов исследователь считает целесообразным использовать не абстрактные понятия — такие как «предметность», «особенность», — а более конкретные, как «тайна, молчание», «успех», «препятствие» и т. д., которые, по его мнению, в большей мере связаны с психологической реальностью (с. 107). Идиомам приписывается несколько базовых категориальных признаков, например, выражению *jmdm./etw. am/auf dem Hals haben* — дескрипторы „Belastung“, „Mühe“, „Ärger“. Поиски прототипических дескрипторов осуществляются на основе анализа контекстного употребления идиом. Такой подход, на наш взгляд, позволяет определить актуальное значение идиомы.

Синкретичный характер фразеологических концептов, определяющийся, прежде всего, образностью, модифицируемой в конкретном языковом употреблении, приводит автора к обращению к «технике кластеров» (с. 109). Этот прием позволяет распределить языковой материал на таксоны, как, например, «честность, откровенность, открытость, прямота», объединенные набором дескрипторов. Идиомы, попадающие в один таксон по принципу фамильного сходства, обладают, соответственно, более или менее ярко выраженными прототипическими признаками. Описание и классификация идиоматики с помощью таксонов во многом перекликается с теорией семантических полей (с. 125).

Трудность, возникающая при концептуальном структурировании таксона, заключается в том, что они не образуют иерархической структуры, поскольку идиоматика отражает лишь первичный уровень концептуализации. В этой связи целесообразно говорить о «семантических сетях», что позволяет описать случаи не только синонимии, антонимии и т. д., но и отношения ассоциации. Одна и та же единица может оказаться в разных таксонах не только в силу своей многозначности, но и за счет коннотативного компонента в семантике. Пользуясь индуктивным методом и исходя из эмпирических данных, а не заранее заданной схемы, исследователь достигает максимально объективной картины идиоматики. Такой подход, несомненно, дополняет и обогащает лексикографическую теорию и практику.

Вторая часть книги открывается обзором тех теоретических и прикладных сфер, в которых нашли применение идеи, изложенные в предыдущей части (с. 169—170). Отмечая, что создание идиоматического тезауруса по-прежнему остается сложнейшей задачей, требующей огромной исследовательской работы, автор освещает новейшие аспекты исследования идиоматики с позиций КЛ и предлагает примеры практической реализации разработанных теоретических положений.

Выделяются два направления исследования: когнитивно-психологическое и когнитивно-лингвистическое, представленные в работах, к сожалению, фрагментарно. Первое связано с экспериментами, имеющими целью установить процесс ментальной обработки идиом, в частности, например, определением того, какое значение — буквальное или переносное — обрабатывается раньше.

Остановимся подробнее на втором направлении, которым занимается сам Дмитрий Олегович и его коллеги. При лингвокогнитивном подходе уделяется внимание не только семантике идиом, но и их синтаксическим особенностям и парадигматическим отношениям.

Так, рассматривая возможность грамматической трансформации (например, преобразование активной конструкции в пассивную) идиом, автор указывает на то, что она определяется семантикой идиомы, допускающей подобную трансформацию с сохранением ее значения.

Сравнивая традиционные взгляды на идиоматику и когнитивный подход, Дмитрий Олегович выявляет целый ряд принципиальных различий, например, в трактовке метафоры, которая в когнитивном аспекте рассматривается не как языковое явление, а как концепт, закрепленный в идиоме.

Анализируя две идиомы, с традиционной точки зрения считающиеся синонимами, автор указывает на различный характер их общности, что проявляется и в разнице контекстного употребления. Таким образом, речь идет о «квазисинонимии». Объективную картину может дать только исследование корпусов. Наличие полисемии также определяется в конечном счете узусом. Ответить на вопрос, почему это происходит, КЛ не может. Ее задача — вскрыть семантический потенциал идиом с помощью когнитивного моделирования. Установление когнитивных моделей релевантно для полей, и особенно — для идиом со схожей мотивированностью.

Для семантической структуры идиомы не имеют значения такие параметры, как «каузальность», «состояние», «процесс» и т. п. На их основе невозможно создание тезауруса. Для когнитивного описания важны тематические классы или семантические поля. Признаки, по которым они формируются, не универсальны, но обладают системообразующим потенциалом.

Для идиом важна, благодаря особенностям ее семантики, множественность классификаций, т. к. они могут попадать в разные таксоны — таким образом формируется сеть связанных между собой таксонов. Анализ контекстов показывает, какой аспект значения идиомы более стабилен. Если это не удастся выявить, идиома попадает в несколько таксонов. Это же касается и многозначных идиом.

Новое в теории тезауруса то, что в каждом таксоне есть ядро и периферия. Конкретные идиомы в разной степени являются репрезентативными для своего тематического класса.

Задача когнитивной семантики — уделить более пристальное внимание тезаурусам идиом. Это возможно, т. к. важнейшая особенность обработки языковой информации состоит в способности человека организовывать знание в виде схем и сети концептов. В этом смысле адекватная теория тезауруса не является чисто лексикографической задачей, но прежде когнитивно-семантической.

Большой интерес вызывают примеры лексикографической разработки тезауруса. Их в монографии приведено три:

Пример 1 — тезаурус, составленный на материале идиом, обозначающих говорящего, речевой акт и реципиента.

Прототипической категорией «ядра» является «вербальное выражение». Соответствующие идиомы могут выражать разнообразные аспекты вербальной коммуникации: «перспектива говорящего», «характеристика действия», «параметры (акустический, эмоциональный, темпоральный, содержательно-модальный и другие)», «понима-

ние, реагирование (например, быстрое, без подготовки)», «качество говорения (много, беспрерывно)» и так далее.

В качестве иллюстрации приведем небольшой фрагмент тезауруса:

«1.1. характеристика процесса речевого акта

< ... >

1.1.2 эмоционально-акустические параметры

1.1.2.1 не быть в состоянии говорить от волнения, от возбуждения
einen Kloß im Hals haben

→ аспект (непонятно) 2.2.1.1»

(отсылка к соответствующему параметру):

«2.2.1.1 ничего не понимать; не слышать

Bahnhof verstehen

Bohnen in den Ohren haben

auf seinen Ohren sitzen

→ аспект (непонятно) 1.1.2.1»

«1.1.3 темпорально-акустические параметры

1.1.3.1 говорить быстро

reden wie ein Wasserfall

reden ohne Punkt und Komma

reden wie ein Buch»

В то же время три последних выражения находятся в рубрике 1.1.4 «количественные параметры» в пункте 1.1.4.1 «говорить очень много».

Эта краткая (весь тезаурус представлен на двадцати страницах) выдержка дает представление о структуризации материала. Тезаурус снабжен алфавитным указателем лексических составляющих.

Все приведенные идиомы находятся в семантических отношениях друг с другом, что отражает их сходство и различие. Отнесенность какой-либо единицы к разным рубрикам позволяет в полной мере раскрыть ее значение, его образный характер, степень экспрессивности и возможные коннотации. Не вызывает никакого сомнения, что этот интереснейший опыт имеет теоретическое значение как образец моделирования ментального лексикона и практическую ценность для преподавания и перевода.

В Примере 2 верифицируется идея сетевой связи идиом в ментальном лексиконе. Собранные около 400 идиом вербализируют концептуальную сферу «достижение цели» и представлены в виде прототипического сценария, включающего «планы», «трудности и проблемы», «решительность и готовность рисковать», «лень» и даже «настроение». «Узлы» сценария соотносимы с 37 таксонами. Обратимся к небольшому фрагменту этого варианта тезауруса.

«Сцена А» (всего таких сцен 15), «от планов к началу активных действий», включает в себя несколько узлов, например, 1) «планы, намерения, надежды» (*die Weichen stellen, etw. ins Auge fassen, etw. im Hin-*

terkopf haben и др.); 3) «сложные задачи, труднодостижимые цели» (*eine harte Nuss* и др.); 7) «начало активного действия» (например, *der erste Schritt*). Организованные таким образом идиомы предполагают возникновение причинно-следственных связей, поскольку допускают варианты комбинирования, например, (7) следует за (1) или (7) невозможно из-за (3).

Семантическое моделирование такого рода позволяет наряду с парадигматическими отношениями продемонстрировать синтагматические возможности идиом и их текстообразующую роль. Автор справедливо замечает, что таким образом намного легче происходит освоение идиоматики при обучении. Кроме того, этот опыт может послужить экспериментальной моделью компьютерных фразеологических словарей.

Материалом Примера 3 послужил корпус текстов одного интенционально-семантического класса — диалогов, имеющих целью уладить конфликт. Независимо от возраста и характера участников диалогов их дискурсивная структура определяется общей концептуальной моделью, позволяющей выделить целый ряд общих «узлов», для которых характерно употребление говорящими идиом, распределяемых по 22 концептуальным сферам, например, «урегулирование конфликта», «поддержка», «оскорбление», «нарушение социальной нормы», «позитивная оценка» и др. Количество идиом в разных группах варьируется, как и их частотность. Автор обращает внимание на то, что важны не сами по себе статистические данные, а факт того, что концептуальная область «улаживание конфликта» должна доминировать в содержательной структуре диалога исследуемого типа. Этот опыт можно распространить и на другие сферы идиоматики.

Не подлежит сомнению, что многие положения, содержащиеся в работе, открывают интересные перспективы для лексикографической практики в целом — как при создании одноязычных, так и двуязычных словарей. Благодаря применяемым методам Дмитрий Олегович внес существенные уточнения в семантику многих идиом. Большой интерес его исследование может представлять и для контрастной лингвистики. Работа Д. О. Добровольского имеет и неоспоримую дидактическую ценность, поскольку предполагает новый принцип освоения иноязычной идиоматики, основанный на концептуальном сходстве, порождающем ассоциации, что существенно облегчает запоминание соответствующих единиц.

Р. И. БАБАЕВА

(Ивановский государственный университет)

**МОДАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ И ИЛЛОКУТИВНАЯ
САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПРИДАТОЧНОГО
ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

Anna Averina. Partikeln im komplexen Satz: Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätze und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen. Kontrastive Untersuchung am Beispiel der Partikeln ja, doch und denn im Deutschen und ведь /ved'/, же /že/ und вот /vot/ im Russischen. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2015. — 244 S.

О частицах в разных языках написано огромное количество работ, о чем свидетельствует специальное издание библиографического указателя, в котором представлено и прокомментировано 1300 изданий¹. Значительное место в этом длинном списке занимают работы, посвященные немецким частицам, т. к. немецкий язык, по наблюдениям многих ученых, относится к «частицеобильным» языкам. Эту характеристику можно отнести и к русскому языку, о чем свидетельствует большое количество лингвистических работ, посвященных частицам русского языка.

В этой связи кажется почти нереальным найти какие-либо новые аспекты, касающиеся семантики и функционирования частиц, которые бы не освещались в специальной литературе. И все-таки А. В. Авериной удастся отыскать интересный и оригинальный ракурс рассмотрения немецких и русских частиц, который позволяет ей проанализировать рассматриваемые единицы в новой парадигме и прийти к свежим интересным выводам и заключениям.

Основной акцент в книге делается на контрастивном анализе трех немецких и трех русских частиц. Данный подход можно на-

¹ *Partikel-Bibliographie: Internationale Sprachforschung zu Partikeln und Interjektionen* / Hg. v. H. Weydt, K. H. Ehlers. Frankfurt am Main; Berlin; New York: Peter Lang, 1987. 251 S.

звать традиционным, частицы, описываемые в работе, уже анализировались в сравнительном аспекте², но этот ракурс рассмотрения — неиссякаемый источник для лингвистов, т. к. частицы, как правило, не являются буквальными соответствиями, и поэтому для того, чтобы их правильно употреблять и переводить, необходимо понимать все нюансы их семантики и функций и знать типичные контексты. Не случайно, еще несколько лет назад в специальной литературе отмечалось, что иностранцы едва ли могут научиться правильно употреблять немецкие частицы.

В центре внимания А. В. Авериной находятся модальные частицы. Слова данного класса описываются в немецкоязычной литературе под различными названиями: *Abtönungspartikeln*, *Modalpartikeln* и др. Выбор названия *Modalpartikeln* обосновывается концепцией, в которой рассматриваемые слова описываются как элементы модальности, кроме того, предпочтение данного названия соответствует отечественной традиции (данный термин использует А. Т. Кривоносов, который, по словам немецких лингвистов, своими работами в прошлом веке привлек внимание немецких ученых к данному классу слов³, этот термин используется в работах отечественных языковедов, которые рассматривали частицы в своих работах и под руководством которых написано немало диссертаций по данной теме, И. М. Кобозевой, Н. А. Тороповой и др.⁴).

За небольшим исключением⁵, большинство исследователей описывали частицы на уровне простого предложения, в работе же А. В. Авериной объектом исследования являются модальные ча-

² *Ratmayr R.* Die russischen Partikeln als Pragmalexeme. München: Verlag Otto Sagner, 1985. 356 S.; *Орлова С. В.* Сопоставительный анализ семантики немецких частиц *denn*, *doch* и *ja* и их русских переводных эквивалентов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2012. 27 с.; *Ополовникова М. В.* Модальная частица *denn* и проблема ее синонимов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново: ИвГУ, 2004. 20 с.

³ Этот факт отмечается в работах: *Wolski W.* Partikellexikographie: Ein Beitrag zur praktischen Lexikologie. Tübingen: Niemeyer, 1986.; *Blühdorn H.* Marco Coniglio: Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen. (Studia grammatica 73). Berlin: Akademie Verlag, 2011. X, 220 S. [Rezension] // *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. URL: <https://ids-pub.bsz-bw.de/frontdoor/index/index/docId/3161>

⁴ *Кобозева И. М.* Проблема описания частиц в исследованиях 80-х гг. // *Прагматика и семантика*. М.: ИНИОН АН СССР, 1991. С. 147—176; *Баранов А. Н., Кобозева И. М.* Модальные частицы в ответах на вопрос // *Прагматика и проблемы интенциональности* / под ред. Н. Д. Арутюновой. (Сер. «Логический анализ языка»). М.: ИВАН СССР, 1988. С. 45—69; *Торопова Н. А.* Логические частицы и смежные классы слов: учеб. пособие. Иваново: ИвГУ, 1986.

⁵ Например: *Krivososov A. T.* Die Rolle der modalen Partikeln in der kommunikativen Gliederung der Sätze in Bezug auf die Nebensatzglieder // *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung* 18. 1965. S. 487—503.

стицы в придаточном предложении. В качестве основной цели исследовательского проекта указывается: рассмотреть факторы, которые определяют возможность употребления модальных частиц в придаточных предложениях (Faktoren der Legitimierung der Modalpartikeln), а также функции и интерпретацию модальных частиц (Funktionen und Lesarten der Modalpartikeln) в комплексных предложениях с бессоюзной связью, а также в придаточных и сочинительных предложениях (с. 15). Далее уточняется, что все-таки основной акцент делается на описании факторов, которые делают возможным употребление частиц (Faktoren der Lizenzierung), и факторов, влияющих на использование (Faktoren der Verwendung) модальных частиц в придаточных предложениях (с. 16). Использование терминологии, характерной в большей мере для юридического дискурса, — Legitimierung, Lizenzierung, legitimieren, на наш взгляд, несколько затрудняет восприятие материала, т. к. лишает высказанную мысль ясности. Вероятно, оправдание употребления данной терминологии не должно исчерпываться только ссылкой на автора, который употребляет эти термины, так как эти понятия не получили широкого распространения в отечественной лингвистической литературе.

В первой главе рецензируемой книги уточняется место понятия «модальные частицы» среди других смежных (Abtönungspartikeln, Diskurspartikeln), рассматриваются синтаксические и семантические аспекты, связанные с функционированием рассматриваемых модальных частиц, и этимология каждой из анализируемых единиц. Рассматриваемые слова называются грамматическим феноменом, т. к. автор акцентирует внимание на вкладе частиц в формирование модальности предложения и на позиции в предложении. А. В. Аверина обобщает выделяемые в литературе многочисленные функции модальных частиц и указывает, что основными следует считать две — функцию коннектора „kausale und adversative Relationen auf der satzübergreifenden Ebene kodieren“ и функцию средства выражения установок „als modale Elemente die Wahrnehmung der Proposition beeinflussen“, при этом модальным частицам придается статус «господствующего элемента» (Regentia-Status). Автор разделяет мнение ученых, которые отмечали, что исходные характеристики слова, от которого в результате грамматикализации возникла модальная частица, влияют на семантические, синтаксические и прагматические свойства соответствующей модальной частицы. Это положение распространяется как на немецкие, так и на русские частицы. Например, частица *же*, являющаяся непроизводной, всегда примыкает к ударному слову в соответствии с законом Вакернагеля, в то время как производная от соответствующего глагола частица *ведь* может занимать различные позиции в предложении. Для частицы *вот*, ведущей свое происхождение от соответствующего дейктического слова, характерна начальная позиция в предложении, где она может вводить как новую, так и уже известную информацию, что определяется

контекстом. *Ведь* может вносить в смысл высказывания различные оттенки, что также определяется контекстом. При сравнении синтаксических характеристик русских и немецких частиц справедливо подчеркивается, что рассматриваемые языки отличаются закономерностями, связанными с порядком слов: в русском языке расположение слов в предложении зависит в большей мере от коммуникативной перспективы предложения, а в немецком языке определяется фиксированностью места глагола в предложении.

Вторая глава „Faktoren der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen“ посвящена семантическим, грамматическим и коммуникативным особенностям «матричных» и придаточных предложений, в которых возможно употребление модальных частиц. Ключевым понятием для излагаемой концепции является «иллокутивное самостоятельное придаточное предложение», которому и уделяется значительное место в данной главе. Автор подробно рассматривает выделяемые в различных лингвистических работах критерии выявления иллокутивной самостоятельности придаточного предложения, которые базируются на различных аспектах, таких как структура предложения, лексические индикаторы, форма и семантика предложения, средства связи. А. В. Аверина высказывает предположение, что анализируемые в работе модальные частицы могут быть маркерами иллокутивной самостоятельности придаточного предложения.

После обобщения литературы по проблеме и подробного рассмотрения многочисленных примеров в работе дается собственное подробное описание иллокутивной самостоятельности придаточного предложения: „Ein Nebensatz kann als illokutiv selbständig betrachtet werden, wenn die Einbettung von Sprechereinstellungen und subjektiven Bewertungen in solch einen Satz möglich ist. Dieses Merkmal ist für viele Nebensatztypen keine konstante Größe. Es wird vielmehr von Mechanismen der illokutiven Kraft gesteuert, die im Matrixsatz kodiert werden und ihr Potenzial auch auf den Nebensatz ausweiten. Mechanismen der illokutiven Kraft sind wie folgt: Bezug auf den Redemoment, die Einbettung von Modalitätsmarkern, Kodierung der Innenperspektive in der Semantik des Matrixsatzsubjekts oder des Matrixsatzprädikats sowie kontrastives Topik und argumentativer gradueller Verumfokuss“ (с. 196—197). В данном определении иллокутивная самостоятельность придаточного предложения предполагает допустимость в придаточном субъективно-оценочных компонентов и определяется иллокутивной силой главного/«матричного» предложения, которая может проявляться в различных аспектах, например, таких как соотношение с моментом речи, употребление модальных маркеров, наличие перспективы в семантике субъекта или предиката «матричного» предложения и т. д. В данном определении не уточняется, является ли оно универсальным для русского и немецкого языков. В дефиниции указываются и факторы, при которых придаточное предложение

не может быть иллокутивно самостоятельным, например, неполная коммуникативная структура предложения: „Illokutiv selbständig kann kein Satz sein, in dem nur das Thema kodiert wird, denn illokutive Selbständigkeit setzt voraus, dass das Satzgefüge vom kommunikativen Standpunkt aus zweiteilig ist. Auch die Kodierung von Non-Shifters auf der syntaktischen Ebene sowie objektivierte Nachrichtendarstellung von Ereignissen sind mit Modalpartikeln nicht kompatibel“ (с. 195).

Все придаточные предложения на основе признака «иллокутивная самостоятельность придаточного предложения» делятся на три группы, которые определяют структуру второй главы. Первую группу придаточных предложений по указанному признаку образуют придаточные, которые всегда представляют собой несамостоятельные иллокутивные единицы. К ним в работе относятся придаточные места и ограничительные предложения. В придаточных данной группы, по наблюдениям автора, модальные частицы не употребляются.

К группе придаточных, являющихся всегда самостоятельными иллокутивными единицами, относятся уступительные, сравнительные, а также придаточные предложения обстоятельства образа действия. В этих предложениях, по наблюдениям автора, употребляются не все модальные частицы.

Третью группу образуют придаточные предложения, которые могут быть как самостоятельными иллокутивными единицами, так и несамостоятельными. В рамках этой группы рассматривается функционирование модальных частиц в придаточных времени, цели, следствия, условных, инструментальных, изъяснительных и причинных. При детальном рассмотрении функционирования модальных частиц в различных типах придаточных предложений автор приходит к интересным выводам и наблюдениям. Например, рассматриваемые в работе модальные частицы могут употребляться в придаточных времени, если элементы сложного предложения находятся в отношениях *modus: dictum*, в этом случае в предложении наряду с темпоральной семантикой могут иметь место каузальная и concessивная; в то же время русские частицы *ведь* и *же* могут функционировать в придаточных времени только как коннекторы.

Употребление частиц в придаточных предложениях, по наблюдениям автора, возможно при определенных характеристиках главного/«матричного» предложения, например, содержание результативности и определенности в семантике «матричного» предложения несовместимо с появлением модальной частицы в придаточном. На основе этого А. В. Аверина приписывает модальным частицам свойство быть маркером неопределенности (с. 197). Вызывает сомнение целесообразность такого обобщения в отношении всех модальных частиц. Другие характеристики «матричного» предложения, проектируемые на свойства модальной частицы, возражений не вызывают, потому что они совпадают с традиционно отмечаемыми

характеристиками слов данного класса (Marker der Subjektivitätsperspektive, Marker der Intersubjektivitätsperspektive, Shifterphänomene).

Третья глава „Faktoren der Verwendung von Modalpartikeln in Haupt- und Nebensätzen“ посвящена функциям модальных частиц в придаточных предложениях. Автор справедливо замечает, что факторы употребления модальных частиц имеют прагматическую природу. В рамках данной главы функционирование модальных частиц рассматривается на уровне, превышающем границы отдельного предложения. На основе анализа специальной литературы и отдельных примеров автор делает вывод о том, что модальные частицы в составе придаточного предложения влияют на информационную и иллокутивную структуру текста, а при передаче чужой речи служат средством создания аутентичности передаваемого сообщения (с. 213). К сожалению, из выводов к главе не вполне понятно, относятся ли данные положения ко всем рассматриваемым частицам или данные выделенные функции характерны только для отдельных слов.

В четвертой главе „Lesarten von Modalpartikeln“ внимание уделяется описанию двух функций рассматриваемых модальных частиц — выражение установок говорящего („modale Lesart“) и выполнение роли коннектора. В этой главе при описании функций уделяется внимание особенностям конкретных частиц, сравниваются смежные явления в русском и немецком языках.

В рецензируемой книге затрагивается очень широкий круг теоретических вопросов, связанных с употреблением модальных частиц в немецком и русском языках, поэтому некоторые аспекты не получили исчерпывающего освещения и в дальнейшем могут стать предметом специального рассмотрения с привлечением других модальных частиц. При подведении итога можно уверенно сказать, что ожидания, возникшие под влиянием названия книги, при прочтении работы полностью оправдались, вероятно, книга бы выиграла еще больше, если бы в заключении больше внимания было уделено сравнительному описанию рассматриваемых немецких и русских частиц. Автор, увлеченный анализом теоретических вопросов, не всегда соотносит их с заявленными в заглавии частицами. Выказанные критические замечания ни в коей мере не умаляют значимости данного издания, которое представляет собой несомненный вклад в дальнейшее развитие теории частиц.

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА
Ежегодник Российского союза германистов

Том XIV

Корректор О. Круподер
Оригинал-макет подготовлен И. Богатыревой
Художественное оформление переплета О. Максимовой

Подписано в печать 19.09.2017. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Baskerville
Усл. печ. л. 19,5. Тираж 500. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ государственной регистрации 1147746155325
Phone: 8 (495) 624-35-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ООО «ИТДГК «Гнозис»»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10-00 до 19-00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: (499) 255-77-57
itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: (499) 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru
www.gnosisbooks.ru vk.com/gnosisbooks

